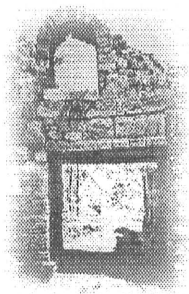

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ УКРАИНЫ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск IX

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ УКРАИНЫ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК
Выпуск IX

СЕВАСТОПОЛЬ
1998

ББК 63(0)3
Х-39

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК.
Выпуск IX.
Сборник научных статей.
Севастополь: Дизайн-студия «КАЛАМО» 1998 - 268 с.

Редакционная коллегия:

М.И. Золотарев, кандидат исторических наук - ответственный редактор

В.А. Мызь, кандидат исторических наук

Г.М. Николаенко, кандидат исторических наук

Рецензенты:

А.И. Айвагин, доктор исторических наук

С.Б. Буиских, кандидат исторических наук

Сборник составлен на основе материалов научной конференции, посвященной 170-и летнему юбилею начала археологического изучения Херсонеса Таврического, прошедшей в Национальном заповеднике в сентябре 1997 года. Представлены исследования и публикации по древней и средневековой археологии и истории Северного Причерноморья от эпохи бронзы до времени турецкого завоевания Крыма. Издание адресовано историкам, археологам, краеведам и всем, кто интересуется древней историей.

Печатается по решению ученого совета Национального заповедника
«Херсонес Таврический»

Издание осуществлено при финансовой поддержке
INTAS и фонда «Возрождение»

ISBN 966-7422-04-6

© Национальный заповедник
«Херсонес Таврический»
© Дизайн-студия «КАЛАМО»

Национальный заповедник «Херсонес Таврический» - один из старейших отечественных археологических музеев. Еще в 1827 году, по распоряжению командующего Черноморским флотом адмирала А. С. Грейга, его подчиненный лейтенант К. Крузе провел первые раскопки в Херсонесе, чем было положено начало археологическому исследованию этого замечательного памятника. Первые 25-30 лет археологических работ в Херсонесе отмечены, по преимуществу, поисками раритетов древнего прикладного искусства. Именно в этот период интенсивно обустраивается военно-морской форпост Российской империи на Черном море - Севастополь, что, несомненно, способствовало рождению живейшего интереса к местным древностям в среде образованного офицерства. Много сил и энергии отдал устройству нового города адмирал Лазарев, ученый и флотоводец. В поле его внимания находились и Херсонес. По указанию адмирала, военные моряки собирали попадавшиеся им предметы старины, которые передавались для создания музея. Иными словами - первые исследования в Херсонесе велись по большей части силами военных моряков, с известным пониманием ценности находимых предметов, но без какого-либо научного обеспечения.

Пионером научных изысканий в Херсонесе стал известный знаток христианских древностей и организатор отечественной археологической науки граф А. С. Уваров. В 1853 году он исследовал одну из самых крупных базилик в северо-восточном районе города, в память об этом получив-

Граф Алексей Сергеевич УВАРОВ
(1828-1884 гг.)

Карл (Николай) Казимирович
КОСЦЮШКО-БАЛАЮЖИНИЧ
(1847-1907 гг.)

шую название «Уваровская базилика».

В дальнейшем, вплоть до 1888 года небольшие по объему раскопки проводит в Херсонесе Одесское общество истории и древностей; затем же руководство херсонесскими раскопками переходит в ведение Императорской археологической комиссии со штаб-квартирой в Санкт-Петербурге. Вскоре во главе раскопок Херсонеса становится энтузиаст науки К. К. Косцюшко-Валюжинич. Материалы по археологическому изучению Херсонеса, накопленные русской наукой к началу нынешнего столетия, получили первую связную интерпретацию в трудах А. А. Бертье-Делагарда, но наиболее значительный вклад в херсонесскую археологию этого периода принадлежит самому К. К. Косцюшко-Валюжиничу. Кара Казимирович не только первым взял за правило вести раскопки Херсонеса широкими площадями, но и основал в 1892 году Склад местных древностей, ставший предтечей государственного научного музея в Херсонесе.

После безвременной смерти К. К. Косцюшко-Валюжинича раскопки Херсонеса осуществлялись под квалифицированным руководством видного эпиграфиста и специалиста в области классических древностей Р. Х. Лопера. Трудами Р. Х. Лопера открыты городские кварталы в Северо-восточном районе Херсонеса, многие погребения херсонесского некрополя. С началом первой мировой войны в Херсонес назначается новый заведующий раскопками - А. А. Моисеев. Заслуга А. А. Моисеева заключается, прежде всего, в том, что ввиходетье первой мировой войны, гражданской войны и революции ему удалось сохранить без потерь все археологические коллекции Херсонеса.

Им же было начато построение Херсонесского музея на новых для той поры принципах.

Не умаляя достоинств предшественников, следует признать, что по-настоящему новое слово в изучении, популяризации и музеефикации херсонесских памятников принадлежит К. Э. Гриневичу. Под его руководством была построена детально-продуманная экспозиция Херсонесского музея, развернутая в зданиях бывшего монастыря.

Под редакцией К. Э. Гриневича увидели свет первые научные и популярные издания музея. Тем самым начата разноплановая и многодезовая издательская дея-

Александр Львович БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД
(1842-1920 гг.)

Василий Васильевич ЛАТЫШЕВ
(1855-1921 гг.)

Роман Христианович ЛЕГЕП
(1865-1918 гг.)

тельность, традиции которой и сегодня успешно продолжает Херсонесский заповедник.

Исследования эллинистических, римских и византийских памятников, расположенных в Северном районе Херсонеса, связаны с именем Г. Д. Белова. В частности, им открыт уникальный древний некрополь Херсонеса, а также основные черты городской застройки для эллинистического и римского времени. Г. Д. Белов сделал ряд удивительных открытий в изучении памятников херсонесского искусства. Среди них замечательная галечная мозаика IV века до н.э., коллекция деталей мраморных саркофагов римского времени с рельефными изображениями мифологических сюжетов и многое другое.

И поныне многие помнят свои личные встречи с С.Ф. Стржелецким - виртуозным мастером полевой археологии. В тяжелые военные годы он сумел эвакуировать в глубокий тыл и сохранить ценнейшие херсонесские коллекции в Свердловске. В послевоенные годы, во многом благодаря раскопкам С.Ф. Стржеleckого, Херсонесский музей становится одним из известнейших научных археологических центров нашей страны. Уникальное открытие хоры античного Херсонеса на Гераклеиском полуострове, богатейшая коллекция античных надгробных памятников - стел, извлеченных из оборонительных сооружений Херсонеса, безукоризненные с методической точки зрения раскопки подземных мавзолеев в округе Херсонеса - вот главные научные достижения С.Ф. Стржеleckого.

Сенсацией в научном мире стало открытие в 1954 году в Херсонесе остатков единственного известного в Северном Причерноморье античного театра. Одаренный искусствовед и археолог О.И. Домбровский более сорока лет отдал изучению этого выдающегося памятника архитектуры. С именем Олега Ивановича тесно связаны современные исследования архитектурных деталей из раскопок античного Херсонеса.

Памятники херсонесской античности плодотворно исследовались многими учеными. В исследовании эпитафического наследия Херсонеса неоценимы заслуги В. В. Латышева. На раскопках в Херсонесе в разные годы трудились В.Ф. Гайдукевич и В.Д. Блаватский, А.Н. Соловьев и А.К. Тахтаи, Н.А. Пя-

Лаврентий Алексеевич МОИСЕЕВ
(1882-1946 гг.)

Константин Эдуардович ГРИНЕВИЧ
(1891-1970 гг.)

Станислав Францевич СТРЖЕЛЕЦКИЙ
(1910-1969 гг.)

тышева и А.М. Гилевич, А.В. Фирсов, выдающийся византинист А.А. Якобсон и многие другие.

Беспримерная плеяда талантливых исследователей своим бескорыстным трудом снискала Херсонесу тот высокий авторитет, благодаря которому он и занимает сейчас достойное место в мировой системе науки о древностях.

В августе - сентябре 1997 года Национальный заповедник «Херсонес Таврический», совместно с Крымским филиалом Института археологии Национальной академии наук Украины и центром сравнительного изучения древних цивилизаций Российской академии наук, организовал и провел научную конференцию на тему: «Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект».

Эта конференция, приуроченная к 170-летию херсонесских раскопок, стала не только взглядом, обращенным вспять, к уже определившимся оценкам выдающихся памятников античности. Она, подобно всем предыдущим встречам, явилась огнем сигнального костра, выводящим на свет многие историко-археологические сюжеты, неизвестные прежде.

Ученые - античники из России, Украины, Болгарии, Румынии, Польши, США посвятили свои доклады актуальным вопросам изучения древнего Херсонеса и некоторых других памятников Северного Причерноморья*.

Материалы юбилейной конференции составили основу настоящего, IX выпуска «Херсонесского сборника», предлагаемого вниманию читателей.

М.И. Золотарев

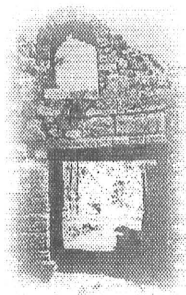
Григорий Дмитриевич БЕЛОВ
(1898-1979 гг.)

Олег Иванович ДОМБРОВСКИЙ
(1914-1994 гг.)

* «Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции». Севастополь, 1997.

I
ПАМЯТНИКИ РАННЕГО
ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

ПОСЕЛЕНИЕ ПОЗДНЕГО ЭТАПА КИЗИЛ-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАРАНЬ-2

Поздние памятники кизил-кобинской культуры (далее сокращенно ККК) IV - начала III вв. до н.э. (далее все даты до н.э.) относительно хорошо известны в Юго - Западном Крыму.¹ Однако, результаты боль-

шинства археологических исследований пока опубликованы не в полной мере, поэтому материалы одного из КК поселений - Карань-2 - представляюют, на наш взгляд, несомненный интерес.

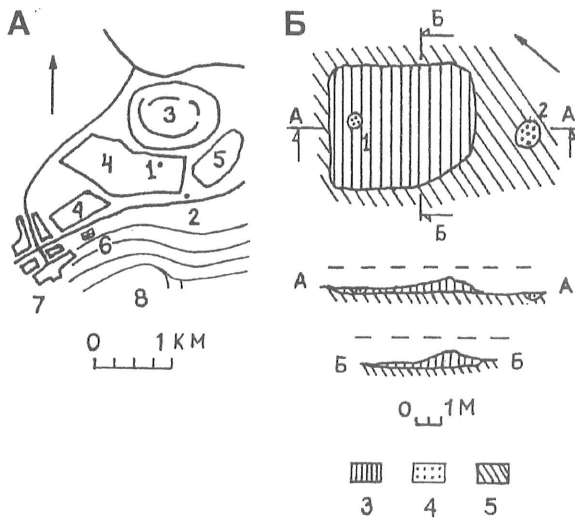

Рис. 1.

- А. Схематический план расположения поселения Карань-2.
- 1- Поселение эпохи средней бронзы Карань-1;
 - 2- Поселение Карань-2;
 - 3- Возвышенность, замыкающая с севера Каранскую долину;
 - 4- Виноградники;
 - 5- Заливной луг;
 - 6- Церковь;
 - 7- Поселок Флотское (б. Карань);
 - 8- Высоты Кая-Ваш.

- Б. План полуземлянки и хозяйственных ям поселения Карань-2.
- 1- Хозяйственная яма №1;
 - 2- Хозяйственная яма №2;
 - 3- Заполнение полуземлянки;
 - 4- Заполнение хозяйственных ям;
 - 5- Стерильная глина.

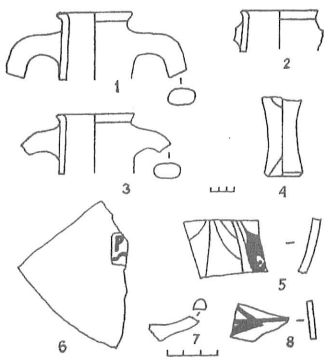

Рис. 2.

Обломки кружалой керамики из поселения Карань-2: 1, 7-8-Заполнение полуземлянки; 2, 6-Подъемный материал.

Данное поселение расположено в 1 км к северо-востоку от церкви с Флотское (быв. Карань) Балаклавского района на восточном склоне Каранской долины (Рис. 1А, 2). В 500 м к северу от поселения Карань-2 на северном склоне этой долины на территории виноградики находится поселение эпохи средней бронзы Карань-1 (Рис. 1А, 1).

Разведки в этой долине проводили А.Н.Соловьев в середине 1920-х годов и С.Ф.Стржецкий в 1953 г.² В фондах Херсонесского музея хранятся фрагменты стенок кубка и горшка с резным орнаментом (Рис. 4, 1, 3) из разведок А.Н.Соловьева. Из описи материалов, собранных А.Н.Соловьевым, известны два орнаментированных обломка стенок от разных сосудов. Орнамент одного из них имел отпечаток «штампа в виде ямочки». Другой обломок был «с орнаментом, нанесенным пером».³ Последний орнамент, по уточнению С.Ф.Стржецкого, был выполнен обрезами птичьего пера и располагался на орнаментальном валике сосуда. С.Ф.Стржецкий в рукописи своей диссертации отмечает здесь находку стенки с рельефным валиком.⁴ Судя по описанию, все перечисленные выше находки керамики могут относиться к эпохе поздней бронзы - раннего железа.

В 1986 г. значительная часть поселения Карань-2 была разрушена строительными работами. Лишь на площади примерно 20

кв. м сохранились остатки культурного слоя мощностью от 0,05 до 0,5 м.

Зачистка этого слоя выявила часть прямоугольной полуземлянки с округленными углами. Ее пол был углублен в материковую стерильную глину на глубину 0,2 м от уровня сохранившейся поверхности. Полуземлянка имеет сохранившиеся размеры 4 x 5 м и ориентирована своей длинной стороной по линии СЗ-ЮВ (Рис. 1Б).

Котлован полуземлянки был заполнен бурой глиной и серым суглинком с включениями мелких кусочков древесного угля. На глиняном полу с юго-западной стороны, а также у восточного угла полуземлянки зафиксирована прослойка гари толщиной 0,02 м, возможно от части какой-то деревянной конструкции. На расстоянии 1 м от северо-западной стены примерно посередине котлована полуземлянки в ее заполнении была зачищена яма № 1. Данная яма диаметром 0,5 м при сохранившейся глубине 0,3 м была заполнена серым зольистым суглинком, не содержащим археологического материала.

В полутора метрах от юго-восточной стороны полуземлянки были зачищены остатки хозяйственной ямы № 2. Эта яма, размером 1,0 x 1,3 м, имела овальную форму. Ее дно было впущено в материковую глину на 0,05 м глубже, чем пол полуземлянки. В этой яме были найдены обломки стенок и ручка гераклеийской амфоры, фрагмент стенки чернолощеного лепного сосуда с ребричатым орнаментом и кремневое орудие (Рис. 6, 5).

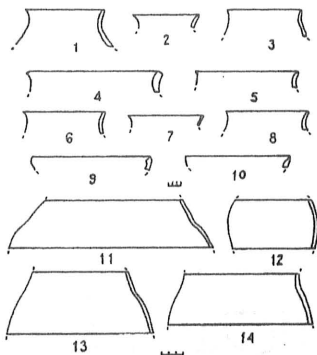

Рис. 3.

Лепная керамика из заполнения полуземлянки поселения Карань-2.

На глиняном полу полуземлянки были найдены: 1) часть венчика и горла гераклейской амфоры (Рис. 2, 1) относящаяся, вероятно, к III типу (протофасосским) по классификации И.Б.Брашинского и датируемая второй - началом последней четверти IV в.; 2) фрагменты венчика и дна кухонного горшка с грубой внешней поверхностью серого цвета; 3) мелкие кости животных.

В заполнении полуземлянки найдены обломки амфор и кружалной столовой посуды.⁶ Наибольшим количеством обломков представлены амфоры Гераклеи - 37 фрагментов. Из них 6 профильных частей и 31 стенка. Остальные находки принадлежат амфорам следующих центров: Фасос - 9 обломков стенок, Хис - 6, Лесбос и Синопа по 2 обломка и «круга Фасоса» - 1 обломок. Кроме того, здесь были найдены: обломок ручки чернолакового аттического кляника (Рис. 2, 7), стенка ионийского столового сосуда и глиняное биконическое приращие (Рис. 6, 9). Обломок ионийского сосуда орнаментирован линиями, выполненными жидким лаком оранжевого цвета (Рис. 2, 8). Подоб-

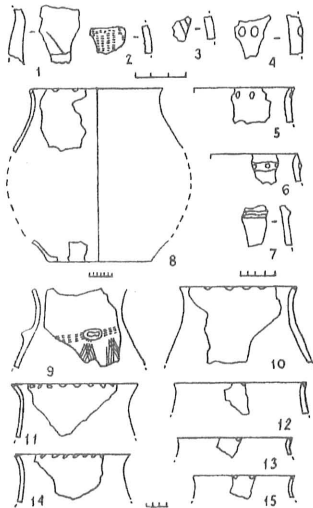

Рис.4.

Лепная керамика Каранской долины (1,3) и поселения

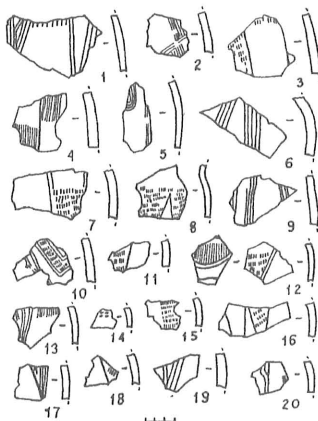

Рис.5.

Лепная керамика с гребенчатым орнаментом поселения Карань-2: 1-4,11,19-Подземный материал; 5-10,12-18,20-Заполнение полуземлянки.

ные сосуды известны в культурном слое Херсонеса первой половины IV в.⁷

В подъемном материале (в отвале культурного слоя, снесенного бульдозером) были найдены обломки гераклейских амфор, один обломок стенки лесбосской амфоры и фрагмент стенки краснофигурного сосуда. К гераклейским амфорам относятся два обломка венчиков с частью ручек и одна ножка. Оба венчика (Рис. 2, 2-3) принадлежали, скорее всего, амфорам описанного выше III типа, а обломок ножки - амфоре типа I A (Рис. 2, 4) второй четверти - середины IV в.⁸ На одном обломке стенки горла гераклейской амфоры сохранилась часть вертикально расположенного клейма в прямоугольной рамке с одним именем, отпущенного ретроградно в две строки [НТ] Ψ[Σ] (Рис. 2, 6). По классификации И.Б.Брашинского данное клеймо относится к первой хронологической группе гераклейских клейм и может датироваться первой - началом второй четверти IV в.⁹

Заслуживает внимания находка в подъемном материале стенки небольшого краснофигурного аттического сосуда (возможно оксибафа или скифоса) второй четверти IV в. (Рис. 2, 5). На ней сохранилась

Рис.6.

Хозяйственные орудия поселения Каранды: 1-3,6-12-Заполнение полуземлянки; 4-Подземный материал; 5-Заполнение хозяйственной ямы № 2; 1-Диорит; 2-8, 10-12-Кремень; 9-Глина.

часть изображения гиматия и округлого предмета с крестообразным орнаментом. Глина обломка желтовато-коричневая с мелкими слюдяными вкраплениями, пережжена. Рисунок выполнен тонким пером и кистью. Лак жидкий с металлическим блеском.

В подземном материале и в остатках культурного слоя данного поселения найдены также обломки лепной керамики и каменные орудия. Эти находки носят относительно однородный характер, что позволяет дать их суммарное описание.

Лепная керамика на поселении представлена обломками закрытых сосудов: горшков, «пифосов», кувшинов, корчаг, и открытых - мисок (Табл. 1).

Категории закрытых форм сосудов были разделены по степени выпуклости тулова и определялись по коэффициенту, представляющему собой частное от деления абсолютного размера диаметра тулова на абсолютный размер диаметра горла сосуда. Коэффициент категории горшков составляет 1,1-

1,3 (слабая выпуклость тулова) при диаметре горла 130-210 мм, «пифосов» - 1,1-1,3, но диаметр их горла составляет не менее 240 мм, кувшинов - 1,4-1,8 (средняя выпуклость тулова), корчаг - не менее 1,9 (сильная выпуклость тулова).¹⁰

К горшкам были отнесены сосуды с отогнутым венчиком (диаметром 140-220 мм), плавно переходящим в округлое тулово, и плоским дном. Как правило, их внешняя поверхность - грубая, черного, серого и бурого цвета.¹¹ Два обломка венчиков крупных сосудов, сходных по форме с горшками, но отличающихся от них более крупными размерами (диаметр венчика 300 и 340 мм), были отнесены к категории сосудов пифидной формы, которую по терминологии С.Ф. Стрелецкого и Х.И. Крис,¹² весьма условно можно назвать «пифосами». Кувшины по выпуклости тулова занимают среднее положение между горшками и корчагами. Как правило, они имеют более вытянутую форму тулова, чем горшки. Наконец, корчаги характеризуются выпуклым туловом и относительно высоким горлом (Рис. 3, 1, 13). Кроме того, были выделены 20 обломков стенок, принадлежащих скорее всего лошечным кувшинам и корчагам (распределить данные стенки по двум последним категориям затруднительно, ввиду фрагментарности материала) с гребенчатым орнаментом (Рис. 4, 9; 5, 1-20).

Категория мисок представлена обломками венчиков диаметром 140 - 320 мм (Рис. 3, 7, 9-10).

Венчики шести горшков (Рис. 4, 10-15) и одного «пифоса» (Рис. 4, 8) украшены вдавленным орнаментом, выполненным пальцами руки гончара или режущей частью какого-то инструмента (Рис. 4, 14). Данный орнамент характерен только для посуды с грубой внешней поверхностью (Табл. 2).

Кувшины и корчаги орнаментированы исключительно гребенчатым орнаментом. Данный орнамент наносился двузубым инструментом (возможно, из кости, раковины или дерева). Орнаментальная композиция располагается на плече и тулове сосудов. Она состоит из горизонтального пояса насечек, идущих по всему периметру основания горла. От этого пояса по плечу и тулову сосуда опускаются треугольники вершиной вниз. Внешние стороны этих треугольников выполнены гребенкой или одним острым режущим инструментом. Их внутренняя площадь либо заштрихована сплошными линиями, либо заполнена прерывистыми насечками, нанесенных гребенкой. Иногда такая композиция дополнена орнамен-

тальным наепом, расположенном на плече сосудов (Рис. 4,9).

Отметим также находку на поселении пяти обломков от разных орнаментированных сосудов, безусловно относящихся к эпохе поздней бронзы.

Один из этих фрагментов (Рис. 4,4) был найден при зачистке заполнения полуземлянки. Он имеет вдавленный орнамент в виде овальных ямок, идущих, вероятно, по плечу сосуда. Край фрагмента окатан, что может свидетельствовать о его случайном попадании в заполнение полуземлянки.

Остальные 4 фрагмента были собраны в отвале культурного слоя в непосредственной близости от полуземлянки. Внешняя чернолощенная поверхность первого фрагмента (Рис. 4,2) украшена наколами, выполненными дузубым штампом. Его внутренняя поверхность оказалась скелота. Второй фрагмент имеет лощеную поверхность бурого цвета с горизонтально расположенным орнаментальным валиком

(Рис. 4,7).

Третий и четвертый фрагменты представлены венчиками двух горшков баночной формы. Один из венчиков диаметром 180 см (Рис. 4,5) орнаментирован в своей верхней части (сразу под закраиной) вдавленным орнаментом. Внешняя поверхность этого сосуда грубая, черного цвета. Венчик другого баночного горшка диаметром 160 см был украшен горизонтальным валиком с вдавлениями (Рис. 4,6). Внешняя поверхность этого фрагмента заглажена, бурого цвета. Для обоих фрагментов характерно рыхлое легко разрушаемое тесто, чем они существенно отличаются от КК посуды, имеющей относительно прочный на излом черепок.

Отмеченные обломки керамики не связаны с поселением Карань-2 и относятся, вероятно, к существовавшему здесь ранее поселению эпохи поздней бронзы. Такая посуда, например с валиковой орнаментацией, изредка встречается в керамических комплексах КК поселений среднего и по-

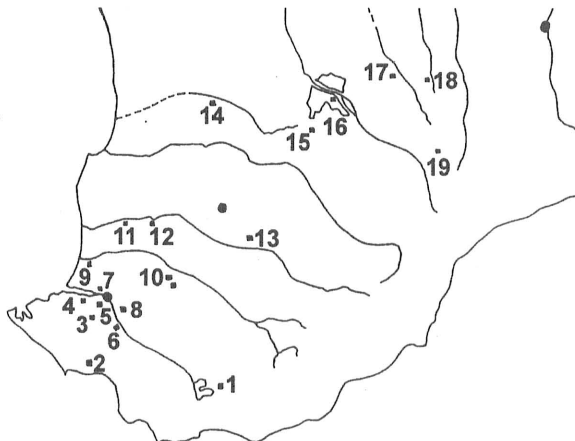

Рис.7.

Карта-схема поселений финального этапа кизил-кобинской культуры.
 1 - Ново-Бобровское; 2 - Карань-2; 3 - "ЖБИ", Сапун-Гора; 4 - Килен-балка; 5 - Октябрьское; 6 - Штурмовое; 7 - Инкерманское 1950 г.; 8 - Сахарная Головка; 9 - Бельбек 1969 г., "4 сектор СОР"; 10 - Кызыл-Кулак-Кая, Замиль-Коба-2; 11 - Суворовка; 12 - Краснозорье; 13 - Кыз-Кермен; 14 - Булаган; 15 - Ягмурча, Змеиный Грот, Таш-Джарган-3, Верхняя Ягмурча, Таш-Джарган у Каиновской балки; 16 - Неаполь; 17 - Дружное-3; 18 - Кош-Коба; 19 - Кизил-Коба.

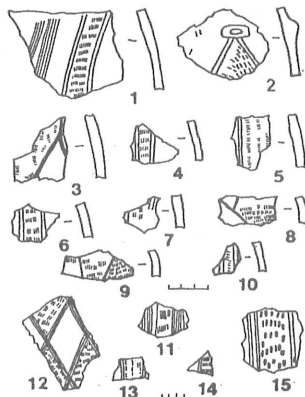

Рис.9.

Лепная керамика с гребенчатым орнаментом из поселений финального этапа кизил-кобинской культуры: 1,4 - Кызыл-Кулак-Кая; 2 - Сахарная Головка; 3,6-10 - Октябрьское; 5 - Краснозорье; 11-12,15 - Замий-Коба-2; 13-14 - Ново-Бобровское.

зднего этапов данной культуры,¹³ а также в античных городах Крыма.¹⁴ Однако, ее бытование в эпоху раннего железа, кроме редких случаев сочетания с резными¹⁵ и гребенчатым орнаментом,¹⁶ нельзя считать безусловно доказанным.¹⁷

Кроме керамики, на поселении Карань-2 были найдены обломки кремневых орудий и кремневые огушпы (Рис. 6, 2-3, 6-8, 11-12). Интересна находка обломка обуховой части топора из диорита с овальным отверстием для рукоятки (Рис. 6, 1). Отметим также находку в подъемном материале зернотерки из диорита зеленого цвета ладьевидной формы. Зернотерка первоначально имела прямоугольную форму с округленными углами, размером 30х15х6 см. От употребления ее центральная рабочая поверхность стала волнутой и отшлифованной. При зачистке заполнения полуземлянки был найден обломок диоритового песта-терочника цилиндрической формы размером 17х6х2 см (Рис. 6, 4). Один край терочника был обломан в древности, а другой имел полусферическую отшлифованную форму.

В заполнении полуземлянки постоянно встречались мелкие кости животных и

полые кости птиц (некоторые из них были обожжены), а также обломки печины - бесформенных кусков глины бурого цвета, возможно, от обмазки стенок полуземлянки.

Обращает на себя внимание факт полного отсутствия в керамическом комплексе этого поселения обломков херсонесских амфор.

Таким образом, судя по имеющимся материалам, время бытования данного жилища и хозяйственной ямы № 2 можно ограничить рамками 2-3 четверти IV в. При этом не исключено, что зафиксированные в подъемном материале обломки клейменной гераклеийской амфоры могут свидетельствовать о начале существования поселения Карань-2 еще в первой четверти IV в.

Некоторые материалы поселения Карань-2 характерны для ряда памятников финального этапа ККК¹⁸ расположенных не только на периферии Гераклеийского полуострова¹⁹, но и в других районах Крыма (Рис. 7-9).

Рис.8.

Лепная керамика с гребенчатым орнаментом из поселений финального этапа кизил-кобинской культуры: 1,4,7,9 - Краснозорье; 2 - Штурмовое; 3 - Змеиный грот; 5 - Суворовка; 6 - Кишен балка; 8 - Ягмурча; 10 - Кизил-Коба; 11 - Кош-Коба.

Таблица 1.

Категории и обработка внешней поверхности сосудов поселения Каргь-2.

Поверхность	Лощеная					Заглаженная					Грубая					Всего	%
	1	4	7	10	13	2	5	8	11	14	3	6	9	12	15		
Кат. Цвет																	
Горшки			1					1								17	32
Пифосы														1		2	4
Кувшины	3		1									2				7	13
Корчаги	1		1													2	4
Миски	2		1			1							1			5	9
Стенки	11		8		1											20	38
Всего	17	12	1			1	1				3	5	8	4	1	53	
%	32	23	2			2	2				6	9	15	7	2		100

Поверхность сосуда:

1-черная лощеная	11-черно-бурая заглаженная	6-серая грубая
2-черная заглаженная	12-черно-бурая грубая	7-бурая лощеная
3-черная грубая	13-серо-бурая лощеная	8-бурая заглаженная
4-серая лощеная	14-серо-бурая заглаженная	9-бурая грубая
5-серая заглаженная	15-серо-бурая грубая	10-черно-бурая лощеная

Таблица 2.

Категории, обработка внешней поверхности и орнамент сосудов.

Поверхность	Лощеная		Грубая		Всего	%
	Кат.Д	Орн.	Гребёнка	Вдавленная		
Горшки				6	6	17
Пифосы				1	1	7
Кувшины			1		1	4
Стенки			21		21	72
Всего			22	7	29	
%			76	24		100

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стржелецкий С.Ф. Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа: (Середина II тыс. - V в. до н. э.). Севастополь, 1951 г. // Архив НЗХТ. Д. № 633. Рукопись диссертации. Д. 53-138; Кагур Н.П., 1963. Археологична карта Инкерманской долины // АП. 1963. Т. XIII. С. 9-11; Лесков А.М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965. С. 43 и сл.; Савеля О.Я. Раскопки и разведки в окрестностях Севастополя // АО 1973 года. М., 1974. С. 338; Он же. К проблеме взаимоотношений Херсонеса Таврического с варварами Юго-Западного Крыма в V-III вв. до н.э. // Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975. Ч. 2. С. 101-102; Николаенко Г.М., Савеля О.Я. Работы на Гераклейском полуострове // АО 1974 года. М., 1975. С. 332; Савеля О.Я. О греко-варварских взаимоотношениях в Юго-Западном Крыму в VI - IV вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 398; Он же. О некоторых вопросах истории тавров // Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII - V в. до н. э.)»: Тез. докл. конф.

- Тбилиси, 1979. С. 172; Шеглов А.Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 213. Рис. 4.
2. Стржелецкий С.Ф. Отчет Гераклеийской археологической экспедиции ГХИАМ о полевых работах в 1953 г. // Архив ИА РАН. Д. № Р-1/958. Ч. II. Разведки древних деревень округа Херсонеса. А. 310.
3. Арсакова М.Е. Опись коллекции А.Н.Соловьева // Фонды НЗХТ. Д. № 447. № 815.
4. Стржелецкий С.Ф. Очерки истории Гераклеийского полуострова ... Памятник № 27.
5. Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V-III вв. до н.э. М., 1980. С. 23-24, 39.
6. Автор выражает искреннюю благодарность М.И.Золотареву (определение всего греческого импорта по центрам производства и восстановление легенды гераклеийского клейма), И.И.Вдовиченко и А.Н.Шеглову (описание и датировка фрагмента краснофигурного сосуда и гераклеийский амфор), Д.Ю. Коробкову (определение ионийского сосуда).
7. Золотарев М.И. О двух этапах строительства в Северо-Восточном районе Херсонеса в IV в. до н.э. // ХСБ. 1997. Вып. VII. С. 38.
8. Брашинский И.Б. Указ. соч. С. 24.
9. Там же. С. 39, 159. № 225-226.
10. Коэффициенты для данных категорий сосудов были рассчитаны автором на основании анализа 470 керамических объектов ККК.
11. Характер обработки внешней поверхности сосудов определялся по методике, предложенной Д.В.Деопиком. См. Деопик Д.В. Классификация и статистический анализ керамического комплекса поселения у с. Кирово // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970. С. 64-65.
12. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках ранне-таврского поселения Ун-Баш X-VIII вв. до н.э. в 1952 г. // Архив НЗХТ. Д. № 680. А. 38, 46 и сл.; Крис Х.И. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. 1981. Вып. А1-7. С. 21-22.
13. Храпунов И.Н., Власов В.П. Кизил-кобинское поселение Шпиль // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 14.
14. Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. 1954. № 33. С. 81. Табл. 1,1; Сенаторов С.Н. О кизил-кобинской керамике из Херсонеса // История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи: Тез. докл. Севастополь, 1987. С. 7-8.
15. Храпунов И.Н., Власов В.П. Кизил-кобинское поселение Шпиль ... С. 17. Рис. 7,7; Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы - начале железного века: (Этнокультурные процессы). Киев, 1996. С. 138. Рис. 38,8,9.
16. Николаенко Г.М. Отчет Гераклеийской экспедиции. «Северная» усадьба надела № 150 // Архив НЗХТ. 1977 г. Д. № 1975. А. 5. Кол. № 28/36921.
17. Противоположную точку зрения см.: Власов В.П. О хронологических рамках кизил-кобинской (таврской) культуры // Древности. 1996. Харьков, 1997. С. 19.
18. Выражаю искреннюю благодарность А.В.Белому, В.А.Колотухину, С.Г.Колтухову, И.И.Лободу, О.Я.Савеле, И.Н.Храпунову, М.Я. Чорефу, А.А.Щепинскому за возможность ознакомиться с материалами из их раскопок. Особую благодарность за ценные советы и консультации выражаю О.Я.Савеле, под руководством которого автор начинал изучение ККК и проходил археологическую практику.
19. Крис Х.И. Полевая опись находок из раскопок таврского поселения Инкерман-I в 1950 г. // Архив БИАМ. Д. № 30. Колл. опись № 902/5593; Савель О.Я. О греко-варварских взаимоотношениях ... С. 398; Он же. Работы Севастопольской экспедиции // АО 1979 года. М., 1980. С. 334-335; Он же. Исследования в окрестностях Севастополя // АО 1985 года. М., 1987. С. 404-405.
20. Щепинский А.А. Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестно-

стях Симферополя // СА. 1957. № XXVII. С. 183. Рис. 5,6. С. 189-190. Рис. 8,2; Дашевская О.Д. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом // СА. 1963. № 4. С. 207. Рис. 2,2-5; Лесков А.М. Горный Крым ... С. 96. Рис. 34, 109, 112; Список памятников истории и культуры г. Севастополя: (По состоянию на 1 января 1978 г.) / Сост. А.А.Дяхович, О.Ю.Грабар, Ю.Н.Савченко. Севастополь, 1978. С. 4-9, 17-19, 32-34. (В составлении этого сборника принимал участие О.Я.Савеля. См. Дяхович А.А. и др. У карты Севастополя: Справочник. Симферополь, 1982. С. 5); Белый А.В. Раскопки городища Кыз-Кермен / АО 1984 года. М., 1986. С. 213; Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище: (По раскопкам 1981-1989 гг.) // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 196. Рис. 14, I-3, 5-10; Храпунов И.Н., Мудь С.А. Оборонительные сооружения акрополя Булганакского городища // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 349. Рис. 9,8; Колотухин В.А. Горный Крым ... С. 146. Рис. 46, 12-15. С. 147. Рис. 47, 11-13.

КУРГАН КУЛАКОВСКОГО

В наши дни не вызывают сомнений данные о появлении первого ионийского поселения на месте будущего Херсонеса в Юго-Западном Крыму уже в конце VI в. до н.э.¹ В этой ситуации совершенно правомерным выглядит вопрос об этно - культурной среде, в которую внедрилась новая апойкия, и варварском окружении единственного греческого дохерсонесского поселения. Существование в южной части Крыма многочисленных таврских памятников, является общеизвестным и бесспорным фактом². Судя по результатам картографирования археологических объектов, связываемых с таврской или кизил-кобинской культурой, почти все они, здесь тяготеют к горно-лесному району³. В лесостепной, приморской части региона таврские памятники единичны. Все сказанное позволяет считать правомерным предположение о вполне вероятных непосредственных контактах жителей ионийского поселения и раннего Херсонеса не только с таврами, но и со скифами. Зонай постоянного или сезонного пребывания скифов с начала V в. до н.э. могла быть лишь джесепь, вдающаяся с севера на юг вдоль берега моря узким клином, простирающаяся до Гераклеийского полуострова.

В пользу такого предположения свидетельствуют и курганы, традиционные погребальные памятники кочевых скотоводческих культур Северного Причерноморья. В междуречье Альмы и Качи они густо расположены на пространстве между берегом Кааламитского залива и обращенными к востоку обрывами Внешней горной гряды. Южнее, в междуречье Качи и Бельбека лесостепная полоса со спокойным равнинным рельефом сужается до нескольких километров, уменьшается и количество курганов. Джесепь почти исчезает в междуречье Бельбека и Черной, тем не менее и здесь, на лишенных лесного покрова возвышенностях, расположены курганы. Около сотни курганов известно и на Гераклеийском полуострове, однако, раскопки небольшого числа насыпей, предпринятые в различные годы, скифских погребений не выявили⁴. Может быть, путь на Гераклеийский полуостров был закрыт для скифов еще в архаическое время. К сожалению, курганы между реками Черная - Бельбек, Бельбек - Кача, по существу не исследованы. Единственное исключение - большой курган 1952 г., раскопанный на левом берегу Качи в междуречье

понижении между Внешней и Внутренней горными грядками, но не содержавший скифских погребений⁵. Археологические раскопки курганов проводились в основном в междуречье Альмы и Качи. В 1895 г. Ю.А. Кулаковский исследовал четыре кургана к северо - западу от современного с. Долинное, в двух из них были обнаружены четыре могилы скифского времени⁶. В начале 80-х гг. И.Н. Храпунов раскопал большой курган на левом берегу Альмы, скифских погребений в нем не было⁷. В 1983 г., в одном из двух курганов, исследованных в приморской части Альтиноско - Качинского междуречья, выявлены три захоронения скифского времени⁸. Можно лишь сожалеть о том, что в последние годы так и не были опубликованы материалы из курганов Юго-Западного Крыма, частично или полностью раскопанных А.А. Щепинским и В.Н. Хоменко.

Судя по опубликованным материалам, три из семи известных нам скифских могил Альтиноско - Качинского междуречья могут быть датированы в хронологических рамках всего скифского периода, впрочем, В.С. Ольховский относит их к группе погребений VII - V вв. до н.э.⁹, одна из могил, разрушенная при строительных работах рядом с курганом у с. Видино, может быть отнесена к V-IV вв. до н.э., два погребения из кургана у с. Видино датируются временем не ранее IV в. до н.э. Безусловно, к дохерсонесскому времени относится одно скифское захоронение, этно - культурная атрибуция которого никогда не вызывала сомнений у исследователей. Это третье погребение во втором кургане раскопанном Ю.А. Веселовским в 1895 г.

Сведения о месте расположения второго из четырех курганов, на первый взгляд, относятся к числу наиболее общих. И автор раскопок, и последующие исследователи, обращавшиеся к кургану Кулаковского, отмечали то, что он, как и остальные, расположен в междуречье Альмы и Качи, в границах Внешней горной гряды, сравнительно недалеко от берега Кааламитского залива (Рис. 1, 1). Однако, отчет Ю.А. Кулаковского содержит все сведения, необходимые для строгой локализации памятника. Итак, в 1895 г. были разрыты два кургана на лосской возвышенности между нижним течением Альмы и Качи, на землях владельцев Али - Паши Эмирова и Ревелютии¹⁰. Первым был раскопан небольшой курган на котором стояла «каменная баба». Второй

курган, получивший имя исследователя находился «в непосредственной близости» от насыпи с каменным изваянием. Точное местоположение курганов можно определить благодаря сылке Кулаковского на сочинение П.И. Кеплена, в котором перечислены каменные изваяния из этой местности¹⁰. «Поздние и самые поуденные из всех известных мне в России каменных баб находятся на Северной стороне реки Качи, а именно одна, по пути из Бахчисарая в Топчиюк, с левой стороны на месте несколько возвышенном, которое принадлежит к землям Арамкойским (или Гарамокским), а другая на кургане верстах в четырех или пяти к поудню от деревни Огешель, при дороге в Кадымтай (на Каче) - там, где к этой дороге примыкает другая, ведущая из Ачгачи в Огешель¹¹. Именно этот курган и был раскопан первым в 1895 г. По поводу второй каменной бабы, отмеченной Кепленом, Кулаковский сообщил, что она стояла на левой стороне дороги из Бахчисарая в долину Качи, в 5 верстах от города, но сравнительно недавно ее разбили местные жители.

К счастью, оба изваяния изображены на карте Южного Крыма, приложенной к Крымскому Сборнику. Это высококачественное топографическое произведение, составленное русскими картографами, было использовано П.И. Кепленом для нанесения исторических и археологических памятников. В 1892 г. военный топограф - коллежский ассessor Чулкин произвел съемку приморской части между речью Альмы и Качи для карты Таврической губернии, на которую был нанесен тогда еще безымянный второй курган, исследованный Кулаковским спустя три года. Он изображен в 1800 саж. к северо-северо-западу от находившейся на Каче усадьбы Ревелиюти, на возвышенности между долинами Уду - Коль и Сыр - Каир, несколько западнее грунтовой дороги, ведущей из усадьбы в альминское село Тарханлар. На современных картах курган высотой 4 м изображен там же, то есть в 3,8 км к северу - северу - востоку от села Фуриановка, село, в общих чертах, соответствует положению деревни Ачгачи и усадьбы Ревелиюти. Таким образом, мы можем совершенно определенно говорить, что «Курган Кулаковского» и сейчас находится севернее современного с.Фуриановка Бахчисарайского района: его современная высота составляет 4 м.

По описанию Ю.А.Кулаковского, этот курган имел 5 аршин отвесной высоты, а в основании - 25 аршин,¹² что соответствует высоте 4,2 и диаметру 18 м. Стратиграфия кургана в отчете не описана, сведений о ме-

тодике исследований курганной насыпи нет. Впрочем, раскопки в это время велись в основном «колодцами» и траншеями, при этом большая часть насыпи оставалась не исследованной. С применением такой методики и следует связывать тот факт, что насыпь кургана сохранилась до наших дней. В границах раскопанного (очевидно небольшого) участка, было обнаружено 6 захоронений. На роль основного могут претендовать два погребения. Второе, по нумерации Кулаковского, возможно кемпи-обинское, в сооруженном на материке каменном ящике, расписанном линейным орнаментом, черной и красной красками.¹³ Ящик располагался на небольшом расстоянии к западу от центра. Костяк лежал скорченно на левом боку, головой на юго - восток. Первое погребение, которое также могло быть основным, находилось в центральной части кургана во впадушенной в материк тропинке, по краям и сверху обложенной дубовыми брусцами. Эту могилу, на основании краткого описания в отчете,¹⁴ можно уверенно отнести к эпохе бронзы. Костяк лежал головой на северо - восток на спине с подогнутыми ногами. Подобная поза характерна для ямной и кемпи-обинской культур и чрезвычайно редка в эпоху средней и поздней бронзы. Четвертая - позднелевосточная могила находилась в центре насыпи. Пятая - скифского времени - располагалась в восточной поле и была ограблена. Здесь, в перекопе, вместе с костями человека были обнаружены два бронзовых наконечника стрел и обломки бронзовых предметов. Шестая, также ограбленная, относящаяся к скифскому времени, обнаружена на самом верш кургана.¹⁵ В этом пункте найдены кости потреховенного скелета, железные удила и два бронзовых наконечника стрел.

Наибольший интерес представляла третья могила¹⁶, принесшая всеобщую известность кургану и Ю.А.Кулаковскому как археологу.

Она располагалась в центре кургана, выше материка. Грунтовая яма была покрыта деревом и завалена камнем. Размеры, форма и ориентация неуказаны. Каменный завал представляет собой остатки каменной наброски, лежавшей первоначально на перекрытиях, а затем просевшей в могилу. Судя по многочисленным аналогиям, хорошо известным в Степном Причерноморье и в Крыму, такие перекрытия имели в основном узкие овальные или прямоугольные могилы позднеархаического и среднескифского времени. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток. У правой руки находился бронзовый наконечник топорика - скипетра

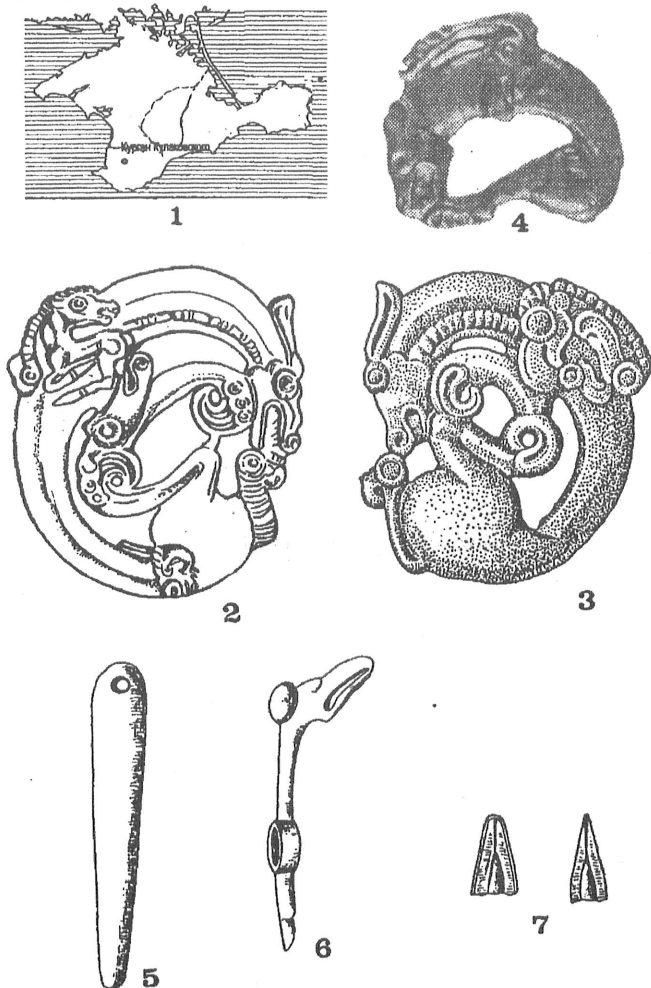

Рис.1.

1-схема расположения кургана. 2-4 -бляхи из кургана Кулаковского и кургана у с. Ковалевка. 5-7 -оселок, топорик и стрелы из кургана Кулаковского.

и двубронзовые пряжки в виде свернувшихся хищников. Слева были найдены железный меч, оселок, железный наконечник копья. У конца - остатки кожанца с «множеством стрел, бронзовых трехгранных и костяных круглых».¹⁷ На традиционных местах находятся топорики и козляки; положение блях - остатков узды - вероятно не было строго фиксированным в погребальном ритуале. Левостороннее расположение оружия - копий и меча - не является редкостью в Степной Скифии¹⁸, хотя встречается не столь часто, как правостороннее. Если положение меча на скелете, бесспорно, свидетельствует о месте его крепления к пояжному ремню, то расположение его справа (или слева) о погребенного несомненно несет особую смысловую нагрузку.

Из двух блях наиболее типична для скифских древностей большая (Рис.1,2), размером 10,5 x 9,7 см - ажурная, овальная, с изображением свернувшегося волчьего хищника. На обороте - небольшая петля для ремня. Рельефное обрамление пасти имеет вид бутона лотоса, удлиненное ухо отделено от круглого глаза с ободком. В нижней части шеи, между головой и плечом, находится рельефная рубчатая полоса, характерная для северо - причерноморских изображений начиная с келермесского времени, но наиболее широко распространенная на изделиях V в. до н.э. Короткий рубчатый хвост, смыкающийся с пастью, завершается головкой птицы. От всех прочих изделий этого круга бляха отличается фаллическим изображением, что не типично для скифского «звериного стиля». Лапы завершаются строеными точками и загнутыми когтями. Дополнительные изображения - головка птицу архаичная фигура горного козла, или коня (?) и головка копытного животного - (лось?) - размещены на плече, тазе и лапах животного.

Бляха относится к обширной группе еurasийских украшений конского снаряжения с определенной формой и декором. В этой группе можно выделить несколько типов в зависимости от общих очертаний, положения лап, хвоста, степени соприкосновения хищника¹⁹ и количества персонажей. Бляха из кургана Кулаковского принадлежит к числу в основном ажурных изделий, на которых фигурирует только один хищник свернувшийся кольцом. Технология ее производства тщательно рассмотрена в работе Р.С. Минасян²⁰.

Для азиатских древностей характерен образ кошачьего хищника: таковы пряжка из Арджана, бляха из Сибирской коллекции Петра I, бляхи из Маймирского клада, бляхи из Чиаиктинского могильника, аналогичные изделия из Уйгарака²¹. Применительно к этому региону можно говорить о зарождении и

дальнейшем развитии украшений такого типа²².

В Поволжско - Приуральском районе такие же изделия датированные концом VI - началом V в. до н.э., происходят из погребений Бес - Обы и Иркуля²³; одна из блях, была найдена близ Пьяновки под Богурдуром,²⁴ недавно в Нижнем Поволжье найдены еще двенадцать блях²⁵. Для нас существенно то, что изображение хищника в некоторых случаях сохраняет кожаные принаки типа Пьяновки, но параллельно фиксируется проявление волчьей черты - удлинение морды и пасти - как в Бес-Обе и Иркуле.

В Европейской Скифии на украшениях этого типа, кажется, господствует волчий хищник. Э.В. Яковенко в свое время высказала мнение о заимствовании этого образа у ананьинских племен через посредство сарматов²⁶. Однако, судя по датировкам резных кляков и ажурных блях с изображением волчьего хищника, они появились у сарматов и европейских скифов практически одновременно, следовательно возможен и иной путь распространения этого мотива²⁷.

В Северном Причерноморье круг параллель бляхе из кургана Кулаковского достаточно широк. Ближайшей же, хотя и не полной аналогией является хорошо сохранившаяся бляха из кургана №6 у Ковалевки (Рис.1,3)²⁸ выпоанная, как и изделие из крымского кургана, в античной переработке. Впрочем, некоторые элементы декора и их расположение на обоих предметах восходят к своеобразному прототипу - изображению из Зивие. Существенно, что именно на изделии из Зивие уже есть рубчатая полоса на загривке, на более поздних изделиях завершающаяся у плеча птичьей головкой или сердцевидным предметом²⁹. Дополнительные изображения в виде птичьих головок сыграли, в свое время, заметную роль в выводе о принадлежности бляхи из кургана Кулаковского к кругу продукции боспорских мастеров.³⁰ Обрамление пасти хищника из Ковалевки, как и на бляхе из кургана Кулаковского, имеет вид бутона лотоса. В одной и той же манере переданы глаз и ухо животного. Короткий хвост, смыкающийся с пастью, заканчивается головкой птицы или грифона. Плечо украшено сложной композицией в которой голова грифона (?) и рубчатая полоса на плече сочетаются с двумя головками птиц. Лапы, как и на изображении из кургана Кулаковского, завершаются массивными изогнутыми когтями. Стилистические особенности, сближающие обе бляхи столь заметны, что можно предполагать, что они относятся к кругу изделий одной мастерской.

В этой же, «западной» но более лаконичной, (а судя по особенностям дополнительных изображений и более архаичной) манере выполнены бляхи из кургана N 2 у с. Рэксэций Ной в Молдове, Басовского кургана 499 и кургана 491 у Макеевки в Поднепровье, а также кургана N 8 у рочища Частые курганы на Дону³¹. Чрезвычайно важно, что изделия из Молдавии и кургана у Макеевки представляют собой почти полные аналоги, которые, вероятно, можно рассматривать как производные, относящиеся к кругу одной мастерской, а для Басовки можно предположить местное копирование нескольких предметов. Несколько лет назад, на основе молдавской находки была предпринята отнюдь не неожиданная, связанная с разработкой хронологии РСК, передатировка комплексов из кургана Кулаковского и Коваевки. В результате, все три комплекса, по существу, были отнесены к раннескифскому времени и датированы второй половиной VII – рубежом VII – VI вв. до н.э.³² Логика передатировки выглядит бесспорной, дело лишь в подборе аналогий. А в этом случае, единственным надежным, в смысле абсолютной хронологии, комплексом представляются находки из кургана 491 у с. Макеевка.³³ Помимо изделий из стекла, бронзы, железа, в могиле были обнаружены три античных сосуда. Самосский лекиф рубежа VI – V вв. до н.э., аттическая чернолаковая чашечка, которая, судя по аналогиям Афинской агоры, относится к 500 или 500 – 480 гг. до н.э.,³⁴ чернофигурный килик круга мастера Тезей или же группы Крокотос, который можно, в зависимости от атрибуции, отнести к последним десятилетиям VI – двум первым десятилетиям V вв. до н.э. В любом случае это погребение нельзя датировать временем ранее рубежа VI – V – первой четверти V в. до н.э. В Басовском комплексе, датированном В.А.Ильиной первой половиной V вв. до н.э.,³⁵ присутствуют круглые рельефные бляхи, аналогичные таким же изделиям из Симферопольского Золотого кургана, который, даже в самом широком хронологическом диапазоне, сейчас относят к первой половине V вв. до н.э.³⁶ Комплекс из восьмого кургана группы Частых отнесен к рубежу VI – первой половине V в. до н.э.³⁷ Набор стрел из этого комплекса,³⁸ кажется, отвечает времени, близкому верхней хронологической границе датировки, предложенной П.Д. Либеровым. Для передатировки не подходят и бляхи в виде головки птицы или грифона из Коваевского кургана.³⁹ Нет оснований сравнивать их с более ранними изделиями из кургана 12 в урочище Стайкин Верх, или даже с близкими по

времени изделиями из кургана 2 у с. Волковцы. Круг подлинных аналогий уже. К нему лучше и надежнее причислить изделие из Басовского кургана 499 (хотя в этом же комплексе есть более архаичная головка) и головку из кургана 502 у с. Броварки.⁴⁰ Следовательно, могила из Рэксэций Ной, несмотря на архаизирующую керамику, вряд ли может быть датирована временем намного ранее рубежа VI – V вв. до н.э.

Изображение свернувшегося хищника интерпретируется Д.С. Раевским как идентичное позе мирового змея – соответствующей «способу маркировки в терминах зооморфного кода периферической зоны космоса, семантически тождественной нижнему миру». Фигуры свернувшихся волчьих хищников, наиболее полно отвечают такому объяснению.⁴¹ Дополнительные изображения в виде птичьих голов, могут указывать на определенные параллели с во многом еще неясным, образом мифической собаки – птицы, известной в скифской иконографии по меньшей мере с V в. до н.э.⁴²

Вторую бронзовую бляху из кургана Кулаковского (Рис. 1.4) можно отнести к числу изделий, до сих пор уникальных, и по стилистическим характеристикам для Прикубанья и Саяно-Алтайского района. Ажурная фигурка пантеры или львицы вписана в полуовальный контур, размером 3,5 х 3,4 см. Морда животного смыкается с выпрямленными задними лапами. Передние лапы вывихнуты и размещены сверху между плечом и головой. Общая композиция при развертке в нормальное положение совпадает с вертикально стоящей деревянной фигурой хищника из второго Пазырякского кургана, отнесенной А.А. Барковой к среднему этапу алтайского искусства, датированному V вв. до н.э.⁴³ Сейчас дата кургана Пазырык II предложена дата лежащая между 490 – 410 гг. до н.э.⁴⁴ Детали изображения морды зверя на бляхе из кургана Кулаковского позволяют провести аналогии с бронзовыми головками кошачьего хищника, украшавшими конское снаряжение в Нимфейском кургане N 32.⁴⁵ Нимфейский комплекс датирован А.Ф. Силагителю первой половиной V в. до н.э. Безусловно к этому же кругу древностей относится бронзовый псадий из четвертого Семибратнего кургана, с «вывихнутым» изображением льва. Этот комплекс датирован временем не позднее второй четверти V в. до н.э., возможно серединой столетия.⁴⁶ Спиралевидные завитки в основании лап и детализировка когтей оконоченностей лап, по сути, совпадают с аналогичными деталями на наноснике Кужорского кургана из Прикубанья, на котором изображен ко-

шаний хищник с головой чудовища - грифона (?).³⁷ Находка датирована IV в до н.э., однако, параллель с курганом Кулаковского создаст почву для предположения о более раннем времени изготовления этого предмета. В любом случае, вторую бляху из кургана Кулаковского не следует датировать временем, ни более поздним, ни более ранним, чем вторая четверть - середина V в до н.э. Дополнительное изображение в виде головы лошади, или грифона (?), расположенное на плече, имеет аналогию на бляхе из Ковалевки, где в том же стиле выполнено дополнительное изображение на плече. Рельефная граница головы и шеи, околтурена так же как и на первой бляхе, и бляхе из Ковалевки (Рис.1).

Бронзовый втулчатый топорик-скипетр, длиной 8 см, украшенный с одной стороны головкой птицы или грифона, а с противоположной изображением копыта (Рис.1.6), по сути, аналогичен такому же топорнику из кургана N 15 у с. Аксютинцы, датированному VI в. до н.э. По определению Т.Б.Баршевой, изделие из Аксютинского кургана отаито из северокавказского сырья.³⁸ Подобные топорники, как показала в своих работах В.А. Ильинская, являлись «особыми значками скифских военачальников...»³⁹ Несомненно, в комплексе кургана Кулаковского это наиболее ранний предмет, попавший в могилу несколько позже времени изготовления.

Набор стрел из кургана Кулаковского по существу не изучен. В каталогах А.И.Мельниковой и Е.В.Черненко этот комплекс не упоминается.²⁰ Из сообщения Ю.А. Кулаковского известно, что слева, у колен находился колчан «...со множеством наконечников стрел, трехгранных бронзовых и круглых костяных.»³¹ В публикациях приводится два - три базисных наконечника с развитыми лопастями (Рис.1.7).³² Появляющиеся еще в VI в. до н.э. и хорошо представленные в наборах первой половины V в. до н.э. Очевидно этим, данные о стрелах из рассматриваемого погребения исчерпываются.

Сведениями о железном мече с остатками ножен, извлеченном во фрагментах (также как и об обломке копыта) мы не располагаем. Небольшой сигаровидный осеок из песчаника с отверстием для подвешивания (Рис.1.5) относится к типу изделий широко распространенных в скифо-сарматское время на всей территории Северного Причерноморья.³³

Хронология комплекса из погребения 3 кургана Кулаковского первоначально определяли на основе только одного предме-

та - бляхи с изображением волчьего хищника. Г.И. Боровка датировал ее VII - VI вв. до н.э.³⁴, Т.Н. Гройцкая - второй половиной VI - рубежом VI - V вв. до н.э.³⁵. С этой хронологической позицией согласилась и Э.В. Яковенко, подкрепив ее датировкой топорика-скипетра на основании аналогии с курганом 15 у с. Аксютинцы.³⁶ Однако таким образом определяется лишь нижняя хронологическая граница комплекса. Вторая бляха с изображением кошачьего хищника предмет, стилистически несколько более поздний. Сказанное позволяет считать верхней хронологической границей дату, предложенную М.И. Артамоновым - время близкое середине V в. до н.э.³⁷, возможно, вторую четверть данного столетия, и признать достаточно правомерной обоснованную А.Ю. Алексеевым позицию этого памятника во второй хронологической группе погребений V в. до н.э.³⁸

Учитывая период совершения погребения - близкий, либо же совпадающий со временем посещения Геродотом Северного Причерноморья - можно предположить, что воин, похороненный в кургане Кулаковского, принадлежал к этно-сословной группе, названной историком скифами царскими. С другой стороны, такие параллели, как топорик из кургана у с.Аксютинцы, изготовленный из северокавказской бронзы, псалый из четвертого Семибратнего кургана и наконечник из кургана у станицы Кужорская, заставляют обратить пристальное внимание на скифо-меотские или скифо - сиццские Прикубанье и, в принципе, признать чрезвычайно актуальным, давно уже поставленный вопрос о характере связей Прикубанья и Крыма в среднескифское время.

В словесной структуре скифского общества А.М. Хазанов выделяет группу родоплеменных старейшин и предводителей родов, погребения которых характеризуются предметами, являющимися символами власти, но в остальном мало отличающиеся от захоронений рядового населения.³⁹ Действительно, в могиле, при наличии топорика - скипетра, отсутствуют такие широко распространенные в захоронениях скифской аристократии V в до н.э., предметы, как тяжелый доспех и драгоценные украшения оружия и костюма. Все это, позволяет рассматривать погребение в кургане Кулаковского, как захоронение облеченного военной властью представителя родовой знати.⁴⁰

Все сказанное выше дает основание думать, что в Юго-Западном Крыму греки уже во время существования первой апой-

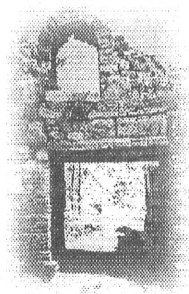
нии вступали в разнообразные контакты не только с таврами, но и с кочевниками - скифами, занявшими в V в. до н.э. узкую приморскую полосу лесостепи и граничившими, или почти граничившими с Гераклейским полуостровом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Золотарев М.И. Херсонесская архаика. - Севастополь, 1993.
2. Шульц П.Н. О некоторых вопросах истории тавров//ПИСПАЭ. - М., 1959; Десков А.М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. - К., 1965; Крис Х.И. Кизил-кобинская культура и тавры. - САИ. - 1981. - Д. 1-7; Колотухин И.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы - начале железного века (этнокультурные процессы). - К., 1986.
3. Колотухин И.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы... - Рис.2.
4. Печенкин Н. Шверинский курган. - ИТУАК.- 51. - Симферополь, 1905; Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. - К., 1972. - С.71; Савеля О.Я. Савеля Д.Ю. Курганы III-II вв. до н.э. в окрестностях Херсонеса Таврического//Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. - Севастополь, 1997.
5. Крис Х.И., Веймарн Е.В. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая//КСИИМК. - 1958. - Вып. - 71.
6. ОАК. - 1895. - С.17-19.
7. Храпунов И.Н. Кеминский курган у с. Вилино//Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. - Симферополь, 1992.
8. Колтухов С.Г., Вдовиченко И.И. Два кургана в междуречье Альмы и Качи//Бахчисарайский Историко-археологический сборник. - Вып.1-Симферополь, 1997.
9. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). - М., 1991. - Кат. 314.
10. ОАК.-1895.- С.118.
11. Куппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврическию - СПб, 1837. - С.39.
12. ОАК.-1895.- С.118.
13. Там же. - С.118.
14. Там же.
15. Там же. - С.119.
16. Там же. - С.17-18, 118.
17. Там же. - С.118.
18. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность... - С.68-69, 88.
19. Подиович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле»//РА. - 1994. - №4.
20. Минасян Р.С. Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен//АСГЭ. - 30. - С.69.
21. Грязнов М.П. Арджан царский курган раннескифского времени. Л., 1980. - С.26. - Рис.1,5,4; Баркова Л.А. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинках из Майэмира//АСГЭ. - 24. - Л. 1983; Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сардары в VII-V вв. до н.э. - М., 1973. - Табл. XXVIII, 6,7.
22. Подиович Ю.Б. Изображения свернувшегося хищника... С.73 и сл.
23. Кадырбиев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек//Древности Евразии в скифо-сарматское время. - М., 1984. - Рис.9,6; Смирнов К.Ф. Сарматы (ранняя история и культура сарматов). - М., 1964. - Рис.79,1.
24. Смирнов К.Ф. Сарматы... Рис.80,2.
25. Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья//РА. - 1997. - №3. - С. 139.
26. Яковенко Э.В. Клык с зооморфными изображениями//СА. - 1964. - №4 - С.205-207; Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии - М., 1976. - С.37.
27. Чижина Е.Ф. Орнаментальные кабаны кычки и их имитация в скифскую эпоху//АСГЭ. - 31. - Л., 1991. - С.37.
28. Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области//Курганы на Южном Буге. - К., 1978. - С.139.

29. Баркова Л.А. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинках из Майэмира. - С.25. - Табл.2;1.
30. Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля... - С.131.
31. Левицкий А.Г., Демченко Т.И. Памятники скифской архаики на территории Молдовы//Древности степного причерноморья и Крыма. - Запорожье, 1995. С.45-48; Галанина А.К. Скифские древности Поднепровья. - САИ. - Д1-33. - М., 1977. - Рис. 13,4,26,20-23; Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. - САИ. - Д1-31. - М., 1965. - Рис.2,198.
32. Левицкий О.Г., Демченко Т.И. Памятники скифской архаики ... - С.45-48.
33. Галанина А.К. Скифские древности Поднепровья... - С.26,29. - Табл.12,13.
34. Sparkes В., Talcott L. The Athenian Agora. - Vol. - XII. - Black and Plain Pottery. - Princeton, New Jersey, 1970. - Cat. - 973-976; Roberts S.R. The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit in the Athenian Agora//Hesperia/ - Vol.55:Num.1. - 1986. - Ст.362.
35. Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного левобережья. - К., 1968. - С.78.
36. Алексеев А.Ю. Скифское погребение Vв. до н.э. в Кургане Малая Цимбака// АСГЭ. - Вып.32. - СПб., 1995. - С. 55
37. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на среднем Дону. - С.28.
38. Там же. - Рис.2,178-186.
39. Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П. Скифские курганы ус. Ковалевка... - Рис.1,39.
40. Галанина А.К. Скифские древности Поднепровья. - Табл.26,12,28,3.
41. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. - М., 1985. - С.119.
42. Бессонова С.С. Образ собака-птаха у мистертві Північного Причорномор'я скифської епохи//Археологія. - Вып.23. - 1977.
43. О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных и хищников в искусстве ранних кочевников Алтая (опыт статистического анализа)//АСГЭ. - Вып.32. - 1995. - Рис.1,11. - С.72.
44. Марсадалов А.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л.М. Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Сайно-Алтая// Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. - СПб., 1994. - С.148.
45. Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея//Некрополи боспорских городов. - МИА. - 69. - М., 1959. - Рис.48,1,2.
46. Аргамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Гос. Эрмитажа. - Л. - Прага, 1966. - Рис.60,61; Коровина А.К. К вопросу об изучении Семибратних курганов//СА. - 1957. - №2. - С.186; Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IVвв. до н.э. - С.215.
47. Шедевры древнего искусства Кубани. - М., 1987. - Кат.15.
48. Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. - М., 1981. - С. 156.
49. Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного левобережья. - К., 1968. - С.156.
50. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. - САИ. - Д1-4. - М., 1964. - Табл.11; Черненко Е.В. Скифские лучники. - К., 1981. - Приложение5.
51. ОАК. - 1895. - С.118.
52. Троицкая Т.Н. Погребение у села Белоогинка//СА. - XXVII. - 1957. - Рис.3,4; Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма. - Рис.5,2.
53. Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля ... - С.130.
54. Vovotka G. Skythian Art. - London, 1928. - P.95.
55. Троицкая Т.Н. Скифские курганы в Крыму//ИКОГО. - Вып.1 - Симферополь, 1951. - С.68.
56. Э.В. Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля ... - С.130.
57. Аргамонов М.И. Сокровища скифских курганов... - С.30.
58. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в до н.э.//АСГЭ. - Вып.31. - Л., 1991. - С.51.
59. Хазанов А.М. Социальная история скифов. - М., 1975. - С.183.
60. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-VI вв. до н.э. - К., 1983. - С.114.

II
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ГРЕКО-РИМСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ

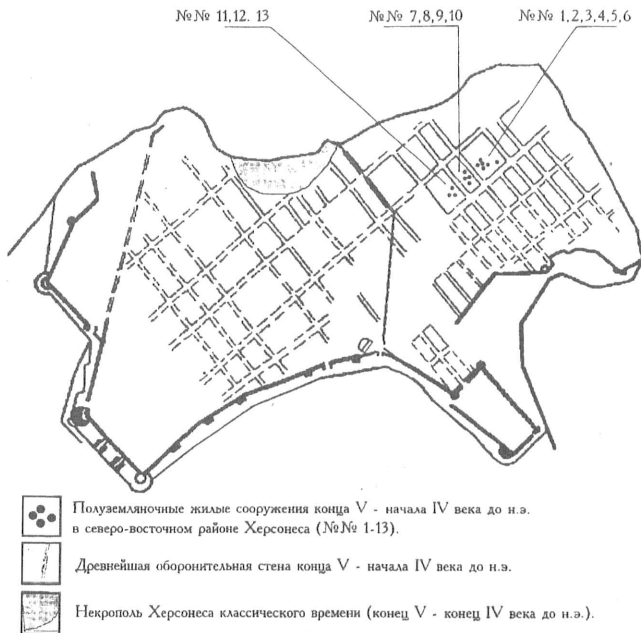

М.И. Золотарев

РАННИЕ ЭТАПЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

В последние десятилетия значительно расширилось археологическое изучение античных памятников юга современной Украины. Широкомасштабные исследования охватили различные типы памятников. Это и небольшие сельские поселения, густой сетью окаймляющие крупные северопричерноморские города и структурно являющиеся их хорой, и собственно городские центры - полисы - место сосредоточения политических, экономических и культурных достижений и новаций. Одним из таких несомненно ключевых центров северопричерно-

морской античности был Херсонес Таврический - столица одного из крупнейших территориальных государств древней Таврики. Прогресс в археологическом изучении памятников Херсонесского государства охватывает различные аспекты. В нашей статье мы коснемся лишь некоторых новых результатов, полученных благодаря применению современных подходов в исследовании градостроительной истории Херсонеса. Получение новых данных стало возможным благодаря значительному увеличению источниковедческой базы, последовавшему в

- Полуземляничные жилые сооружения конца V - начала IV века до н.э. в северо-восточном районе Херсонеса (№№ 1-13).
- Древнейшая оборонительная стена конца V - начала IV века до н.э.
- Некрополь Херсонеса классического времени (конец V - конец IV века до н.э.).

Рис. 1.

Топография расположения полуземляничных жилых сооружений Херсонеса конца V - начала IV века до н.э. на генеральном плане города.

результате расширения масштабов раскопочных работ, и применению современных методик в полевых и особенно камеральных исследованиях.

Несколько слов об использованных источниках, точнее - об их современном состоянии. Кроме письменных свидетельств, источниковедческой базой для изучения северопричерноморской античности остаются, как и прежде, эпиграфические, нумизматические и, конечно, в первую очередь - археологические источники. На информатив-

ные возможности каждого из источников время влияет по-разному. Если эпиграфические и нумизматические памятники уже при первой публикации почти полностью раскрывают свои возможности и со временем происходит лишь незначительная корректировка первоначально полученной информации, то информативные возможности археологических источников несколько иные. Специфика их такова, что *принципиально* новую информацию археологические источники дают лишь тогда, когда проходит

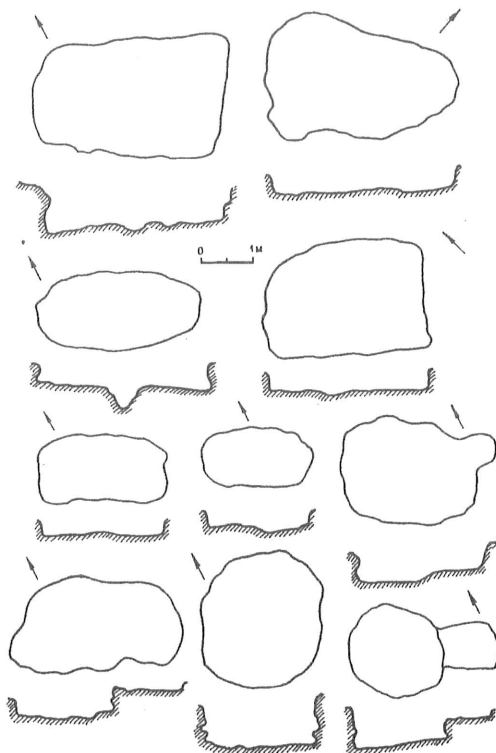

Рис. 2.

Планы и разрезы полуземляночных жилищ Херсонеса конца V - начала IV века до н.э.

определенный временной цикл, в процессе которого идет постепенное - из года в год - накопление первичных данных. Этот накопительный процесс завершается своего рода «информационным бумом», который и дает возможность получить совершенно новые выводы, как правило исторического характера. На мой взгляд, проходит примерно 25-30 лет между получением новых данных и рождением выводов, построенных на анализе археологических источников.

Приведу ряд примеров в пользу высказанного предположения. К началу 50-х годов восточногреческая архаическая керамика (несмотря на всю ее живописность) была очень слабо изучена хронологически. Развитие археологических исследований в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье - в Милете и Истрии, на островах Родос, Хиос, Самос, Березань и целого ряда других памятников - попавшим в фонд этого замечательного источника многими тыся-

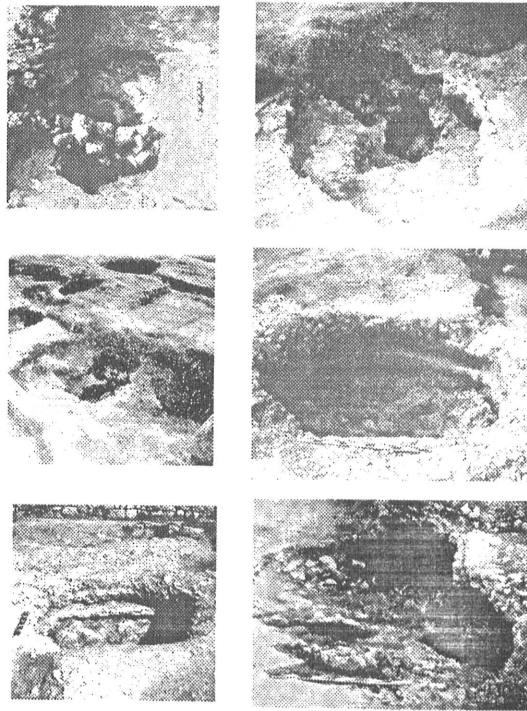

Рис. 3.
Жилые полуземлянки Херсонеса Таврического
конца V - начала IV века до н.э.

чами новых великолепных экземпляров¹. Изучение всего массива этих находок в течение последних 25-30-ти лет сделали этот источник важнейшим для хронологии греческой архαιки, позволяющим в ряде случаев получать даты в пределах узких временных отрезков - от 5 до 10 лет. Второй пример связан с изучением самого массового археологического источника - керамической тары. Еще четверть века назад в античной археологии датировка греческих амфор в пределах одного-полутора столетий считалась вполне удовлетворительной. Но накопление новой информации шло в нарастающем темпе и привело к тому, что мы имеем сегодня ряд блестящих разработок по типологии и хронологии керамической тары, позволяющих выделять определенные типы амфор различных центров и датировать их в пределах полу столетия, а в ряде случаев - еще точнее. Я имею в виду амфоры Коринфа, Самоса, Хиоса, Родоса, Фасоса, Синопы, Херсонеса и др.² Аналогичная ситуация сложилась с исследованием керамических клеев, расписной и чернолаковой аттической керамики, терракотовых статуэток, надгробных памятников и некоторых других категорий источников. Иными словами, происходящее почти четверть века постепенное накопление информации в настоящий момент дало принципиально новый, качественный скачок в изучении не только отдельных групп материалов, но и всей совокупности археологических источников. В свою очередь, это сделало возможным применение археологических источников для более подробного моделирования хода исторического процесса в древности и появления новых, зачастую весьма оригинальных идей и гипотез.

Рассмотрим теперь то, как отразилось новое современное состояние археологических источников на изучении античного Херсонеса. Коснемся лишь некоторых аспектов из всего обширного круга проблем херсонесской античности, начиная с проблемы основания Херсонеса.

Херсонес был последним по времени основанием городом, возникшим в процессе Великой греческой колонизации на берегах Тавриды. Он был основан в выходцах из греческого малязийского города Гераклеи Понтийской, расположенного на южном побережье Черного моря. Дата основания города была установлена в конце прошлого столетия кабинетными трудами Г. Шнайдервертера, а затем подтверждена в середине нашего века работами академика А.И. Тюменева³. Не противоречит этой дате и появившиеся к тому времени многочислен-

ные археологические материалы из раскопок самого Херсонеса. Но у исследователей постоянно вызывало удивление то, что при раскопках различных участков города время от времени встречаются фрагменты чернофигурной керамики, время бытования которой намногу предшествует дате основания города. Раскопками нескольких последних лет удалось (как нам кажется) устранив эти противоречия.

В результате наших раскопок в Северо-восточном районе города коллекция находок архаического времени из Херсонеса значительно пополнилась. Она насчитывает многие сотни предметов и представлена весьма разнообразными категориями археологических источников. Это многочисленная группа ионийской (т.н. «подокатоий») керамики, коринфские сосуды, фрагменты аттических расписных чернофигурных ваз, архаических амфор и терракотовых статуэток. Анализ всего комплекса архаических находок из Херсонеса и сопоставление их с материалами из исследованного в Северо-восточном районе Херсонеса слоя архаического времени позволили уточнить дату существования раннего выселка на месте будущего города и установить ее в пределах последней четверти VI - первой половины V вв. до н. э. Изучение достаточно представительного количества (27 экземпляров) черепков-остраков с проэрапейскими именами позволили выяснить статус этого поселения и выдвинуть гипотезу о совместном основании в последней четверти VI века до н. э. ионийцами-синопянами и дорийцами-геркулеецами новой колонии и юго-западом Крыму. Проведенное Ю.Г. Виноградовым исследование собственных имен, прочерченных на херсонесских остраках, показало, что имена разделяются на три неравнозначных по количеству группы: 1) имена дорийского происхождения, составляющие основную массу, 2) имена, уходящие своими корнями в Ионию, и 3) амбивалентные имена. Среди большинства дорийских имен граждан молодого полиса в Таврике преобладают имена с фессалиско-беотийскими истоками.

Довольно значительный по количеству состав дорийских имен на херсонесских остраках позволяет предположить, что геркулеецы составляли, по всей вероятности, основную контингент перипоселенцев нового полиса. В свою очередь, среди них могли быть представители геркулеевской родовой аристократии, предпринявшие наряду с основными, рядовыми гражданами опасное предприятие по созданию на противоположном берегу Понта новой греческой

апойки. Таким образом, дата основания первого поселения на месте будущего дорийского Херсонеса удвояется почти до столетия⁶.

Изучение историко-градостроительного аспекта распадается как бы на две самостоятельные проблемы. Первая - это исследование роста территории города и истории херсонесского стеностроительства, и вторая - изучение развития всех элементов градостроительной и архитектурно-планировочной структуры города.

Говоря об этапах территориального расширения города, нужно отметить, что уже к позднеантичному времени практически сформировалась вся городская территория, заключенная внутри оборонительных стен. Что же касается внутригородской планировочной структуры, то ее система сложилась еще раньше (скорее всего - к началу эллинистического периода) и оставалась неизменной до самого конца жизни города. Установленные предыдущими исследованиями этапы роста городской территории в целом верно обрисовывают этот процесс⁷. Недавно полученные новые данные о древнейшем некрополе Херсонеса еще раз подтверждают то, что Северо-восточный его район был наиболее древней частью города (судя по датировкам самых поздних погребений некрополя на Северном берегу и в районе античного театра)⁸.

Изучение хронологии оборонительных сооружений Херсонеса - одна из интереснейших и давно исследуемых проблем херсонесской античности. Однако современное состояние памятников таково, что можно надеяться на появление новой информации для интересующих нас периодов классического и раннеэллинистического времени лишь в юго-восточной части херсонесской крепости. Такая новая информация была недавно получена.

В процессе наших раскопок в Портовой части Херсонеса у XV куртины в районе т.н. «казармы» обнаружен и исследован отрезок древнейшей оборонительной стены. Полученные археологические материалы надежно датироват стену последней четвертью V-началом IV вв. до н.э.⁹

Существует еще один памятник, позволяющий говорить о существовании ранней оборонительной стены. В 1958 году над каменкой у XVI башни был вынут большой строительный квадрат, использованный вторично в забутовке оборонительной стены эллинистического времени (Инв. № 10/36504). У боковых граней квадрата вырезаны два углубления для металлических пиранов,

скрепляющих соседние с ним квадраты, а у краев камня прорезаны две греческие буквы М и N. При первой публикации этих каменотесных меток Э.И.Соломонович острожно отнесла их к концу V- началу IV вв. до н.э.¹⁰ Позднее она совершенно определенно стала утверждать о принадлежности меток к V веку до н.э.¹¹ По нашей просьбе Ю.Г.Виноградов ознакомился с этим памятником и, на основании особенностей начертания букв, пришел к заключению, что метки датируются не позднее, чем последней третью V вв. до н.э. Все сказанное дает основание считать, что квадрат принадлежал оборонительной стене, сооружение которой было начато еще в конце V века до н.э. Нельзя вспомнить, что В.В.Дальше относил часть каменотесных меток на херсонесских квадратах к концу V вв. до н.э.¹⁰

Обнаружение остатков столь ранней оборонительной системы позволяет уточнить хронологию стеностроительства в этом районе города для первого столетия его жизни.

Открытая нашими раскопками оборонительная стена рубежа V-IV вв. до н.э. являлась древнейшей на этом участке. За пределами городской территории находилась херсонесский некрополь, сооруженными которого являлись т.н. «подетенный склеп» и остатки еще одного погребального сооружения, ошибочно считавшегося водосмом¹¹. Около середины IV века до н.э. возводятся другая стена, считавшаяся до наших раскопок древнейшей, открытая в 1927 г. К.Э.Гриневичем, и соответствующая ей прямоугольная оборонительная башня XIV¹². Эта новая стена переносится на шесть-половиной метров к юго-западу. При этом древнейшая оборонительная стена частично разбирается, а частично сохраняется в качестве одной из кладок возводимого здесь в это же время крупного общественного здания, которое условно названо «казармой». Некрополь за оборонительными стенами в этом районе пока еще сохраняется.

И, наконец, завершает оборонительное строительство IV вв. до н.э. на этом участке открытая раскопками К.К.Косцюшко-Валюжинича хрестоматийно известная оборонительная стена с городскими воротами. Она возводится в начале последней трети IV века до н.э. еще в 6-8 метрах далее к юго-западу, на месте существовавшего здесь ранее городского некрополя.

С возведением этой новой оборонительной линии завершается оформление длинного участка херсонесской крепости. С этого времени окончательно сформировались

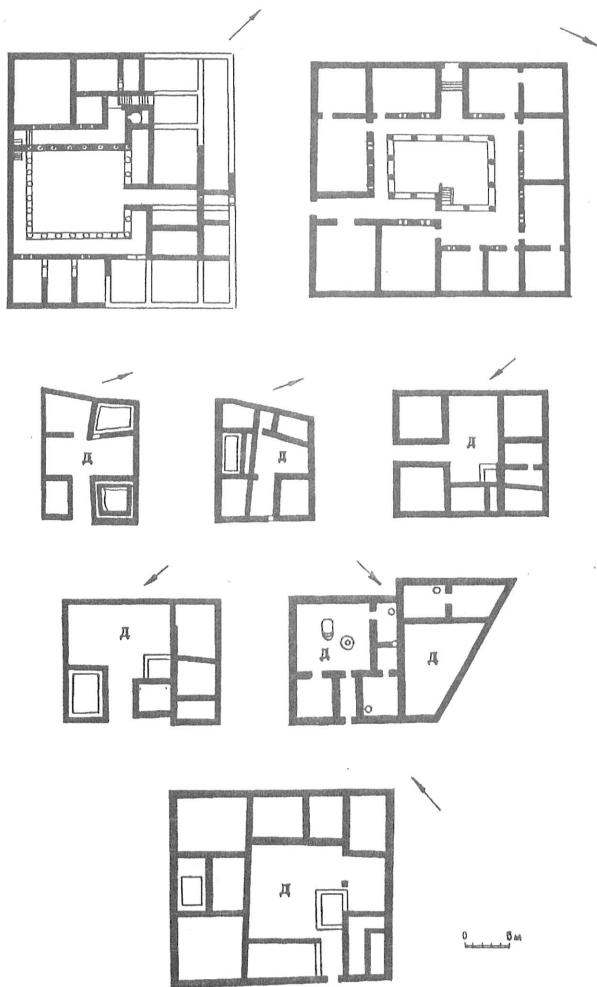

Рис. 4.
Типы каменных жилых домов античного Херсонеса.

в раннеэллинистическое время система оборонительных сооружений Херсонеса в юго-восточной части не претерпевает кардинальных изменений на протяжении всего античного периода.

В последние годы были получены новые интересные результаты в изучении истории домостроительства античного Херсонеса.

В Северо-восточном районе города были открыты специфичные углубленные в скалу сооружения эллипсоидной или круглой формы¹³. Площадь их колеблется от 4-х до 10 кв.м. Заглубление в материк разное - от 0,6 до 0,9 м. Сейчас открыто уже 14 таких сооружений (рис.2). Судя по всему, они группируются в своего рода «кусты» по всей площади Северо-Восточного района Херсонеса (рис.1).

В херсонесских сооружениях присутствуют все элементы, характерные для подобных объектов, открытых повсеместно практически на всех северопричерноморских памятниках - глинотбитые полы, очаги, ступени-тамбуры, иногда углубления в полу для центрального опорного столба, поддерживающего перекрытие постройки. Находки крупных обломков разложившихся сырцовых кирпичей в западении сооружений позволяют предположить наличие невысоких наземных сырцовых стен, что в свою очередь дает возможность считать их жилыми полуземлянками. Найденные лежащими *in situ* на полах раздавленные остродонные амфоры (в том числе и клейменные), аттическая чернолаковая посуда, столовая посуда других центров производства очень точно укладываются в жесткие хронологические рамки конца I - первой трети IV вв. до н.э. По всей вероятности, открытые в последние годы полуземляночные жилые структуры являлись древнейшими жилищами дорийского Херсонеса (рис.3). Не лишне будет заметить, что все найденные на полах раздавленные предметы были археологически целыми и почти все их удалось склеить по старым сколам.

Закономерно возникает сомнение в целесообразности сооружения заглубленных в материк жилищ в Херсонесе, расположенном на массиве скальных пород. Это сомнение должно быть отвергнуто по двум причинам. Во-первых, земляночные (или полуземляночные) структуры являлись типично греческим типом жилого дома, возникшего как дом колониста и развившегося на базе местной строительной традиции в процессе греческой колонизационной практики в Северном Причерноморье¹⁴. Это положение сейчас безусловно доказано - в первую очередь, работами С.Д.Крыжицкого.

Землянки как наиболее дешевой и рациональный тип жилища сооружаются первоначально почти на всех северопричерноморских памятниках первопоселенцами, а затем (по мере освоения нового места жительства) они уступают место наземным жилым структурам. Во-вторых, материковые скальные породы в районе Херсонеса не однородны. Они состоят из чередующихся по высоте слоев мергелистой материковой глыбы и твердых скальных пластов. В слое незначительного мягкого мергеля, очень напоминающего лесс, и выкапывали свои первые заглубленные жилища основатели дорийского Херсонеса. Очень часто полуземлянки сооружались на небольших склонах. В этом случае большей частью стен являлась твердая скала, а по склону приходилось возводить только одну стену из сырцового кирпича. Такой способ устройства полуземляночных жилищ был очень рационален и значительно удешевлял стоимость сооружений.

Земляночные структуры существовали примерно 25-30 лет, т.е. приблизительно в пределах жизни одного - полутора поколений, а затем (на исходе первой трети IV века до н. э.) они прекращают свое существование, уступая место более удобному (но более дорогостоящему и трудоемкому в сооружении) наземному типу жилищ.

Прекратившие существование земляночные структуры были перекрыты довольно мощным куальтурным слоем, простирнувшимся почти везде в Северо-Восточном районе Херсонеса. Этот слой удаётся археологически выделить и зафиксировать в I, II и VI городских кварталах, на второй и третьей поперечных улицах. На всех участках, где этот слой сохранился (в отдельных случаях - на площади в несколько десятков кв. м и мощностью в 1,2-1,3 м), он состоит из совершенно однородных и синхронных (в основном керамических) материков. Анализ находок (в первую очередь - около двух сотен керамических клеев) позволяет утверждать, что образование слоя происходит не позднее середины - начала второй половины IV века до н.э.

Этот слой является единым мощным горизонтом, сохранившимся практически по всей площади Северо-восточного района. Он перекрывал углубленные ко времени его образования полуземляночные жилые структуры и соответствовал новому, теперь уже наземному, этапу домостроительства в античном Херсонесе. Пришедшие на смену полуземлянкам наземные жилые дома дошли до нас в весьма посредственном состоянии. Сохранились лишь отдельные

ные участки фундаментов наземных построек и - кое-где - цоколи кладок. Материал и техника сооружения кладок очень своеобразны. Фундаменты возводились из небольших плоских обломков скалы, типа плиток, положенных плашмя на глиняном растворе. По всей вероятности, скальные плиты выламывались строителями здесь же, или недалеко от сооружаемых зданий. Они слегка обрабатывались сколами, а после этого укладывались в фундамент. Поверх фундаментов возводились цокольные ряды кладок из небольших, но хорошо выгесанных прямоугольных известняковых блоков. Не исключено, что у отдельных домов каменными были только фундаменты и цоколи кладок, а собственно стены зданий сооружались из сырцового кирпича. Обломки их встречаются (правда, в небольшом количестве) по всей площади при раскопках соответствующих слоев.

Сохранность кладок такова, что не дает возможности реконструировать планы зданий. Сохранились (в ряде случаев протяженностью в несколько метров) части фундаментов, углы между кладками, позволяющие представить размеры только отдельных помещений, а не полностью всего дома. По времени эти здания сооружались еще в первой половине (скорее всего ближе - к середине) IV века до н.э. Общее направление и ориентация построек вполне ясны. Именно они группировались в единообразные кварталы, разделенные сетью пересекающихся улиц, задуманных и устроенных на местности как строгая геометрически правильная прямоугольная система, в основе которой лежала т.н. «типподамова» схема планировки города.

В последней четверти IV века до н.э. проследить новый, необычайно мощный всплеск строительной активности херсонеситов. В этот период значительно увеличивается (более, чем в 2 раза) городская территория. Упраздняется некрополь в Северном районе, и поверх него размещаются городские кварталы¹⁵. В Северо-восточном и Центральном районах на месте прежних построек возводятся новые капитальные жилые здания, группирующиеся по две улицы в каждом квартале.

Не исключено, что застройка Северного района по типу сооружаемых домов отличалась от застройки в Центральной и Северо-восточной части города. В Северном районе - это бездернные дома малой (до 190 кв.м.) и большой (до 240 кв.м.) площадей. Дома имеют большие внутренние дворы, составляющие до 25% площади здания. Как

правило, они имеют входные коридоры, часто с «утопленным» входом. Основные помещения группируются в северном и северо-восточном направлении от дворов. Кухни обычно размещались в юго-западных частях дома и ориентировались на север, а жилые помещения получали южную ориентацию. Дома группируются в блоки по 3-4 в одном квартале¹⁶.

В Центральном и Северо-Восточном районах города существовал, очевидно, другой тип жилого дома. Это большие дома (площадью около 650 кв.м.) с расположенным почти в центре усадьбы двором, занимающим около 20% общей площади. Вероятно, дворы были перистильными, однако - из-за отсутствия хорошо документированных находок архитектурных деталей - тип архитектурного ордера пока не поддается реконструкции. Расположенные вокруг двора жилые и хозяйственные постройки граничили с ним открытыми ко двору вытянутыми узкими коридорами, типа пасад. Стены этих зданий сооружаются из крупных прямоугольных известняковых блоков на гальце. Как правило - это двухпанцирные трехслойные кладки. На некоторых квадратах сохранились метки мастеров-каменотесов. В одном квартале размещалось, видимо, два таких дома. Наиболее показательные примеры этого типа монументальных жилых домов - это здания во II-ом и VII-ом кварталах северо-восточного района и т.н. «монетный двор»¹⁷.

Этот новый этап строительства почти полностью уничтожил предыдущую жилую застройку, но в то же время и полностью сохранил планировочную структуру улиц и городских кварталов, их ориентацию и размеры (Рис. 4).

Но важнейшим явлением для этого заключительного этапа формирования городской архитектурно-планировочной структуры Херсонеса является возведение сооружений общественного и культового назначения. Именно в это время в центральной части города на склонах и в устье глубокой балки сооружается театральное здание. В связи с возведением новой оборонительной стены в последней четверти IV века до н.э., эта балка, в которой ранее располагались городская свалка и часть некрополя города, включается в городскую территорию. Театр был так расположен на местности, что выходил по каменной большей частью театрной к Главной улице, и, естественно, фасад, проскенения был также открыт к ней. С возведением театра завершилось архитектурное оформление центрального района города.

В Северо-восточной части города Глав-

ная улица завершалась большой площадью, вымощенной крупными известняковыми плитами. Специальное исследование строительных остатков на площади и сопоставление их с архитектурными деталями херсонесской коллекции позволили реконструировать с достаточной степенью вероятности архитектурный облик площади¹⁸. Здесь находились два храма - один дорического, второй - ионического ордера, монументальный алтарь, обеливанный орфостатными плитами - метопами, на которых изображены щиты, и громадная пятиметровая статуя Афины, работы скульптора Поликрата. Анализ архитектурных сооружений на площади позволил определить их функциональное назначение и, сопоставив общий характер построек, высказать предположение, что это был священный участок - теменос античного Херсонеса, который окончательно сформировался к рубежу IV-III вв. до н.э.¹⁹.

Подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что процесс формирования архитектурного облика города был тесно связан (прежде всего - хронологически) с пространственной организацией городской территории, историей строительства и домостроительства древнего Херсо-

неса. Сопоставление всех перечисленных элементов позволяет предложить следующую периодизацию архитектурно-строительной истории Херсонеса.

Первый этап: (последняя четверть V - первая четверть IV вв. до н.э.) - возведение первой линии оборонительных стен, земляное домостроительство.

Второй этап: (вторая четверть - середина третьей четверти IV века до н.э.) - сооружение новой линии оборонительных стен с вероятным частичным использованием прежней стены, появление наземного домостроительства и сложение «типолодомовой» планировочной системы.

Третий этап: (последняя треть IV в. до н.э. - рубеж IV-III вв. до н.э.) - значительный рост территории города, возведение новой оборонительной стены, сооружение монументальных общественных и культовых зданий, окончательное оформление системы домостроительства и завершение архитектурно-пространственной организации городской территории. С этого времени Херсонес обретает собственный своеобразный архитектурный облик и сохраняет его (почти неизменным) на протяжении столетий, всего античного периода его истории.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Перечислим только самые основные публикации: Schiering W. Werkstätten orientalisierenden Keramik auf Rhodos. 1957. Cook R. Greek painted pottery. 1966. Boardman J. Greek Emporio. Excavations in Chios 1952-1955 // BSA, Suppl. 6, 1967. Boardman J. and Hayes J. Excavations at Troca 1963-1965. The Archaic Deposits I, 1966; The Archaic Deposits II and Later Deposits, 1973. Walter-Karydi E. Samische Gefass. Samos, Bd. VI.1, 1973. Walter-Karydi E. Zur archaischen Keramik Ostioniens // Milet 1899-1980. IstMit.-BEIH.31, 1986. Alexandrescu P. La ceramie d'epoque archaïque et classique VII-IV s. Histria IV, 1978. Voigtlander W. Zur archaischen Keramik in Milet // Milet 1899-1980. IstMit.-BEIH.31, 1986. Копейкина А.В. Родосско-ионийская керамика VII в. до н.э. с о.Березань и ее значение для изучения раннего этапа существования поселения // *Художественные изделия античных мастеров*. Л., 1982.
2. Даже краткая библиография опубликованных в последние десятилетия работ по изучению керамической тары займет не один десяток страниц. Современное состояние исследования проблемы см., например: *Recherches sur les Amphores grecques* (Edite par J.-Y. Empereur et Y. Garlan // BCH, Suppl. XIII, 1986. *Греческие амфоры* (Под ред. В.И.Каца и С.Ю.Монова). Саратов, 1992.
3. Schneiderwirth J. Das pontische Heraklea. Heiligenstadt, 1882. Тюменев А.И. Херсонесские этюды, I-II // ВДИ, 1938, № 2-3.
4. Основные положения предлагаемой гипотезы см: Vinogradov Iu. et Zolotarev M. La Chersonese de la fin de l'archaisme // *Le Pont-Euxin vu par les Grecs*. Paris, 1990. pp. 85-119. Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Древнейший Херсонес // *Причерноморье в VII-V вв. до н.э.* Тбилиси, 1990, с. 48-74. Золотарев М.И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. Zolotarev M.I. A Boeotian Lekanis from Chersonesus // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 1994, vol. 1 (3), p. 112-117. Золотарев М.И. К хронологии древнейшего Херсонеса // *Античные полисы и местное население Причерноморья*. Севастополь, 1995, с. 100-106. La Chersonese de la fin de l'archaisme // Iu.G.Vinogradov. *Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes*. Mainz, 1997.

- ss. 397-419 (mit M.I.Zolotarev). Наиболее полно эта гипотеза получила обоснование в статье Ю.Г. Виноградова и М.И. Золотарева, публикуемой в настоящем сборнике.
5. Антонова И.А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // *Античная древность и средние века*. Свердловск, 1990, с. 8-25.
 6. Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // *Античный мир и археология*, вып. 9. Саратов, 1993, с. 118-159.
 7. Золотарев М.И. К хронологии юго-восточной линии обороны Херсонеса Таврического // *Фортификация в древности и средневековье. Тезисы докладов конференции*. СПб., 1995, с. 49-50.
 8. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, № 23.
 9. Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990, № 59.
 10. ОАК за 1899г., с. 15.
 11. Жеребцов Е.Н. Новое о херсонесском склепе 1012 // *КСИА ИА АН СССР*, вып. 159, М., 1979, с. 34-37.
 12. Гриневиц К.Э. Древнейшая оборонительная стена в Херсонесе, обнаруженная разведкой 1927 года // *Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе*. Севастополь, 1927, с. 21-23.
 13. Золотарев М.И. Про початковий етап будівництва в античному Херсонесі // *Археологія*, 1990, № 3, с. 68-76.
 14. Крыжидкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993, с. 41.
 15. Белов Г.Д. Северный прибрежный район Херсонеса // *МИА*, вып. 34, М.-Л., 1953, с. 14.
 16. Крыжидкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982, с. 78-104.
 17. Карасев А.Н. Архитектура // *Античные города Северного Причерноморья*. М.-Л., 1955, с. 202-203.
 18. Золотарев М.И., Буйских А.В. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // *ВДИ*, 1994, № 3, с. 78-101.
 19. Zolotarev M.I., Buiskikh A.V. Temenos of ancient Chersonesus: an attempt of architectural reconstruction // *Ancient civilizations from Scythia to Siberia*, 1995, vol. 2 (2).

ГОД РОЖДЕНИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

В свое время авторами данной статьи была опубликована, а потом дважды переиздана - каждый раз в расширенном и дополненном варианте - работа, посвященная древнейшему Херсонесу Таврическому. В основу этого этода был положен археологический материал, накопленный раскопками последних десятилетий преимущественно в северо-восточном районе города¹. Среди внушительного числа фрагментов амфор, чернолаковых и расписных сосудов выделялась группа остраконов, которые несут на себе граффити с именами первоначальных основателей города Херсонеса и датируются от начала V до начала IV в. до н.э. По нашему давнишнему и нынешнему убеждению, Херсонес был основан как полис не позже последней четверти VI века. С момента выхода первой публикации археологический и эпиграфический материал продолжает прибывать как из новых раскопок, так и из фондов Херсонесского музея, что дает повод вновь обратиться к проблеме датировки и обстоятельств основания Херсонеса - одного из ведущих полисов на северном берегу Понта Евксинского.

Если фрагменты позднеархаической керамики - расписной посуды и амфор не показались в свое время некоторым из оппонентов достаточным доводом в пользу утверждения, что поселение на берегу Карантинной бухты было изначально основано как полис, а не эмпорий или якорная стоянка², то появившиеся с тех пор новые находки покрытых надписями черепков заставили нас самих пересмотреть как ряд прежних гипотез, так и основное фундаментальное положение, изложенное еще в минувшем столетии, но обретшее статус непреложной истины в веке нынешнем. Речь пойдет о дате и причинах выведения тираклезитами алойкии в Юго-Западный Крым.

Начнем с базы данных. До недавнего времени количество архаических материалов из Херсонеса исчислялось всего лишь несколькими десятками керамических фрагментов, однако в результате раскопок последних лет коллекция находок архаического времени возросла до сотен экземпляров. При этом, если прежде исследователи опирались в своих построениях на единичные находки расписной керамики, то

ныне мы располагаем не только той же самой, значительно возросшей группой материалов, но и многочисленными другими категориями археологических источников архаического времени. Прежде всего это ионийская «полосатая» керамика, представленная обломками нескольких сотен ионийских кувшинов, чаш-киликов, лекан и других форм. Специальные исследования позволили выделить шесть типов ионийских кувшинов и три типа чаш-киликов, основная масса которых датируется от последней четверти VI до второй четверти V в. до н.э.³ Уже предварительные исследования этой группы показали, что ионийская полосатая керамика бытовала в Херсонесе на протяжении всего V и даже заходила в IV в. до н.э.⁴ Ту же дату сообщают нам и находки чернофигурной и краснофигурной керамики, которые укладываются в рамки третьей четверти VI - третьей четверти V в.

Но если в поступлении парадной столовой посуды в Херсонес и можно было предполагать временную цезиру, то находки керамической тары - амфор, в которых ввозились основные продукты питания, отображают реальную картину жизнедеятельности и жизнеспособности любой греческой алойкии. В этом аспекте более всего показательны находки фрагментов амфор раннеархаического и раннеклассического времени из раскопок последних лет в Херсонесе. В настоящий момент мы располагаем многими десятками фрагментами лесбосских, протофасосских, самосских, хиосских амфор, а также амфор со стаканобразными доньями. Найденные на городище обломки хиосских амфор относятся к II - IV типам (по классификации В.Грейс-И.Брашинского), которые датируются второй половиной VI - третьей четвертью V в. до н.э. Фрагменты самосских амфор отображают ту же картину поступления тары из этого центра, что и в Фанагории, где они, по последним хронологическим разработкам, заполняют собой весь V в. до н.э. - от его начала до самого конца⁵. Многочисленные находки амфорного материала разных центров Средиземноморья однозначно доказывают, что поступление жизненно необходимых продуктов питания в Херсонес не прерывалось ни на одно десятилетие на протяжении всего V столетия.

Итак, данные археологии однозначно свидетельствуют о стабильном, без каких-либо перерывов существовании поселения на берегу Карагинной бухты - начиная, как минимум, с последней четверти VI и весь V в. до н.э. Можно высказать твердое убеждение в том, что дальнейшее накопление археологических артефактов едва ли существенно поменяет обрисованную на данный момент картину. В те же хронологические рамки укладываются снабженные надписями остраконы, количество которых благодаря новым находкам из раскопок и в фондах Херсонесского музея-заповедника возросло ныне примерно до 45 экземпляров¹¹. Вся серия остраконов распадается по материалу (I), технике исполнения (II) и употребляемым в граффити формулам (III) на следующие группы:

I. Большинство надписей начертано на черепковом черепке, остальные - на фрагментах амфор.

II. Обычно граффити исполнены аккуратно, исключения из этого правила редки (№ 1,5а; хй переправлено из *каппи*; № 1,5б; III,7). Писание исполнено на поверхности черепка на внешней или на внутренней поверхности обломанного сосуда либо вертикальную, либо поперек, следуя при этом удобной для написания форме фрагмента. В этом смысле наиболее показательны №1,6а, на котором первые две буквы выведены по краю облома, а все остальные следуют колыну поддона, повторяя метки собственника на посуде, за одну из которых можно принять дублет того же ΛΙ Эвандарида, исполненного аккуратно по кругу (№ 1,6γ). В редких случаях наблюдается фальмистарт (№III, 1 bis,3,8); в одном случае разные ΛΙ стоят как на verso, так и на recto (№II,1).

III. Формулы надписей распределяются по следующим типам:

1. Одноименные ΛΙ в ном. или единственном в gen. (№ 1, 11; II,2,4). 2. ΛΙ с в. ном. с патрионимом, однажды ΛΙ стоит в dat. (№ 1,5b).

3. В некоторых случаях при именах присутствуют добавочные буквы (№ 1,4а, 8), однако не в каждом случае можно однозначно решить, идет ли речь об отчествах эпитетах или иной маркировке (№ 1, 11; II,2,4).

4. Особый интерес представляют тексты на остраконах, которые снабжают имена определенными характеристиками (№ II 1d, 3,6; III,9), либо содержат третьи ΛΙ (III, 8) - эти случаи будут рассмотрены ниже.

Поскольку все остраконы, исполненные

на фрагментах черепковомых сосудов, заподозрит собой весь V в. до н.э., можно с полным правом предположить, что амфорные остраконы должны укладываться в те же хронологические рамки, что подтверждает палеография и диалектально-орфо-графические признаки надписей на них (*ο=ου, ε=ει*)¹². Это наблюдение особенно важно в связи с тем, что во всех предыдущих публикациях херсонесских остраконов безоговорочно относил к IV в. до н.э.¹³ Бесспорно к рубежу IV-III вв. по палеографии (форма *ισιδουα*) и просопографии должен быть отнесен пока всего лишь один недавно переработанный дублет.¹⁴

Поonomастическому материалу все этропонимы группируются, как и в editio princeps, на: 1. Дорийские, 2. Ионийские и 3. Амбивалентные ΛΙ, а также Varia. Однако во много раз обогатившись по содержанию граффити потребовал в настоящий момент внести ряд *Corrigenda*. Как показывает серия на теперь уже четырех дублетах с ΛΙ Крестина Мюос (№ III,1), при классификации имен на дорийские и ионийские следует принимать во внимание, что одно и то же ΛΙ могло быть исполнено как мегарским, так и милетским дорифитом. Иными словами, начертание определенного ΛΙ указывает на происхождение не так его носителя, как написавшего. Этническая принадлежность того или иного имени должно устанавливаться главным образом по его концентрированному распространению (соответственно популярности) в том или ином регионе греческого мира, а также по некоторым иным критериям, предложенным в наших прежних публикациях¹⁵.

Однако гораздо важнее все же вопрос об интерпретации остраконов на Херсонесе по их практическому назначению. В первых публикациях нами были рассмотрены и взвешены оба возможных варианта: либо это были черепки для остракизма, как было предложено у *Limite* Э.И. Соломоновича, либо «облодотенно» по отношению к выборкам магистратов. Внесомненным доводом для предпочтения первого пути решения кажется тот факт, что самый ранний херсонесский остракон по палеографии датируется если не древнее, то во всяком случае не позже, чем афинские по первым процессам остракизма¹⁶. Однако гораздо более существенным препятствием выступает следующее обстоятельство: по какой причине и в какой немногочисленной общине первых херсонесцев, онутившихся в данном кругу разобни-

чужих таверн, понадобилось вводить у себя чуть ли не с первых шагов своего бытия столь радикальную меру политической борьбы как ostracism и изгонять на время кого-то из гражданского коллектива, вместо того чтобы, сложив ряды, защищать суверенитет своего молодого полиса перед лицом жестокосердных варваров? Именно по этим двум причинам нами был предпочтен тогда альтернативный путь решения, а именно - херсонесские ostracoi служили не для ostracism, но для борьбы магистратов.

Тем не менее, в настоящий момент, когда, с одной стороны, всплали новые крайне любопытные ostracoi из Херсонеса, а с другой - после того как Штефан Брешне начал знакомить ученый мир с весьма интересными и необычными ostracoi из изменчивых раскопок в афинском Кермике²³, наши прежние позиции потребовали коренного пересмотра. Некоторые шовы, добытые ostracoi из тавернской колонии предоставили нам много таких деталей, которые никоим образом не могут соответствовать процедуре выбора магистратов, но напротив - а именно они сходны с некоторыми черепками, бывшими в моду при аттической ostracoi-форме.

При сопоставлении двух ostracoi №1,5а и б выяснилась, что перед нами дублет с АИ Харика Гермодоров, однако во втором случае имя кандидата заканчивается не на *μου* и *σιμου*, но просто на *σιμον*, хотя место на черепке остается еще для двух букв. Коль скоро этот черепок надписан микетским алфавитом (*omigai*), то мы вправе предположить, что имеем дело с ион. dat. *g=ai*, т.е. «Харикалу Гермодорову», что трудно себе представить при голосовании за должностное лицо, зато встречается на дюжине аттических ostracoi, причем только из числа опубликованных²⁴. На ostracoi № П,3 сначала по коду читается окончание ион. АИ-*αίθρις*, затем после небольшого отступа надпись резко поворачивает поперек дна и дает две из трех букв Π, которые без труда и однозначно дополняются в *τίθω*. Эта формула пожелания - «пошел вои!» - встретила на афинских ostracoi Фемистокла и Кимона²⁵. В первой публикации ostracoi № П, 11 нами *grina facie* было отмечено чтение *χαταλύτων*, которое тут же было и отвергнуто по соображениям неуместности. Теперь, после публикации ostracoi из афинского Кермика в честь знаменитого Фемистокла: *Θεμιστοκλῆς καταλύτων Νεοκλῆος*²⁶, остается только дополнить надпись на херсонесском черепке именем кандидата.

В свое время ЭИ. Соломонович опубликовала амфорный ostracoi со старательно выведенной классическим шрифтом четырехстрочной надписью: Κοττίτιον[*αι*] *ἔραται τὰς νέας*, которой она интерпретировала как частное письмо²⁷. Но поскольку, с одной стороны, остается абсолютно непонятным, кому и с какой целью должно было адресоваться подобное коммеморирующее послание, а с другой - теперь стал известен ostracoi из Кермика с аналогичной по содержанию надписью: *Μεγακλῆς Ηπλοκράτος μοῦχος* = «Мегакл, сын Гиппокрита, прелюбодей»²⁸, сделалось ясным, что токоание первоиздательницы следует оставить. В нашем случае подвигший свой голос на ostracoi-форме херсонесит хотел, по всей видимости, намекнуть на то, что Коттион может менять свои политические убеждения столь же легко, как и продажных девок.

В *ed. princ.* дублетный ostracoi № П,10,6с остатком надписи: - *ς ἀλλὰ χαίρω*, был нами воспринят именно как аргумент против использования рассмотренных черепков для ostracism²⁹. Теперь мы должны сказать себе этому утверждению, поскольку перед нами явно формула-пожелание, встречаемая, к примеру в одной эпиграмме IV в. до н.э. с Книда (SEG 861): *ἀρχόμεν Ἑρμῆς Ἀφροδίται πάρεδρος ἀλλὰ χαίρετε* «Я, Гермес, явился как спутник Афродиты - так радуйтесь же!» В этом смысле стала бы более повита аккламация из Херсонеса: *ἰο θεῖνα φυγῆς ἀλλὰ χαίρετε* «Такой то изгнан - так радуйтесь же!»

Наконец, херсонесская земля только что подарила нам ostracoi № П,18, где ясно читается: *Αἰσχροῦν Διονυσίου Ἐχέδαμίδος*. Появлению на черепке третьего имени может быть дано четыре следующих варианта объяснения:

1. *Ἐχεδάμδος* - «получай (этот черепок) от Дамиды». Данная версия страдает, однако, тем недостатком, что при таком токоании ожидалась бы аористная форма *σχῆς* «получи», и неприемлема главным образом потому, что ostracoi-форме токоание было строго тайным: ни один из более чем 11000 ostracoi не подписан именем подавшего свой голос афинянина.

2. *Ἐχέδαμῖς* - имя матери кандидата. Но в таком случае требовался бы неизменный союз *καί*, как, например, на одном аттическом ostracoi: *Μεγακλῆς Ηπλοκράτος καὶ Κοισύρα*³⁰.

3. *Ἐχέδαμῖς* - имя деда. Но в этом случае был бы неизбежен член *τοῦ*.

4. *Ἐυδαίσις* - указание на происхождение кандидата из одной из мегаро-гераклейско-херсонесских гектостий²⁴. Данная версия не только не имеет противопоставления, но напротив, находит подтверждение в сотнях и сотнях афинских остраконов, содержащих на происхождение кандидата из того или иного аттического дема.

В итоге сопоставительного анализа херсонесских и афинских остраконов, мы приходим к твердому убеждению в том, что в таврической апоикии (по крайней мере с самого начала V в. до н.э. и как минимум до конца столетия, если не до начала следующего) в политической жизни безо всякого перерыва регулярно применялась одна из самых радикальных мер греческой демократии - остракизм.

Если проблему общей интерпретации остраконов из Херсонеса можно считать таким образом окончательно закрытой, то нерешенным пока остается поставленный в начале статьи вопрос: с какой же все таки целью оказавшиеся далеко не в самых благоприятных жизненных условиях первопоселенцы решились пойти на такой шаг как изгнание из состава своей отнюдь не многочисленной гражданской общины каждый год по одному из ее членов? Этот недоуменный вопрос заставляет нас вновь обратиться к истории основания Херсонеса, которая в исторической традиции документирована одним-единственным свидетельством. В Перигезе Псевдо-Скимна сообщается (826-831 Diller) «Полуостров же, именуемый Таврическим, прилегает к этим [варварам-таврам], располагая эллиниским городом, который основали гераклеоты и делосцы согласно некоему приращению, данному гераклеотам, живущим в Азии по сю сторону Кианей, заселить полуостров вместе с делосцами»²⁵. Из этого сообщения следует, что Херсонес был совместным колонизационным выселком гераклеотов и делосцев. Поскольку в данном редком случае Пс.-Скимн - вопреки своему обыкновению - не синхронизирует дату выезда колонии с одним из магистральных событий переднеазиатской или поитийской истории, для выяснения этой даты требуется отыскать в локальной истории обоих полисов - Гераклеи и Деоса - такой подходящий исторический момент, когда судьбы их жителей оказались тесно переплетены, поставив их перед необходимостью объединиться в совместное колонизационное предприятие.

Более столетия тому назад, в 1882 г. преподаватель Екатеринбургской гимназии

в немецком городе Хайлигсштадт Герман Шнайдервирт высказала мысль о том, что такой исторический момент наступил для делосцев в 422 г. до н.э., когда они ровно на год были депортированы с родного острова афинянами и, благодаря грядущию персидского сатрапа Фарнака, нашли приют в малоазийском городе Атремиттоне, о чем сообщает Фукидид (V, 1). Вследствие этого, часть изгнанных делосцев присоединилась к гераклеотам, которые в тот момент как раз собирались основать новую колонию в Тавриде²⁶. Несмотря на то, что спустя 15 лет инициатор этой идеи посленца от нее оторвался²⁵, после солидной работы А.И. Тюменева, подхватившего и развившего мысль немецкого профессора²⁶, датировка гераклейско-делосского основания Херсонеса 422-421 гг. обрела не только всеобщее признание, но и статус аксиомы, как в истечественной, так и в западной науке никак не оспаривалась и продолжает жить по сей день как догма²⁷. Между тем уже и в прошлом веке - т.е. базирясь на одной только литературной традиции - должен был возникнуть целый ряд сомнений и преград, чтобы а *limine* принять подобную датировку основания Херсонеса. Прежде всего, Шнайдервирт не предложила объяснения тех причин, которые подвигли гераклеотов именно в 422 г. вынести новую апоикью. Ведь исход V столетия был той порой, когда Великая греческая колонизация осталась далеко позади: в это время если кто и выводил колонии, так то были афиняне, основывавшие по преимуществу не апоикии, но клерухии. Олигархически управляемый Гераклейский полис развивался в это время цеаиком и поистине стабильно: социальные недовольства, колы уж они вспыхивали, гасились путем введения «конституционных поправок»²⁸. Кроме всего прочего, Гераклея вывела за всю свою историю, как известно, (за исключением ближайших выселков) всего две дальних апоикии - Каллатис и Херсонес, так что допускать ее колонизационную активность на исходе V в. едва ли приходится.

Следуя сугубо логическим путем, А.И. Тюменев, а за ним и С.Берестин увязали основание таврической колонии с известной экспедицией Ламаха 424 г., с прибытием флота которого в Гераклею, якобы, должен был произойти государственный переворот, спровоцировавший тем или иным путем выселение демократов в Таврику²⁹. Эти голые логические построения, не подкрепляемые ни одним источником, вызвали законную критику Я.В. Доманского, предложив-

шего другую трактовку событий³⁰. На основании рассказа Троа/ Юстина (XVI, 3, 9-12) о разорении отрядом Лааха полей гераклеотев - о чем молчат и современник событий Фукидид (IV, 73,2), и основывавшийся на Эфоре Диодор (XII, 72,4) - им был сделан вывод о тотальном опустошении хоры Гераклеи, что в конечном итоге и поставило ее перед необходимостью выплеснуть часть гражданского населения, основав в Крыму новую apoikiou. Однако и эта версия вызывает ряд принципиальных возражений. Во-первых, она оставляет без внимания ярко выраженный морализующий контекст всего повествования о Гераклее и Лаахе, вообще свойственный сочинению Троа, а в особенности обработке его Юстином³¹. Во-вторых, даже если допускать истинность сообщения о разорении Лаахом полей гераклеотев, то подобная акция ни в коем случае не могла повлечь за собой тотальное уничтожение хоры греческого поляса, заставив его - и то лишь два года спустя! - вывезти в новую колонию оставшееся без пропитания население. Наконец, становится решительно непонятным, зачем гераклеотам, согласно Юстину Троа, было выгрести из своих закромов последние запасы, дабы обеспечить провиантом своих недавних обидчиков, и чем они в таком случае вообще должны были питаться два долгих года до основания Херсонеса³². Как видно, причины выселения гераклеотев в Таврику, а вместе с тем и иной более подходящей для этой ситуации следует искать в ином времени и ином, более реальном пространстве.

Кроме вышеназванных, уже и в прошлом веке существовало еще одно серьезное препятствие, заставляющее усомниться в реальности совместной гераклейско-делоской колонизационной экспедиции в Таврику именно в 422/1 г. Дело в том, что ни Шнайдервигт, ни адепты его идеи не обратили должного внимания на обстоятельства водворения изгнанных афинянами делосцев спустя ровно год - летом 421 г., о чем весьма поучительные сведения сообщает нам Фукидид (V, 32,1): «делосцев они [афиняне] возвратили назад на Делос, проникшись их несчастьями в сражениях, и по оракулу, изреченному богом в Дельфах». Учителья, что тот же Дельфийский оракул запрашивали и мегарцы вместе с беотийцами, собираясь основывать Гераклею³³, а в конце IV в. до н.э. к нему же обращаются и сами граждане этого поляса по поводу разразившегося у них голода³⁴, можно наверняка утверждать, что гераклеоты получили указа-

ние заселить вместе с делосцами Гераклею в Юго-Западном Крыму от Аполлона Пифийского.

Но в таком случае мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: один и тот же Пифийский бог в одном и том же 422 году дает одним своим прорицанием постоянное указание афинянам вернуть делосцев на их родной остров, а другим - указывает гераклеотам непременно захватить с собой в далекую таврическую колонию тех же самых линившихся родины делосцев! Как известно из орacularной практики, прорицания были полсемантичными, но никогда - многовариантными, то есть рекомендовали только одно вполне конкретное разрешение остро стоявшей проблемы. К тому же абсолютно ясно, что оракул Дельфийского бога о возвращении делосцам Делоса, конечно же, был изречен первым и тут же стал им известен в Атрамиттионе. Именно он, а не сомнительное сочувствие афинян к страждущим делосцам в военных перипетиях, и заставил афинян, убоявшихся неблагоприятных последствий столь неприкрытой акции частями в условиях только что заключенного Пиклея мира,³⁵ ровно через год, летом 421 года вернуть делосцам их остров. Таким образом, на первый план выступает единодушная решимость Аполлона Дельфийского и Аполлона Делосского положить предел экспансионистской политике Афин. Отсюда со всей очевидностью следует, что в ожидании ближайшего возвращения на родной остров едва ли бы кто из делосцев решился отделиться вместе с гераклеотами в далекую Таврику.

Последнее и решающее опровержение гипотезы Шнайдервирта/Гюмезева принесли охарактеризованные выше археологические материалы из Херсонеса, включая и надписанные остраконы: все они простираются во времени от последней четверти VI и на всем протяжении V в. безо всякого перерыва. Отсутствие каких-либо лакун в поступлении прежде всего амфорной тары, далее простой чернолаковой и парадной посуды, а также установленная выше регулярная в V в. практика остракизма, заставляют решительно отказаться от самой по себе вероятной идеи о так называемом «вторичном основании поляса» (βευτέρη ἑστῆσις) в 422 г.: преобладание на остраконах ярко выраженных дорийских личных имен, среди них таких, как Μεγαρόων, наряду с использованием мегарского алфавита, делает бесспорным, что Херсонес Таврический был раз и на-

всегда основан в последней четверти VI в., и его метрополией была Гераклея Понтийская.

Но в какой же все-таки точно год гераклеоты вместе с делосцами по указанию Дельфийского оракула вывели колонию в Юго-Западный Крым? В ранней истории Делоса был один-единственный момент, когда это могло произойти, а именно в ходе первого «очищения» острова знаменитым афинским тираном Писистратом. Об этом событии дважды упоминает Фукидид (I, 8, 1 и III, 104, 1) и более подробно повествует Геродот (I, 64, 2): «Вдобавок к этим деяниям он [Писистрат] еще и очистил остров Делос по оракулу, очистив же следующим образом. На сколько простирался взор от храма, со всего этого пространства он велел вырвать из земли покойников и перенести их в другое место острова». Поскольку третья тирания Писистрата, когда он предпринял эту «благочестивую» акцию, длилась ровно год до его смерти – от 529/8 до 528/8 г.³⁶, очищение Делоса следует поместить точно на 528 г. до н.э. В науке долгое время держалось и продолжает бытовать и по сей день убеждение в том, что Писистрат очистил обширную сакральную зону вокруг святилища Аполлона Делосского только от погребений, т.е. от мертвых. Однако французские раскопки на острове установили, что очищенная зона была достаточно плотно покрыта не только могилами, но и примитивными жилищами делосцев³⁷. А Галле де Сантер замечает в одном пассаже по поводу открытого текстом: «Чтобы изгнать последних обитателей из этих ветхих жилищ, следовало, нужно думать, обладать крутым правом тирана, который, как и в Афинах, проводил активную политику общественного строительства, либо вторжение афинян на Делос, кажется, было во всех сферах более жестоким, чем у их предшественников»³⁸. Такой насильственной акции не произошло, к примеру, во время второго очищения Делоса в 426 г., когда афиняне всего лишь убрали с острова последние погребения, но ни один живой человек не был вышвырнут из своего жилища, о чем афиняне – судя по глухому намеку патриста Фукидида (V, 1) – сами потом сожалели³⁹.

Вследствие подобной решительной акции афинского тирана, которая деиноком и полностью укладывается в русло его экспансионистской политики, многие делосцы остались без крова, и стали перед дилеммой: либо найти на острове иное место обитания, либо искать лучшей доли в

чужих краях. Тогда-то и пришел им на помощь их бог в Дельфах, вообще недружелюбно настроенный по отношению к устремлениям Писистрата⁴⁰. И когда в тот же самый момент гераклеоты запрашивали пифийский оракул, куда им лучше всего вывести свою апоикно, Аполлон дает им прорицание: при любом условии «заселить Таврический полуостров вместе с делосцами». Известная часть оставшихся без крова жителей Делоса должна была последовать божественному промыслу и отправиться в далекую Тавриду, тем более что в отличие от ситуации 422–421 гг. они не могли тогда рассчитывать на то, что лишившийся их жилья афинский тиран скончается ровно через год. Со стороны же гераклеотов это было, в общем и целом, активной спасения, почему память об их гуманном деянии жила в сердцах делосцев столетиями, и еще в эллинистическое время на Делосе на средства специального фонда справлялся праздник Херсонесий⁴¹. Таким образом, дату основания Херсонеса Таврического следует точно поместить на 528/7 г., что – как мы убедились выше – деиноком и полностью согласуется с показаниями археологии.

Тем не менее, как и прежде, остается не снятым с повестки дня вопрос: какие же мотивы побуждали тогда гераклеотов основывать на противоположном берегу Понта Евксинского новую апоикно? Чтобы основательно разобраться в этом вопросе, необходимо более детально коснуться начальной истории Гераклеи, которая на наше счастье, освещена в одном пассаже «Политики» Аристотеля. Судя по многочисленным отсылкам к гераклейской истории в основополагающем труде Стапирита, основой им послужила созданная самим философом или под его наблюдением одним из учеников его Ликей «Полития гераклеотов», из которой потом он в компримированной и препарированной форме черпал примеры, иллюстрирующие его теоретические построения⁴². В любом случае, не остается сомнений в том, что при создании локальных Понтий Гераклея пользовался разнообразными, но очень надежными источниками. В интересующем нас отрывке (Arist., Pol. V, 3, 1304 B) сообщается: «Демократия была упразднена и в Гераклею тотчас же после основания колонии, по милости демаргонов. Ибо ущемляемая ими в правах знать должна была уйти в изгнание; потом изгнанные собрались вместе и, вернувшись на родину, упразднили народовластие».

Согласно этому свидетельству, в Гераклею вскоре после ее основания около 550

г. до н.э.⁴³ разразился политический конфликт (*στάσις*) между демократами и аристократией. Зачинщиками распри Аристотель называет демагогов, которые в какой-то сфере общественных отношений ущемили права знати. Не поддежит никакому сомнению, что в данном случае речь должна идти не о политических правах, но о самом животрепещущем - праве землевладения, а именно о распределении и размерах земельных наделов⁴⁴. «Обиженные» демагогами аристократы почувствовали себя вынужденными отправиться в изгнание. Д. Ашерс высказал удачную гипотезу о том, что знатные гераклеоты нашли себе убежище в таких укрепленных резиденциях Гераклеотиды, как Пана, который (согласно справке Стефана Византийского), «почти название от одного из гераклеотов, который прибыл из Беотии, будучи потомком Пенеяса, участвовавшего в походе на Трою». Воистину не исключено, что такие «центры власти» оппозиционеров⁴⁵, по многократно отработанной модели греческих стасисов, после состоявшегося акта изгнания намеренно укреплялись где-нибудь на дальних рубежах Гераклеотиды.

Но Пана стал не единственным прибежищем побежденной знати Гераклеи. В другом месте тот же самый Пс.-Скимн сообщает (760-762 Diller): «Город Каллатис стал апойкией гераклеотов по прорицанию; они основали его, когда Аминта принял власть над македонянами». С первого же взгляда бросается в глаза параллелизм обоих свидетельств перизгета: Херсонес был основан «согласно некоему прорицанию», а Каллатис - «по прорицанию». С другой же стороны, хронология основания обеих колоний не совпадает. Неизвестно, когда точно македонский царь Аминта I взошел на престол, поскольку по замечанию К.Ю. Белога, «годы правления ранних царей [Македония] были искусственно ранжированы хронографами»⁴⁶. Однако из одного места Геродота (V, 94) следует, что в момент изгнания Писистратидов в 511/10 г. Аминта уже сидел на престоле. Если мы воспремем от Евсевия (103b; Hieron, 103, S.348 Helm) узкую (42 года) и широкую (50 лет) хронологию срока правления Аминты и вслед за новейшими исследователями отнесем его смерть к 498/7 г.⁴⁷ то как его приход к власти, так и, соответственно, основание Каллатиса, по вычислениям древних хронографов, от которых черпал информацию Пс.-Скимн, должны были произойти в 40-е гг. VI в. - между 548 и 540 гг.⁴⁸ Это полностью совпадает по времени с показанием

Аристотеля о том, что политический распри в Геракее разгорелся «точнее же после основания апойкии» в 550! Опытедети Каллатиса именно гераклеотской знати может свидетельствовать такой ярко выраженный олигархический государственный институт, как пробудия, всплывающая в каллатидских эллинистических декретах и - напротив - ни разу не засвидетельствованная в демократическом Херсонесе⁴⁹.

Известное время спустя аристократическая диаспора изгнанных гераклеотов собралась из ближних и дальних мест свои силы, вернулась с оружием в руках на родину и свергла в Геракее демократию, при этом у демократов были отняты те самые права, которых они сами некогда лишались: прежде всего и главным образом - право земельной собственности. Примечательно, что Аристотель ни словом не обмолвился на сей раз об изгнании демоса, но только о крушении народо-властия. Обезземельные гераклеоты вынуждены были, однако, где-то искать себе пристанища и пропитания, а потому был избран уже апробированный, «благоприятный» путь изгнания: снова запросили Дельфийский оракул с просьбой дать указание, куда побежденным демократам надлежит вывести новую апойкию. Пророческий ответ Аполлона Пифийского им уже известен: именно таким путем в 528/7 г. в Юго-Западном Крыму был основан Херсонес Таврический, где, по меньшей мере до начала IV в. до н.э., правил демократия. Отсюда и проистекает разяснение, почему херсонеситы столь рано, почти с первых шагов своего обитания на новом месте выводят у себя остракизм. Аристотель недвусмысленно заявляет, что виновниками грядущих бед демоса Гераклеи стали именно его предводители - *οἱ ἄρχαγοὶ*. Современные исследователи афинского остракизма приходят к выводу, что столь радикальная процедура как суд черепков является средством политической борьбы не против олигархии или тирании, но лишь против тех лидеров самых различных партий, которые в глазах общественного мнения представляли собой угрозу существующему порядку⁵⁰. В этом смысле термин Аристотеля уместнее всего понимать в его буквальном значении: «демагоги» - это те партийные лидеры, которые ведут за собой народную массу. Едва ли стоит сомневаться в том, что херсонесский остракизм не был скопирован из Афин, но унаследован из праметрополии, где он был в ходу, согласно свидетельству схолий к ст.855 «Ведников» Аристофана: «Не только афинские

применяли остракизм, но также агросци, милетяне и метарцы». Первое поколение херсонеситов намеревалось таким способом избежать, по возможности, роковых ошибок своего недавнего прошлого.

После всех приведенных выше хронологических вычислений мы получаем блестящее подтверждение свидетельства Стацирита: от основания Гераклеи в 550 г. до изгнания аристократов должно было пройти не более 10 лет, а до «почетного» изгнания демократов - около 20 лет.

Под конец нам остается ответить на последний вопрос: откуда в молодом Херсонесском полисе появился столь ошущимый контингент ионийских колонистов? Списывать все соответствующие ономастические элементы только за счет делосского участия в колонизационном потоке было бы непропорционально по той простой причине, что среди антропонимов на херсонесских остраках присутствуют такие, которые имеют ярко выраженную милетскую окраску, как например: Μολλᾶς, Ιουττίους и особенно Κρητίνας Μυός, который примечательным образом не только имеет типично карийский патронимик, но и повторяет имя основателя Синопы, бывшего, по свидетельству Пс.-Скимна (994-995), изгнанником из Милета. Однажды высказанная нами мысль о совместном колонизационном предприятии гераклеотов и синопейцев либо жителей дочерних выселков Синопы⁵¹ должна быть теперь оставлена по той очевидной причине, что все документированные херсонесскими остраками личности - сами они либо их отцы и деды - происходили из гражданского коллектива Гераклеи.

На помощь решению этой проблемы может прийти свидетельство Страбона (XII, 3, 4), который со ссылкой на конкретно не указанный источник («говорят, рассказывают») - хотя, не исключено, на Феопомпа⁵² - двоекратно сообщает: «Ведь в области маринандинов основана Гераклея, выселок милетян» и, чуть далее: «Рассказывают и то, что первыми Гераклею основали милетяне, заставившие маринандинов, до них владевших этой местностью, служить им илотами». Независимо на тотальный скепсис по отношению к свидетельству Страбона⁵³, либо на предложенные попытки искать следы милетян в более ранней фактории⁵⁴, или объяснять это проникновением на территорию Гераклеотиды волн синопейцев с востока⁵⁵, мы придерживаемся твердого мнения, что сообщение Страбона заслуживает самого серьезного внимания, и это ныне

доказали остраконы из Херсонкса с типично милетскими именами.

Начальная история Гераклеи видится нам следующей. На первом этапе, до середины VI в. на место более поздней дорийской Гераклеи была выведена апоикья либо непосредственно из Милета, либо двинувшимися на запад переселенцами из Синопы, однако не как фактория, но как настоящий полис, коль скоро его община оказалась в силах покорить окрестных маринандинов. Затем около 550 г. прибыла хорошо организованная в Греции и, по всей видимости, достаточно мощная колонизационная экспедиция метарян вместе с беотийцами, которую, что примечательно, возглавлял не единственный, но несколько ойкистов. Несмотря на то, что Эфор сообщает о беотийцах, овладевших во главе с метарцем Гнесисхом Маринандинией⁵⁶, более доверия заслуживает справка у Суды (S.V. Ηρακλείδης Εβροφός), согласно которому, род Гераклаида Ποντίησκου восходил к Дамиду, «одному из возлагивших выведение апоикьи в Гераклею из Финя». В принципе, эта дорийская колонизационная волна была не апоикией, но эпоикией, поскольку она прибыла в уже заселенный милетянами город, однако без изгнания или подчинения первопоселенцев дорьями. Гераклопоправие в распределении земельных наделов между исконными и добавочными колоонистами и создало - как это случалось на каждом шагу в ходе Великой греческой колонизации - питательную почву для латентных социальных конфликтов.

И если, к примеру, в Ольвии вскоре после середины VI в. подобный конфликт был мирно разрешен с получением оракулярного наставления из Дидим⁵⁷, то в Гераклею именно в то же самое время дело дошло до распада гражданского коллектива по партийному принципу - «δσμος-γνᾶσις» - и в конечном итоге к взрыву политической борьбы, ход и последствия которой изложены выше. Только с утверждением в Гераклею победившей дорийской олигархии местная официальная историография, к которой относятся такие громкие имена, как Проматид, Нимфид, Гераклид Ποντίησκυ и др., начала упорно разрабатывать исключительно метаро-беотийскую версию основания своего родного города, которая в дальнейшем и утвердилась во всеобщей греческой историографии⁵⁸. Интересно, что историко-основания Гераклеи повторил mutatis mutandis ее дочерний выселок, Каалатис: Помпояний Мела (II, 22) - единственный, кто сообщает, что «Каалатис выведен милетянами». Несмотря на по-

добный же глобальный скепсис, как и в случае с милетским основанием Гераклеи, в эллинистических надписях Камлатиса отыскиваются опорные точки, которые позволяют реабилитировать свидетельство Мевы¹⁹.

Предложенными на суд читателя изысканиями авторы пытались сделать очевидным то, какой скрытый потенциал таит в себе комплексное исследование эпиграфических, архе-

ологических и нарративных источников античной традиции, способное пролить новый свет на давно устоявшиеся в науке представления о самой ранней, зачастую весьма темной истории греческих колоний, расположенных по берегам Понта Евксинского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Древнейший Херсонес // Причерноморье в VII-V вв. до н.э. Письменные источники и археология. Тбилиси, 1990. 48-74; Vinogradov Ju.G., Zolotarev M.I. La Chersonese de la fin de l'archaïsme, in: Le Pont-Euxin vu par les Grecs. Paris, 1990. P.85; Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S.397 (mit Zolotarev M.I.) [далее - PS].

² Saprykin S.J. Khersonesos Taurike: New Evidence on a Greek City-State in the Western Crimea // The Hellenic Diaspora. I. Amsterdam, 1990. P.230-235; idem. Heracleia Pontica and Tauric Chersonesos before Roman Domination (VI - I Centuries B.S.). Amsterdam, 1997. P.57-71; Зеденидзе А.А. К вопросу о древней дате основания Херсонеса Таврического. РА. 1993. №3. С.50-56.

³ Золотарев М.И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. С.14.

⁴ Белов Г.Д. Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. XIII. 1972. С.17-26.

⁵ Зеденидзе А.А. О времени основания Херсонеса Таврического // КСИИ. 159. 1979. С.27.

⁶ Завойкин А.А. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // РА. 1992. №3. С.40-56.

⁷ Далее номера зарегистрированных на сегодняшний день остраконов цитируются по каталогу, который будет помещен нами в расширенной публикации.

⁸ Этот пример как нельзя более убедительно развивает скепсис Е.Я. Туровского в том, что одиночные ЛИ в пог. принадлежат кандидатам на издание при остракофории (см. примечание 10).

⁹ Публикация выборки остраконов из афинского Керамика показала, что черепки для остракофории не добывались на мусорных свалках, но происходили от свежеразбитых сосудов: Brenne St. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. London, 1994. P.19 f, Fig.20-25 (далее Brenne).

¹⁰ Соломоник Э.И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. №3. С.121-124; она же. Inedita // Поэма филология. 85.1987. С.111-114. №1-4; Туровский Е.Я. Три новых граффити из Херсонеса и его ближайшей округи // Древности. Харьков 1996(1997). С.98-100. Рис.3.

¹¹ Гилевич А.М., Щеглов А.Н. Херсонесец Батилл, сын Никагора // Hyperboreus, Vol.2. Fasc. 2. 1996. С.100-124.

¹² PS, p.407, note 53, ср./p./419, Nachtrag. Об этой методике см. Robert L. Sur les inscriptions de Delos // Etudes deliennes. BCH. Suppl.1. 1973. P.439, 445, 462. Серия дублетов с Ли Крениес Муос заставляет теперь отодвинуть употребление мегарского афадитиса с Херсонеса по меньшей мере до середины V в. до н.э.

¹³ PS, p./405 suiv. Напомним, что первый остракизм состоялся в Афинах в 488/7г.

¹⁴ Brenne, p.13-24. В пересохшем русле Эридана в 1996 г. был обнаружен сброс из более чем 8 500 остраконов!

¹⁵ Peek W. Inschriften, Ostraka, Fluchttafeln // Kerameikos. III (1941) Nr.63, 116, 117; Willemsem F. // AM.80, 1965. Nr.1, 5; Willemsem F., Brenne St. // AM.106.1991.S.150, 156; Brenne, Nr.21-24, 30; Kritsas Ch.B. // Horos. 5.1987. Pl/17; Lang M. Ostraka. Ath. Agora. XXV (1990). P.17 (31 Ex.)

¹⁶ Vanderpool E. Ostracism at Athens. Cincinnati. 1970. P.8, Fig.19; Brenne, p.14, Fig.3-4.

¹⁷ Brenne, p.14, fig.5-6.

¹⁸ Соломоник Э.И. Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. №3. С.125-131; ср. Dubois L. Bull. ep. 1989, 478; SEG XXXVII, 661.

¹⁹ Brenne, p.13, fig.1-2.

²⁰ PS, p.406.

²¹ Brenne, p.15 f, fig.10.

²² Об этих территориально-родовых подразделениях граждан см.: Hanell K. *Megarisch-Studien*. Lund, 1934. 138-144; Loukoroulou L.D. *Contribution a l'histoire de la Thrace Propontique*. Athenes, 1989. p.138-142.

²³ Перевод дается по лучшему изданию: Diller A. *The tradition of the Minor Greek Geographers*. Lancaster, Oxford, 1952. P.169. В основу перевода И.И. Березкова (Ск. I. С.88 сл. = ВДИ. 1947. №3. С.31): «С этими местами граничит так называемый Херсонес Таврический с эллинистическим городом») положено распределение отрывков по старому изданию К.Мюллера, а потому он не отражает реальной ситуации: под «Херсонесом Таврическим» перизетт явно разумеет не весь Крым, но конкретно Гераклеийский полуостров, граничащий с областью обитания тавров.

²⁴ Schneiderwith H. *Das pontische Herakleia*. Heiligenstadt, 1882. S.16.

²⁵ Idem. *Zur Geschichte von Cherson (Sebastopol) in Taurien (Krim)*. Berlin, 1897. S.3-4.

²⁶ Тюменев А.И. Херсонесские этюды. I // ВДИ. 1938. №2. С.245-264; автор перечисляет прочие датировки основания Херсонеса как до, так и после Шнайдервирта.

²⁷ Число единодушных адептов датировки Шнайдервирта/Тюменева велико, ограничимся основными работами: Белов Г.Д. Херсонес Таврический. А., 1948. С.33 сл.; Гайдукевич В.Ф. Краткий очерк истории // Античные города Северного Причерноморья. М., А., 1955. с.67; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический, М., 1986. С.52 сл. = Idem. *Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus*, p.57; Idem. *The Foundation of Chersonesus Taurica* // *The Greek Colonisation of the Black Sea. Historia Einzelschriften*, 1998. В западной науке: Burstein S. *An outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea*. Berkeley etc., 1976. P.34; Danoff Chr. *Pontos Euxineus* // *RE, Suppl. IX (1962)*. Sp. 1106; Bernhard M.L., Sztetyllo S. *Chersonesos* // *Princeton Encyclopedia of Classical Sites (1976)* 221 f.; Avram A. // *Il Mar Nero*. I. 1994. p.172. Expressis verbis должны признаться, что и мы несколько не сомневались в ее непоколебимости: PS. S.397.

²⁸ Литература об этом обширна, см. например: Фролов Э.Д. Тирания в Гераклее Понтийской // *АМА*. 2. 1974. С.114-139; Burstein S.M. *Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea*. Berkeley, 1976. P.36-46; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический, М., 1986. С.16-52.

²⁹ Тюменев. Ук.соч. С.257; Burstein. Op. cit. P.34 f.

³⁰ Домацкий Я.В. К предистории Херсонеса Таврического // *АМА*. С.37-46.

³¹ См. например: Зельин К.К. Помпей Трог и его сочинение «*Historiae Philippicae*» // ВДИ. 1954. №2. С. 184: «Фактический материал вновь подвергся пересмотру и отбору с примитивной морализующей точки зрения».

³² Разобранная интерпретация вызвала законную критику С.Ю. Сапрыкина (Гераклея Понтийская ... с. 53), однако его собственная попытка выявить причины возникновения колонии в Таврику практически только к удовлетворению интересов торгово-земледельческой знати базируется исключительно на логических умозаключениях.

³³ Parke-Wormell, N 401,402 (cp. vol.1. P.62) = Fontenrose. *Delphic Oracle*. Q94.

³⁴ Parke-Wormell, N 419 = Fontenrose. Q233 (310 B.C)

³⁵ Ср. Тюменев. Ук. соч., с. 255; Meiggs R. *The Athenian Empire*. Oxford, 1979. P.302: «Сомнительно, прислушались бы афиняне к призыву Дельфийского Аполлона, если бы война не была закончена».

³⁶ Heibuchel F. *Die Chronologie der Peisistratiden in der Althis* // *Philologus*. 101. 1957. S.84-86.

³⁷ Gallet de Santerre H. *Delos primitive et archaïque* (BEFAR 192). Paris, 1958. P.300: «Все открытые к настоящему моменту в этом районе фундаменты принадлежат жилищам... Гражданские сооружения, насколько мы знаем, были вынесены за ограду святилища».

³⁸ *Ibid.*, p.301.

³⁹ *Thuc.* V,1: «И во время перемирия (422 г.) афиняне изгнали деосэтеев с Делоса, считая, что из-за какой-то древней вины те при посвящении были нечистыми, а вместе с тем, что они сами именно это упустили сделать при очищении, о коем мною поведано раньше, когда они, убрав могилы своих покойников, сочли, что поступили правильно». Важно отметить, что то место его труда, на которое ссылается здесь Фукидид (III, 104), начинается как раз с упоминания о первом очищении Делоса Писистратом!

⁴⁰ Поэтому улыбку вызывает примечание Г.А. Стратановского к переводу пассажира из

Геродота (I, 64): «Очищение» о Делосе, национальной святыни ионийского племени, Писистрат произвел, чтобы снискать милость дельфийского бога, который (в лице его жрецов) санкционировал его владычество в Афинах» (Геродот. История. А., 1972. С.503. Прим.49). Как справедливо отметил Р.Краз, Писистрат получил оракулярную санкцию на свое деяние где угодно, но не в Дельфах, где ему вообще не было дано ни одного пророчания (Crahay R. La Litterature oraculaire chez Herodote. Paris, 1956. P.86 suiv); от себя добавим - а скорее всего, вообще без всякого оракула.

⁴¹ Вопрос весьма обстоятельно разобран А.И. Тюменевым (Херсонесские этюды, 2 // ВДИ. 1938. №2. С.265-275.)

⁴² Доватур А.В. Политика и Политии Аристотеля. М., А., 1965. С.115 - 187. Фрагменты из «Политии гераклеотов» перечислены на с.137, III, 13(93).

⁴³ Дата основания Гераклеи синхронизируется Пс.-Скимном (1016-1019 Diller) с покорением Кирос Мидии, каковое современные иранисты относят не к 560г., как прежде, а к 550 г., см. Frye R.N. The History of Ancient Iran. Munchen, 1984. P.91 f.

⁴⁴ Ср. Burstein. Op. cit. P.23f; Asheri D. Uber die Fruhggeschichte von Heracleia Pontike // Ergänzungsbande zu TAM, Nr. 5 Wien, 1972.S.29

⁴⁵ Gehrke H.J. Stasis. Munchen, 1985. S.227; Виноградов Ю.Г., Шеглов А.Н. Обрезывание территориального Херсонесского государства // Эллинизм. М., 1990. С.342 сд.

⁴⁶ Beloch K.J. Griechische Geschichte. Bd.III, 2. S.52.

⁴⁷ Borza E.N. In the Shadow of Olympus. The Emergence of Macedon. Princeton, 1990. 103; ср. Hammond N.G.L. A History of Macedonia, II. Oxford, 1979. P.60; Errington M. Geschichte Macedonien. Munchen, 1986. S. 18, 271- два последних автора указывают дату 497/6 г.

⁴⁸ Поэтому неприемлем подход тех исследователей, которые, цитируя Пс.-Скимна, тут же относят название Каллатис к концу VI в., либо же вовсе неперно передают однозначное свидетельство Полиета, как например Pippidi D.M. I Greci nel Basso Euboeo. Milano, 1971. P.38: «Каллатис... должен был быть основан, когда царь Аминта привид Македонией».

⁴⁹ Avram A. Zur Verfassung von Kallatis in hellenistischer Zeit // Il Mar Nero. I. 1994. S. 171 - 174.

⁵⁰ См. например: Tomsen R. The Origin of Ostracism. Gyldendal, 1972.

⁵¹ PS, S. 410.

⁵² Asheri. Op. cit. S.12

⁵³ Главный и единственный аргумент всех скептиков, критиков и корректоров Стрёмбо-на состоит в отсутствии какого-либо материала, подтверждающего ионийское присутствие в Гераклее. См. Asheri. Op. cit. S. 13, где приведены точки зрения Руге, Белоха, Минц, Лотце, Маццарино, Шерлинга.

⁵⁴ Schneiderwirt. Op.cit. S.8 f; Hanell. Op. Cit. S.135.

⁵⁵ Asheri. Op.cit. S.13-17; contra: Burstein. Opsit. P.106 f, Note 36.

⁵⁶ Ephoros, FGrH 70 F 44b; ср. Plut., mor 408A; Asheri. Op. Cit., S.24; автор допускает, что информация поступила от Эвфориона (F 90 Scheidweiler).

⁵⁷ Руслева А.С. Милет - Дидимы - Борисфен - Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. №2. С.25-64; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. М., 1989. С.78-80.

⁵⁸ Нельзя при этом забывать, что в сохранившейся части труда Мемнона история Гераклеи начинается с установления в 364/3 г. тирании Клеарха, поскольку первые семь книг пади жертвой ножицу патриарха Фотия (FGrH 434), и от прочих гераклейских историков дошли лишь жалкие отрывки (FGrH 430-433).

⁵⁹ Предварительно см. Виноградов Ю.Г. Военные конфликты на Понте с участием эллинистических греческих полисов из-за монопольных и территориальных притязаний // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С.218 сд.

ИОНИЧЕСКИЙ ОРДЕР В АРХИТЕКТУРЕ ХЕРСОНЕСА IV - II ВВ. ДО Н.Э.

Ионический ордер, наряду с дорическим, оказал определяющее влияние на развитие монументальной архитектуры Херсонеса в эллинистическое время. В связи с тем, что археологическая сохранность архитектурных объектов, с которыми можно было бы уверенно соотнести детали ионического ордера, крайне неудовлетворительна, подробное изучение последних имеет исключительно важное значение. Их коллекция в настоящее время насчитывает около 200 экземпляров и увеличивается с каждым полевым сезоном.

Предпринятый мною стилистический анализ деталей дал возможность построить их в хронологическом ряду. Это, в свою очередь, позволило выявить особенности развития ионического ордера в архитектуре домитридатовского Херсонеса, рассмотреть вопрос о взаимоотношении с архитектурными школами метрополии, а также высветить роль ионического ордера в формировании облика городской застройки

ки античного Херсонеса и, наконец, определить место монументальной архитектуры ионического ордера Херсонеса в системе аналогичных памятников Северо-Причерноморского региона.

СOLIDная выборка деталей наружных и, частично, внутренних ордеров дает возможность утверждать, что появление ионического ордера в архитектуре Херсонеса следует относить к рубежу поздней классики - раннего эллинизма. При этом наиболее ранняя деталь из известных - мраморная база анта - судя по характеру прорисовки богатой рельефной порезки, датируется не позднее второй четверти - середины IV в. до н.э.¹ (рис. 1, 34). Это, однако, не противоречит установленной хронологии, т.к. база была привозной.

Время раннего эллинизма характеризуется, как известно, резко возросшей строительной деятельностью во всех северопричерноморских центрах, выразившейся в широкомасштабных градостроительных мероприятиях - перестройках и перепланировках старых общественных центров и строительстве новых, появлении новых оборонительных систем, также целого ряда общественных, прежде всего, культовых сооружений, обширном жилищном строительстве². Активная строительная деятельность, в т.ч. строительство крупных общественных сооружений, являлась, как правило, своего рода показателем уровня экономического развития государства.

В Херсонесе эти изменения прослежены практически повсеместно по всей территории городища³. Именно с конца IV в. до н.э. наблюдается массовое использование ионического ордера в монументальном культовом строительстве и архитектуре малых форм - жилищном домостроительстве и погребальных сооружениях. Необходимо специально подчеркнуть, что, за редчайшими исключениями, архитектурные детали ионического ордера изготовлены из местного известняка и, следовательно, являлись продукцией местных камнеобрабатывающих мастерских. Известные мраморные детали этого времени составляют не более 4% от общего количества. Наряду с дорическим⁴, ионический ордер играл большую роль в формировании архитектурного облика города. Несмотря на то, что деталей

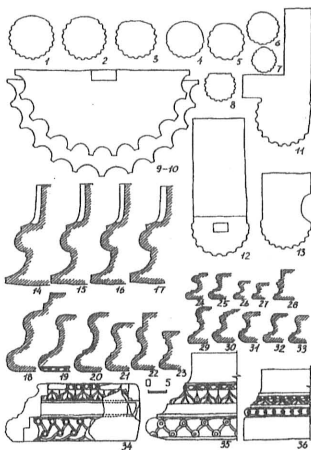

Рис.1.

Планы барабанов колонн и полуколонн (1-13), профили баз колонн (14-33), анта (34), капителей (35,36).

дорического ордера в Херсонесе известно почти в два раза меньше, представляется необходимым утверждать, что ионический ордер был распространен в равной с ним степени, т.к. последний предполагает в целом большее количество стандартных элементов наружных и внутренних конструктивных элементов.

В результате стилистического анализа были выявлены основные направления, определяющие развитие всех составляющих ордерной схемы на протяжении эллинистического времени. Зафиксировано

следование двум архитектурным школам - малоазиатской и аттической. Для ордера малоазиатской школы было характерно наличие богатой рельефной порезки всех профилированных частей. Для ордера аттической школы, наоборот, типична полихромная роспись профилей, имитирующая резьбу. Небезинтересным представляется тот факт, что в ионической архитектуре Херсонеса удалось проследить и ряд стилистических особенностей, в целом характерных для архитектуры ионического ордера Малой Азии. Речь идет, прежде всего, об аттици-

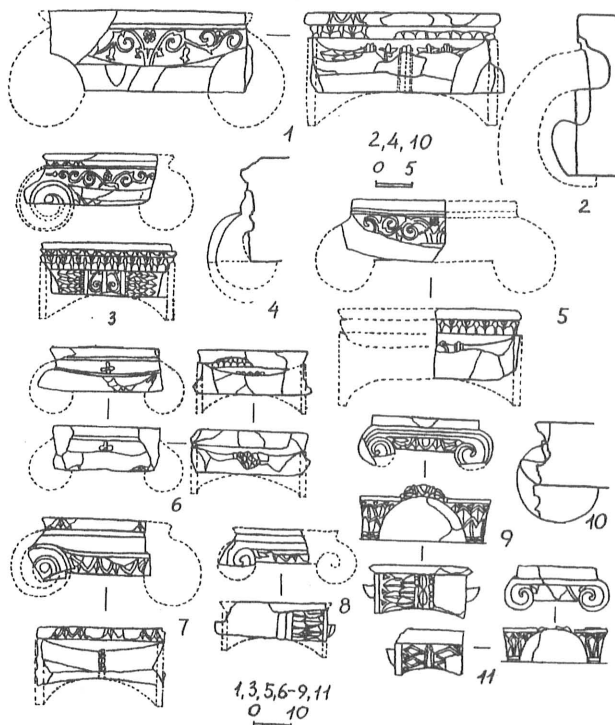

Рис.2.

Капители колонн малоазиатского типа (1-11).

мах" - стилистических приемах, типичных для аттической школы и привнесенных в малоазийскую школу именно после последней четверти IV века до н.э. В херсонесской архитектуре это выразилось в исключительном использовании баз колонн аттического типа - базы малоазийского типа, имеющие характерный декор в виде палетки на вазах или профилированной скоции (за исклю-

чением одного, видимо, незакопченного экземпляра (рис. 1, 19), мне неизвестны. Малоазийской палеткой украшены только цоколи, скорее всего, алтарей (рис. 1, 35, 36). Атрицизмы в малоазийской архитектуре были достаточно частым явлением, проявившимся как в планировочных типах культовых сооружений, так и в заимствовании основных декоративных приемов⁵. Наличие же атти-

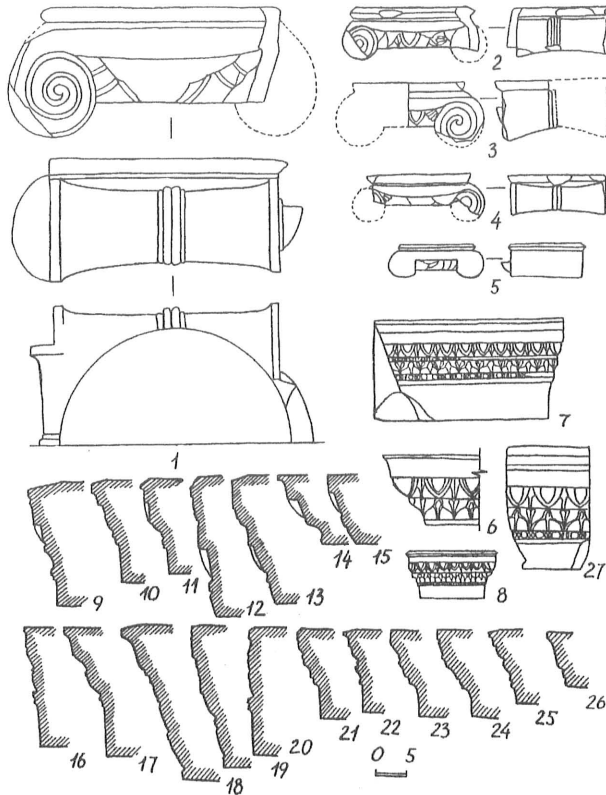

Рис.3.
Капители колонн аттического типа (1-5), антовые капители (6-27).

цизов в херсонесской архитектуре следует, вероятнее всего, связывать с влиянием малоазийской школы.

Наиболее ощутимо влияние малоазийской школы проявилось в декоре капителей колонн и перекрытий - портиков, фронтонов, дверных и оконных проемов. Капители колонн дают практически все из-

вестные в малоазийской архитектуре варианты декоративных решений, причем как широко распространенных, так и редко встречаемых. К последним относится капитель с цветком в центре лицевого фасада (рис. 2,6). Исходный вариант такого декоративного решения известен в капителях эллинистических храмов Артемиды в Сардах,

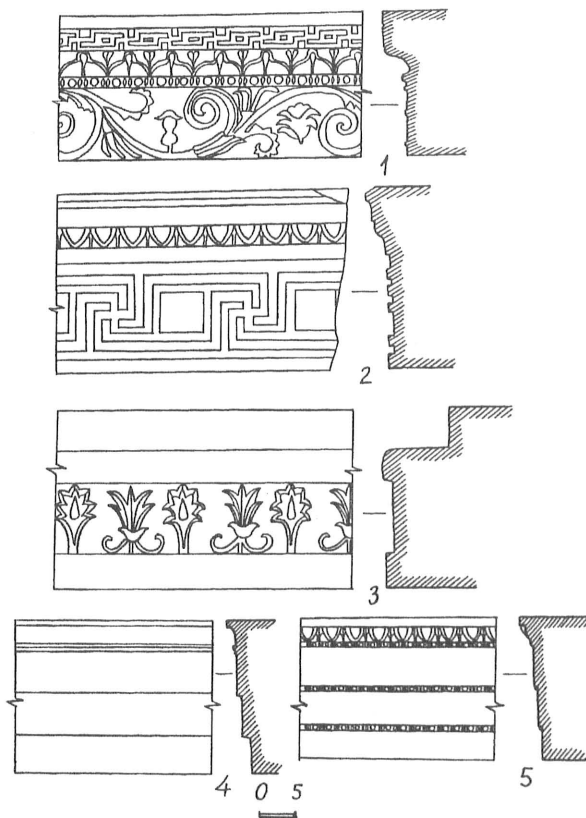

Рис.4.

Фризы (1-3) и архитравы (5) малоазийского типа, архитрав аттического типа (4).

Аполлона Смиггия в Хрисе⁷. Еще одна реплика капители этого типа происходит из Восточной Грузии⁸. Балюстра херсонесской капители, сочетающая гладкий раструб с декорированной мелкими листьями центральной перевязью, относится к комбинированному аттико-малоазийскому типу - еще один характерный примераттицизма в малоазийском архитектурном декоре. Аналогии такому решению балюстры известны в деталях конца IV-II вв. до н.э. - храмах Афины и Зевса в Приене⁹, а также ряде культовых сооружений в Магнесии-на-Меандре,

Пергаме, Летооне, и других малоазийских центрах¹⁰.

Несколько херсонесских капителей, к сожалению, плохой сохранности, представляют один из наиболее интересных вариантов декора малоазийских капителей - с растительным орнаментом в виде побегов аканфа по всей длине главного фасада, симметричным относительно центральной оси (рис. 2, 1-5). Балюстра таких капителей относится к аттико-малоазийскому или малоазийскому типам. Для последнего характерен сплошной чешуйча-

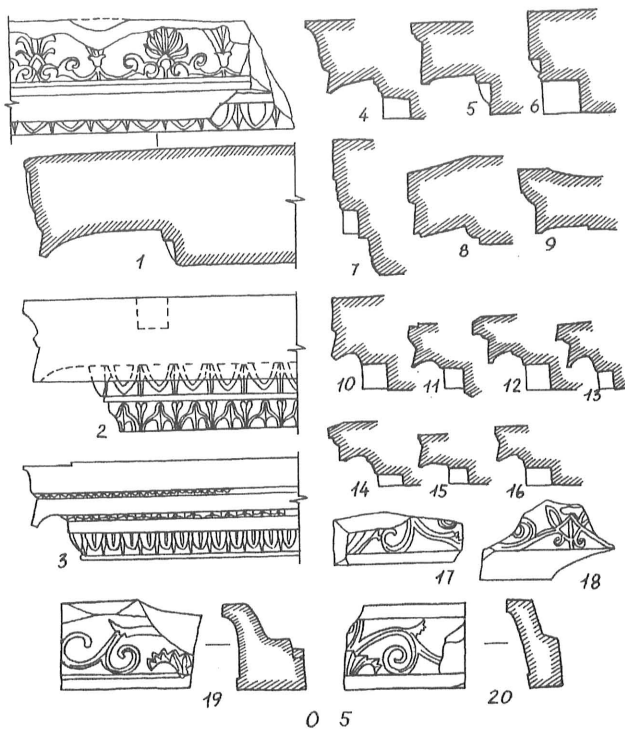

Рис.5.

Карнизы (1-2) и профили карнизов малоазийского типа (4-16), карниз аттического типа (3), симы и их профили (17-20).

тый орнамент из мелких листьев по всей плоскости балюстры. Перевязь балюстры имеет характерный симметричный декор из завитых спиралевидных побегов аканфа. Аналогии таким капителям хорошо извест-

ны в памятниках малоазийской школы конца IV - III вв. до н.э. - храмах в Мессе-на-Лесбосе и уже упоминавшемся Аполлона Смиртия в Хрисе¹¹. Попутно отмечу, что в Причерноморье такие капители встречаются

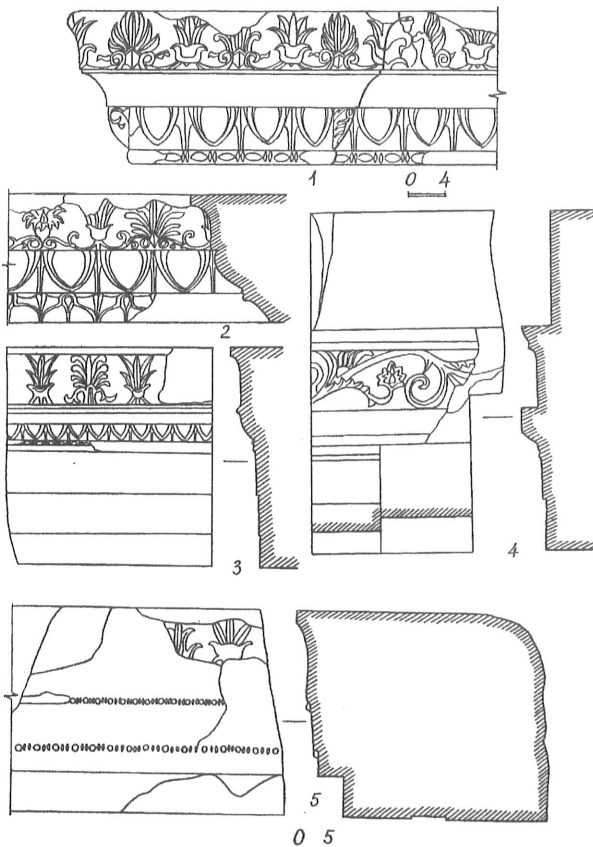

Рис.6.

Сандрики малоазийского типа (1-5).

начато - крупная капитель этого типа происходит из Каллатиса¹².

Позднеэллинистическим временем датируется следующий тип херсонесских ионических капителей, обладающих характерными стилистическими особенностями - отсутствием рельефного декора на подушке лицевого фасада и ее прямой образующей (рис. 2,8-11). Балюстры этих капителей украшены симметрично расположенным орнаментом из крупных листьев. Аналогичные детали из Малой Азии датируются не ранее конца III-II вв. до н.э., а декор балюстр характерен и для более позднего времени, вплоть до I в. до н.э.¹³

Небольшие габариты упомянутых капителей дают возможность предполагать их частичное использование в портиках жилых домов и, вероятнее всего, в интерьерах, о чем свидетельствуют также плоские, непроработанные тыльные фасады отдельных деталей. Размеры же капителей первых двух вариантов свидетельствуют об их использовании в портиках различных общественных сооружений, среди которых вполне могли находиться и храмы. Такое предположение подтверждается и наличием большого количества барбанов колонн различных габаритов - как принадлежавших крупным сооружениям, так и совсем миниатюрных, использовавших-

ся только в качестве декора интерьеров (рис.1,1-13). Последнее хорошо согласуется с датировкой этих деталей не ранее конца IV-II вв. до н.э., когда получили широкое распространение ордерные декорировки интерьеров.

Среди перекрытий малоазийского типа выделяется уникальный комплекс деталей, обнаруженных в обсадке башни XVI, представлявших собой фрагменты архитрава, общей длиной более 3,5 м; фриза, длиной более 2 м; карниза, сандрика¹⁴. Детали эти, продатированные концом IV - первой половиной III в. до н.э., послужили основой для графической реконструкции фасада четырехколонного простиля (рис. 9,1)¹⁵. Архитрав (рис. 4,5) имеет стандартный декор в виде ионийского киматия в венчающей части (угловой ионик декорирован пальметтой), верхняя и средняя фасыи акцентированы шнуром жемчужника. Такая схема декора архитравов характерна именно для раннеэллинистического времени¹⁶.

Очень интересен декор фриза (рис. 4,1) - венчающая часть украшена поалочкой с мезандром и лесбийским киматием с жемчужником, поле фриза - непрерывной линией аканфа с завитками и цветами. Ко внутреннему ордеру, скорее всего, относился фриз, поле которого украшено рельефным анфе-

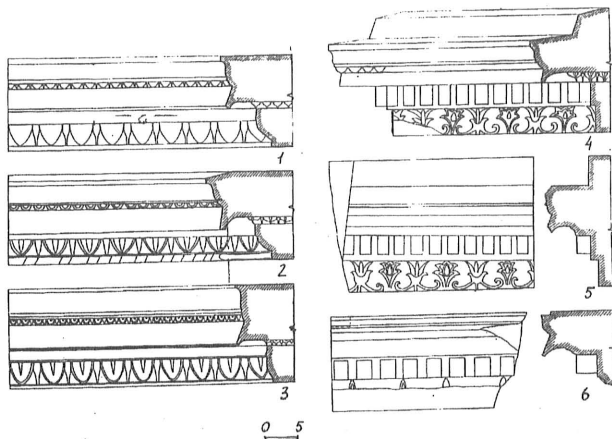

Рис.7.
Надгробные антаблемнты аттический (1-3) и малоазийского (4-6) типов.

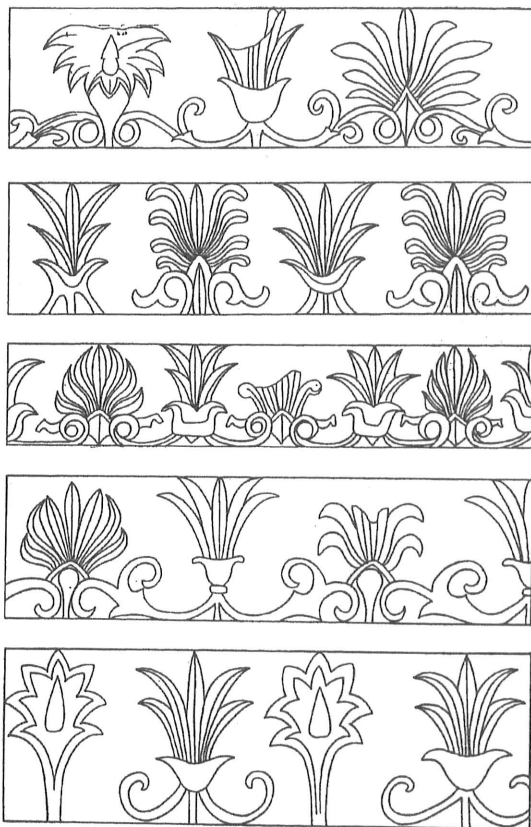
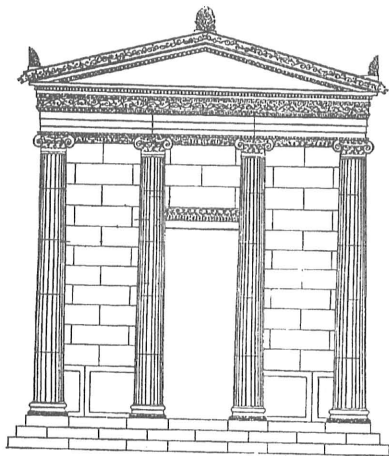
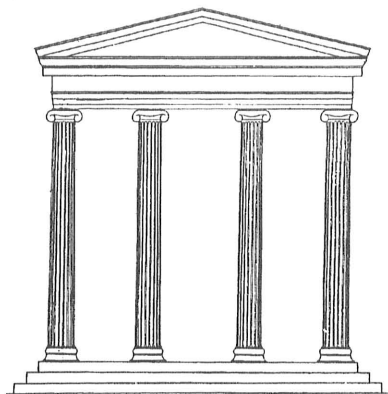

Рис.8.
Варианты рельефного декора малоазийского типа.

1

2

Рис.9.
Фасады херсонесских храмов: 1 - по И.Р.Пичилян, 1977; 2 - по М.И.Золотареву, А.В.Еуйских, 1994.

мием из не соединенных между собой цветов лотоса и аралии (рис. 4,3).

Карнизы малоазийской схемы сохранились в нескольких вариантах. Это карнизы плоских перекрытий, вырезанные в одной плите с сухариками или отдельно от них (рис. 5, 1-16). Сухарики, как правило, являлись непременным элементом декора перекрытий малоазийского типа. Переход от сухариков к слезнику решен обычно в виде ионийского или дельбийского киматиев. Выделяется мраморный карниз с более сложной профилировкой поддерживающей части, состоящий из дельбийского и ионийского киматиев, разделенных четвертным валоом (рис. 5,2).

Четыре фрагмента карнизов с ионийским киматием (рис. 5,5), общей длиной более 3 м, были отнесены И.Р. Пичикияном к фронтонному перекрытию реконструированного им фасада храма¹⁷. Однако новые находки неизбежно вносят коррективы в сделанные ранее реконструкции - мне представляется более уместным в качестве фронтонного для реконструированного портика видеть карниз, обнаруженный И.А.Антоновой в 1992 г. при работах в римской цитадели Херсонеса, в непосредственной близости от башни XVI. Карниз имел традиционный ионийский киматий, характер прорисовки которого идентичен декору упомянутых деталей, и типичный малоазийский анфемий из соединенных между собой пальметт разной формы (рис. 5,1). Такой характер декора наклонного карниза наиболее характерен для малоазийского ионийского ордера¹⁸. В связи с этим мне представляется, что карнизы с овами, помещенные И.Р.Пичикияном на фронтоне, скорее всего, принадлежали плоскому перекрытию портика.

Завершаются обломы ионического ордера обычно симами - херсонесские детали содержали рельефный мотив ползучей ветви аканта с завитками (рис.5,17-20). Такой тип приставных сим также хорошо известен в памятниках малоазийской архитектуры¹⁹. Из причерноморских городов сима такого типа, правда, с декором в виде пальметт, известна в Пантикее²⁰.

Помимо основных ордерных деталей, из Херсонеса происходит интересный комплекс дверных и оконных сандриков, которые, согласно канону, должны были иметь полный набор составляющих анатблемента. Для эллинистического времени это требование соблюдалось не всегда, что давало возможность свободно комбинировать различные варианты декора. Сандрики могли состоять из ар-

хитрава и фриза - эта деталь примечательна наличием вертикальной вырезки для крепления консоли (рис. 6,4); из архитрава и впадующего профиля с анфемием (рис. 6, 3,5), из ионийского и дельбийского киматиев, также завершенных профилем с анфемием (рис. 6,2). Необходимо отметить высокое качество прорисовки резного растительного декора, не уступающее привозным мраморным образцам, примером чего служит редкая деталь - мраморный оконный сандрик (рис. 6,1). Все упомянутые варианты декоративных элементов широко использовались в малоазийской архитектурной пластике эллинистического времени²¹.

Исходя из размеров деталей, можно уверенно утверждать, что в Херсонесе ионийский ордер малоазийского типа применялся как в архитектуре крупных монументальных сооружений, какими, прежде всего, являлись городские храмы, так и в ордере небольших по габаритам сооружений, в частности, жилых домов. Известны и совсем миниатюрные детали - в основном, перекрытия, использовавшиеся в погребальных памятниках (рис. 7,4-6). Составляющие ордера в них в точности повторяли ордерную схему монументальных сооружений.

Ионический ордер аттического типа представлен также значительным количеством разнообразных в топологическом отношении деталей. Прежде всего, известно несколько вариантов профилировки баз колонн, среди которых больше всего деталей т.н. классической схемы, именуемых стандартные обломы: два полуваля, разделенные скопией (рис. 1,18,20-33). Зачастую вместе с базой в монолите была вырезана каннелированная либо гладкоствольная нижняя часть фуста. Эти базы не имели плинта, что характерно для эллинистического времени. Они, как правило, небольших габаритов и совсем миниатюрные, что указывает на безусловную принадлежность полузакрытым портикам вторых этажей жилых домов и интерьерам.

Следующий вариант профилировки представлен базами неполной схемы, состоящей из полуваля и скопии. Из Херсонеса происходят четыре такие базы (рис. 1,14-17), которые, наряду с открытым *in situ* стилобатом, послужили основой для реконструкции четырехколонного ионического простиля на одном из херсонесских теменосов (рис. 9,2)²². Базы неполной схемы известны также и в Ольвии. Все они принадлежали крупным ордерным сооружениям²³.

Капители колонн аттического типа (рис. 3) отличаются лаконизмом форм - имеют гладкую абакю, простые, сужающиеся к цен-

тру баюстры, перешитые двумя-четырьмя ремешками. К раннеэллинистическому времени относится капитель, подушка которых слегка пропуга над эхином - среди них следует отметить редкую для северпричерноморской архитектуры угловую капитель (рис. 3,1). К позднеэллинистическому времени относятся детали, имеющие плоскую ленту подушки по фасаду (рис. 3,3-5). Почти все они имеют непроработанный фасад, что указывает на использование в интерьерах - капители приставлялись к стене и венчали, скорее всего, колонки небольших naisков-эдикул наддомашними алтарями. Не исключено, что такие колонки могли быть и частью архитектурного обрамления порталов.

Херсонесский лапидарий дает также интересную коллекцию антовых капителей аттического типа, имеющих несколько вариантов профилировки. Эти детали объединяет общая двухрядная композиция фасадов, имеющая либо рельефный декор в виде ионийского и лесбийского киматиев (рис. 3, 7-15,27), либо полихромную роспись (рис.3,16-26). Цветовая гамма включала белый, синий, красный и желтый тона. *Terminus ante quem* бытования деталей с полихромной росписью определяется временем сооружения ядра башни XVII (Зенона) - концом III - началом II в. до н.э.²⁴, откуда многие из них были извлечены.

Перекрытия аттического типа представлены единственным экземпляром, происходящим из башни XVI²⁵. Это карниз с рядом расписного ионийского киматия в нижней части и двумя тонкими шнурами полихром-

ных киматиев - ионийского над слезником и лесбийского под ним (рис. 5,3). Необходимо отметить, что топологически к указанному типу перекрытий относятся и надгробия с полихромной росписью профилей (рис. 7,1-3). Влияние аттической школы нашло отражение и в композиционном построении гробовых стел эллинистического времени, венчающие и цокольные части которых расписаны в аналогичной живописной манере.

Рассмотренная лапидарная коллекция памятников ионического ордера позволяет утвердительно говорить о следовании эллинистической архитектуры Херсонеса основным нормам античной архитектуры того времени. Оба стилистических направления - малоазийское и аттическое - существовали обособленно, не смешиваясь. В результате местными камнерезными мастерскими был создан определенный стандартный набор декоративных элементов, пластических и живописных (рис. 8), которые, многократно повторяясь в декоре сооружений общегосударственного назначения и гражданских постройках, определили своеобразие ордерной архитектуры Херсонеса в течение всего домитридовского времени. Наблюдения над стилистическим развитием архитектурных деталей ионического ордера, их временным распределением как в Херсонесе, так и на других памятниках, входивших в состав Херсонесского государства, позволяют отметить наличие характерных локальных черт, неизвестных в это время в архитектуре других северпричерноморских центров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ganzert J. Zur entwicklung lesbischer Kymationformen // Jdi-Bd. 98-1983.- S.149-150, abb.64,65.
2. Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья.-К.,1993.-С.87 сл.
3. Золотарьов М.И. Про початковий етап будівництва в античному Херсонесі // Археологія-1990-№3.-С.68сл.; Марченко А.В. Западный район Херсонеса в эллинистический период // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тездокл.междунауч.конф.-Севастополь,1997.-С.85-86.
4. Буйских А.В. Некоторые проблемы изучения дорического ордера Херсонеса // Херсонесский сборник-VII.-Севастополь,1996.-С.49 сл.
5. Schadler U. Attizismen an ionischen Tempeln Kleinasiens // IstMitt-41-1991.-S.265-324.
6. Bingöl O. Das ionische Normalkapitell in hellenistischer und romischer Zeit in Keinasien // IstMitt-Heft 20,1980.-N 274,276.
7. Rumscheid F. Die Ornamentik des Apollon-Smintheus-Tempels in der Troas // IstMitt-45-1995.-Taf.6,2,7,2.
8. Закаря П.П. Архитектура античных городов Грузии // Архитектурное наследство.-Вып.37.-М.,1990.-С.13,рис.2.
9. Bauer O. Vorläufiger bericht über die Neubearbeitung des Athena-Tempels zu Priene in den Jahren 1965/66 // IstMitt-18-1968.-Taf.63.

10. Bingol O. *Op.cit.*, N 183,184,191,192,231-232,267-269.
11. Puchstein O. *Das ionische Capitel*.-Berlin,1887.Abb.34,95; Bingol O. *Op.cit.*, N 5,295; Pfrommer M. Bemerkungen zum Tempel von Mesa auf Lesbos // *IstMitt*-36-1986.-S.82-86,abb.2,1-6; Rumscheid F. Untersuchungen zur kleinasiatischen Bauornamentik des Hellenismus.- Mainz,1994.-Bd.2.-Taf.17; Rumscheid F. *Die Ornamentik...*, taf.6,1;7,1,8,1.
12. Saucius-Saveanu Th. *Callatis. VIII-e rapport preliminaire. Fouilles et recherches les annees 1937-1940* // *Dacia*-IX-X-1941-1944. 1945.-Fig.13-13,p.268.
13. Bingol O. *Op.cit.*, N 196,197,270-272; Hoepfner W. Zu den grossen Altaren von Magnesia und Pergamon // *AA*-1989-Heft 4.-S.608,abb.7; Ulz D.M. *The Temple of Dionysos at Teos* // *Hermogenes und die hochhellenistische Architektur. Internationales Kolloquium in Berlin, 1989*.-Mainz, 1990.-S.51-61.
14. Борисова В.В. Эллинистические архитектурные детали // *СХМ*-I-1960.
15. Пичикян И.Р. Храм ионического ордера в Херсонесе / попытка реконструкции // *ИКАМ*-М,1977.
16. Milet, I,9,abb.12; Wiegand T. *Didyma*.-Berlin, 1941.Taf.64; Rumscheid F. *Die Ornamentik...*, taf.12,13.
17. Пичикян И.Р. *Ук. соч.*, рис.2.
18. Milet, I,9,abb.21; Koenigs W. *Der Athenatempel von Priene* // *IstMitt*-33-1983, taf.43; Bingol O. *Op.cit.*, taf.18; Rumscheid F. *Die Ornamentik...*, taf.23.
19. Rumscheid F. *Untersuchungen ...*, taf.52.
20. Блаватский В.Д. Раскопки Пантикапея в 1954-1958 гг. // *СА*-1960-№2.-С.180.
21. Voigtlander W. *Der jungste Apollontempel von Didyma* // *IstMitt*-Bht. 14.1975.-Taf.14; Pfrommer M. *Überlegungen zur Baugeschichte des Naiskos im Apollontempel zu Didyma* // *IstMitt*-37-1987.-Taf.52; Pfrommer M. *Wurzeln Hermogeneischer Bauornamentik* // *Hermogenes und die hochhellenistische Architektur*, s.69-80.
22. Зодотарен М.И., Буйских А.В. *Темнос античного Херсонеса: попытка архитектурной реконструкции* // *ВДИ*-1994-№3.
23. Буйских А.В. *Ордерные архитектурные детали из Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья*. К., 1988.-Рис.4.
24. Стржеleckий С.Ф. *XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зепона)* // *СХМ*. 1969-IV.-С.7-29.
25. *Цыне хранится в экспозиции Гос. Эрмитажа.*
В работе использованы архитектурные детали, хранящиеся в коллекциях Национального заповедника "Херсонес Таврический", Национального исторического музея, Государственного Эрмитажа. Обмеры деталей выполнены автором.

Сапрыкин С.Ю.

АФРОДИТА С ДВУМЯ ЭРОТАМИ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Светлой памяти Веры Щербаковой посвящается

В 1978 г. в Херсонесский историко-археологический заповедник была доставлена мраморная скульптурная группа, которая была случайно обнаружена на Гераклейском п-ве в окрестностях г. Севастополя. По словам нашедших скульптуру лиц, она происходит из Деллагардовой балки, т.е. с территории, входящей в состав ближайшей сельской округи Херсонеса Таврического. Размер скульптурной группы 27,5 x 20,5 см. В настоящее время она хранится в Херсонесском историко-археологическом музее-заповеднике (инв. номер КП 182003) (Рис.1-4). Скульптурная группа представляет собой стоящую полуобнаженную богиню Афродиту или римскую Венеру, в левой согнутой в локте руке которой зажат округлый предмет, скорее всего яблоко, традиционный символ богини. По сторонам фигуры богини показаны два обнаженных крылатых Эрота или Амура: один слева стоит на дельфине и держит в вытянутых руках гирлянду цветов, поднимя при этом немного левую руку; другой крылатый мальчуган, со справа от богини, сидит на выступе скалы и спит, поднимя согнутую в колене левую ногу и положив на колено обе руки и голову, наклонив ее чуть влево и упершись щекой. Стоящая Афродита положила ему на голову вытянутую вдоль тела правую руку, разжав на его голове пальцы ладони. Этим жестом богиня как бы опирается на сидящего спящего Эрота-Амура, делая это заботливо и мягко, проявляя любовь и привязанность к ребенку. Вся скульптурная композиция покоится на подставке, длина которой 19,1 см, ширина — 7 см, высота стоящей богини — 23 см (Рис.1).

Скульптурная композиция выполнена в римское время хорошим мастером. По стилю она не местная, а привезена из римских провинций, скорее всего придунайских, с которыми Херсонес имел в это время тесные связи. Нельзя исключить и того, что скульптура попала в Крым вместе с римскими войсками, поскольку в самом Херсонесе и его окрестностях находились стоянки римских войск¹. Чтобы дать более точную датировку и определить характер всей композиции, необходимо подробнее описать ее отдельные детали.

Начнем с богини Афродиты. Она представлена полуобнаженной, в хитоне, прикры-

вающим ноги, но оставляющем открытым тело. Хитон собран на бедрах валиком и проходит по линии нижней части живота, перекинут через левую, согнутую в локте, руку богини и спадает вниз складками вдоль ее левой ноги. Афродита или Венера стоит, опираясь на левую ногу, а правую оставив чуть расслабленной и согнутой в колене. Мастер очень умело передал выпуклые формы тела богини, придав ее фигуре нежность и женственность, необходимые богине красоты и любви. Голова немного наклонена влево, лицо широкое чуть припухлые щеки и нос, небольшой рот, слегка прищуренные глаза и непропорционально большие глазницы. По исполнению лицо Афродиты уступает показу ее тела, так как в этом компоненте фигуры скульптор изменил правило соблюдения пропорций, которому неуклонно следовал при изображении тела. В результате небольшой рот на припухшем и широком лице, призванный выразить нечто подобное улылке в небольшом углублении между выпуклых щек, резко контрастирует с чрезмерно большим носом и огромными глазницами.

Волосы Афродиты слегка вьющиеся, прикрывают большую часть лба и собраны на затылке пучком, удерживаемым повязкой, в результате чего на лбу и на висках образовался небольшой начес в форме валика, из-под которого на обнаженные плечи богини сзади ниспадают пряди ее волос. Спина Афродиты прикрыта покрывалом-вуалью, которая имеет форму раковины, закрепленной на голове с помощью повязки, удерживающей на затылке пучок волос. Тыльная сторона вуали доходит почти до ног богини, ниспадая тремя складками, аналогичными наростам на внешних панцирях раковин (Рис.4).

Стоящий на дельфине слева от богини крылатый обнаженный Эрот-Амур в руках держит гирлянду цветов; у него улыбающееся лицо в обрамлении курчавых ниспадающих на плечи волос, которые собраны на голове в небольшой пучок. Однако скорее всего на голове Эрота — небольшая остроконечная шапочка. К сожалению, его левая нога утрачена, сохранилась только часть ступни. Спящий справа от богини Эрот — пухляцистый крылатый мальчуган с шапкой курчавых волос. Таким обра-

зом, перед нами скульптурная группа, представляющая богиню Афродиту не только как богиню любви и красоты, но и как божество, тесно связанное с морем, о чем говорит вуаль в виде раковины и Эрот на дельфине; в то же время она представлена в образе хтонического божества, о чем свидетельствуют спящий крылатый Эрот-Гипнос и яблоко в руке богини.

В монументальной скульптурной пластике изображение Венеры или Афродиты в компании маленьких Эротов не является редкостью. Большое количество таких изображений приводится в известном корпусе С. Рейнака: RSGR. Vol.I. P.336. No.1406. Pl.626 – обнаженная стоящая Афродита (Венера) гладит волосы правой рукой, а в левой держит факел, по сторонам стоящие Эроты – один с факелом, другой с лорцом или днрой (Рим, коллекция Шабаз); *ibid.* P.351, No. 1451. Pl. 640 – сидящая полуобнаженная Венера с яблоком в вытянутой правой руке, справа от нее два Эрота, один сидит, другой стоит, тот, который сидит, тянет к ней руку, прося яблоко (Дрезден); *ibid.* P.334. No.1406A. Pl.622A – стоящая обнаженная Венера с бугном в вытянутой левой руке (правая отбита), по сторонам два стоящих Эрота, один держит перед собой лист, другой покрывало (Британский музей); *ibid.* P.328. No.1357. Pl.612 – стоящая обнаженная Афродита (или Венера Медици), слева у ноги которой дельфин, на нем два Эрота, один сидит, а другой карабкается на хвост животного (Флоренция); *ibid.* P.328. No.1358. Pl.610 – стоящая обнаженная Афродита (Venus Marine) с дельфином слева у ноги и двумя Эротами, из которых один сидит на нем верхом, а другой карабкается по хвосту (Дрезден); *ibid.* Vol.II.1. P.377. No.5-6 – сидящая одетая Афродита с двумя Эротами по сторонам на уровне плеч фигуры (Рим и Санкт-Петербург; римская копия богини с гроздьё в руке); *ibid.* No.7 – стоящая обнаженная Афродита с хлебцами в руках, в stefane и лучевой короне (или венке) на голове, у ног которой по бокам на постаментах два крылатых Эрота в острокопчатых фригийских шапочках типа той, что на голове у Эрота – гираидофора из скульптурной композиции с Гераклеяского пана (Сирия); *ibid.* P.378. No.1 – обнаженная Афродита в stefane и с яблоком, у ног Эрот и Приап (Реймс); *ibid.* Vol.III. P.115. No.5 – стоящая обнаженная Афродита с двумя Эротами, с венком на голове и блюдом(?) в руках; *ibid.* P.257.No.8 – стоящая полуобнаженная Афродита, расправляющая руками волосы, по сторонам стоят два Эро-

та с хлебцами и чашами с ягодами в руках, Эрот справа стоит на голове льва или собаки, а Эрот слева – на дельфине (Ватикан); *ibid.* Vol.IV. P.230. No.4 – Афродита с двумя Эротами, из которых один с Психеей (Египет, колл. Даттари). Среди перечисленных скульптурных групп Афродит с Эротами прямых аналогий нашему типу нет, есть лишь отдельные элементы – яблоко, Эрот на дельфине, которые представляют собой близкие аналогии Афродите из Херсонеса. Ко всему прочему, фигуры богинь либо полностью обнажены, либо одеты и сидят, тогда как наша статуэтка представляет богиню полуодетой. В этом смысле близкую аналоию ей дает подобная Венера или Афродита с двумя Эротами из родственного Херсонесу западнопонтийского города Каллатиса (совр. Мангаша), хранящаяся в местном музее: стоящая полуобнаженная богиня левой рукой придерживает повязанный валиком в нижней части живота хитон, прикрывающий лишь ноги богини (Афродита Стыдливая), к сожалению верхний обнаженный торс утрачен. Справа от богини в плоском рельефе изображены два Эрота: один сидит на петухе у самых ног Афродиты, а другой парит над ним в воздухе и пытается передать что-то своей матери Венере (Афродите). Способ повязывания хитона валиком и положение ног богини во многом аналогичны тому, как это показано у Афродиты из Херсонеса Таврического (рис.5). Работа местная и датируется римским временем, скорее всего II-III вв. Эта скульптура повышает шансы определить нашу композицию как привнесенную из Западного Причерноморья, где культ Афродиты был весьма популярен.

Ряд близких аналогий дают скульптурные группы Афродита с одним Эротом: RSGR. Vol.I. P.340. No.1398A. Pl.632 – стоящая обнаженная Венера с сидящим верхом на дельфине Эротом с платком? в поднятой правой руке (Рим); *ibid.* P.338. No.1412. Pl.627 – обнаженная стоящая Венера с обнаженным Эротом слева, который сидит на дельфине (Кавачеппи, 36); этот сюжет вообще очень популярен в римской скульптуре, ряд подобных статуй, получивших название Venus Marine, хранится в Дрездене (RSGR. Vol.I. P.332. No.1379. Pl.620), Париже (*ibid.* No.1380), Венеции (*ibid.* No.1382); в Риме находится статуя полуобнаженной Афродиты (Venus Marine), которая закрывает своей правой рукой низ талии при помощи хитона или покрывала, с Эротом слева, стоящим на дельфине и с факелом в вытянутой правой руке, обращаясь к богине (*ibid.* P.329.

№.1363.Р1614). Косвенную аналогию нашей скульптурной группе дает статуя из Мадрида: обнаженная Афродита или Венера и стоящий верхом на дельфине Эрот, подобный Амуру-Эроту херсонесской статуэтки (ibid. Vol.II, 1. P.375. №9). Можно назвать также статую полуобнаженной Венеры (Афродиты), слева от которой на дельфине стоит Эрот с вазой и выливает оттуда воду (ibid. Vol.III. P.115№2 — из Рима).

Легко убедиться, что основное количество статуарных изображений Афродиты или Венеры в сопровождении Эрота на дельфине⁸ связано с функциями богини как покровительницы воды и водной стихии, а также с морским началом в ее культе, поскольку Афродита, как известно, была рождена в море и появилась из морской пены. Поэтому подавляющее большинство статуй богини с Эротом на дельфине трактуется как изображения Венеры Морской (Venus Marine). Поскольку ни херсонесском экземпляре, несмотря на отсутствие прямых аналогов в греко-римской скульптуре, Афродита или римская Венера представлена с шалью-вуалью в виде раковины и в сопровождении Эрота на дельфине, то и ее можно считать богиней — покровительницей водной морской стихии. Это либо традиционная римская Venus Marine⁹, либо греческая Афродита Euploia или Pontia¹⁰, а может быть популярная у эллинов Северного Причерноморья Афродита Навархиды или Судоводительница (КВН, 30 — Пантикапей; 1115 — Горпиция, 110 гл.з.). Последнее предположение хотя и возможно, но менее вероятно, чем первые два, так как в композиции отсутствуют какие-либо детали корабельной оснастки, неперемennого атрибута Афродиты Навархиды, покровительницы моряков.

Характеристику Афродиты как морской богини подтверждают памятники коропластики. Из некрополя Мирины происходит группа терракот, представляющих Афродиту в образе морского божества: богиня, у ног которой раковина, богиня, сидящая на носу корабля, фигуру которой окружает вуаль в форме раковины или нимба, Афродита на гусе в вуали наподобие нимба или раковины; имеются и традиционные для круглой скульптуры сюжеты — Афродита с дельфином у ног, а также Афродита на быке в нимбе¹¹. Особый интерес представляет Афродита в раковине в сопровождении двух крылатых Эротов и в хитоне, который повязан валяком в нижней части живота и перекинут через опорную левую руку, которой богиня облокотилась о ложе, между Эротами дельфин¹². Эти терракоты многи-

ми чертами перекаляются со скульптурой из Херсонеса, доказывая этим, что в римскую эпоху в изображении Афродиты сохранились реминисценции эллинистического искусства. Что до эрмитажной статуэтки Афродиты в раковине с двумя Эротами по сторонам, то А.Стефани выдвинула предположение, что такой сюжет отражал рождение богини из раковины¹³. Еще в конце прошлого века существовало мнение, что Венера или Афродита в раковине или на фоне раковины и с несколькими Эротами в группе — это сюжет из живописи, который перешел в рельефы. К этой группе памятников относится рельеф на мраморном саркофаге из Палаццо Маттеи в Риме¹⁴, запечатлевший возлежащую полуобнаженную Венеру с яблоком в правой руке (ср. херсонесский тип богини с яблоком), возле которой два маленьких Эрота, из коих один лежит на животе богини, а второй стоит справа с чистой или сосудом (начало III в.). Можно назвать также мраморный саркофаг из Лувра с изображением двух морских кентавров, держащих раковину, в которой находится Афродита в виде одетой полуфигуры в окружении Нереид, Эротов, быков, головы барана¹⁵. На другом саркофаге из Лувра рожде-

Рис.1. Афродита с двумя Эротами с хоры Херсонеса Таврического. Мрамор. Случайная находка в 1978 г. ХИАЗ.

ние Афродиты в раковине сопровождается тремя крылатыми Амурами (Эротами)¹³. Любопытен дуврский рельеф с изображением Дедада и Пасифы, по сторонам которых два Эрота с гиляндами¹⁴, а также передняя часть саркофага с рельефом из Латеранского музея в Риме, на котором полуобнаженная Афродита расправляет волосы, слева Эрот с яблоком в левой руке, справа такой же Эрот, но с гилянцой с повязками на концах, которую он держит в руках; два симметрично расположенных бородастых кентавра держат раковину, под которой два дельфина, а под кентаврами бескрылый Эрот на дельфине¹⁵. Ряд деталей двух последних рельефов имеют параллели со скульптурой из Херсонеса. Поскольку на рельефах с саркофагов воспроизводится сцена рождения Афродиты в окружении морских существ, то здесь Афродита представлена как морская богиня, а подобные сюжеты на памятниках погребального культа должны указывать на ее хтоническое значение. Так как некоторые детали рельефов совпадают с рядом элементов херсонесской скульптурной композиции, то напрашивается вывод, что и на этом памятнике Афродита представлена в образе морской богини и божества, наделенного хтоническими или даже катахтоничес-

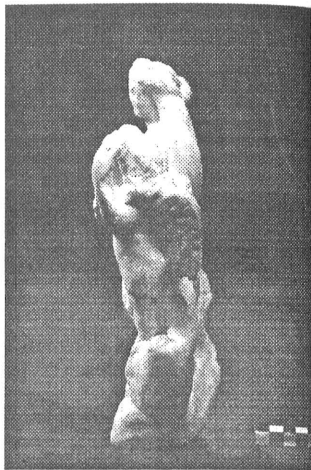

Рис.3. Афродита с двумя Эротами.
Вид справа.

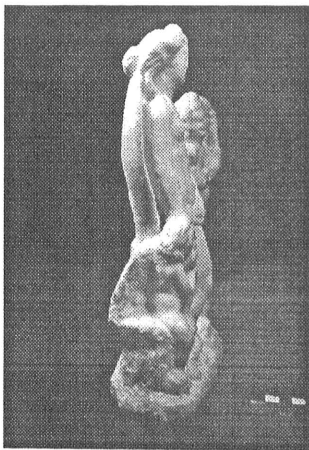

Рис.2. Афродита с двумя Эротами.
Вид слева.

кими чертами.

Сцена рождения Афродиты в раковине встречается на сосудах: на вазе из Санкт-Петербурга богиня в вуали в форме раковины или нимба вокруг нее¹⁶, а на серебряной вазе из Монтелимора позади обнаженной Афродиты - раковина, два тритона и два Эрота с факелами на дельфинах. Раковина в виде вуали или шааи появилась в римском искусстве под воздействием греков, в Элладе этот мотив известен уже с IV в. до н.э., а сцена рождения Афродиты в раковине приписывается Фидию. Варианты этого сюжета в коропластике и на вазах перешли затем в эллинистическое и римское искусство, самым ярким примером может служить посвящение Герода в Коринфе: богиня на шааи в виде раковины появляется из моря¹⁷; при этом римские реплики обычно включают дельфинов и Эротов как дополнительный элемент композиции. Из всего сказанного следует, что римская статуэтка с хоры Херсонеса наивероятнейшим образом традиционными эллинистическими мотивами изображает Афродиту или Венеру как морскую богиню, которая наделена хтоническими чертами. Этот хтонический или скорее даже катахтонический аспект связан с самим фактом рождения богини, отражая идею

Рис.4. Афродита с двумя Эротами.
Вид сзади.

бессмертия. Вот почему перечисленные выше сюжеты так часто присутствуют на саркофагах и на погребальных рельефах¹⁹.

Как указывает В. Деонна, раковина как деталь изображения Афродиты символизировала море, давшее божине рождение, и потому может характеризовать ее как Эпильою, Пелагию, Напарихиду, т.е. как покровительницу моряков. Одновременно это же служит указанием на ее покровительство любви — основную ипостась Афродиты. Раковина — символ возрождения к новой жизни, олицетворявший бессмертие: подчеркивая морскую сущность Афродиты, скульпторы подразумевали ее рождение из земли как противоположности водной стихии, т.е. воплощение рождения всего сущего. Смерть дает выход к новой жизни, отсюда сцена рождения Афродиты сопровождается появлением Эротов, тянущих гирлянду цветов, как на многочисленных сюжетах погребального круга и на нашей херсонесской статуэтке, или держащих бутон, как на многих других изображениях богини любви, плодородия и всего сущего²⁰. Венера или Афродита с раковиной в хтоническом понимании — мотиф очень древний, он пришел из Сирии и Финикии, где Афродиту отождествляли с Ас-

тартой или Астарой. Не случайно, на соседнем с Херсонесом Боспоре Афродиту²¹ Уранию Апатуру почитали как Астару²². Использование раковины в погребальном культе, а значит в хтоническом значении, призвано было подчеркнуть роль Афродиты как заступницы²³ и охранительницы от злых сил. В таком авотропическом понимании Афродита как морская богиня нередко почиталась как защитница моря, кораблей, гаваней, бухт, моряков и морской торговли вообще. Отсюда ее эпитеты в различных эллинистических центрах — Euploia, Epilimnia, Limenia, Pontia.²³

Сказанными функциями богини вполне коррелирует яблоко у нее в руке, что зафиксировано как на нашей статуэтке, так и на множестве скульптур и рельефов из Греции и Рима. Очень показательны фигуры Афродиты I в. н.э. из Афин, Лувра и Неаполя: стоящая богиня с яблоком в левой руке расправляет правой рукой одежду, часть которой переброшена через ее левую руку; на луврской терракоте волосы богини спадают сзади на плечи — в точности как на публикуемой скульптуре из Херсонеса, а на афинском экземпляре, происходящем из Эпидавра, одеяние Афродиты переброшено через левую руку аналогично тому, как это делает херсонесская Афродита. М. Бринке²⁴ связывает этот тип богини с известной статуей Venus Genetrix, посвященной Аркесалаем на Форум Юлия Цезаря в 46 г. до н.э. Ее тип постепенно видоизменялся и при Фаустине Старшей²⁵ представляя собой статую богини с яблоком и ребенком, причем яблоко может восходить еще к первоначальному оригиналу скульптуры. Г. Эддеркин отмечает, что на статуе Венеры из Рима рядом с богиней на скале стоит Эрот, а сама скала означала скалистый склон горы Ида, где суд Париса присудил богине золотое яблоко как приз за красоту. Неслучайно, что Эрот рядом с Афродитой очень часто изображался как раз на скале: на терракоте из Мирини богиня в левой руке держит яблоко как обобщенный образ женской красоты, что и побудило Париса выбрать этот плод²⁶ в качестве приза за женскую красоту.

Существует и другая точка зрения по поводу символики яблока в руках Афродиты: это элемент плодородия и знак любви, подчеркивавшие главные функции женского божества в представлении греков и римлян²⁷. Если сравнить эти детали с херсонесской статуэткой, то можно отметить, что яблоко и скала, на которой сидит спящий Эрот-Гипнос, должны отражать покровительство Афродиты плодородию и люб-

ви, своим традиционным функциям. Они ни в коем случае не противостоят отмеченным выше хтоническим и апотропеическим чертам Афродиты, покровительствовавшей морской стихии и всему с нею связанному, поскольку все эти функции тесно переплетены друг с другом. Как подчеркивает Нэнси А. Вингер, миф о рождении Афродиты передавался в скульптуре не только через мотив с раковиной, но и посредством показа богини в образе полуфигуры (ср. многочисленные полуфигурные терракоты и пролотмы женских богинь). Афродита была наделята хтоническими чертами и имела тесную связь с Деметрой, Корой-Персефой и Пандорой, поэтому торсы богини в монументальной скульптуре и терракоте делами как бы из двух основных частей — ног, открытые, как правило, хитонам, и обнаженный до закрытых одеждой ног торс, что в совокупности создавало как бы иллюзию рождения из земли, а значит делало богиню покровительницей плодородия и бессмертия в элевсинском понимании культа Великих женских богинь²⁸. Все это просматривается на херсонесском экземпляре Афродиты с Эротами, поэтому можно с полным правом сказать, что им запечатлен образ Афродиты как богини — покровительницы любви, плодородия и радости жизни, рождаемой как землей, так и водной стихией, что делает херсонесскую Афродиту сложным многофункциональным божеством с упорядком на хтонический аспект культа. Обратимся теперь к отдельным деталям фигуры Афродиты — прическе, способу повязывания хитона и позе ног. Прическа в форме пучка волос на затылке встречается на голове так называемой *Venus Colonna* и у Афродиты из Трала (Аувр, Париж). Однако обе скульптуры не имеют ниспадающих зади на плечи локонов волос; к тому же повязка на голове завязана вдоль волос к пучку, а не поперек прически, как у херсонесской Афродиты. Спадающие зади на плечи волосы аналогично нашему типу, встречаются у так называемой Венеры Капитолийской из Рима и восходят к греческому оригиналу III в. до н.э.²⁹. Эта же черта отличает и некоторые терракотовые изображения богини, например статуэтку типа Аувр-Неаполь первой половины I в. н.э. из Мирини³⁰. Можно упомянуть статуэтку Венеры из Ватикана, волосы которой спадают на плечи зади почти как у херсонесской Афродиты; хитон богини так же переброшен через левую согнутую в локте руку и ниспадает вниз складками, рядом с богиней стоит Эрот³¹. Спадающие вдоль шеи завитки волос можно видеть на брон-

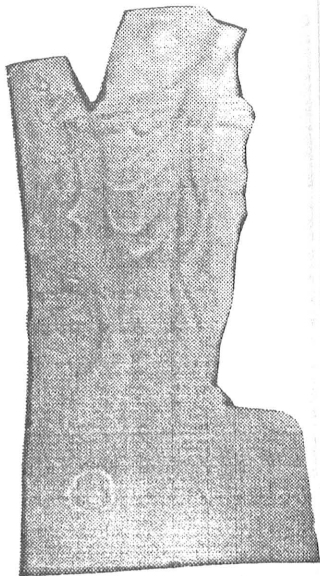

Рис. 5. Фрагмент статуи полуобнаженной Афродиты с двумя младенцами-Эротами Капатис. Музей города Мангана. Римское время.

зовой статуе обнаженной Афродиты Анадомени из Куртрэ³², а также на известной скульптуре Афродиты Каламити Фариезе из Неаполя, мб. копии бронзового оригинала конца I в. до н.э.³³

Поза стоящей богини с опорой на левую ногу и слегка согнутой в колене чуть расслабленной правой ногой характерна для многочисленных реплик Афродиты Анадомени и относится к так называемому «Городскому типу», традиционно датируемому временем позднего эллинизма³⁴. С этой точки зрения фигура херсонесской Афродиты наиболее близка Венере из Арам (Афродита Феспиев) те же поза ног и способ повязывания хитона, из-под которого выступают кончики пальцев ног, перекинутая через согнутый локоть левой руки собранная в складки верхняя часть хитона, а также небольшая чуть влево наклон головы. Торс богини, по мнению А. Клауди, напоминает Афродиту Книд-

скую Пракситея, реплики которой встречаются по всему античному миру — в Александрии, Карии, Афинах, Косе, Беотии, Кирене, Мелосе, Мантинее, Олимпии, Феспиях, городах Малой Азии и т.д. Школа Пракситея оказала очень большое влияние на мастеров эпохи эллинизма³⁵; способ повязывания хитона валиком со складками в нижней части живота засвидетельствован на статуе Венеры Милосской (II в. до н.э.³⁴), и получила поэтому название «тип de Melos». Подобный способ носить хитон отличает стоящих и сидящих богини: это Венеры из Александрии, Треве, Афин, Гипат³⁷, сидящие богини из Приены (Истамбул, 746; 1003), Коса, Делоса, Родоса. Делосские скульптуры сидящих богинь в одежде, которая поднимается за спиной в форме раковины, как вуаль на херсонесской статуэтке Афродиты. Большая часть названных скульптур относится к концу II в. до н.э.³⁸. Поскольку херсонесская Афродита имеет черты, сближающие ее с Афродитой Книдской, Афродитой Анадиоменой скульптора Апеллеса и Афродитой Милосской, другими скульптурами позднего эллинизма, восходя к классическим прототипам Пракситея и его школы, то можно сделать вывод, что римский провинциальный мастер, создавший эту скульптуру, явно находился под влиянием эллинических классических образов. Ведь в период развитого эллинизма и до середины II в. до н.э. изображения обнаженной богини красоты и любви в монументальной скульптуре не прослеживаются³⁹. Это согласуется с тем, что мы знаем о римской скульптуре эпохи Антонинов: в это время изображения Венеры испытывали сильное влияние эллинических оригиналов эпохи классики, а в рельефах пада, полубнаженная фигура и одежда находят отчетливые reminiscences типов греческих Афродит IV в. до н.э.⁴⁰. Так что статуэтка богини из Херсонеса Таврического является скорее всего переработкой эллинистического типа полубнаженной богини, который восходит к классическим образцам эллинической скульптуры, созданным под воздействием прославленных школ Фидия и Пракситея⁴¹.

Дельфин как атрибут Афродиты в ипостаси морской богини также заставляет искать прототип римских изображений среди памятников эллинистического искусства. Многочисленные примеры Афродиты Анадиомены с Эротом, дельфином и раковинами собраны Б.Гассовской⁴¹. В качестве близкой аналогии херсонесскому варианту можно выделить так наз. Афродиту Бенгази: ее образное тело, как и у херсонесской Аф-

родиты, прослеживается очень слабо, что, по мнению Н. Винтер, является отходом от классического канона показа тела в IV в. до н.э. Праксителем, а волосы, зачесанные назад в пучок со спиралевыми данными завитками, падающими вдоль шеи на плечи, должны указывать на I в. до н.э.⁴³. Если это верно, то римский провинциальный скульптор мог воспользоваться оригиналом позднеэллинистического искусства. Дельфин у ног богини — это один из атрибутов Посейдона. По мифу, когда Афродита родилась в море, ее отправили в Пафос на дельфине. Поэтому дельфин не только подтверждает морскую ипостась Афродиты, но и свидетельствует о хтонической стороне ее культа. К тому же дельфин был повязан Амфитрите, супруге Посейдона⁴⁴.

Перейдем теперь к символическому значению Эротов в скульптурной группе с богиней Афродитой или Венерой, а также к стилистическим особенностям их изображения. Одним из самых ранних сюжетов такого рода является роспись полихромного аттического кубка мастера Лиандра из Кеза близ Беттоле (Флоренция, Археологический музей) 460 г. до н.э., на котором сидящая на троне Афродита смотрит на диадему, к ней подлетают два Эрота, чтобы повязать ей на голову повязку⁴⁵. На аттической фигурной вазе IV в. до н.э. представлена сидящая одетая Афродита и два Эрота — один на уровне плеч, другой в обрамлении завивающихся длинных волос стоит возле богини, причем его прическа напоминает волосы Эрота херсонесской скульптурной группы⁴⁶. Означенный сюжет вообще имеет довольно большую иконографическую традицию. Помимо ваз, он часто воспроизводится на этрусских и греческих зеркалах, самые ранние экземпляры которых датируются VI в. до н.э. Большинство зеркал обнаружено в гробницах. На зеркалах Афродита в образе Кориатиды фигурирует в виде ручки, по сторонам к ней подлетают крылатые гении или Эроты, в руках у богини либо бутон лотоса, либо цветок, плод граната, голубь⁴⁷, что указывает на многофункциональность и полисинкретичность женского божества на зеркалах. Его воспринимали как Афродиту, Кору-Персефону, Деметру, отчасти Артемиду или Деву, что, наряду с зеркалом как атрибутом хтонического культа, должно свидетельствовать о катахтонических функциях женской богини, в том числе и Афродиты. Это подтверждается и серебряной патерой из клада на Эскивине, на которой Венера с двумя Амурами — один с зеркалом, а другой с цветком. Ручка зеркала из Нацио-

нальной библиотеки в Париже (No.1349, inv.No.3786) воспроизводит крылатого Эрота, сидящего на дельфине⁴⁹. При рождении Афродиты Морской (Анадиомеи), сцена которого представлена на саркофагах и надгробных рельефах, Эроты в компании тритонов ассистируют в этом священном действе. Они являются прислугой или составляют круг трагид, однако в сцене, когда Афродита сидит на коротках (тип Дедала), а Эроты — один на дельфине⁴⁹, другой поимевает тело богини водой, а третий поворачивает к ней раковину, явно проследиваются мотивы бессмертия и возрождения к жизни⁵⁰. Все это показывает, что египетские архаики Афродиту в компании Эротов воспринимали как богиню, внушавшую веру в возрождение жизни после смерти, а значит и в бессмертие. Поскольку любовь в идеале всегда давала новую жизнь, а младенцы выступали как сыновья Афродиты, то в соприкосновении матери они символизировали радость новой жизни и красоту этой жизни. Вот почему мы не можем согласиться с Э.Виллем, что крылатые гении, спящие и стоящие Эроты на саркофагах и надгробных рельефах не имеют культавого значения, являясь просто базальными погребальными символами⁵¹. Это мнение опровергается самими памятниками погребального культа, на которых Эроты совершенно аналогичны тем, что представлены на херсонесской скульптуре. Многочисленные примеры изображений младенцев Эротов в римском искусстве обстоятельно собраны Р.Стуверасом. На римских мозаиках, как например в гимназии Афродисия II в.н.э., со сценой рождения Афродиты из бутона и Эротом гириандофором, на рельефах из гробниц и на саркофагах во множестве представлены Эроты на дельфинах и гириандофоры либо по отдельности, либо вместе с Венерой, либо все вместе друг с другом. При этом, отмечает Стуверас, на всех погребальных памятниках Эрот-младенец присутствует в образе бога смерти Танатоса, а спящий младенец — в образе Гипноса, бога сна. В спящем младенце заключены как бы две концепции: смерть это одновременно возвращение к новой жизни⁵². Этот важнейший хтонический постулат подразумевает Небо и Землю во взаимном любовном действии, поэтому появление младенца Эрота является результатом дарения новой жизни Афродитой как богиней любви и потому он становится важнейшей жизненной силой космического происхождения⁵³.

Хтонический смысл Эротов спящих и гириандофоров убедительно проявляет себя на рельефах римских погребальных урн и алтарей. Во-первых, сами гирианды, аналогичные той, что в руках у Эрота на дельфине с херсо-

неской статуэтки, очень часто украшают погребальные аттары и урны; во-вторых, Эроты гириандофоры, дельфины и усощившие раковине традиционно изображаются на стенках урн и погребальных алтарей, а также саркофагов, подчеркивая хтоническое значение погребальной сцены, призванной создать впечатление о переходе к иной, потусторонней жизни. На это особенно намекают раковины с фигурами умерших⁵⁴. Среди огромного множества такого рода памятников можно выделить несколько интересных и показательных для нашего исследования экземпляров. Это урна конца II в.н.э. с изображением двух спящих Эротов, положивших руки и головы на поднятое колено: один — левой, другой — правой ноги. Такая поза жизни напоминает спящего Эрота-Гипноса на скульптуре из Херсонеса. Вся сцена дополняется дельфинами на крышке погребальной урны в обрамлении треугольного фронтона⁵⁵. Можно упомянуть погребальный алтарь конца I в.н.э. ААббия Гратта, на котором два стоящих на дельфинах Эрота держат надпись с именем покойного, под ними два тритона несут раковину, внутри которой присевшая на коротки Афродита (тип Дедала) помещена между двумя Эротами, один из которых держит перед нею раковину, как зеркало, а другой окропляет богиню водой⁵⁶. В этой сцене переданы все символы хтонической Афродиты, о которых выше шла речь — раковина, зеркало, Эроты на дельфинах, те некоторые из элементов, которые встречаются и на херсонеской статуэтке. Следует также упомянуть и погребальный алтарь из Лувра с торгонеионом и гириандой, под которыми Немесида в обрамлении раковины, аналогичной засвидетельствованной на скульптуре из Херсонеса, и три Эрота на морском коне⁵⁷. Эроты гириандофоры и Эроты верхом на гиппокампах во множестве встречаются на римских саркофагах, особенно эпохи Антонинов, например на саркофагах из Conservatori (Рим), Пизы, Ватикана, Флоренции⁵⁸. Примечателен саркофаг из Рима третьей четверти III в.н.э. с фигурами Эротов в остроконечных шапочках с выбивающимися из-под них волосами, как у стоящего на дельфине Эрота из Херсонеса; любовитен и саркофаг из Ватикана с изображением покойного на ложе, Эротов на дельфинах и Эротов-гириандофоров середины II в.н.э.⁵⁹, саркофаг из Остии, где Эрот гириандофор фигурирует в сцене заgrabной трапезы⁶⁰. Оформление в виде шаки за спиной Венеры-Селены и спящие Эроты также встречаются на саркофагах, в частности на саркофагах из Галашио Боргезе (Рим), Копенгагена и Нью-Йорка⁶¹.

Обрамление волос у Эротов на некоторых из саркофагов совершенно аналогично причёске стоящего херсонесского Эрота, что доказывает правильность предложенной нами датировки херсонесской скульптурной группы — II в.⁶². Среди скульптур Эротов в римской пластике есть прямые аналогии нашим: Амур, стоящий на дельфине с опорой на правую ногу, а левую отставив немного в сторону (Рим, коллекция Гюстини); спящий и спиющий Эрот, положивший голову и обе руки на поднятое колено левой ноги, опирающейся на скалу (Рим) и аналогичный ему спящий спиющий Эрот из одного из музеев Швейцарии; еще одна реплика этого типа хранится в Лондоне⁶³.

Появление в искусстве двух и более Эротов в одной композиции связано с почитанием женских божеств Афродиты, Афины, Немесиды и Матери Богов в нескольких ипостасях, а под влиянием философии Платона и софистов двойной Эрот понимался как проявление любви и как анти-любовь⁶⁴. Отсюда и двойственный смысл композиций на погребальных памятниках: спящий Эрот-Гипнос иногда отождествлялся с богом смерти Танатосом, но он воспринимался как носитель смерти не на основании этого рода, а потому что его считали божеством неба, приносящим спасительный сон. Эрот на дельфине понимался как воплощение морского мира, а вместе с гирляндой — как радость новой жизни после смерти. Несомый дельфином Эрот как спутник Афродиты — морской богини был призван покровительствовать связанным с морской стихией местам. Потому и его появление в погребальном культе у римлян, так как море отождествлялось с одной стороны как хтоническая, а с другой — как жизнеутверждающая сила⁶⁵. Соединение в одной композиции спящего Эрота-Гипноса (Танатоса) с жизнеутверждающим Эротом-гирляндофором, призванным символизировать все радости жизни и красоту любви, воспринималось в сознании древних как пара Эрот-Ангрос (или анти-Эрот), т.е. божество, воплощавшее собой потусторонний мир и жизнь за гробом⁶⁶. Поскольку Афродита, главный элемент скульптурной композиции из Херсонеса, несла в себе преимущественно хтонические черты, то пара ее спутников — Эрот гирляндофор и Эрот-Гипнос или Танатос (анти-Эрот) — должны были дополнять и усиливать хтоническую сущность богини, подтверждать жизненную силу любви и родительского начала.

Погребальные и хтонические функции Венеры-Афродиты получили особое развитие во II в. н.э., и это вполне совпадает с дати-

ровкой херсонесской скульптуры. Это следствие не столько этрусских, сколько эллинистических традиций в культе Афродиты. При этом изображение богини с Эротами придавало большее значение именно этой стороне ее культа⁶⁷. Эллинистическая черта ассоциировать Венеру с богиней плодородия (Felicitas) во II в. н.э. означала не только символ плодородия, но и личный фактор счастья, успеха, шанс в жизни⁶⁸. Поскольку в эллинистическо-римских скульптурных группах все фигуры стоят в тесном смысловом контакте друг с другом, то и в нашей композиции все три действующих персонажа должны находиться в духовном и идейно-смысловом единстве, воплощая собой радость новой жизни и счастье⁶⁹. В этом основной смысл всей композиции, представляющей Афродиту в образе богини морской стихии, любви и красоты, счастья и плодородия, дающей право на жизнь даже после каких-то трагических событий и смерти. Среди скульптур Эротов в римской пластике божество любви и как анти-любовь⁶⁴. Отсюда и двойственный смысл композиций на погребальных памятниках: спящий Эрот-Гипнос иногда отождествлялся с богом смерти Танатосом, но он воспринимался как носитель смерти не на основании этого рода, а потому что его считали божеством неба, приносящим спасительный сон. Эрот на дельфине понимался как воплощение морского мира, а вместе с гирляндой — как радость новой жизни после смерти. Несомый дельфином Эрот как спутник Афродиты — морской богини был призван покровительствовать связанным с морской стихией местам. Потому и его появление в погребальном культе у римлян, так как море отождествлялось с одной стороны как хтоническая, а с другой — как жизнеутверждающая сила⁶⁵. Соединение в одной композиции спящего Эрота-Гипноса (Танатоса) с жизнеутверждающим Эротом-гирляндофором, призванным символизировать все радости жизни и красоту любви, воспринималось в сознании древних как пара Эрот-Ангрос (или анти-Эрот), т.е. божество, воплощавшее собой потусторонний мир и жизнь за гробом⁶⁶. Поскольку Афродита, главный элемент скульптурной композиции из Херсонеса, несла в себе преимущественно хтонические черты, то пара ее спутников — Эрот гирляндофор и Эрот-Гипнос или Танатос (анти-Эрот) — должны были дополнять и усиливать хтоническую сущность богини, подтверждать жизненную силу любви и родительского начала.

В таком понимании Афродиту-Венеру часто изображали на рельефной керамике, например из Кальви (Италия), где богиня представлена с рогом изобилия и двумя Эротами⁷⁰, а также на множестве памятников монументальной скульптуры⁷¹. Даже на Латаре Мира Августа (Ara Pacis Augustae) богиня с двумя младенцами и фруктами на коленях, которую считают Церерой⁷², либо Terra Mater, либо Венерой Veficinas, богиней земли, воздуха, неба и времен года, воплотившей в себе черты Венеры Эплойиды, Venus Genetrix и Венеры Erycina. В таком значении богиня повторялась на многих рельефах и в скульптурных группах⁷³. Все перечисленные черты римской богини применяются и к Афродите из Херсонеса, что подтверждает многофункциональность пред-

ставленного в композиции образа.

Следовательно, скульптурная группа с хоры Херсонеса представляет Афродиту или Венеру в ипостаси морской богини, наделенной этническими чертами и разнообразными функциями: покровительства любви, красоты, счастья, рождению, потусторонней жизни, плодородию. Это классический тип Венеры Морской или Афродиты Эвплоии (Понгии, Навархиды, Пелагии, Эпигамии, Лимении, Эпилимении и т.п.), созданной римским провинциальным мастером м.б. греческого происхождения под влиянием классических образов эллинистической Афродиты Анадиомены⁷⁴.

В Херсонесе Таврическом богиня Афродита почиталась с IV в. до н.э., как показывают граффити на сосудах⁷⁵, терракотовые статуэтки⁷⁶, фрагменты мраморных скульптур. Большинство обломков мраморных статуи датируется позднеэллинистической и раннеримской императорской эпохой, представляя собой фрагменты статуи обнаженной и полуобнаженной богини, а также статуэток Эроты (АСХ, 22-43). Для нас интересен фрагмент статуэтки Афродиты в хитоне и плаще с младенцем Эротом у ног (АСХ, кат.33, илл.24). Любопытны навершия заколок или шпильки из слоновой кости, выполненные в виде полуобнаженной Афродиты, придерживающей рукой хитон у нижней части живота, а также с дельфином у ног⁷⁷. Поза богини на этих заколках, попавших в Таврику из Каллатиса, полностью аналогична Афродите с двумя Эротами из музея Мангалии, о которой говорилось выше. Очевидно, в Кал-

латисе находился прототип этих изображений – статуя Афродиты Стыдливой. В Херсонесе эту богиню почитали как покровительницу любви и брака и, в то же время, как морскую богиню⁷⁸. Есть мнение, что официальный культ Афродиты был введен в Херсонесе под непосредственным влиянием Рима, поскольку римляне почитали ее как родоначальницу и покровительницу⁷⁹. Во II или III в. н.э. в городе был построен храм богини, на возведение которого некий Аврелий Гермократ пожертвовал 3000 денариев (IosPE P. 440). Храм был выстроен в римском стиле⁸⁰, а почитавшаяся в нем богиня считалась покровительницей умерших, о чем говорят находки votivных предметов с изображением богини и ее свиты в женских захоронениях некрополя Херсонеса⁸¹. Все это полностью согласуется с тем, что мы выше говорили о культах и значении статуэтки Афродиты с раковиной и двумя Эротами, обнаруженной на хоре города.

Таким образом скульптурная группа Афродита с двумя Эротами представляет собой важное свидетельство почитания в Херсонесе богини Афродиты как морского божества и как покровительницы душ умерших. Одновременно она традиционно считалась богиней любви и красоты, олицетворяя собой плодоносящую функцию в природе и человеческом бытии. Подобная ипостась богини, как и стилистические особенности скульптуры, указывают на влияние Рима в культурной жизни херсонеситов, сказывавшееся в распространении ее культа в этом древнем эллинском центре.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская Империя. Киев, 1994. С.51.
2. Reinach S. Repertoire de la statuaire grecque et romaine. Vol. I. P., 1897; Vol. II, 1, P., 1897; Vol. III. P., 1904; Vol. IV. P., 1910 (далее RSGR ..)
3. Cf. De Clarac M. Musee de sculpture antique et moderne. P., 1853. T.IV. Pl.622a; Bernoulli J.J. Aphrodite. Ein Baustein zur griechische Kunstmythologie. Leipzig, 1873. S.389. См. также мраморную статую сидящей на камне полуобнаженной Афродиты, у ног которой фрагменты ножек двух стоящих по бокам Эротов (Музей Хиаромонти, 353; Clarac. Op.cit. T.IV. Pl.603; Bernoulli. Op. cit. S.384, 391 ..)
4. Ср. также обнаженную стоящую Афродиту, слева от ноги которой дельфин с восседающим на нем Эротом (RSGR. Vol.IV. P.219.No.5., а также статую полуобнаженной стоящей Афродиты, слева от которой Эрот стоит на дельфине и держит в руках лепешку или хлебец (из коллекции Бде Клерка :RSGR. Vol.IV. P.233. No.2. Pl.7; de Ridder E. Collection de Clerq. P., 1906 T.IV. Pl.7 ..)
5. Clarac. Op.cit. Pl.620, 622; Bernoulli. Op.cit. S.389: по мнению Бернулли, изображая Венеру и Эротов, скульптор стремился передать драматическое отношение между матерью и сыновьями. Что до херсонесской группы, то об этом применительно к ней говорить затруднительно, так как здесь Афродита скорее испытывает радость от присутствия Эротов.
6. Boedeker D. Aphrodites' Entry into Greek Epic. Leiden, 1974. P.15.
7. Reinach S., Pottier E. La necropole de Myrina. P., 1887. Pl. II, IV.VI.
8. Stephani L.// Comptes.Rendu de la Comission imperial archeologique. P., 1870.

- P.103. Atlas.PLIII,6 *ibid*. P.,1873. Atlas. PLIII,1. Cf. Reinach, Pottier. *Op.cit.* P.323Not 3; см. также *Comptes.Rendu...* P.,1869. P.86; *ibid*. P.,1871.P.183. Atlas.1870/1871. PLV, 3.
9. Stephani L. // *Comptes.Rendu...* P.1870. P.103,131.133,138,140,143; Atlas. PLI ,34; III,6. Cf. *ibid*.P.,1873. Atlas. PLIII,1. Cf. Reinach, Pottier. *Op.cit.* PLX,2 из Мирины . Cf. RSGR. Vol.I.P.164. PL323: Афродита с раковиной из Лувра.
10. Reinach, Pottier. *Op.cit.* P.323; Bernoulli. *Op.cit.* S.387.394. Cf. Reinach S. *Repertoire de peinture grecques et romaines*. P. 60,2.
11. Robert C. Die antiken Sarkophag Reliefs. B.,1991.Bd 3.TafCXXVII,397.
12. De Clarac M. *Musee de Sculpture*. P.,1828/1830. Pl.207, 196.
13. *Ibid*. Pl.224.No.82,83.
14. RSGR. Vol.I.P.59. Pl.164.
15. Benndorf O., Schone R. Die Antiken Bildwerke des Lateranensischen Museums. Leipzig, 1867.S.189. No.296.
16. Stephani L. Antiquites du Bosphore Cimmerien. Pl.71,4; Vasensammlung der Ermitage.No.2229; Pottier, Reinach. *Op.cit.* P.294. Cf. Mitropoulou E. Aphrodite auf der Ziege. Athens, 1975.S.28,29.No.21,22.
17. Reinach S. *Repertoire de reliefs grecs et romaines*. P.,1912.Vol.2.P.248,1.
18. Stephani L. // *Comptes.Rendu...* P.,1870.S.131.133,138; Atlas.1870/1871. PLV,3; *ibid*.P.,1873.S.42...
19. Ср. саркофаг II в. н.э. из Амафьи с изображением Марса и возлежащей полуобнаженной Венеры с двумя крылатыми Эротами (Robert. *Op.cit.* Bd III, 2 Aufl.,Taf.LX,193 ..
20. Deonna W. Notes archeologiques VII: Aphrodite a la coquille // RA.1917. No.6. P.392.416.
21. CIRB, 1015
22. Carr Soles M.E. Aphrodite at Corinth. A Study of the Sculptural Types. Diss. Ann Arbor, 1983.P.70.73; cf. Deonna. *Op.cit.* P.399.
23. Pirenne.Delforge V. L'Aphrodite grecque. Athenes.Liege, 1994. P.433.435
24. Brinke M. Kopienkritische und typologische Untersuchungen zur statuarischen Ueberlieferung der Aphrodite Typus Louvre.Neapel. Hamburg, 1991. Taf.7,8, Taf.1.a.b.
25. *Ibid*. S.18.20.
26. Elderkin G.W. The Venus Genetrix of Arcesilaus // AJA. 1938.No.42. P.371.374. Fig.1. Cf. Pottier, Reinach. *Op.cit.* PLVIII.
27. Harris R. The Ascent of Olympus. Manchester, 1907. P.127.130.
28. Winter N.A. Aphrodite Anadyomene. Bryn Mawr College, 1970. P.86,87.
29. Kraus T. Die Aphrodite von Knidos. Bremen, 1957. Abb. 4.7.
30. Brinke. *Op.cit.* Taf. 8 (Myr.26 bis,KT46 ..
31. Blinkenberg Ch. Knidien. Kopenhagen, 1933. S.141.Taf. 1,4.
32. de Mot J. La Venus de Courtrai // Monuments Piot. 1913.XXI. P.145.162. PLXIV.XV.
33. Safflund G. Aphrodite Kallipygos. Stockholm, 1963.P.39.Fig.4.
34. Winter. *Op.cit.* P.18.
35. Michon E. La Venus d'Arles. sa restoration par Girardons // Monuments Piot.1913.XXI. P.35. Fig.4; Closesuit L. L'Aphrodite de Cnide. 1978. P.22; Carr Soles. *Op.cit.* PL5.
36. Valentin V. Die hohe Frau von Milo. B.,1872.Taf. II; Charbonneau J. Die Venus von Milo. Bremen 1959.S.3 suiv.
37. RSGR. Vol.II,1. P.334.No.3,5,10; P.338,No.7,8; Vol.IV. P.200.202.No.1,4; P.203.No.1,3,5.
38. von Prittwitz und Gaffron Hans.Hoyer. Der Wandel der Aphrodite. Archaeologische Studien zu weiblichen halbbekleideten Statuetten des späten Hellenismus. Bonn, 1988.S.49. Abb.8.12,19.
39. Lullies R. Die kauernde Aphrodite. Munchen, 1954. S.81.
40. Toynbee J.M. The Hadrianic School. A Chapter in the History of Greek Art. Cambr.,1934.P.232,237.
41. Lacroix L. Les reproductions de statues sur les monnaies grecques: la statuare archaïque et classique Liege, 1949.P.304 suiv.

42. Gassowska B. Polycharmos z Rodos. Wrocław. Warszawa, 1971. Pl.8, 10a 29.31; cf. Lullies. Op.cit. Taf.9 (Рим, музей Терм. Inv.8564 ..
43. Mariani L. L'Aphrodite di Cirene. Roma, 1915. Tav.1.3a. P.15. Fig.6; Winter. Op.cit. P.83.85.
44. Ringel J. Marine Motives on Ancient Coins. Haifa, 1984. P.7.8.
45. Boardman, La Rocca. Op.cit. P.118.
46. Rodenwaldt G. // AA. 1938. Bd 53. S.347. Abb.5; cf. Stuveras R. Le putto dans l'art romain. Bruxelles 1969. P.129,130.
47. Zuchner W. Griechische Klappespiegel. B., 1942. S.68,72. Abb.33; Keene Congdon L.O. Caryatid Mirrors of Ancient Greece. Mainz, 1981. P.133. Pl.6, No.9; Pl.9, No.13; Pl.16, 17, No.19a; Pl.18, No.20 a,b; Pl.19, No.21a,b; Pl.24, No.27a,c; Pl.28, No.32 a,b; Pl.29.31, 37,43,51,58,60,64,86,87.
48. Reinach S. Repertoire de reliefs.... P.243,1.
49. Oberlander P. Griechische Handspiegel. Hamburg, 1967. S.192. No.277. Определение ручек зеркал с Эротами как атрибута культа Афродиты см.: Kozloff A., Mitten D.G. etc. The Gods Delight. The Human Figure in Classical Bronze. Cleveland, 1988. P.74.77.
50. Lullies. Op. Cit. S.88; Stuveras. Op.cit. P.133.
51. Will E. Le relief culturel greco-romaine. P., 1955. P.200.
52. Stuveras. Op.cit. P.33 suiv.; Pl. LXVIII. Fig.149.
53. Rudhardt J. Le role d'Eros et d'Aphrodite dans les cosmogonies grecques. P., 1986; Lesky A. Von Eros der Hellenen. Göttingen, 1976. S.9.100.
54. Altmann W. Die römische Grabaltäre der Kaiserzeit. B., 1905. S.53, 54. No.8. Fig.45; S.60.63,87. No.52. S.104. No.87. Fig.86, 89,170 = cf. Boschung D. Antike Grabaltäre aus den Nekropolen Roms. Bern, 1987. No.946. Ср.: Sinn Fr. Stadtrömische Marmorurnen. Mainz, 1987. Taf. 24, No.83; Taf.35, No.168. Taf.70, No.454; Taf. 46, No.253; Taf.61, No.382; Taf.49, No.274.
55. Sinn. Op. cit. S.257. Taf.99, No.685.
56. Boschung. Op. cit. No.763b; cf. Taf. 30.31. No.751.759.
57. Ibid. Taf.20. No.667a.
58. Rumpf A. Die Antiken Sarkophagreliefs. Bd V,1: Die Meerwesen auf den antiken Sarkophagreliefs. B., 1939. S.17. No.46. Taf.13; Taf.8; 26; 68; No.161. Taf.18; No.101. Taf.33; No.97. Taf.34; No.91. Taf.36; No.93. Taf.37; No.71. Cf. Lattimore S. The Marine Thiasos in Greek Sculpture. Los Angeles, 1976. P.35.
59. Amedick R. Die Sarkophage mit Darstellungen aus dem Menschenleben. Tl.IV: Vita privata. B., 1991. Kat. 184; Taf.99,2; Kat.261, Taf.70.
60. Ibid. Kat. 92, Taf.2.
61. Sichtermann H. Die Mythologische Sarkophage. Tl.2: Apollon bis Grazien. B., 1992. Taf.59. Kat.56; cf. Taf.58;60. Kat.51; Taf.50. Kat.48; Taf.45. Kat.35; Kat.36; Taf.42,43. Kat.29 etc.
62. Koch G. Die Mythologische Sarkophage. B., 1975. Taf.77. No.73: саркофаг из Базеля 160.170 гг.; cf. Sichtermann. Op. cit. Taf.45. Kat.36: саркофаг из Ватикана конца II – начала III в. н.э.
63. RSGR. Voll. I. P.356. No.1479. Pl.647; P.354. No.1459e. Pl.644A; Vol.III. P.264. No.1.
64. Rosenmeyer T.G. Eros. Eroses // Phoenix. 1951. Vol.5. P.11.22.
65. Soldner M. Untersuchungen zu liegenden Erosen in der hellenistischen und römischen Kunst. Bd I. Frankfurt/Mein, 1986. S.314,318.
66. Fiedner H. Amor und Cupido. Untersuchungen über den römischen Liebesgott. Meisenheim, 1974. S.109.112.
67. Picard G. Le Venus funeraire des romains // MEFRA. 1939. P.121.135; Schilling R. La religion romaine de Venus. Depuis les origines jusqu' au temps d'Auguste. P., 1982. P.166.168,187,188. Tab. XIX,XX.
68. Beaujeu J. La religion romaine a l'apogee de l'Empire. P., 1955. P.140,141.
69. Kell K. Formuntersuchungen zu spat- und nachhellenistischen Gruppen. Saarbrücken, 1988. S.117.
70. Pagenstecher R. Die calenische Reliefkeramik. B., 1909. S.54,55. Abb.30.
71. Machaira V. Les groupes statuaires d'Aphrodite et d'Eros. Etude stylistique des types et de la relation entre les deux divinités pendant l'époque

- hellenistique. Athenes, 1993. Pl. 60c. Cat. 58, 59. P. 160, 177
72. Spaeth B.S. The Goddess Ceres in the Ara Pacis Augustae and the Carthage Relief // *AJA*. 1994. Vol. 98. P. 65, 100.
73. Galinsky K. Venus in a Relief of the Ara Pacis Augustae // *AJA*. 1966. Vol. 70. P. 222, 243; cf. Sydenham E.A. The Coinage of the Roman Republic. L., 1952. P. 82. No. 593, 593a.
74. Neumer. Pfau W. Studien zur Ikonographie und Gesellschaftlichen Funktionen hellenistischer Aphrodite. Statuen. Bonn, 1982. S. 157.
75. Бабинов Ю.А. Посвячительные граффити из Херсонеса Таврического // *ВДИ*. 1970. 4. С. 77; Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. С. 37. NN 384, 387.
76. Белов Г.А. Терракоты из Херсонеса // *Терракоты Северного Причерноморья*. САИ. Вып. Г1, 11 М., 1970. С. 70, 73. N 11. Таб. 10, 6.
77. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Херсонес і Західний Понт: проблема контактів // *Археологія*. 1989. Вип. 4. С. 97, 99. Рис. 6, 1, 4; 7, 1, 4.
78. Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура. Харьков, 1996. С. 151.
79. Мецдеряков В.Ф. Религия и культы Херсонеса Таврического в I-IV вв. н.э. Автореф. канд. дис. М., 1980. С. 9, 11; Кадеев. Ук. соч. С. 151.
80. Мецдеряков. Ук. соч. С. 9 сл.; Кадеев. Ук. соч. С. 151; Пичикян И.Р. Малая Азия – Северное Причерноморье. М., 1984. С. 251. Рис. 9, 5.
81. Кадеев. Ук. соч. С. 151; Кадеев, Сорочан. Ук. соч. С. 97, 98. Рис. 6.

НОВЫЙ СЮЖЕТ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ХЕРСОНЕСА

В Евпатории на расстоянии 1 км к юго-востоку от города на Керкинитиды расположен т.н. Конский пляж, откуда происходят многочисленные фрагменты керамики V-III вв. до н.э., выброшенные морем и собранные в разные годы. Предположительно они могли быть вымыты с одной из сельскохозяйственных усадеб хоры Керкинитиды, находящейся где-то неподалеку в море, хотя предпринимавшиеся поиски затопленного поселения (?) пока не дали положительных результатов.

В 1979 г. на Конском пляже после шторма случайно был найден небольшой терракотовый рельеф, изображающий музицирующего мужчину (рис.1). Высота изделия 16,5 см, ширина - до 14 см, наибольшая толщина (высота рельефа) - 5,5 см. У фигуры отбита голова, края местами слабо окатаны морем, на поверхности мелкие незначительные сколы. В остальном сохранность терракоты весьма хорошая. Глина изделия - светло-красная, хорошо отмученная с мелкими белыми известковыми включениями - свидетельствует о херсонесском производ-

стве. Терракота изготовлена в матрице в технике высокого рельефа. Моделировка сделана сравнительно крупными массами с плавными переходами, что позволяет отнести работу к эллинистическому времени¹.

Основное место в композиции занимает фигура обнаженного мужчины, присевшего на подогнутые ноги (голене не показаны) и свободно откинувшегося назад. Торс развернут на три четверти, остальная часть туловища - фронтально; собаодены анатомические пропорции. Поза музыканта удачно передает экспрессию музыкального исполнения. Правая рука (видно лишь ее плечо) держит своеобразный музыкальный инструмент удлиненно-ромбовидной формы с короткими поперечными струнами². Кисть левой руки лежит на струнах инструмента³. На плечах приподнятый край накинутой на спину шкуры животного, которая рельефным полукругом лежит вокруг шеи, а также спускается длинными складками вдоль тела на колено.

Выпуклым рельефом больших мышц особо подчеркнута физическая мощь музыканта, его незаурядная сила. В пластике античного искусства могучая мускулатура не характерна для изображения музыкантов (во всяком случае, такая объемная). В нашей терракоте физическая мощь изображенного выступает, видимо, в качестве его атрибута, что в сочетании с изображением шкуры животного, накинутой на обнаженное тело, позволяет увидеть здесь Геракла, кулац которого был одним из древнейших в Херсонесском государстве⁴.

Образ Геракла, музицирующего на струнном инструменте - обычно на лире - появляется в греческой вазописи уже в VI в. до н.э.⁵, известен он также и в античной пластике⁶. Но в целом этот сюжет не получил очень широкого распространения и в изобразительном искусстве Херсонесского государства до сих пор не встречается.

В мифологической биографии Геракла известен один «музыкальный эпизод», относящийся ко времени, когда юный Акид обучался пению и игре на кифаре у Лина, пришедшего братом Орфею и являвшегося сыном музы Каллиопы и Ойагра (по другому варианту мифа - сыном Аполлона). Геракл, рассердившись на Лина за то,

Рис.1.

что тот несправедливо ударил его, убил своего учителя ответным ударом кифары. После этого трагического происшествия муж Алкмены Амфитрион отправил Геракла из Фив к пастухам охранять стадо быков, где вскоре юный герой убил Киферонского льва, шкуру которого использовал как накидку (Droplod. 1,2,3; II, 4,9).

Однако вовсе не печальный случай с Лином вдохновлял античных мастеров на изображение Геракла в образе музыканта. Замысел художников был иным, более воз-

вышенным - показать гармонию единства физического и духовного начал эллинской культуры. Плутарх в трактате «О музыке» упоминает, что Геракл не был чужд музыке. На Немейских играх, учрежденных по преданию Гераклом, проводились не только спортивные, но и мусические агоны. Именно эти мотивы в культе Геракла и претворил своим произведением херсонесский коропласт. Понимание высоких идеалов было не чуждо и жителю Керкинитиды, прибравшему этот символ гармонии.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Хранится в Евпаторийском краеведческом музее. Инв.№ А-26978.
2. Ср.: Белов Г.Д. Терракотовая голова Геракла из Херсонеса // СА. 1976. №4. С.205, 206.
3. Подобные музыкальные инструменты с короткими поперечными горизонтальными струнами известны в греческой вазописи. См., например: Reinach S. Repertoire de vases peints grecques et etrusques. V.I. P.1908. P.241,265,323,4; 324,1/
4. Геракл-левша изображен на ольвийских монетах Эминака и на фиванских статах Vв. до н.э. Ср.: Карышковский П.О. Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. К., 1984. Рис.2,6,8,9.
5. См. Сапрыкин С.Ю. О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА.1978. №1. С.38-52; Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. К., 1984. С.12-17; Столба В.Ф. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. №4. С.55-70; Попова Е.А. Коваленко С.А. Об аспектах культа Геракла в Херсонесском государстве (по материалам городища «Чайка») // РА. 1997 №2. С.78-84.
6. См., например, фоторепродукцию чернофигурной аттической вазы на вклейке между с.80 и 81 в книге: Аполлодор. Мифологическая библиотечка. Л., 1972.
7. Л. Стефани выделяет группу изображений Геракла с лирой. См.: Stephani L. Der ausruhende Heracles, ein Relief der Villa Albani. S-Pb., 1854. S.161.

О.А. Махнева, А.Е. Пуздровский

ПОГРЕБЕНИЯ IV В. ДО Н.Э. НА УЧАСТКЕ РАСКОПОК АНТИЧНОГО ТЕАТРА В ХЕРСОНЕСЕ

На том месте, где обнаружены остатки античного театра Херсонеса, в древности был глубокий и крутой овраг, открытый в сторону Карантинной бухты. На левой стороне стояла оборонительная стена, построенная в IV в. до н.э.; ниже по склону в конце IV - начале III в. до н.э. появились жилые постройки; правый склон занимала некрополь, древнейшие погребения которого также относятся к IV в. до н.э. К сожалению, большая часть могил разрушена несколькими предтеатральными сооружениями, а затем и постройками самого театра.

В 1964 г. на участке к юго-западу от амфитеатра театра было обнаружено одно погребение, которое полностью удалось исследовать лишь в 1970 г., когда открыли еще шесть могил (рис.1)¹. Все они грунтовые, вписаны в культурный слой IV в. до н.э., кроме того, могилы №№ 1-3 прорезали подстилающие его прослойки гари и слепка углублены в скалу. В зольных культурных отложениях встречено три фрагмента лепной ложечной керамики, два из которых украшены гребенчатым орнаментом, а также ряд предметов из слабо обожженной глины, среди них - антропоморфные глиняные фигурки². Дневная поверхность времени сооружения могила хорошо прослеживалась стратиграфически. В результате обработки данных радиоуглеродного анализа, А.В. Фирсов пришел к выводу, что слои, прорезанные могилами, датируются VI-V вв. до н.э.⁴ Последнее не соответствует археологическому контексту⁵. В плане могил овалово-удлиненной формы, ямы обложены необработанными камнями небольшого размера. Перекрятия, представлявшие собой навалы такого же камня, в большинстве случаев просели до костяков. Сохранившиеся детали сводов в могилах №№ 2 и 3 (рис. 1,2) позволили предположить, что их конструкция имитирует лодку или ладью, перевернутую днищем вверх.

В каждой могиле оказалось по одному костяку. В двух были похоронены умершие юношеского возраста, остальные пять захоронений - детские, в возрасте от 1 до 8-10 лет. Погребенные лежали в вытянутом положении, на спине. Пятеро ориентированы головой на северо-восток, один на юго-восток (могила № 5) и один на север

(могила № 1). У каждого умершего, за исключением потревоженных и разрушенных погребений №№ 1 и 7, возле черепа или в кисти (в четырех случаях - в правой, в одном - в левой) найдены монеты - медные или из низкопробного серебра. В могилах №№ 3 и 6 найдено по две монеты. Определению поддаются три экземпляра - с изображением головы льва на лицевой стороне и звезды на оборотной. А.Н. Зограф предположительно датировал такой выпуск серединой IV в. до н.э.⁶ В.А. Анохин считает, что он охватывал и третью четверть столетия⁷. Большое количество вариантов этого типа позволяло Н.Н. Грандмезону расширить время их чеканки (вся вторая половина IV в. до н.э.)⁸.

Наиболее многочисленный инвентарь содержала могила № 3 (рис.2). В ней было совершенно погребение ребенка (длина костяка - 0,68 м) на подстилке из толстой шкуры или войлока, под черепом прослежены остатки камки. В засыпке могилы встречены кусочки охры. Под остатками челюсти и правой кисти обнаружены монеты, причем первая - значительно более крупных размеров. Вокруг черепа зачищены мелкие (чуть крупнее бисера) керамические бусы с позолотой, возможно, украшавшие начальную ленту. У правой руки ребенка лежала сероглиняный гуттус⁹, слева от черепа найдена бронзовая проволоочная серьга, рядом с ней - плохо сохранившийся железный предмет, справа - астрагал.

Хотелось бы подчеркнуть ранее не отмеченные детали погребального обряда: остатки органической подстилки в могиле № 2 и куски охры в засыпке могилы № 4. В последней у черепа погребенного лежал краснофигурный гуттус¹⁰. С правой стороны костяка зачищены куски дерева - остатки гроба, а по обе стороны - железные гвозди. Монета из этого погребения датируется, как и гуттус, третьей четвертью IV в. до н.э.¹¹ Участок некрополя, в целом, учитывая датировку слоя, в который вписаны могилы, может быть отнесен к этому же времени.

Свое над могилами найдены отдельные вещи, вероятно, имеющие отношение к некрополю. Они остались здесь после нивелировки участка в III в. до н.э. - перед застрой-

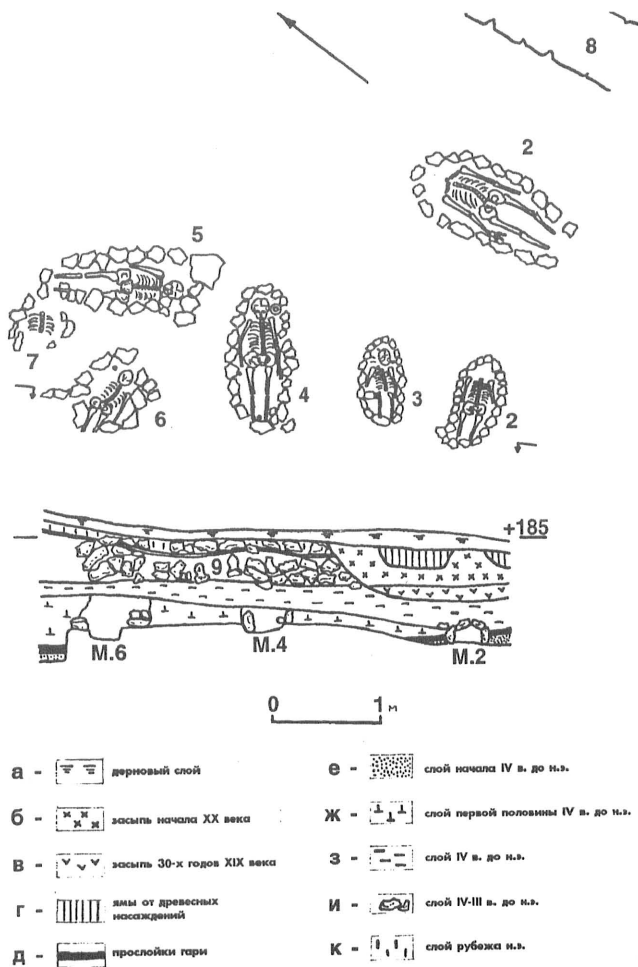

Рис.1. План разреза участка некрополя у античного театра.
1-7 - могилы; 8 - амфитеатра; 9 - антропоморфные надгробия. За нулевую отметку принят уровень порога «Храма с ковчегом». Изображение разреза - зеркальное.

кой (рис. 1). Это, прежде всего, три антропоморфных надгробия (рис. 4), подобные которым и ранее в большом количестве встречались в античных слоях Херсонеса¹². Еще одно надгробие - оvoidной формы, с небольшим прямоугольным выступом - было обнаружено в 1978 г. на участке к западу от могила¹³. По поводу этнической принадлежности антропоморфных надгробий существуют несколько мнений. В последнее время «таврская» гипотеза находит все меньше сторонников¹⁴. Однако специфическая форма надгробий, отличная от классических греческих стилей, а также наличие таких образцов монументальной скульптуры на Боспоре, в т.ч. с варварскими именами,¹⁵ не позволяет однозначно определить их генезис.

Среди многочисленных обломков терракот, найденных в с niveирированном слое, привлекают внимание два фрагмента статуэток «плакальщиц», которые, возможно, были связаны с заупокойным культом, либо попали в грунт из разрушенных погребений.

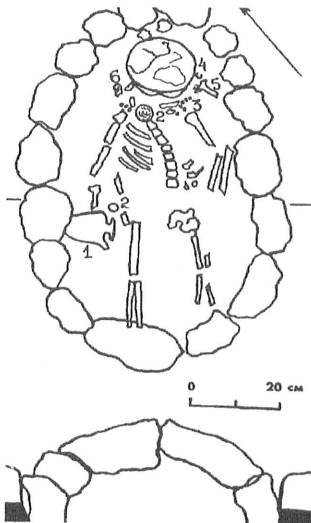

Рис. 2. План и разрез могилы № 3.

1 - гуттус; 2 - монета; 3 - бусы; 4 - бронзовая серьга; 5 - железный предмет; 6 - астрагал.

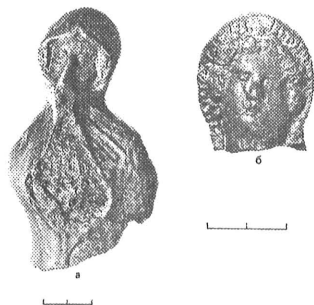

Рис. 3. Терракотовые статуэтки.

Находки терракот известны в захоронениях эллинистического времени в Херсонесе¹⁶. Первая статуэтка - пожилой женщины (рис. 3а) сохранилась почти до пояса: фигура задрапирована ниспадающим с головы покрывалом, край которого заслоняет нижнюю часть лица; кисть руки держит край покрывала у глаз, как бы утирала слезы. Близкие по стилю изображения женских фигур в траурных позах имеются на надгробных стелах и фресках Боспора, а также других памятниках искусства, в т.ч. из Херсонеса¹⁷. От второй статуэтки - молодой женщины (рис. 3б) сохранилась лишь голова, обрамленная кудрями, в покрывале. Скорбное выражение лица с опущенными вниз уголками рта и закрытыми глазами позволяет и в ней видеть плакальщицу. Образу женщины в трауре соответствуют Деметра и Кора-Персефона, т.е. богини, тесно связанные с хтоническими культами¹⁸.

Участок некрополя у театра неоднократно анализировался в литературе, однако некоторые конструктивные детали могил и особенности погребального обряда не получили отражения. К тому же, необходимо еще раз рассмотреть его место в исторической топографии и этносоциальной истории Херсонеса позднеклассического-раннеэллинистического времени.

Для могил у театра, бывшей монастырской оранжереи и у Карантинной бухты характерна устойчивая конструкция - грунтовые ямы с бутовой обкладкой стен. Из более чем 150 могил Северного некрополя, исследованного наиболее полно и достаточно хорошо документированного, лишь в четырех встречена каменная облицовка; в

двух из них камни были поставлены вокруг амфор с детскими захоронениями¹⁹. Таким образом, каменные конструкции для Северного некрополя являются исключением. Облицовка стен могил обломками камней, в т.ч. отходами камнетесного производства и вторично использованными плитами надгробий, а также керамидами характерна для некрополя у Песочной бухты, большинство погребений которого датируются несколько более поздним временем²⁰. Каменное перекрытие над могилами у театра является для этого времени достаточно редким, лишь в могиле № 62 Северного некрополя зафиксированы камни над костяком подростка²¹. По мнению О.А. Махневой, форма сооружения могла имитировать ладью мифического Харона, тем более, что почти все умершие были снабжены монетой - платой за перевоз их души в мир иной. «Оболов Харона» характерны и для погребений у Карантинной бухты, там дважды зафиксированы следы пробов. В Северном некрополе также известны две могилы с остатками дерева или гвоздей²² и два погребения с монетами (могила №№ 62 и 67), принадлежность которых к погребальным комплексам ставится под сомнение²³. Северо-восточная ориентация, преобладающая среди похороненных на участке театра, доминирует в некрополе у Песочной бухты, хотя для женских захоронений последнего специфическим является помещение правой кисти умерших на таз²⁴. Имеются параллели и некоторым редким предметам погребального инвентаря, например, астрагалу. В одной из могил, открытой раскопками 1913 г. в монастырской

ограде, найдено 50 астрагалов; такой же предмет и игры обнаружен в могиле № 2619 у Карантинной бухты²⁵.

Грунтовые могилы с каменной облицовкой стеч, по мнению Т.М. Арсеневой, «были одинаково распространены в античном и племенном мире», а наличие органических подстилок, кусков охры с большей степенью вероятности можно отнести к парварским чертам погребального обряда²⁶. В то же время наличие таких элементов, как захоронение в деревянном гробу, «оболов Харона», преимущественно вытянутое положение костяков, позволяет определить участок у театра как принадлежащий греческому населению города. Следует подчеркнуть значительные различия между конструкциями могил у Карантинной бухты - оранжереи театра и Северного некрополя, что выразилось в почти полном отсутствии на последнем облицовки стен и «оболов Харона»²⁷. Скромность погребального инвентаря характерна почти для всех ранних захоронений Херсонеса, поэтому говорить о социальной дифференциации умерших затруднительно. Вряд ли поможет здесь и методика определения зависимого населения²⁸. Тем не менее, Северный некрополь выделяется значительным процентом захоронений в скорченном положении и большим разнообразием поз с элементами скорченности, а также детскими погребениями в амфорах, не представленных на других участках. Из всего этого следует, что в первое столетие своего существования Херсонес переживал период становления городской общины, при этом в ее составе могли находиться и лица

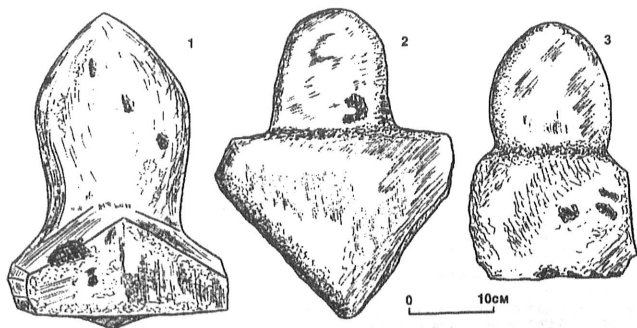

Рис.4. Антропоморфные надгробия.

негреческого происхождения. Мысль эта не нова и споры по вопросу этнического состава погребенных на Северном некрополе ведутся уже 40 лет²⁹. Недавно были приведены дополнительные аргументы в пользу интерпретации скорченных погребений как принадлежащих греческим колонистам³⁰. Против такой трактовки свидетельствует разнообразие норм погребальной обрядности синхронных или очень близких по времени захоронений в вытянутом положении, скорченных, с элементами скорченности, детских в амфорах, трупосожжения в урне. Данный участок, вероятно всего, совместно использовался рядовым населением как греческого, так и варварского происхождения. Последние в значительной мере усвоили ряд норм греческой погребальной обрядности, в частности, восточную ориентировку и, возможно, обычай погребения детей в амфорах. В этом плане интересна мысль о том, что в синхронных античных некрополях Боспора наибольшее распространение

получили элементы обряда, близкие как греческому, так и варварскому населению³¹. Некрополь у театра, как уже было отмечено³², топографически находится на стыке между участками у Карантинной бухты и Северным, хотя и в нем прослежены некоторые элементы варварского погребального обряда. Нет ничего необычного в том, что в процессе становления гражданской общины в ее состав вошли лица, присоединившиеся к первопоселенцам, как это было предусмотрено колонизационной практикой³³. Решение же вопроса об ее этническом составе потребует не только глубокого анализа всех имеющихся материалов из Херсонеса классического и раннеэллинистического времени, но и приведения данных о населении Предторного Крыма, а также более восточных территорий, вплоть до Азиатского Боспора. Этот вопрос тесно связан с освоением Херсонесом земель в Северо-Западном Крыму и превращением его в территориальное государство³⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеются сведения еще об одной могиле (№ 8), раскопанной на этом участке позже и содержавшей разрушенное (?), скорченное (?) захоронение подростка и монету; Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я. Некрополь Херсонеса V-IV вв. до н.э. // КСИА. 1981. № 168. С. 6, 7.
2. Зедгенидзе А.А. Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе // КСИА. 1976. № 145. С. 28-33.
3. Там же. С.28.
4. Фирсов А.В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976. С. 74-81, рис. 12.
5. Зедгенидзе А.А. Указ. соч. С.33.
6. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С.148, табл. XXXV, 12.
7. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С.21, табл. П, 27-32.
8. Грандмезон Н.Н. Заметки о монетах Херсонеса Таврического // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С.34-35.
9. Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я. Указ. соч. С. 5, рис. 2 б.
10. Там же. Рис. 2 а.
11. Зедгенидзе А.А. Указ. соч. С. 29; Иванов Т. Античная керамика от некрополя на Аполония // Аполония. София, 1963. С. 211, № 516, табл. 112.
12. Белов Г.Д. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935-1936 гг. С. 192, рис. 41; Колесникова Л.Г. Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса? // СА. 1973. № 3. С. 37-38; она же. Хронология антропоморфных надгробий Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 96-97. Рис. 1 а-б; Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. №№ 223, 248, 255, 273.
13. Домбровский О.И. Отчет об археологических исследованиях в Херсонесе в 1978 г. (Сидоренко В.А. Раскопки в квадратах 1-4) // Архив КФ ИА НАНУ. № 280/1. С.12.
14. Античная скульптура Херсонеса. С. 80.
15. Иванова А.П. Боспорские антропоморфные надгробия // СА. 1950. Т. XIII. С.239-246, рис.4.
16. Щеглов А.Н. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА. 1975. № 143. С. 112, 114, рис.4; ОАК за 1913-1915 гг. С. 60.
17. Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961. №№ 55-57, 59, 63,

- 73, 76; Античная скульптура Херсонеса. № 377, рис. 156; Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. С.122, рис. 54.
18. Шевченко А.В., Костромичева Т.И. Деметра и Кора-Персефона в коропластике Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 83-84.
19. Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СЛ. 1950. Т. XIII. С. 273; Ср.: Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я. Указ. соч. С. 6, таблица; Белов Г.Д. Отчет ... С.167, 168, 176,182, 193.
20. Щеглов А.Н. Указ. соч. С.109.
21. Белов Г.Д. Отчет ... С. 182.
22. Там же. С.184, 191, 193.
23. Ср.: Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я. Указ. соч. С. 7; Белов Г.Д. Отчет ... С. 182,184, 320-321 (№№ 24, 34); он же. Некрополь... С. 282.
24. Щеглов А.Н. Указ. соч. С.109.
25. Белов Г.Д. Некрополь... С. 282; Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я. Указ. соч. С. 4.
26. Арсеньева Т.М. Погребальный обряд // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С.223.
27. Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я. Указ. соч. С. 3- 7.
28. Зубарь В.М. Еще раз по поводу интерпретации захоронений в скорченном положении из некрополя Херсонеса IV в. до н.э. // Проблемы исследований античного и средневекового Херсонеса. Тезисы докл. конф. Севастополь, 1988. С. 52-54.
29. Библиографию вопроса см.: Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я. Указ. соч. С. 8, прим.4.
30. Кадеев В.И. Еще раз об этнической принадлежности скорченных захоронений в раннем некрополе Херсонеса Таврического // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 32-37.
31. Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов V-IV вв. до н.э. / МИА. 1959. № 69. С.263.
32. Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я. Указ. соч. С. 7.
33. Яйленко В.П. Греческая колонизация VII - III вв. до н.э. М.,1982. С. 34-45,121-134.
34. Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 310-371.

ЗАПАДНЫЙ РАЙОН ХЕРСОНЕСА В ЭЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Топографические особенности местности, на которой расположен Херсонес, позволяют условно разделить его территорию на четыре района, ориентированных по сторонам света - северный, юго-восточный, северо-восточный и западный. Северо-восточный район - это район темениуса, главной площади, агоры и других общественных сооружений, среди которых монетный двор, театр. Северный район - район, принадлежавший средним слоям населения города. Юго-восточный район - это район порта и припортовых сооружений. Западный район по сравнению с другими участками раскопок исследован незначительно, и воссоздание его строительной планировочной структуры является сложной задачей из-за слабой изученности нижних слоев. Наиболее ранние строительные остатки на территории Херсонесского городища, зафиксированные в слоях, относятся ко 2-й - 3-й четверти IV в. до н.э. Выявление и нанесение на ситуационный план строительных остатков эллинистического периода, обнаруженных в разных частях западного района, позволяют утверждать, что его территория была заселена уже в раннеэллинистический период. Это хорошо подтверждается результатами раскопок некрополя, в ходе которых установлено, что за западными оборонительными стенами массовые захоронения появляются в первой половине - середине III в. до н.э.¹ Среди них встречаются отдельные захоронения конца IV - начала III вв. до н.э.² Следовательно, к концу IV в. до н.э. этот участок городища был заселен.

Западный район занимал господствующее положение, поднявшись над низиной порта почти на 30 метров. Его площадь 12 - 14 га. Как и другие районы города, западный район был распланирован по гипподамовой системе прямоугольных кварталов. Основными планировочными осями служили Главная продольная и 15-я поперечная улицы. Ширина обеих улиц на этом участке, по обмерам К.К. Косцюшко-Валожинича, составляла 7,5 м. Главная улица пересекала западный район по гребню возвышенности с северо-востока на юго-запад, где она подходила к Главным воротам города.

Раннеэллинистические слои были зафиксированы в районе Главных ворот. Между ними и четырехапсидным храмом были обнаружены остатки дорожного полотна. Во-

енный инженер М.И. Гарабурда, проводивший на этом месте в 1892 - 1893 гг. предварительные исследования перед сооружением батареи, отметил, что рядом с воротами «обнаружено старое шоссе на глубине около 1-2 аршин от поверхности земли, мощным слоем почти в 0,30 сажени щебня».³ При исследовании храма в 1977 г. открыт лежащий на склоне культурный слой эллинистического времени. Он насыщен фрагментами чернолаковой керамики и амфор различных апсидных центров конца IV-III вв. до н.э.⁴ Вполне возможно, что этот слой является остатками дорожного полотна Главной улицы, частично перекрытой южной апсидой средневекового храма.

Основная площадь района, разделенная на кварталы, располагалась к северо-западу от Главной улицы. Здесь, при исследовании в 1980-х гг. С.А. Бельевым участка средневековой базилики «на холме» выявлена, по словам исследователя, бурная картина застройки этого района, начиная с эпохи эллинизма⁵. Кроме значительного количества керамики, обнаружена кадка, сложенная из больших, хорошо обработанных известняковых камней, безусловно, относящаяся к эллинистическому времени, и колодец глубиной 10,5 м. При расширении участка раскопок обнаружен мощный культурный слой (толщиной более одного метра) раннеэллинистического времени. Открывший его С.А. Бельев пишет, что слой «мусорный, содержит много керамического брака, включая чернолаковую керамику».⁶ Автором настоящей работы этот культурный слой датируется на основании найденных в нем клейменых ручек херсонесских амфор группы I, B-V, а также синхронных им ручек синопских, гераклейских и родосских амфор⁷ - последней четвертью IV - первой четвертью III вв. до н.э. Данный участок на возвышенности мог быть одним из центральных в Херсонесе.

К востоку от базилики, в районе II-ой северной продольной улицы, при исследовании Г.Д. Беловым одноапсидного храма в 1930 г. под фундаментом апсиды были обнаружены остатки стен эллинистического здания, сложенные из плитняка на глине и обмазанные толстым слоем зеленоватой глины. Толщина стен около 0,70 м. На территории раскопа в нижнем слое найдено не-

большое количество чернолаковых сосудов, метарских чаши, ножики остроносных амфоров, пирамидальные псузила, часть известнякового жертвенника с акротериями и обломки канализованной колонки диаметром 6 см ионийского ордера. К западу от часовни открыта цистерна, заполненная плотной глянью зеленого цвета⁸. Просмотр найденного материала в фондах Херсонесского заповедника позволяет датировать самый ранний слой последней четвертью IV - концом III вв. до н.э. По расположению строительных остатков и цистерны, можно предположить, что последняя находилась во дворе эллинистического дома.

На запад от часовни в том же году исследована часть эллинистической поперечной улицы и прилегающих к ней домов, открытых, как и часовня, еще в 1906 г. По обе стороны от нее сохранились части стен зданий, сложенные из больших тесаных камней с рустами⁹. У стены одного из домов сохранились небольшие постаменты, вплотную пригнанные к стене, так, «что в этих местах были стесаны рустики». Возможно, что один из постаментов предназначался для постановки какого-то предмета (маленького жертвенника?). Недалеко от постаментов обнаружен колодезь, раскопанный на глубину 3,55 м¹⁰. На продолжении улицы в южном направлении в 1906 г. был раскопан пятинапсидный храм. На уровне фундаментов и вокруг храма также найдены остатки стен от эллинистических зданий¹¹.

В северной части района в квартале XII К.К. Косцюшко открыл пристройки к так называемому «храму на сводах», сооруженные на стенах древнего здания. Исследователи отметили, что «кроме глиняных черепков под лаком здесь найдена грубо исполненная бронзовая статуэтка Зевса-Громовержца»¹².

Нужно сказать, что рассматривая планировочную структуру города, исследователи говорят только об одной планировочной оси - Главной продольной улице, оставляя без внимания другую ось, а именно - 15-ю поперечную улицу. Попытаемся восполнить этот пробел, пользуясь данными о раскопках на этом участке.

15-я поперечная улица, примыкавшая с восточной стороны к театру, начиналась в непосредственной близости от него - у Городских ворот Ж на южном участке обороны. По мнению А.А. Бертье-Делагарда, эти ворота были сооружены взамен неудачно поставленных ворот на юго-восточном участке обороны¹³. Ворота Ж построены в системе дипи-

лона. Длина коридора - 9 м, ширина прохода - 5 м. К.Э. Гриневич высказала уверенность в том, «что ворота восходят к тому же древнегреческому периоду, что и стена»¹⁴.

На пространстве в районе перекрестка продольной и поперечной магистралей К.К. Косцюшко-Валожницким и позднее О.И. Домбровским было сделано значительное количество находок, свидетельствующих о том, что кроме театра, в этом районе располагались и другие сооружения общественного характера. В засыпи античных построек найдены различные архитектурные детали, дорические кавителы и карнизы. Здесь же найдены декреты, посвяительные граффити IV-III вв. до н.э., среди которых наибольшее число посвящений принадлежит Дева, Гераклу, Зевсу и Матери Богов - Кибеле¹⁵.

На этом же участке найдено огромное количество фрагментов каменных амфоров Родоса, Фасоса, Книда, Синопля, Херсонеса, Гераклеи и других центров, а также множество как художественных, так и бытовых изделий из керамики, кости, металла и камня. Эти характерные находки, обнаруженные вблизи Городских ворот на пересечении главных магистралей позволяют предположить существование рынка (агоры) именно в этом районе.

Участок, расположенный по другую, юго-восточную сторону Главной улицы и ограниченный южной агией оборонительных стен, по-видимому, не был включен в квартальную разбивку. Длина участка более двухсот, ширина около тридцати метров. Участок неудобен для застройки, так как он представляет покатым скалистый склон, вытянутый вдоль балки и открытый холодному восточному ветру. В то же время эта местность является идеальной для размещения на ней такого сооружения, как стадион. Важным свидетельством в пользу нашей гипотезы может служить расположение участка на пересечении осевых магистралей, между двух городских ворот и рядом с театром. Наиболее убедительным аргументом, на наш взгляд, являются найденные в непосредственной близости от этого участка посвяительные граффити и надписи о спортивных состязаниях. Большая часть надписей относится к римскому времени, вполне можно допустить, что если театр римского периода существует на месте эллинистического, то и стадион первых веков н.э. мог находиться на месте более раннего.

Таким образом, если наше предположение верно, стадион в виде узкой полосы длиной в один стадий мог располагаться на участке, огражденном оборонительной стеной и

двумя основными транспортными артериями города. Сквозь, вытянутый вдоль южной стороны Главной улицы, мог использоваться для зрительных мест.

Выяснение и нанесение на ситуационный план строительных остатков эллинистического периода, обнаруженных в разных частях этого района, а также изучение материалов фондовых коллекций позволяют утвер-

ждать, что Западный район был полностью распланирован под жидую, и, возможно, под общественную застройку в последней четверти четвертого - начале третьего века до н.э. Это подтверждается и тем, что здесь находились Главные ворота города, к которым подходила Западная (т.н. Страбонова) дорога, связывавшая город с хорой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983-1985 гг.). Киев, 1989. с.42-43.
2. Моисеев А.А. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1913-1915 гг. СПб, 1918. с.63-65; Сувор Е.Г. Отчет о раскопках в северо-западном углу Херсонесского городища в 1960 г. // Архив НЗХТ, д. №2016. л.43; Сувор Е.Г. Отчет о раскопках в северо-западном углу Херсонесского городища в 1963 г. // Архив НЗХТ, д.1138 л.154
3. Гарабурда М.И. Оборонительные стены Херсонеса // ИТУАК.-Вып. 43.- Симферополь, 1909.с.97-98.
4. Домбровский О.И., Кутайсов В.А. Отчет о работах Херсонесского отряда Крымской экспедиции ИА АН УССР в 1977 г. // Архив НЗХТ, д. №1980, л.11-23.
5. Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции ИА АН СССР в 1983 г. // Архив НЗХТ, д. №2438, л.1-34.
6. Беляев С.А. Работы Херсонесской экспедиции // АО 1984. - М., 1986, с.213-214.
7. НЗХТ, д.1138 л.154, колл. №37256.
8. Белов Г.Д. Херсонес Таврический. - Л., 1948.с.9-17.
9. Депер Р.Х. Из раскопок в Херсонесе в 1906-1909 гг. // ИАК. - Вып. 42. - СПб., 1911. с.102-103.
10. Депер, там же, с. 102-107.
11. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1906 г. - СПб., 1909.с.66-78.
12. Косцюшко-Валюжинич, 1891, л.10.
13. Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. - Вып. 21. - СПб., 1907.
14. Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического // ХСб. - Вып. 5. - Симферополь, 1959.С. 86.
15. Домбровский О.И. Античный театр в Херсонесе (раскопки 1954-1958 гг.)// СХМ. - Вып. 1. - Симферополь, 1960.С.30, 32-35.

Николаенко Г.М.

ХОРА ХЕРСОНЕСА В РИМСКИЙ ПЕРИОД

Памятники хоры Херсонеса являются удивительным и неиссякаемым источником для изучения фундаментальных проблем в области экономики, политики и культуры древнего общества. Они привлекают внимание исследователей в течение почти двух столетий. По многим проблемам накоплен значительный информативный материал, но количество вопросов по-прежнему не уменьшается. Например, требуют специального изучения вопросы пространственной организации и эксплуатации земельного фонда Херсонеса в римский период, которым до сих пор уделяется лишь краткое внимание (см: Стржецкевич, 1961, с.131-137; Кадеев, 1981, с.22-31; Николаенко, 1988, с.203-211; Зубарь, 1993, с.33-37, 54-55, 77-79; Зубарь, 1994, с.26-34). Вместе с тем, интенсивное исследование памятников на Гераклеиском полуострове в последние десятилетия позволяет в определенной степени восполнить пробел в наших представлениях о пространственной организации ближней хоры на рубеже и в первых веках н.э.

Хронологическая непрерывность артефактов, накопленных в процессе раскопок, свидетельствует о том, что жизнь на ближней хоре продолжалась и после окончания войны со скифами, в результате которой она подверглась разрушениям. Политическая обстановка в регионе в первое время после войны оставалась нестабильной, поэтому, чтобы сохранить земли ближней хоры в прежних границах, Херсонес предпринимает активные действия по восстановлению земельного фонда и организации безопасности сельской округи. Прямым свидетельством этому являются эпиграфические памятники.

Так, в одной из надписей рубежа нашей эры (IOSPE, I, 355) говорится о гражданине, который, будучи избранным эпимелетом (распорядителем всех государственных доходов), принял ряд экстренных мер по защите от скифов и прежде всего позаботился о безопасности хоры для спасения наделов и обеспечения города продовольствием.

Несколькими десятилетиями позднее вновь возникает угроза разрушения земельного фонда в результате нападения соседних варваров. Об этом говорится в другой фрагментарно сохранившейся надписи (IOSPE, I, 369). Датируется она, скорее всего, серединой I в. н.э. По мнению Э.И. Соломоник, в

надписи могла быть описана религиозная церемония за пределами города, которой варвары воспользовались для нападения. Некто, налетев с большим войском, которое состояло из скифов, савроматов и возможно, их союзников тавров, «устроил пожары на хоре». Затем речь идет о мерах (очевидно, на хоре), которые принял кто-то, явившийся на двенадцатый день со стороны херсонеситов, и о переговорах со скифским царем по поводу мирного урегулирования отношений (Соломоник, 1984, с.9-10).

Как мы видим, в обеих надписях придается большое значение защите хоры, так как она в первую очередь подвергалась нападению врагов, грозя потерей земель и продовольствия. О стремлении Херсонеса организовать защиту близлежащих земель свидетельствует и археологический материал.

Еще в эллинистический период на размежеванной части хоры были размещены укрепленные поселения. Некоторые из них продолжали существовать и в римский период. Это укрепления в балке Бермана, Хомутовой и на выс. Безымянной, которые, на наш взгляд, выполняли не только земледельческие, но и охранные функции. Назначение укрепления в верховье Хомутовой балки - охрана водных источников и земельных участков в юго-восточной части Гераклеиского полуострова. Укрепление на выс. Безымянной, расположенное на южной границе размежеванной части хоры, существовало как сторожевой пост, охраняющий пограничные земельные участки и магистральную дорогу из Херсонеса в Балаклаву и далее к южнобережным поселениям. Укрепленное поселение в балке Бермана служило для охраны водных источников и размещения населения, обрабатывавшего поля в этом районе.

Как показали исследования Н.М. Соловьева (1924, л. 100-104), О.Я. Савели (1997, с.91) и А.А. Филиппенко (1997, с.123-126), в восточной части Гераклеиского полуострова в районе Килен-балки, а также балок Сушальной, Воловьев, Каменоломенной, Чертовой, Микрюковой, на выс. Суздальской и Казачкой в первых веках нашей эры располагались укрепления и сторожевые посты, охранявшие земли Гераклеиского полуострова и магистральные дороги, связывавшие Херсонес с юго-восточным регионом Крыма.

Возможно, на рубеже и в первых веках

нашей эры еще существовала крепость, построенная полководцем Диофантом в конце войны со скифами. Страбон говорит, что место, на котором располагалась крепость, представляло собой «мыс приблизительно в 15 стадиях от стены херсонесцев, образующий значительной величины залив, обращенный к городу» (Strabo, VII, IV,7). Этим заливом могла быть только нынешняя Севастопольская бухта, устье которой обращено в сторону северо-восточной оборонительной стены Херсонеса, а мысом - мыс Северной косы, на котором стоит Константиновский рваелин (ср: Бертъе-Делагард, 1907, с. 177-207). Этот мыс находится на правой стороне Севастопольской бухты, у самого ее устья. Если пойти из Карантинной бухты к лагуне у перешейки Константиновского мыса, расстояние составит 12-15 стадий (около трех километров).

Археологическим подтверждением этого может служить обнаруженный в 1948 г. обширный могильник римского периода, располагавшийся в устье балки, выходящей к лагуне. В связи с находкой на могильнике надгробия римского солдата, было высказано предположение о наличии римского военного поста на Константиновском мысу (Стрелецкий, 1959, с. 81).

Материалы раскопок свидетельствуют также об активной связи города с хорой, которая осуществлялась путем эксплуатации земельного фонда, гаваней и водных ресурсов Гераклеяского полуострова.

Принципиальных изменений в системе организации земельного фонда, по сравнению с эллинистическим периодом, в I в. до н.э. - I в. н.э. не наблюдается. Отчасти это объясняется тем, что еще в IV в. до н.э. греческими землемерами был использован именно тот метод размежевания земли, который впоследствии получила широкое распространение на территории Римской империи: сетка квадратных участков построена на двух осях, которые являются продолжением двух основных осей городского плана - Главной продольной и Главной поперечной улиц. Поэтому и в римский период на Гераклеяском полуострове сохраняется прекрасный план организации городского и сельского пространства, созданный греческими землемерами.

Вместе с тем, определенная эволюция в размежевании все же происходит. Например, многие продольные дороги сужаются до размера поперечных следующим образом. Вдоль оград наделов, которые в эллинистический период служили одновременно и оградами дорог, со стороны дорожного полотна про-

кладывают еще одну линию бутовой кладки, шириной в среднем 1 м. В результате продольной работы были выделены магистральные и второстепенные дороги. Землемеры оставили только несколько узловых транспортных дорог, как продольных, так и поперечных. Остальные становятся либо межевыми, либо внутриселенческими.

Таким образом было выражено также стремление привести размеры дорожного полотна или проезжей части дорог к единой системе мер, существовавшей в римский период. На территории ближайшей хоры ширины дорожного полотна второстепенных дорог составляла 3 м или 10 римских футов. Ширина дорожного полотна магистральных дорог составляла 5-6 м или 17-20 футов.

Многолетние исследования на хоре показывают, что в этот период виноград перестает быть ведущей культурой. Постепенно многие виноградники забрасываются. На некоторых из них появляются захоронения. Например, на территории площадью около 200 га, на которой между бухтами Омегой и Камышевой в эллинистический период располагалось 8 наделов, густо покрытых виноградниками, в первых веках н.э. в междурядьях производятся захоронения. По данным аэроэтомки, подтвержденным раскопками, погребения римского времени занимали пятую часть этой территории.

Появляются пастбища на хоре, на ее размежеванной части, что было совершенно немаловажно для хоры эллинистического периода. Об этом свидетельствуют загоны для скота, присутствующие на большей части усадеб. Вблизи таких усадеб виноградники отсутствуют.

О прекращении производства вина как основного товарного продукта свидетельствует прекращение массовых выпусков винной тары - остродонных клейменных амфор, столь характерных для эллинистического периода. Замечу, что сколь-нибудь значительные выпуски херсонесских амфор на рубеже и в первых веках н.э. пока неизвестны. Показательным является и то, что из 20 раскопанных усадеб виноделни первых веков н.э. обнаружены только на трех. Остальные римских виноделни в городе также не являются свидетельством товарного производства вина. Для этого необходимо по меньшей мере 10-12 виноделен.

Вместе с тем, сколь-нибудь значительные скопления зерна или зернохранилища римского периода на ближайшей хоре также не обнаружены. Все это свидетельствует о

том, что земледелие, виноградарство и заповые уходят на второй план.

Основное количество дорог и участков наделов были исследованы раскопками в приморской северо-западной части Гераклеийского полуострова, между бухтами Омегой и Казаньей. Кроме реконструированных дорог здесь были обнаружены захоронения первых веков нашей эры, сохранные в междурядьях эллинистических виноградников (на наделах №№ 6 и 12). Погребальные сооружения, являясь частью поселения, указывают на их близость. Некрополь на наделе № 12 в верховье бухты Омег, скорее всего, принадлежал обитателям близлежащих усадеб римского периода - № 12 и восточная усадьба надела № 7. С.Ф. Стржелецкий отмечал, что последние усадьба значительных размеров (протяженность визуально наблюдаемых внешних стен достигает 80 м) и имеет сложный план. Можно допустить, что это сооружение было поселением, относящимся по подъемному материалу к первым векам нашей эры (Стржелецкий, 1961, с. 164-165).

Усадьбы на восточном побережье Камышевой бухты, раскопанные В.П. Айсиним, тракуются самим автором как неукрепленное прибрежное поселение, состоявшее из нескольких домов (Айсин, 1939, с. 138-140). На территории поселка найдены краснолаковые сосуды I в. н.э. На двух из них имеются граффити и именные клейма на дне. Возможно, это имя владельца дома (Соломо-ник, 1984, с. 31-32, №№ 33-34).

Очевидно, такие же поселки находились на западном берегу Камышевой бухты, на наделах №№ 32 и 33.

Расположение поселков на мелководном побережье бухт указывает на то, что это были поселения не только рыболовов, но и добытчиков соли, промысел которой в Херсонесе в I в. до н.э. - I-II вв. н.э. является известным фактом.

Связь поселений северо-западного побережья с Херсонесом осуществлялась через так наз. страбовову дорогу. Это была широкая магистраль - 34 фута, которая шла от Главных ворот Херсонеса на западе к верховьям бухт Стрелецкой, Камышевой, Казаньей.

Еще одно поселение находилось в районе м. Фиолент. На его присутствие указывает могильник, раскопанный И.Н. Бороздиным в 1924 г. на Опаринских хуторах, с западной стороны м. Фиолент. Погребения в нем были совершены по обряду трупоположения и кремации. Исследователю

отметил, что «некрополь относится, несомненно, к римскому времени около нашей эры. «Кроме хронологической датировки, найденный при погребении инвентарь со всем основанием позволяет думать, что здесь было место вечного упокоения тогдашней сельской бедноты» (И. Бороздин, 1925, с. 22-23).

Кроме поселков на Гераклеийском полуострове существуют и отдельно стоящие здания - усадьбы. После окончания войны со скифами некоторые усадьбы были оставлены обитателями и больше не возрождались, но большинство строений подверглись реконструкции, в которой наблюдается определенная закономерность. Например, башни, переставшие выполнять боевые функции, оказываются в центре застроенной территории. Очевидно, основное их назначение в этот период - служить укрытием для обитателей в период нападения варваров. В тех постройках, где башне отводилась главная роль, она выносилась на передний край, и даже обносились протейхизой. В нескольких случаях, возле усадеб, примыкающих к дороге, раскопками прослежено перегораживание дороги невысокой стенкой из буттового камня.

В одном из своих трудов Э.И. Соломо-ник упоминает неизданную надпись римского времени. Это судебное постановление, в котором, вероятно, говорилось о разделе земли между наследниками (Соломо-ник, 1984, с. 9-10). Возможно, перегораживание дорог между наделами является одним из свидетельств этого раздела.

С.Ф. Стржелецкий отмечал, что уменьшение количества сельских усадеб и реконструкция большинства сохранившихся строений является отражением процесса концентрации земли в руках богатых землевладельцев (Стржелецкий, 1961, с. 134). Однако, исследования хоры выявило гораздо более сложную картину земельных отношений, требующую специального глубокого изучения. Пока же мы не знаем, по каким критериям можно выделять пащадки индивидуальных или общественных владений, тем более, что многие виноградники превратились в пастбища, карьеры по добыче камня и кладбища или оказались заброшенными.

Недостаток достоверных данных делает оценки земельных владений в терминах «большой», «средний», «маленький» умозрительными. На данном этапе, думаю, нужно согласиться с мнением В.М. Зубаря, который считает, что С.Ф. Стржелецкий несколько преувеличивал масштабы процесса кон-

центрации земли на рубеже и в первых веках нашей эры (Зубарь, 1993, с. 33-34).

Еще одним нововведением римского периода является появление водопроводной сети. Раскопками и разведками на Гераклейском полуострове обнаружено несколько многокилометровых линий керамических водопроводов, направившихся из балок Гераклейского полуострова в Херсонес. Главным источником водоснабжения города и хоры служили водоносные горизонты в верховьях балок Юхариной, Сарандинакиной, Хомутовой и Бермана. Путь одной из них, абсолютно достоверно восстановленный Л.А. Моисеевым, пролегал от источника в верховье Сарандинакиной балки (7-й км Балаклавского шоссе) через южную окраину Куликова поля, Карантинную балку у пос. «Дальний» и по водоразделу между западным рукавом Карантинной и верховьем Песочной балок - к Главным воротам Херсонеса на западе (Моисеев, 1926, с. 120).

Охрана водных источников, от которых брали начало водопроводы на хоре, а также каптажей-водонакопителей, была тщательно налажена. В Юхариной балке - это 6 мощных укрепленных усадеб, расположенных вокруг источника на расстоянии 170-200 м друг от друга. В Сарандинакиной балке по ее склонам в районе источника протянулись цепью укрепленные усадьбы (не менее 5-ти с каждой стороны), расположенные приблизительно на таком же расстоянии друг от друга. Источники в Хомутовой и балке Бермана охранялись укрепленными поселениями, выросшими из укрепленных усадеб.

Как показали исследования В.И. Кадева и С.Б. Сорочана, экономика Херсонеса в этот период была тесно связана с торговлей и давала возможность в большом количестве вывозить продукты местного производства. В начале I в. до н.э. ведущими статьями херсонесского экспорта являлись продукты рыбного промысла: вяленая, сушеная, соленая рыба, различные сорта рыбных гарумов и соль (Кадеев, Сорочан, 1989, с. 11-12).

О наличии соляного и рыбного промыслов в I в. до н.э. - I в. н.э. свидетельствуют как письменные (Strabo, VII, IV, 7), так и археологические источники. Упомянутая Страбонам солеварня находилась на берегу лимана, над заливом (Севастопольской бухтой). По правому берегу бухты от устья у Константиновского равелина до пос. Голландия тянется целый ряд мелководных небольших заливов, в любом из них в древности возможно было выпаривать соль. Находясь

погребений раннеримского периода на каменных водоразделах между заливами (Печенкин, 1905, с. 29-30) свидетельствуют о наличии поселений, основным занятием жителей которых, скорее всего, было рыболовство и добыча соли.

В связи с этим представляется интерес наблюдение Н.М. Печенкина, производившего в 1901 г. разведочно-охранные работы на Северной стороне. «Вне всякого сомнения, что этот район представляет большой интерес: с одной стороны близость Херсонеса, с другой - защищенность от северного и даже северо-восточного ветра, в южной части его, соприкасающейся с большим рейдом, крайне удобным для сообщения и изобилующим рыбой, наличие пресной воды - все это делало жизнь здесь особенно удобной.» (Печенкин, 1905, с. 29-30).

Активная морская торговля Херсонеса была обусловлена прежде всего наличием удобных гаваней. Во многих письменных источниках Херсонес упоминается как город, который имел «пристань и хорошие гавани». Достаточно подробные сведения на этот счет содержатся у Страбона (Strabo, VII, IV, 2,3,7). Так, при описании северо-западного и южного побережья Гераклейского полуострова древний географ упоминает о трех гаванях, расположенных между Херсонесом и мысом, выдающимся на юг (т.е. Фиолентом - Г.Н.). Совершенно очевидно, что это гавани Стрелецкая, Камышевская и Казачья. Мелководная бухта Омега на рубеже и в первые века нашей эры, скорее всего, не входила в число гаваней Херсонеса на северо-западном побережье. В этот период она представляла собой большое соляное озеро, открытое штормам. Даже в настоящее время только устье Омegi используется как стоянка для судов, имеющих малую осадку: для катеров и яхт.

К востоку от Херсонеса также было несколько гаваней. Названия двух из них мы знаем из письменных источников. Это Ктенунт Страбона и Лимны Константина Багрянородного.

На северо-восточном побережье полуострова наиболее удобной для корабельных стоянок является защищенная от штормовых ветров крутыми склонами бухта Южная. Низменные берега и верховье бухты вполне подходили для устройства пристани и осушения морских перевозок. Скорее всего, именно эта бухта под названием «Лимны» упоминается в легенде о Гикии (Const. Porph. De adm. imp., 53). Основанием для такого предположения

послужил рассказ о боспорянах. Прибыв с дарами в дом Гикки, они обычно поздно вечером возвращались из города в бухту Симболон, к своему кораблю. Пройдя три миля, то есть, примерно четверть с половиной километра, по магистральной дороге, которая вела из Херсонеса в Симболон Лимен, под прикрытием темноты они сворачивали к так называемым Лимнам, то есть поворачивали влево на одну из поперечных дорог между наделами и спускались к ближайшей бухте. На этом маршруте можно было свернуть только к Южной бухте.

Что касается порта Ктенунга, то, на наш взгляд, он мог находиться в верховье Севастопольской бухты или в устье р. Черной. В пользу этого предположения служат следующие аргументы.

Говоря о Ктенунге, Страбон отметил, что он находился на одинаковом расстоянии от Херсонеса и от Симболон Лимен, равном 40 стадиям (примерно 8,5 км при стадии 210 м). От Херсонеса до верховья Севастопольской бухты и устья р. Черной по прямой не более 9 км или 43 стадий, а от Балаклавы - 9-9,5 км или 45 стадий.

А.Л. Бертъе-Деагард, подробно описывая Инкерманскую долину, отмечает, что на участке от г. Гасфорга вплоть до моря на протяжении 9 верст река имеет небольшое падение, и течение в ней замедленное. «Как в ущелье, так и по долине река настолько полноводна, что никогда не пересыхает, а по долине большей частью так глубока, что переправа через нее не повсюду возможна» (Бертъе-Деагард, 1886, с. 171). От устья до монастырского моста, который находился примерно в версте от него, река судоходна даже для больших барж, труженных камнем. Примерно в двух верстах от устья находится ж/д мост. Вплоть до этого моста чувствуются нагоны воды от морских ветров. «Начало Севастопольского рейда, куда впадает Черная речка, очень мелко и на бере реки только 2-3 фута глубины, хотя в самой реке, вверх до древнего моста, глубины от 4-х до 9-ти футов. Обмеление начала бухты, бар речки, болота ее устья, да, наконец, даже и вся Инкерманская долина вплоть до Чоргуна, несомненно, образованы наносами реки (аллювий)» (Бертъе-Деагард, там же, с. 174-175).

Выше Инкерманской долины, в Чоргунском ущелье, которое находится на высоте до 600 м над уровнем моря, ложе реки имеет большое падение (в среднем 15 м на один километр), и поэтому как в устье реки, так и в долине на протяжении 9 верст образовалось огромное количество наносов, которые за последние две тысячи лет изменили гид-

рологическую ситуацию района. В древности наносов было меньше, и устье реки вполне могло быть судоходным, ведь осадка у греческих и римских судов была в пределах 3-4 футов (Шершов, 1994, с. 26-45). Это делает вполне вероятным существование порта в конце бухты или в устье реки.

Может быть, именно здесь находился херсонесский эмпорион, который упоминается в одной из надписей римского времени (IOSPE, I², 575). По археологическим данным, в этом регионе находились поселения римского времени - в верховье бухты и по обеим сторонам устья реки. Сюда выходила дорога с Гераклеийского полуострова, охраняемая римскими сторожевыми постами на выс. Суздальской и Казанской. С восточной стороны верховья бухты тоже были поселения. Во время разведок в районе Инкермана О.Я. Савеля отметил скопления керамики первых веков нашей эры на водоразделах Трензиной, Графской и Мартыновской балок (АО, 1984, с. 300-301).

Наибольший интерес в этом плане представляет могильник, расположенный на правом берегу р. Черной с южной стороны г. Сахарная головка. По данным Т.Н. Высотской, наиболее ранние захоронения, относящиеся к I-II вв. н.э., принадлежали греческому населению округа Херсонеса. Т.Н. Высотская отмечает почитание местным населением греческих богов и героев, о чем свидетельствуют граффиты, геммы, рельефная краснолаковая керамика (Высотская, 1997, с. 25). Возможно, могильник принадлежал населению, обслуживавшему порт.

В заключение несколько замечаний относительно этнической принадлежности обитателей хоры в этот период. Эпиграфический материал свидетельствует, что в эллинистический период на хоре Херсонеса почти все встречающиеся имена - греческие, причем подавляющее большинство из них известно и в самом Херсонесе.

Ономастикон римского времени несколько иной. Он отражает процесс варяризации херсонесской хоры. Наряду с греческими именами здесь встречается много негреческих, принадлежавших местному населению или заимствованных им (Соломонович, 1984, с. 17-19).

Материал для определения этнической принадлежности населения хоры дают раскопки поселений. Например, на поселениях в балке Бермана в сдоях рубежа и первых веков нашей эры найдено значительное количество фрагментов сосудов с граффити. Интерес представляют граффиты с посвящением Деметре, а также магические. На крас-

нолковой тарелке сохранилась надпись ХАРА - радость. Э.И. Соломоник отмечает, что это слово в виде доброго пожелания часто встречается на перстнях, в основном, детских (Соломоник, 1984, с.33, № 45).

Имена, встречающиеся среди надписей, в основном, нетрещеские.

Особый интерес представляет целая серия проурапанских рисунков на краснолаковом кувшине конца I-II вв. н.э. с изображением мужских фигур и животных, которые, по мнению Э.И. Соломоника, можно отнести к каким-то церемониям и праздникам в честь богов плодородия. Коня, петуха

и курицу древние связывали с культом Гелиоса. Петух играл определенную роль и в культах таких богов как Аполлон, Гермес, Геракл, Персефона, Кибела; козел был одним из главных в культах Диониса, Пана и Сатиров; лань - в культе Артемиды-Девы; конь - в культе Деметры как символа плодородия. (Соломоник, 1984, с.33-34, № 46).

Как предметы, найденные на поселениях, так и инвентарь погребений, обнаруженных раскопками на заброшенных виноградниках, могли принадлежать туземному населению, постоянно проживавшему на территории ближней хоры Херсонеса.

ПРИМЕЧАНИЯ

Бертье-Делагард А.А. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма. - ЗООИД. - Т. XIV. - Одесса, 1886.

Бертье-Делагард А.А. О Херсонесе. - ИАК. - Вып. 21. - СПб., 1907.

Бороздин И.Н. Новейшие археологические открытия в Крыму. - М., 1925.

Высотская Т.Н. Население округа Херсонеса Таврического в I-IV вв. н.э. (по материалам некрополя «свохоз № 10»). - Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. - Тез. докл. - Севастополь, 1997.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху. - Киев, 1993.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. - Киев, 1994.

Кидеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. - Харьков, 1981.

Кидеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в. н.э. (На материалах Херсонеса). - Харьков, 1989.

Лисин В.П. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. - ВДИ. - 1939. - № 2.

Моисеев А.А. Следы ирригации, медиации и водоснабжения древнего Херсонеса на Герacleйском полуострове. - Записки Крымского Общества естествоиспытателей и любителей природы. - Т. IX. - Симферополь, 1926.

Николаенко Г.М. Херсонесская округа в I в. до н.э. - IV в. н.э. (по материалам Герacleйского полуострова). - Античные древности Северного Причерноморья. - Киев, 1988.

Печенкин Н.М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя. - ИТУАК. - Вып. 38. - Симферополь, 1905.

Савеля О.Я. Работы Севастопольской экспедиции. - АО. - М., 1984.

Савеля О.Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990-1995 гг. - ХСб. - Вып. VIII. - Севастополь, 1997.

Соловьев Н.М. Археологические заметки, 1924 г. - Архив НЗХТ, д. 1385.

Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. - Киев, 1984.

Стржелецкий С.Ф. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху. - Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. - М., 1969.

Стржелецкий С.Ф. Клery Херсонеса Таврического. - ХСб. - Вып. VI. - Симферополь, 1961.

Филиппенко А.А. Строительные керамические материалы с пунктов дислокации римских войск в Кадывковке и на высоте Казацкой. - Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. - Тез. докл. - Севастополь, 1997.

Шершов А.П. История военного кораблестроения. - СПб., 1994.

Л.А. Ковалевская.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС конца II — первой половины III вв. н.э. ИЗ РАСКОПОК ВИЛЛЫ 341

В результате активного исследования в последние десятилетия хоры античного Херсонеса получена ценная информация, расширяющая наши знания не только о жизни сельского населения, но и об общих процессах, происходивших в Херсонесском государстве. Мощная оборонительная система Херсонеса отделяла городскую территорию от окружающих земель, население

которых имело свой хозяйственный уклад, свою культуру, нередко свою особую судьбу. Сельские постройки, не имеющие такой надежной защиты, в большей мере были подвержены опасности, первыми принимали удары вражеских полчищ, служили своеобразным щитом при подступах к городским стенам. Следы исторических коллизий на сельских постройках являются

Рис.1.

Схема расположения виллы 341 на Гераклеийском полуострове.

важным дополняемым, а зачастую единственным источником информации для воссоздания многих ключевых событий в истории Херсонесского государства.

Некоторым итогам изучения одной из сельских построек посвящена настоящая работа. Постройка земельного надела 341 находится в пограничной зоне размежеванной части хоры античного Херсонеса, расположена на господствующей высоте северного склона Верхне-Юхариной балки, на территории Севастопольского городского кладбища (рис.1).

Систематическое исследование памятника археологии было начато в 1987 году одним из отрядов Гераклеяской экспедиции Херсонесского государственного историко-археологического заповедника. За семь лет

раскопок открыто около 900 квм площади памятника. Выявлено главное сооружение постройки – башня, укрепленная с четырех сторон мощным «противотатарным» поясом и состоящая из двух помещений. В южном углу башни обнаружен и исследован колодезь. В центре постройки находится обширный двор, мощеный крупными каменными плитами. По периметру с трех сторон двор окружен хозяйственными помещениями. Общая ориентация углов постройки – по сторонам света (рис.2).

Исследуемая постройка является многослойным памятником. Усадьба, основанная в период освоения Гераклеяского полуострова как ближней хоры Херсонеса, в первых веках нашей эры была значительно перестроена, по планировке напоминающая рим-

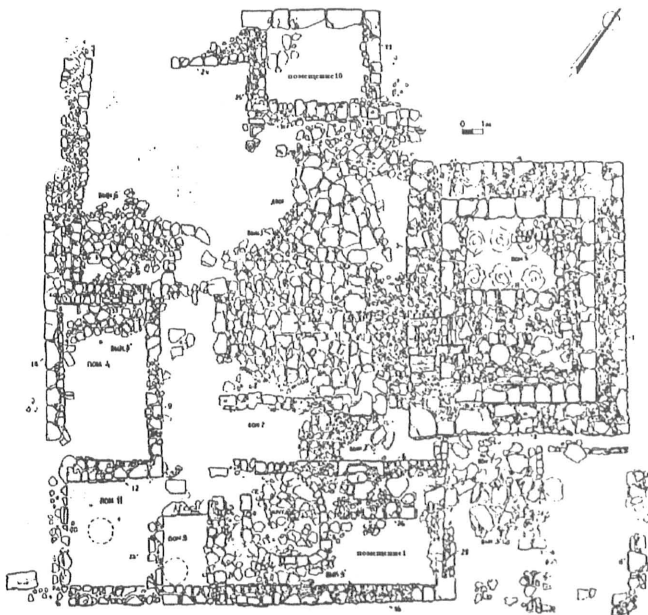

Рис.2.

Общий план постройки 341.

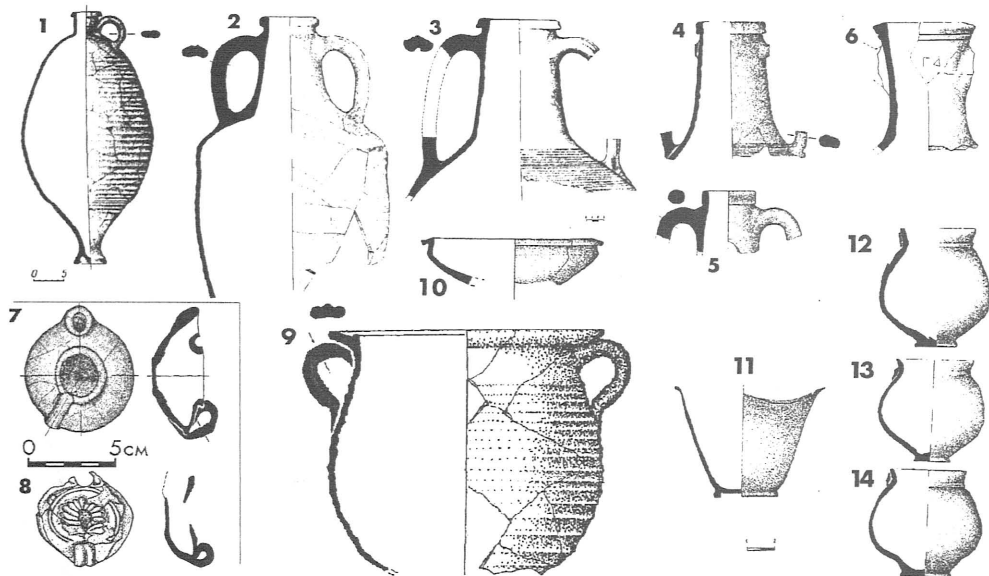

Рис.3.
Помещение 1.

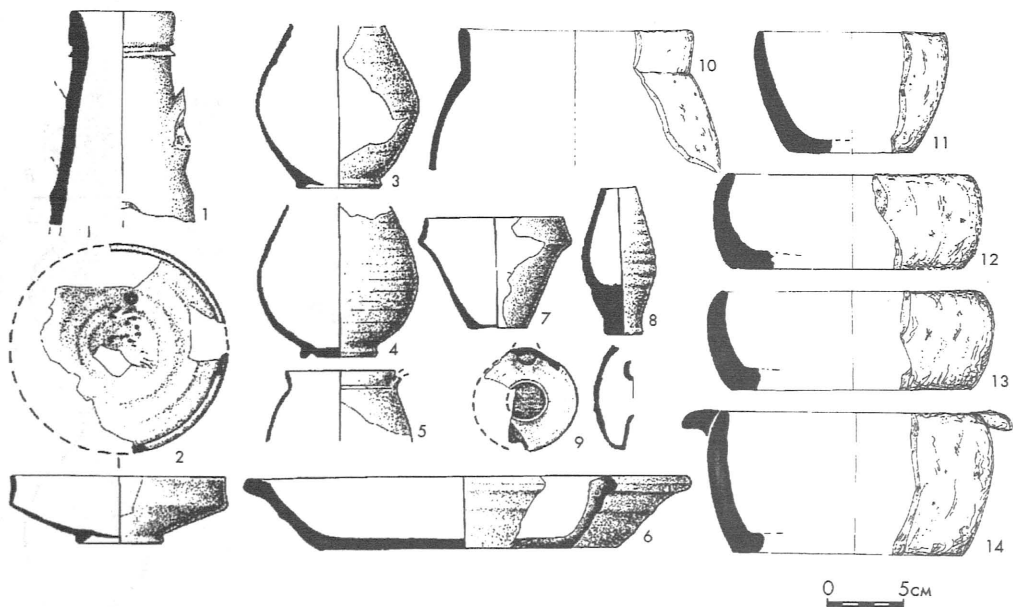

Рис. 4.
Помещение 10.

кую впаду с конструктивными особенностями, типичными для региона. После гибели впады, вновь жизнь на месте довольно кратковременного запустения возрождается в средневековье. Мощность и степень насыщенности культурного слоя не везде одинакова.

Самый многочисленный археологический материал относится к римскому периоду и был сосредоточен в слое зольника, возникшего в результате пожара, уничтожившего всю постройку. Особое внимание привлекали находки в помещениях I и 10. Именно на этих двух участках, по моим наблюдениям, стратиграфия не была сильно нарушена, следовательно, данный материал может служить надежным источником для воссоздания ситуации, предшествовавшей трагедии.

Помещение I расположено в юго-восточной части постройки, в плане - прямоугольной формы, занимает площадь около 42 кв.м, вытянуто с юго-запада на северо-восток, имеет размеры по внутреннему периметру стен 9.25x4.50 м. Помещение I несколько заглублено, наподобие полуподвала, образовано стенами, имеющими толщину от 0.75 до 0.90 м, сохранившимися на 2-4 ряда кладки, высотой до 0.90 м. Стены сооружены из бутового камня средних размеров. В юго-западной половине помещения I вписуется круглое в плане сооружение, более позднего времени.

В северо-западной стене выявлен вход со стороны двора, шириной 1.05 м. Вход имеет порог и три ступени, ведущие вниз. Еще один проход шириной 0.95 м обнаружен в юго-западной стене. Ступени лестницы, стены помещения и пол в северо-восточной его части были покрыты плотной цементной обмазкой желтовато-розового цвета с галечной и керамическим наполнителем, остатки которой особенно четко прослеживаются вдоль стен. Под же юго-западной половины помещения был вымощен плоскими камнями средних размеров.

На глубине 0.40-0.60 м от современной дневной поверхности был выявлен мощный слой пожара. Верхний горизонт пожарища представляла собой черепичный завал с остатками обгоревших деревянных конструкций и рухнувших стен. Крыша помещения имела наклон на северо-запад, именно в эту сторону обращена нижним краем значительная часть черепицы. По-видимому, горящая кровля рухнула в центральной и в северо-западной частях помещения, так как на этих участках наблюдается наиболее мощный слой зольника (до 0.90 м). Пожар

был столь силен, что стены и пол прокалились на значительную глубину.

В слое пожара помещения I в основном преобладают находки фрагментов амфор и краснолаковой посуды; обнаружены два светильника и кастроля. Учитывая конструктивные особенности постройки и обнаруженный археологический материал, можно утверждать, что помещение I служило хозяйственным целям - скорее всего, было складом.

Аналогичная картина пожара и разрушения наблюдается и на участке помещения 10, которое расположено в противоположной, северо-западной части постройки. Помещение, в плане прямоугольной формы, занимает значительно меньшую площадь, всего 13,5 кв. м. Имеет размеры по внутреннему периметру стен 4,50 x 3,00 м. Стены, образующие помещение, выявлены на высоту 0,30 - 0,35 м. Они имеют следующие конструктивные особенности: если юго-западная стена сложена из бутовых камней среднего размера, то в кладке трех других стен использовались очень крупные, хорошо обработанные блоки. В юго-восточной стене, со стороны двора имеется вход шириной 0,85 м.

Как и в помещении I, пол и стены помещения 10 покрывала цементная обмазка, остатки которой особенно хорошо видны вдоль стен. Только в западном углу значительная площадь пола вымощена каменными плитками.

В северном углу помещения обнаружена печь прямоугольной формы, размерами 0.43x0.50 м. Сохранились вертикальные борты из крупных фрагментов черепицы и сырцовых плит, остатками которых заполнено и внутреннее пространство сооружения. Печь несколько заглублена, основание точной части находится на 0.20-0.25 м ниже уровня выявленного пола. Печь могла служить одновременно и для отопления, и для приготовления пищи, подобно «домашним печам» Илурата, относящимся ко II-III вв. н.э.¹ Археологический материал в помещении 10 отличается разнообразием. Найдены фрагменты жаровни, амфор, краснолаковой посуды, светильник, грузила, гвозди. Весьма многочисленны остатки кухонной лепной и кружалной посуды. Скорее всего, помещение 10 по своему функциональному назначению являлось бытовым - вероятно служило кухней.

Всенаходки из слоя пожара в помещениях - со следами горения. Некоторые керамические изделия деформировались от высокой температуры. В настоящей работе использованы наиболее информативные находки

ки: археологические целые формы или крупные профилированные части сосудов. К сожалению, дать характеристику глины керамических изделий не представляется возможным, так как она сильно пережжена и приобрела темно-серый оттенок.

АМФОРЫ

1. Одноручная амфора-кувшин (рис.3, 1) с непропорционально маленьким относительно тулова, узким цилиндрическим горлом. Венчик в виде треугольного в сечении валика свисает наружу. Тулово вытянутой, несколько опавшей формы, внешняя поверхность его тонких стенок сплошь ребричатая. Петлевидная уплощенно-овальная в сечении ручка, профилированная снаружи неглубоким желобком, крепится у самого основания горла и на плечике. Ножка высокая, цилиндрическая, расширяется книзу, образуя кольцевой поддон, по центру внутренней полости которого имеется сосцевидный выступ.

Высота амфоры 0,45 м.

Диаметр тулова 0,22 м.

Диаметр венчика 0,055 м.

Сосуды подобного типа М.Энг называет кувшинами. По разработанной ею классификации, наша находка относится к II типу.² Позднее многие исследователи рассматривали эту форму как одноручные амфоры-кувшины, которые имели самое широкое распространение в первых веках нашей эры во многих античных центрах Северного Причерноморья³; встречаются они также среди материалов Африканской Атлоры⁴. Прямые аналоги амфор-кувшинов II типа имеются в комплексе II-III вв. н.э. зернохранилища II в Ольвии⁵, как и среди находок подвала МБ в Танаисе, который надежно датируется (по монетам) II - первой половиной III в. н.э.⁶

2. Горло амфоры (рис.4,1) - узкое, цилиндрической формы, со следами широкого рифления в нижней части. Венчик уплощенный, непосредственно под ним на горле имеется четкое выступающее ребро. Тулово и ручки не сохранились. Судя по форме остатков верхнего прилепа, ручки крепились на 6 см ниже венчика и резко поднимались вверх.

Диаметр венчика 0,07 м

Узкогорлые амфоры с высокоподнятыми ручками имеют широкий ареал и время бытования. Находки амфор этого типа в разных центрах Боспора И.Б.Зесст и В.Ф.Гайдукевич относят к III в. н.э.⁷. А.П.Абрамов сужает хронологические рамки и датирует сосуды концом II-1-ой половиной III в. н.э.⁸ В Танаисе они встречаются в комплексах I-ой половины III в. н.э.⁹, в Херсонесе, в Ольвии также появляются с I-ой половиной III в. н.э.¹⁰ По мнению Г. Кузманова, амфоры этого типа распространены в Нижней Мезии в III-IV вв. н.э., происходят из Западного Средиземноморья.¹¹ Д.П. Пикок и Д. Вильямс указывают на широкое распространение этих амфор в бассейне Средиземного и Черного морей, относят время их бытования также к III-IV вв. н.э., не исключая самый конец II в. э.¹² S. Keay амфоры с высоко поднятыми ручками относит к XII типу; местом производства их может быть, по его мнению, островная Греция, скорее всего о. Кос.¹³

3. Горло крупной амфоры (рис.3, 6) с массивным желобчатым венцом. Ручки и тулово не сохранились. Горло цилиндрической формы, несколько расширяющееся книзу, на его внешней поверхности процарапана метка. Венчик массивный, представляет собой постепенно утолщающуюся стенку горла, край которой сверху плоско срезан наскос снаружки. С внешней стороны венчик ограничен от горла двумя широкими желобками, на уровне которых крепились ручки. Целые экземпляры амфор с желобчатым венцом имеют круглые или слабопрофилированные в сечении ручки и ребричатое тулово.

Диаметр венчика 0,18 м.

Подобные амфоры характерны и широко распространены во II-III вв. н.э. на Боспоре¹⁴ и в других античных центрах Северного Причерноморья: Херсонес,¹⁵ Козырьское городище,¹⁶ Усть-Альминский могильник.¹⁷ А.П. Абрамов считает конец II-нач. III вв. н.э. периодом наиболее интенсивного их бытования¹⁸. Видимому, этот тип амфор В.И.Кадеев предположительно относит к продукции Малой Азии или Сирии.¹⁹

4. Горла двух амфор (рис.3, 3,4) с клювовидным венцом и ручками, типа мирме-

кийских. Горла цилиндрической формы, слегка расширяются книзу. Венчики резко выступают, как бы нависают над горлом. Верхняя поверхность ручек одной из амфор профилирована семью валиками, причем центральный значительно возвышается над прочими, внутренняя - имеет глубокий желобок. Под венчиком этой амфоры проведена резная линия. Из-за плохой сохранности ручек другой амфоры, их профиль трудно охарактеризовать. Верхним прилепом ручки крепятся непосредственно под венчиком, нижним - почти на середине плечиков, внешняя поверхность которых покрыта глубоким, густым рифлением.

Диаметр венчиков 0.12 и 0.14 м.

Амфоры описанного типа довольно широко распространены в II-III вв. н.э. на Боспоре²⁰ и в Юго - Западном Крыму²¹.

5. Горло и верхняя часть тулова амфоры (рис.3, 2). Венчик валикообразный, горло цилиндрическое довольно высокое, значительно расширяющееся книзу; под венчиком на горле имеются две резные параллельные линии. Верхняя поверхность ручек профилирована двумя валиками, проходящими по центру. Ручки крепятся под самым венчиком и на середине плечиков. Внешняя поверхность тулова, ниже плечиков - желобчатая. Дно не сохранилось.

Диаметр венчика 0.10 м.

Диаметр тулова 0.31 м.

Похоже, что в самостоятельный тип амфоры с вышеописанными морфологическими признаками не выделены, хотя близкие им по форме сосуды встречаются во II-III вв. н.э. в Неаполе-Скифском.²²

6. Горло амфоры (рис.3, 5). Венчик имеет форму очень вытянутого уплощенного валика, нижняя часть которого в виде невыразительного клювовидного выступа нависает над горлом. Горло с легкой припухлостью, на уровне ручек, на внешней поверхности прочерчены две параллельные резные линии. Ручки круглые в сечении, верхним прилепом крепятся непосредственно под самым венчиком.

Диаметр венчика 0.09 м.

Прямых аналогий не обнаружено.

СТОЛОВАЯ КЕРАМИКА.

7. Кубки с округлым шаровидным корпусом (рис. 3,12-14; рис. 4,5). В помещении 1 обнаружены три археологически целые формы, в помещении 10 - 1 фрагмент верхней части кубка. Сосуды имеют углощенный прямой, вертикальный венчик, слегка отогнутый наружу, отделенный от корпуса более или менее выраженным рельефным пояском. Ручки не сохранились, но судя по следам сколов, все кубки были одноручными. Дно имеет невысокий дисковидный поддон.

Диаметр венчика от 0.062 м до 0.065 м.

Высота от 0.082 м до 0.098 м.

Подобные сосуды В.И.Кадеев называет горшочками, относя их к 4 типу из выделенных им шести²³. На основе весьма многочисленного материала из раскопок некрополя Херсонеса В.М.Зубарь, определив рассматриваемый тип керамики как кубки, разработал более подробную типологию, согласно которой наши находки относятся к варианту А типа I.²⁴ Еще раньше тот же автор отмечал широкое распространение кубков в Северном Причерноморье и во многих районах античного мира во II-III вв. н.э. В Херсонесе сосуды производились по привозным образцам.²⁵

8. Чашки (рис.4, 7; рис.3, 11) со слегка запутым внутрь краем, с округлыми стенками тулова, резко сужающегося ко дну. Верхняя часть одного сосуда не сохранилась, его дно имеет невысокий кольцевой поддон. Дно второго сосуда плоское.

Диаметр венчика 0.09 м

Высота 0.08 м.

Как и предыдущий тип, чашки имели широкое распространение в I-III вв. н.э. на Боспоре,²⁶ в Херсонесе,²⁷ в Ольвии²⁸ и в других центрах античного мира. Причем во многих Северопричерноморских городах чашки в большом количестве производились на месте по привозным образцам.

9. К другому типу чашек (рис.3, 10) относится находка верхней части сосуда с округлыми стенками, сильно сужающимися книзу. Венчик - горизонтальный,

резко отогнут, как бы нависает над туловом. Дно не сохранилось.

Диаметр венчика 0.13 м.

Целье формы сосудов данного типа скорее всего имели высокую ножку, подую внутри. В.М. Зубарь заметил, что в некоторых комплексах некрополя Херсонеса чашки на высокой ножке встречены с монетами II-III вв. н.э.²⁹

10. Тарелка (рис.4, 2) с прямым, слегка утолщенным и загнутым внутрь краем. Стенки прямые, резко сужающиеся ко дну, представляющему собой невысокий кольцевой поддон. На дне сосуда, на его верхней поверхности, имеются небольшие углубления, в виде царапин, расположенные хаотично.

Диаметр венчика 0.14 м.

Подобного типа посуда довольно часто встречается на Боспоре,³⁰ в Ольвии,³¹ Херсонесе³² в I-III вв. н.э. В.В. Крапивина тарелки со схожими признаками относит к 14 типу, которые, по ее мнению, характерны для пергамского производства первой половины I века н.э., а со второй половины II в. н.э. производились и в Нижней Мезии.

11. Два тулова кувшинов яйцевидной формы на очень низком кольцевом поддоне (рис.4, 3,4).

Диаметр тулова 0.10 м.

Кувшины - один из самых распространенных видов столовой керамики. Находки из помещения 10 по форме близки типу 8 (согласно классификации В.И.Кадеева)³³ или типу 3 (Зубарь В. М.)³⁴ и датируются суммарно I-III вв. н.э.

КУХОННАЯ КЕРАМИКА.

Кухонная керамика представлена кружальной и лепной посудой.

12. Из простой кружальной посуды прежде всего следует отметить кастрюлю с двумя петлевыми ручками (рис.3, 9). Венчик горизонтальный, резко отогнут наружу, по его верхней поверхности проходит желобок для установки крышки. Ручки крепятся непосредственно под самым венчиком, в сечении — сложнопрофилированные. Тулово округлое, по форме близкое к яйцевидному, со сплошным рифлением внешней поверхности. Дно не сохранилось.

Диаметр венчика 0.20 м.

Диаметр тулова 0.21 м.

Подобной формы кружальная посуда встречается среди материалов середины II - начала III вв. н.э. из раскопок Афинской Агоры.³⁵ Несколько целых экземпляров аналогичных кастрюль имеется в комплексе находок II - первой половины III вв. н.э. из подвала МБ в Танаисе, причем авторы считают их привозными.³⁶ По морфологическим признакам кастрюлю можно отнести к типу I, выделенному В.В. Крапивиной на материалах Ольвии. Автор отмечает их наиболее широкое распространение в западных провинциях Римской империи во II-III вв. н.э.³⁷

13. Сковорода с плоским дном (рис.4, 6), сильно расширяющимися высокими прямыми стенками. Венчик широкий, подпрямоугольной формы, отогнут наружу, сверху уплощен.

Диаметр венчика 0.28 м.

Высота сковороды 0.05 м.

14. Горшок с округлым туловом (рис.4, 10). Венчик высокий, вертикальный, чуть отклоненный наружу. Переход от венчика к тулову резко обозначен. Дно не сохранилось. Глина красно-коричневого цвета, с многочисленными включениями извести и серых непрозрачных частей.

Диаметр венчика 0.17 м.

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА.

Основная форма сосудов по типолообразующим признакам близка чашкам³⁸. Посуда - толстостенная. Глина изделий - светло-коричневого цвета, грубая, плохо промешанная, со значительным содержанием извести и песка. Чашки представлены двумя типами:

15. Чашки с плоским дном (рис.4, 11-13), округлыми слегка расходящимися стенками. Венчик прямой, несколько загнут внутрь, сверху округлый. Диаметр венчиков 0.14-0.18 м.

Высота чашек 0.07-0.08 м.

16. Чашка морфологически схожа с предыдущим типом (рис.4, 14), отличается наличием двух плоских горизонтальных ручек-ушек, которые как бы являются продолжением венчика.
Диаметр венчика 0.18 м.
Высота чашки 0.09 м.

КЕРАМИКА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

17. Светильник краснолаковый (рис.3, 8), сделан в форме, относится к группе ламп с закрытым резервуаром. Корпус округлый, плечики слегка покатые, щиток углублен, отделен от плечиков валиком и резной линией. Ручка петлевидная. На щитке - рельефное изображение раковины. Носик маленький, округлый, дно плоское (сохранилось частично). Глина светло-коричневая, имеются мелкие редкие включения пироксена, шмота. Лак, покрывающий внешнюю поверхность, тусклый.
Диаметр корпуса 0.06 м.
Высота корпуса 0.02 м.
Светильник по морфологическим признакам относится к самому распространенному типу, который О.Вальдгауэр определяет как «римский»³⁹. Аналогичные светильники (так называемый западнопоитийский вариант) широко бытуют в Западном Причерноморье начиная с I в. н. э., но в основном в конце II-III вв. н. э.⁴⁰, а также с конца II в. н.э. - на Рейне⁴¹ и во многих других центрах античного мира. Светильник из помещения I представляет собой, скорее всего, северопричерноморский вариант римского типа (южнорусский – по О.Вальдгауэру), встречавшийся почти повсеместно на обширной территории: Тира,⁴² Ольвия,⁴³ Херсонес,⁴⁴ Танаис⁴⁵ и др. Исследования показали, что наиболее интенсивное распространение этих светильников относится к II-III вв. н. э., их производство было налажено во многих центрах Северного Причерноморья по слепкам с привозных образцов.
18. Два светильника (один из них археологически целый), сделаны в форме, относится к группе ламп с закрытым резервуаром (рис. 4,9; рис. 3,7). Корпус округлый, носик небольшой, также округлый, слегка приподнятый. Плечи покатые, имеется резкая грань при переходе к нижней, донной части светильника. Сложнопрофилированная ручка расположена асимметрично, возвышается над гладким, без орнамента корпусом. Характерная особенность изделия - полное отсутствие щитка, очень большое отверстие для масла, расположенное по центру корпуса и обведенное бортиком. Дно плоское.
Диаметр корпуса 0.07 м.
Высота корпуса 0.03 м.
Прямых аналогий подобного типа светильникам не найдено. Не исключено, что эта необычная форма является традиционной местной⁴⁶ или характерной для соседних регионов⁴⁷.
19. Флакон яйцевидной формы (рис.4, 8). Венчик и горлышко отсутствуют. Внешняя поверхность стенок тулова железобитая. Придонная часть вытянута, сужается книзу, дно плоское.
Диаметр тулова 0.05 м.
20. Два однодырчатых грузила пирамидальной формы. Изделия очень крупных размеров, небрежно выполненные. Сквозное отверстие смещено от центра наверх незначительно. Глина светло-бежевого оттенка, грубая, имеются включения песка и гальки.
Высота 0.12 м.
Судя по контексту обнаружения находок, а также их форме, грузила, скорее всего, употреблялись в качестве подставок под жаровни⁴⁸ или под сосуды во время варки пищи на очаге.⁴⁹

Чрезвычайно важным уточняющим фактором является нумизматический материал (автор выражает благодарность Н.А. Алексеенко за хронологическое определение монет, обнаруженных в результате раскопок

постройки 341). К сожалению, монета, обнаруженная в зольнике помещения 10, очень плохой сохранности, датируется эвентуально I-III вв. н. э. Большое значение для определения точной нижней хронологичес-

кой границы гибели виллы имеет находка херсонесской монеты 180-192 гг. н.э., найденная в слое пожара помещения 1.

Таким образом, итоги подробного исследования керамического материала убедительно характеризуют виллу 341 как часть единого организма, которая являлась вполне равноправным партнером в общих экономических связях Херсонесского государства с различными центрами античного мира. Суммарное хронологическое определение керамики, удачно дополненное нумизматической находкой, на мой взгляд, позволяет отнести время гибели 1 и 10 помещений, и, следовательно, всей постройки к концу II – первой половине III вв. н.э.

Пока преждевременно говорить о крупномасштабном характере трагического события и о его причинах. Однако, бесспорно, пожар не был локальным. Раскопки последних лет показали, что в сельской округе Херсонеса некоторые аналогичные постройки II-III вв. н.э. были сожжены или надолго заброшены их обитателями.²⁰ Немазовича отметить, что часть этих построек находилась в достаточной близости от города. Несомненно, дальнейшие подобия характера исследования могут предоставить дополнительную, более полную информацию для реконструкции как отдельных событий, так и общегородской ситуации в Херсонесском государстве в поздней античное время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гайдукевич В.Ф. Новые исследования Илулата. // КСИА XXXVII. 1951. С.202-210. Рис.66.
2. Lang M. Dated jars of early imperial times. *Hesperia*. T.XXIV. 1955. Plate.79o.
3. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в 1981-84гг. // КСИА №191.1987. С.75-82. Рис.2, 4; Дашевская А.Д. Раскопки Южно-Донецкого городища в 1966-69гг. // КСИА №130. 1972. С.67. Рис.25, 2.
4. Robinson H. The pottery of the Roman Period. // *The Athenian Agora*. Vol.V. 1959. P.94. Pl.23. M125.
5. Мелентьева Т.М. Ольвийский керамический комплекс первых веков н. э. // КСИА №116. 1969. С.25-26. Рис.3, 1-2.
6. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Комплекс находок из подвала МБ II-III вв. н. э. // *Вестник Танаиса*. Вып.1.1994. Ростов-на-Дону. 1993. С. 68. Рис. 1,4.
7. Зеест И.Б. Керамическая тара Востора. // МИА №83.1960. С.114. Табл. XXXIII; Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритики и Мирмекия. // МИА №85.1958. С.168. Рис. 20.
8. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология. // *Боспорский сб.* Вып.3. М.1993. С.48. 6.24.
9. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Комплекс находок... С.69. Рис.1, 1.
10. Кладеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э.-V в. н.э. Харьков. 1989. С.51-52. Рис.27, 4; Мелентьева Т.М. Ольвийский керамический комплекс... С.24-25. Рис.2, 2.
11. Кузманов Г. Ранневизантийская керамика от Тракия и Дакция (IV-VII вв.) // *Разкопки и прочувания*. Кн. XIII. София. 1985. С.100. Табл.7. А67а.
12. Peacock P.S., Williams F. *Amphorae and the Roman Economy*. New-York. 1986. P.193-195. Fig.112.
13. Keay S. *Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean*. BAR International Series. 196(1). 1984. P.136-138. Fig.52.
14. Зеест И.Б. Керамическая тара... С.114-115. Табл. XXXIII, 80; Шелов Д.Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955-57гг.) // МИА №127. 1965. С.68. Рис.11; Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в 1981-84гг... С.78. Рис.2, 9.
15. Кладеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов... С.43. Рис.19, 5.
16. Бурakov А.В. Козырское городище. Киев. 1976. С.72. Табл. III, 8, 9.
17. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев. 1972. С.130. Рис.37, 10.
18. Абрамов А.П. Античные амфоры... С.48. 6.21.
19. Кладеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов... С.43.
20. Зеест И.Б. Керамическая тара... С.112. Табл. XXX, 73.
21. Высотская Т.Н. Поздние скифы... С.125. Рис.34, 5; С.130. Рис.37, 11, 18.
22. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. // САИ. Вып. д. 1-7. М. 1991. С.87. Табл. 28, 14.
23. Кладеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса в I-IV вв. н.э. Харьков. 1970

- С.96-97. Рис.12, 4
24. Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Новый погребальный комплекс II-IV вв.н.э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев. 1986. С.105-106. Рис.4, 1.
 25. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв.н.э. Киев. 1982. С.76-77. Рис.48, 1; Рис.48, 1-7.
 26. Силантьева А.Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА №85. 1958. С.304. Рис.18. 1: С.309. Рис.19. 2; Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Комплекс находок...С.75. Рис.20, 4; Арсеньева Т.М. Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса // КСИА №182. 1985. С.77-83. Рис.2, 6, 7.
 27. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса...С.67. Рис.42.
 28. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв.н.э. Киев. 1993. С.114. Рис.55, 1-3.
 29. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса...С.67-68. Рис.40, 4, 6.
 30. Арсеньева Т.М. Две группы...С.77-83. Рис.2, 10; Силантьева А.Ф. Краснолаковая керамика...С.290. Рис.5, 1, 2.
 31. Крапивина В.В. Ольвия...С.112. Рис.51. 16-19.
 32. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса...С.65-66. Рис.38.
 33. Кадеев В.И. Очерки истории...С.95. Рис.11, 8, 9.
 34. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса...С.70. Рис.46, 8, 9.
 35. Robinson H. The Pottery...P.50. J.55,56.
 36. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Комплекс находок...С.76. Рис.24, 3; Рис.25, 1.
 37. Крапивина В.В. Ольвия...С.101. Рис.80.
 38. Крапивина В.В. Ольвия...С.106.
 39. Вальдгауэр О. Античные глиняные светильники. С.-Петербург. 1914. С.9.
 40. Isonomi. C. Orpaite Greco-roman. Вис.1967. P.18-19. Fig.34-36.
 41. Katalog der römischen Lampen des Rheinischen Landesmuseums Trier. Karin Goethert-Polaschek. Trierer Grobungen und Forschungen. Band. XV. 1985. №590-604.
 42. Сон Н.А., Сорочан С.Б. Античные светильники из Тиря // Античные древности Северного Причерноморья. Киев. 1988. С.126-127. Рис.5(3).
 43. Крапивина В.В. Ольвия...С.121-122. Рис.71, 9-13.
 44. Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Новый погребальный комплекс...С.111-113. Рис.6, 3.
 45. Арсеньева Т.М. Светильники Танаиса. М. 1988. С.36. Табл. XIII, 2.
 46. Архив ГХМ. Инв. №№ 1141, 8840, 8877/4.
 47. Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л. 1987. С.78. Рис.99, 3, 4.
 48. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Комплекс находок...С.62.
 49. Гайдукевич В.Ф. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях. // МИА №25. 1952. С.397.
 50. Архив ХГИАЗ. Д.2319. С.9-21; Д.2740. С.20; Д.2992. С.42.

Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю.

АМФОРЫ С ВОРОНКОВИДНЫМ ГОРЛОМ ИЗ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В представляемой работе мы рассмотрим одну выразительную группу керамической тары – амфоры с воронковидной верхней частью горла. Известно несколько их типов, изготовлявавшихся в различное время в целом ряде регионов античного мира. Мы остановимся лишь на одном из них.

Характерными особенностями этих амфор являются: высокое коническое горло, завершающееся воронкой, вертикальные, овальные в сечении ручки, яйцевидное тулово с конической ножкой в виде шипа. Обычная высота рассматриваемых экземпляров 0,95 – 1,0 м, соотношение параметров горла и корпуса 1: 2. Глина амфор плотная, хорошо отмученная. Черепок в изломе красного цвета (оттенки от нежно-розового до кирпичного). Содержание примесей в тесте незначительно. Как правило, это известняковые включения и мельчайшие блестки слюды. Внешняя поверхность изделий часто покрыта зиннобом хорошего качества (цветовая гамма: от желто-зеленого до плотного белого).

Амфоры описанного типа не вошли в сводку И.Б.Зеест. Однако, в последнее время количество их целых форм и крупных профильных частей значительно возросло. Они найдены в Танаисе¹, у поселка Мысхако² в Севастополе³, на городище Золотое на Керченском полуострове⁴, в Мирмекии⁵, на Булганакском городище⁶, Чернореченском могильнике⁷, на некрополе у совхоза Севастопольский⁸ в Херсонесе⁹, на Усть-Альминском городище¹⁰, Чайке¹¹, Калос-Аммене¹² в Ольвии¹³ и на территории ее хоры¹⁴ в Тире¹⁵. Такие амфоры известны на территории Румынии¹⁶ и на Афинской Агоре¹⁷. Разнообразные типы амфор с яйцевидным туловом и воронковидным горлом обнаружены в Италии и на территории западных провинций Римской империи.¹⁸

В.И. Кадеев первоначально датировал подобные амфоры III в. н.э.¹⁹ но позднее, в совместных публикациях с С.Б.Сорочаном указал, что подобным амфорам соответствует инвентарь середины I – II вв. н.э.²⁰ Т.Н. Высотская, рассматривая амфоры из погребений могильника у совхоза "Севастопольский", отнесла их к типу II, отметив, что они

бытовали в I – II вв., хотя иногда вместе с ними присутствуют вещи, которые можно датировать и III в.²¹ Неоднократно к вопросу датировки данных сосудов обращались и румынские исследователи. Так, К.Скорпан в классификации 1975 года причисляет эти амфоры к типу "А"²², а в типологии 1977 года – к раннему варианту типа VII,²³ датировав их в обоих случаях I – II вв. н.э. А. Радудеску определил их бытование на территории Малой Скифии II столетием н.э.²⁴, так же их датировал Д. Попилану.²⁵ В недавно вышедшем обзоре античных амфор А.П.Абрамов отнес их к типу с "воронковидным горлом" II в. н.э.²⁶ В.В. Крапивина на материалах Ольвии выделяет их в 18 тип (включая в эту категорию и амфоры типа 90 Зеест). Наиболее ранним типом среди них она считает амфоры с высокой воронкой, датировав последние концом I – II вв.²⁷

Любая работа с керамическим материалом предполагает наличие хотя бы предварительной классификации. Довольно редко исследователи располагают достаточным количеством целых форм. Массовый же материал из раскопок зачастую фрагментарен. Ввиду этого, мы основываем свою типологию на форме наиболее выразительной части сосуда – горловине, точнее ее верхней, воронковидной части. Несомненно, такое деление в большой степени условно и по мере накопления нового материала будет корректироваться.²⁸ В настоящей работе мы выделяем три варианта.

Вариант I (рис. 1). Для амфор этого варианта характерна небольшая высота воронковидной части, обычно четко отделенной от высокой горловины. Промежеры показывают, что обычное соотношение воронки и горла – 1: 3. Во всех случаях, когда сохранилось тулово, у него прослеживаются достаточно хорошо выраженные плечики.

Одна из наиболее ранних амфор в Северном Причерноморье найдена в хозяйственной яме на территории Калос-Аммена (рис. 1, 1). Вместе с ней в комплексе обнаружено тулово узкого горла светлоглиняной амфоры типа "В" по Д.Б.Шелову²⁹ и три поднесинопольских тарных сосуда типа "Син. II А".³⁰ На основании этого калос – лименский экземпляр может быть датирован рубежом

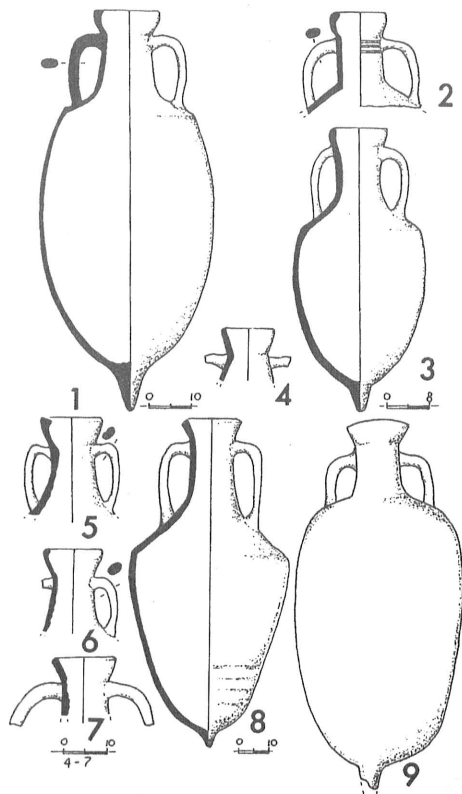

Рис. 1.
Амфоры I варианта: 1.-Клаос-Лимен, 2.-Усть-Альма; 3.-Истрия; 4.-Буганакское городище;
5,6.-Танаис; 7.-Ольвия; 8-Чайка; 9-Афинская Агора (с фото).

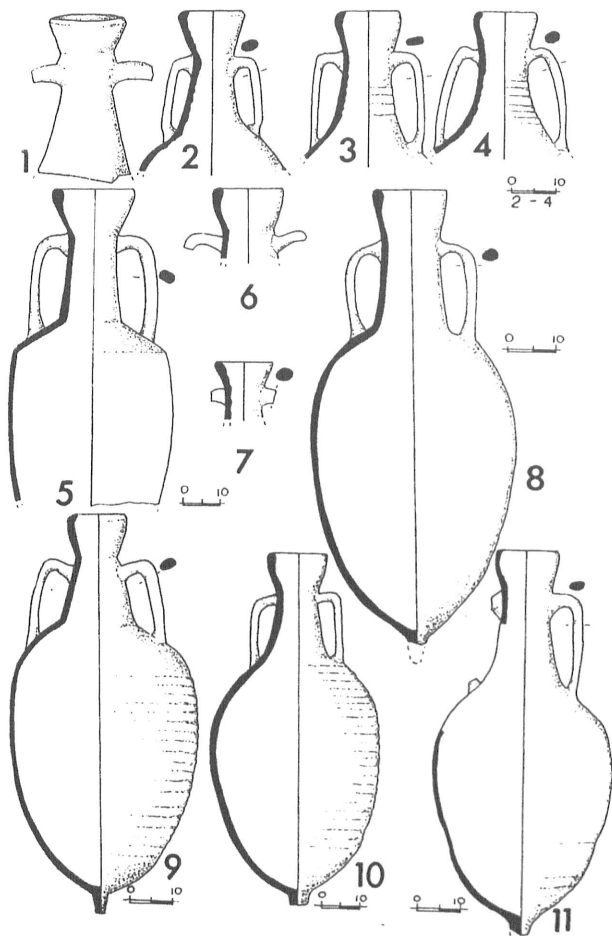

Рис.2.

Амфоры II варианта: 1 - Мирмекий; 2-4, 11 - Танаис; 5 - Золотое; 6 - Мысхако; 7 - Ольвия; 8 - Совхоз "Севастопольский"; 9 - Черноречье; 10 - Истрия

I - II - первой половиной II вв. н.э.²¹ Нужно отметить, что фрагменты амфор данного варианта встречаются в Калос-Лимене в напластованиях I - первой половины II в. н.э. не впервые. У некоторых из них в месте перехода от воронки к горлу фиксируются три врезные линии. Подобный признак прослежен и на горловине амфоры из засыпи одной из землянок Усть-Дальминского городища, погибших в пожаре рубежа I - II вв. н.э. Т.Н.Высотская датировала этот экземпляр II в. н.э., указав, что он является одной из самых поздних находок в слое, заполнявшем остатки заглубленной в грунт постройки²². Не позднее первой половины II в. н.э. датируется верхняя часть амфоры из хозяйственного комплекса ямы N 2 с позднекиевского городища Булганак²³ (рис. 1, 4). I - II вв. П.А.Александрскую датирует амфору из некрополя Истрии (рис. 1, 3)²⁴. Горло амфоры I варианта обнаружено в затопленной части Охвийи (рис. 1, 7)²⁵ и в подвале ЕХ усадьбы 18 Танаиса, функционировавшем во II в. н.э. (рис. 1, 5, 6)²⁶. Видимо, один из позднейших сосудов происходит из верхнего уровня северного квартала Чайкинского городища (рис. 1, 8)²⁷. И.В. Яценко сопоставляет его с экземплярами IV века из Афинской Агоры (рис. 1, 8)²⁸. Датировку амфоры IV веком подтверждает и факт находки в том же слое амфоры типа "Е" по Д.Б. Шелову.²⁹

Вариант II (рис. 2). Для этих амфор характерна высокая воронка, плавно переходящая в горловину. Соотношение между ними 1:2. У большинства амфор этого варианта яйцевидное тулово плавных пропорций, и только у амфоры из Золото (рис. 2, 5) имеются четкие плечики³⁰. При раскопках Калос-Лимене фрагменты амфор этого варианта встречаются в слоях, где им сопутствуют узкогорлые амфоры типа "В" по Д.Б. Шелову и обломки амфор с двустовальными ручками I - начала II вв. н.э. К первой половине II в. н.э., вероятно, относится комплекс хозяйственной ямы, раскрытой в 1959 г. на городище Мирмекий (рис. 2, 1)³¹. Кроме амфоры II варианта, тут найдено значительное количество керамики, в частности узкогорлые амфоры типа "С" по Д.Б. Шелову,³² и монета Савромата I (93 - 123 гг. н.э.). Целые амфоры и их обломки обнаружены в подвале ЕХ усадьбы 18 Танаиса (рис. 2, 4, 11)³³. Дата его функционирования, судя по материалу, не выходит за пределы II в. Найденным в Танаисе амфорам аналогичны урны 41 и 42 из могильника у совхоза "Севастопольский" (рис. 2, 8)³⁴. Это подтверждают и наблюдения В.И. Кадеева и С.Б. Сорочана над сопровождающим инвентарем, время бытования ко-

торого, по мнению этих исследователей, относится ко II столетию н. э.³⁵ Очень большое сходство с выше приведенными имеет и амфора - урна из Чернореченского некрополя (рис. 2, 9). Ко второму варианту относится сосуда из Истрии, традиционно датируемый II в. н.э. (рис. 2, 10)³⁶. Таким образом, видим, что амфоры II варианта с высокой воронкой, в сочетании с высоким горлом и яйцевидным туловом, можно рассматривать как форму, характерную в основном для II в. н. э. Как нам кажется, развитием амфор II варианта в III в. н.э. являются амфоры типа обнаруженных на городище Джалман (в окрестностях Симферополя)³⁷ и на Неаполе Скифском (материал готовится к публикации)³⁸ в комплексе первой половины III в. н.э. У них сохраняется высокая, довольно резко выделенная воронка, но горло становится короче. Соотношение между ними стремится к 1: 1,5. Корпус призмистый и более выпуклый (рис. 3, 5). Амфоры типа "Джалман" генетически связаны с раннесредневековыми. Наряду с ними некоторое время продолжалось, надо полагать, и изготовление амфор II варианта, продолжавших традиции изделий II в. Интересен в этой связи экземпляр, обнаруженный в районе могильника на склоне г. Чатырдаг. В 150 м от основного участка погребений обнаружен развал керамики. Здесь находились амфоры типа 72 и 75 по Зеест, а также сосуда интересующего нас типа (раскопки В.Л. Мыца)³⁹. У данной амфоры высокая воронковидная часть. Сама же горловина менее высокая, так что соотношение между ними составляет 1:1. У нее яйцевидное тулово с четко выраженным желобчатым рифлением и небольшая ножка в виде шишечки (рис. 4). Судя по опубликованным в настоящий момент материалам могильника, нижняя его граница не выходит за пределы второй половины III в.⁴⁰ Амфоры, обнаруженные в комплексе, вряд ли можно датировать позднее III в. н.э. Поэтому чатырдагский экземпляр стоит отнести ко второй половине III в. н.э., хотя изготовлен сосуд мог быть несколько ранее и представляет собой "тупиковую ветвь" развития формы, выработанной мастерами II столетия. О том, что наряду с господствовавшими в III - IV вв. амфорами с шаровидным туловом производились сосуда с суженным корпусом, можно судить по амфоре из Ягрусса из слоя В (V в. н.э.)⁴¹

Вариант III (рис. 3). Он характеризуется воронкой небольшой высоты, более коротким, по сравнению с предыдущим, горлом (соотношение 1:2), петлевыми ручками и яйцевидным туловом плавных очертаний. Целая амфора происходит из подва-

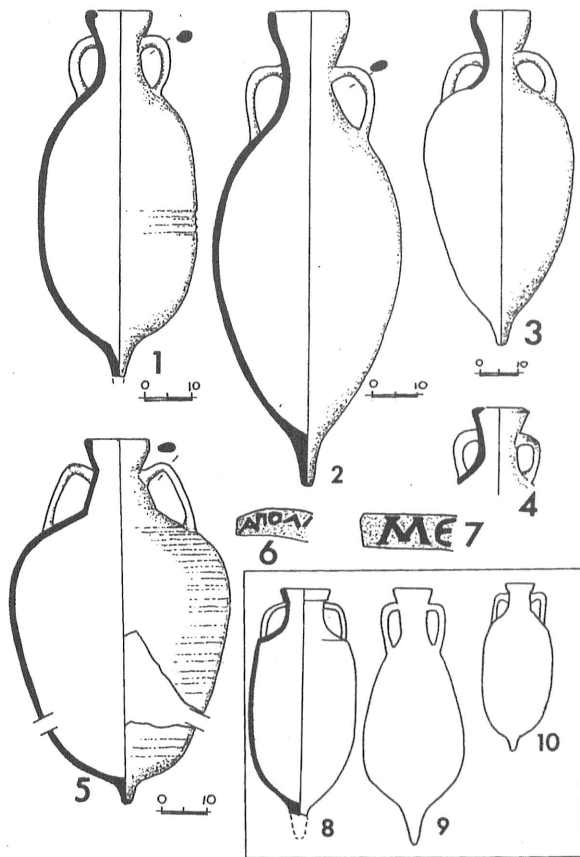

Рис. 3. Амфоры III варианта (1,2,4); типа 90 Зеест (3); типа "Джагман" (5); клейма на амфорах (6,7) и возможные прототипы афор с воронковидным горлом (8-10). Места находок: 1,6,7 - Танаис; 2 - Совхоз "Севастопольский"; 4 - Ольвия; 5 - городище Джагман.

ла ЕХ усадьбы 18 Танаиса, датировка которого, как отмечалось выше, не выходит за пределы II в. н.э. (рис. 3,1). Близкая ей по форме амфора использована в качестве урны для остатков трупосожжения на могильнике у совхоза "Севастопольский" (рис. 3,2).⁵² На основании танаисской аналогии, она может быть отнесена ко II в. н.э. Возможно, этим же временем можно датировать горшину, происходящую из подводных раскопок в Ольвии (рис. 3,2).⁵³ Дж. Райли полагает, что типологически близкие амфоры находились в употреблении и в середине III в.⁵⁴ Это подтверждают раскопки памятников ольвийской округи.⁵⁵ Не исключено, что развитием описанного варианта амфор являются сосуды, выделенные И.Б. Зест в 90 тип (рис. 3,3).⁵⁶

Важной особенностью амфор рассматриваемого типа является клейма. На типологически близких амфорах I - II вв. из Италии и Паннонии штампы ставились преимущественно на горловинах. Все они, без исключения, латинские.⁵⁷ Клейма на тарных сосудах, обнаруженных в Северном Причер-

номорье и в Истро-Понтийском регионе в основном греческие.⁵⁸ В Танаисе встречены штампы с надписями "ΑΠΟΑΛ..." и "ΜΕ" (рис.3,6,7).⁵⁹ а в могильнике у совхоза "Севастопольский" на руках известны оттиски "ΗΡΑΚΛΑ", "ΕΛΕΥΘΕΡΟΥ"⁶⁰ Лишь в Калос Лимене, на обломке ручки амфоры, изготовленной в первой половине I в. н.э., стоит латинское клеймо "CAESARIS" (рис. 5,3).

В заключение кратко остановимся на вопросах происхождения, развития и центрах производства изучаемых амфор. Такие признаки, как воронковидная верхняя часть горла, яйцевидный корпус с ножкой в виде шипа, родят их с амфорами, изготавливавшимися в мастерских Италии и в области Истрии в начале новой эры (рис.3,9,10).⁶¹ В Северном Причерноморье находки их довольно редки и известны в закрытых комплексах второй четверти I в. н.э. на Калос Лимене, а также в слое разрушения Кутавской крепости, датруемом рубежом I в.до н.э. - I в.н.э. (рис. 5,4).⁶² Эти амфоры, в свою очередь, развивались, по видимому, из так называемых "италийских" (тип 63 Зест), датируемых II в.до н.э. - I в.н.э. (рис. 3,8).⁶³ Но рассмотренные в нашей работе амфоры, без сомнения, представляют собой оригинальный тип. Об этом свидетельствует как их форма, так и греческие клейма на ручках. Нам представляется, что с расширением римского влияния на восток сюда были привнесены и некоторые ремесленные традиции, что и вызвало производство в новых центрах керамической тары по западноримским образцам. Как показывают наши наблюдения, а также материалы из Паннонии (амфоры типа Дрессель 24) (рис. 3,10), это произошло около последней четверти I - первой четверти II вв.⁶⁴ Уже в это время параллельно изготавливаются амфоры I, II вариантов. Большинство обнаруженных в Причерноморье образцов всех трех вариантов относится ко II в. н. э. В III в. н. э. известны амфоры II варианта. В это время развитие их пошло по двум направлениям. Одни из них сохраняют в целом пропорции, характерные для предшествующего столетия, но у них становится более рочче горло (рис. 4); другие становятся более приземистыми, с шаровидным туловом (т.н. тип "Джалман") (рис. 3,5). Последние доминируют в комплексах более позднего времени. С ними генетически связаны амфоры типа "Позднеримская 2" по Дж. Райли.⁶⁵ В III -IV вв. надо думать, изготавливались также амфоры I и II вариантов, но с несколько иными пропорциями. К сожалению, пока не открыты мастерские по производству этих тарных сосудов.

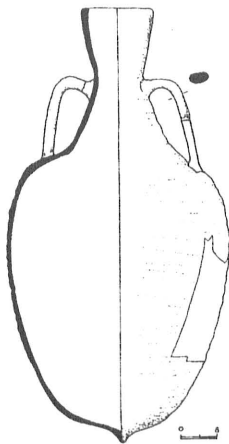

Рис.4.

Амфора из района Чатырдагского могильника

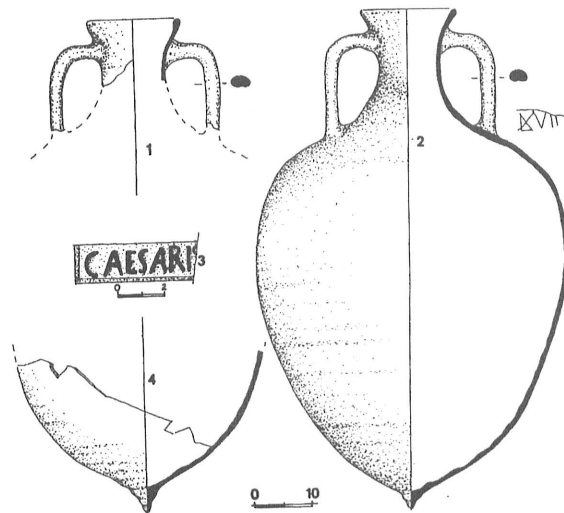

Рис.5.

Амфоры рубежа эр - первой половины I в. н.э. из Северного Причерноморья: 1 - Каалос-Лимен; 4 - Кутлакская крепость.

Поэтому говорить о центре их изготовления преждевременно. Видимо, таких центров было несколько. Об этом свидетельствуют как различия в форме, так и разновидности керамического теста. Что касается амфор II варианта - если цепочка их развития

прослежена нами верно (II вариант - тип "Джалман" - "Позднеримская 2"), - учитывая, что мастерские по их производству открыты в Южной Греции⁶⁶, можно предположить, что и более ранние формы изготавливались на этой территории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Каменецкий И.С. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // МИА. - 1969. - № 154, табл. V, 1,7; Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. - М., 1992. - С. 80 - 82, рис. 28,2,4; 29,4; 30,32,33; 46,3
2. Дмитриев А.В., Малышев А.А., Шидов А.В., Федоренко Н.В. Исследования археологических объектов античной эпохи в окрестностях пос. Мысхако в 1992 г. // ВС. - 1994. - Вып. 4. - С. 143, рис.4,19,22
3. Воронов Ю.Н. Диоскуриада-Севастополис-Цхум. - М.Наука, 1980. - С. 80, рис. 20,1
4. Винокуров Н. Рыбозасолочные комплексы хоры Европейского Боспора // РА. - 1994. - №4.
5. Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. - Л.: Наука, 1987. - С. 138сл., рис. 162.
6. Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981 - 1989 гг.) // МАИЭТ. - 1991. - П. - С. 11, рис. 16,15,19
7. Бабенчиков В.П. Чернореченский могильник // АП. - 1963. - том XIII - Табл. V,1; Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. - К.: Наук. думка, 1972. - С. 133, рис. 39,2; Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. - 1991. - Вып. Д1-7. - Табл. 28,26.

8. Стрелецкий С.Ф. Позднеантичный могильник в Инкерманской долине // КСИА АН УССР.-1959.- Вып. 8.- 139–145; Высотская Т.Н. Ук. соч. С. 128, рис. 34, 10, 11, 23; Пиоро И.С. Крымская Готия.- К.: Либідь, 1990.- С. 90, рис. 18, 19.
9. Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса в I – IV вв. // Харьков, 1970. – С. 142, сл.; Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в.н.э. // Харьков: Вища школа, 1989.- С. 43, рис. 19, 2.
10. Высотская Т.Н. Полуземляночные жилища Усть-Альминского городища // ААИК. – К.: Наук. думка, 1988. – С. 142, рис. 6, 7.
11. Яценко И.В. Северный квартал скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории // Население и культура населения Крыма в первые вв.н.э. – К.: Наук. думка, 1984. – С. 55, рис. 3, 3.
12. Кутайсов В.А., Анохин В.А., Приднев С.В., Уженцев В.Б. Охранные раскопки городища и некрополя Калос-Лимена // АИК 1994. – Симферополь, 1997. – С. 173, рис. 95, 4.
13. Лейпунская Н.А. Керамика из затопленной части Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. – К.: Наук. думка, 1984. – С. 76, рис. 3, 5, 6; Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I – IV вв.н.э. – К.: Наук. думка, 1993. – С. 96, рис. 29, 30.
14. Гореховський Э.А., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О. Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської хори // Археологія. – 1985. – Вп. 49. – С. 28, рис. 3, 3.
15. Самойлова Т.А. Основные типы амфор I – IV вв.н.э. из Тире // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. – К.: Наук. думка, 1978. – С. 255, рис. 1, 2 – 5; Клейман И.Б. Раскопки помещения вексилляции I Италийского легиона в Тире // МАСП. – 1971. – Вып. 7. – С. 233, рис. 7, 2.
16. Popilan G. Ceramica romana din Oltenia. – Graiova, 1976. – P. 40, pl. XV, 196 – 200; Scorpan C. Ceramica Romano-bizantina de la Sucidava. – 1975. – T. VIII. – Pl. VII; Radulescu A. Amfore romane si romano-bizantin din Scuthia Minor // Pontica. – 1976. – T. IX. – P. 103, pl. II, 2; Scorpan C. Contribution a la Connaissance de certains types ceramiques romano-byzantins (IV - VII siecles) dans l'espace Istro-Pontique // Dacia.- 1977.- T. XXI - P.274, fig.10,1; Alexandrescu P. Necropola tumulara // Histria. – 1966. – II. – P. 213, pl. 100, VI, 1.
17. Robinson H.S. Pottery of the Roman period. Chronology.-The Athenian Agora. – 1959. – Vol. V. – Pl. 40, M. 272.
18. Incitti M. Le amfore // Ceramica romana. – Roma, 1979. – P. 73 – 76, fig. 23 – 29; Bereczky T. Roman amphorae from Zalalovo // Mitteilungen des archaologischen instituts der Ungarischen Akademie der wissenschaften. – 1984. – T. 12 – 13. – P. 153 – 156; tabl. I, pl. 1 – 7; Kelemen M.H. Roman amphorae in Pannonia // AA. – 1987. – T. XXXIX. – P. 10 – 31, fig. 1, 2; Roman amphorae in Pannonia // AA. – 1988. – T. XL. – P. 133 – 137, fig. 4, 5.
19. Кадеев В.И. Ук. соч. – С. 142, сл.
20. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Ук. соч. – С. 43.
21. Высотская Т.Н. Поздние скифы... - С. 128.
22. Scorpan C. Указ. соч. – (1975) Ceramica... - Pl. VII, 1.
23. Scorpan C. Указ. соч. – 1977.
24. Radulescu A. Amfore romane... - P. 103.
25. Popilian G. Ceramica romana... - P. 40.
26. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. – 1993. - № 4. – С. 51, рис. 59, 67.
27. Крапивина В.В. Ук. соч. – С. 96, рис. 29, 30.
28. Уженцев В.Б., Юрочкін С. Амфори з лійкоподібним горлом із Північного Надчорномор'я // Тез. доп. Міжнародної археологічної конференції студентів і молодих вчених. – К.: Соборна Україна, 1996
29. Шелов Д.В. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА АН ССР. – 1978. – Вып. 156. – С. 18, рис. 4.
30. Внукон С.Ю. Новые типы позднеинопольской тары // РА. – 1993. - № 3. – С. 206, сл., рис. 3.

31. Кутайсов В.А. и др. Ук. соч. — С. 173.
32. Бисоцкая Т.Н. Полулемяничные жидиры... - С. 142, рис. 6, 7.
33. Хрущов И.И. Ук. соч. — С. 31.
34. Alexanderescu P. Nestorola ... - P. 213, pl. 100, VI.1
35. Дейниукская И.А. Керамика... - С. 76, ссл. рис. 3, 5.
36. Арсениева Т.М., Науменко С.А. Ук. соч. - С. 81, рис. 28,4; 46,3
37. Липко И.В. Северный квартал... - С. 55, рис. 3,3.
38. Robinson H.S. Pottery of the Roman... - P. 106, M 235, Pl. 40, M. 272.
39. Липко И.В. Ук. соч. — С. 54, рис. 3,4.
40. Заметим, что пропорции амфор, опубликованных Н.И. Бинокуровым, значительно отличаются от всех известных нам образцов, поэтому не исключено, что их форма могла быть искажена при графической фиксации и печати.
41. Гайдукевич В.Ф. Керамический комплекс II в.в. из Мирмекия // КСИА АН СССР. — 1963. — Вып. 95; Он же. Античные городки... - С. 138, рис. 162.
42. Шлаов Д.Б. Ук. соч. — Рис. 6.
43. Арсениева Т.М., Науменко С.А. Усадьба... - С. 81.
44. Уженин В.В., Юрочкин В.Ю. Ук. соч. — С. 170.
45. Кадеев В.И., Сорочин С.В. Экономические связи... - С. 95. Находка амфор, использованных в качестве урн и относящихся ко II в. н.э. не единична. Еще недавно было распространено мнение о погребении в Инкерманской долине погребений, совершенных по обряду кремации, только по второй половине III в. н.э., что связывалось с присутствием посетителей конкретного этноса (германцев). Однако, материалы из ряда урн доказывают более раннюю датировку существования подобных захоронений: например, в группировке №377 в качестве урны использована амфора с двустовными ручками, изготовленная не ранее первой половины II в. н.э.
46. Radulescu A. Укв. соч. — P. 103; Scorpan C. Ceramica romano-bizantina... - P. 279.
47. Миц В.А. Отчет об археологических исследованиях в Горном Крыму в 1984 г. // Научный архив КФ ИА НАН Украины. — С. 2 — 6, рис. 16 — 17.
48. Уженин В.В., Юрочкин В.Ю. Керамический комплекс III в. н.э. из Непольды-Скифского // Сб. ПС (в печати).
49. Миц В.А., Лисенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.В., Щукин М.В. Исследования Чатырдагского некрополя // АИК в 1994 г. - Симферополь, 1997. - С. 218 - 221, рис. 120.
50. Миц В.А. Мотивы III - IV вв. на склоне Чатырдага // МЭИК. - К.: Наук. думка
51. Botter V. Die Gefäßkeramik aus Kastel Jatrius. — Berlin, 1982. — P. 103, taf. 17, 99.
52. Стржезальский С.Ф. Отчет о раскопках могильника III - IV вв. н.э. в Инкерманской долине к югу от г. "Сахарная головка" на территории парикового хозяйства совхоза "Севастопольский" (№ 10) в 1962 г. // Архив ИЗХОТ. - Дельо № 856/1. - Рис. 332, урн 379.
53. Дейниукская И.А. Керамика... - С. 77, рис. 3, 6.
54. Ridley J.A. The coarse pottery from Benghazi. - Tripoli. - 1979 - Vol. II. - P. 295, fig. 288 - 289.
55. Гороховский, Зубар, Гаприлюк. Ук. соч. — С. 28, рис. 3,3.
56. Зест И.В. Керамическая тара Боспора // МИА. — 1960. - № 8. — С. 117, таб. XXXVII.
57. Berezcky T. Roman amphorae... - P. 1, 2; Kelemen MN. Roman amphorae... - P. 14 — 44, fig. 1, 2, 5, 6.
58. Scorpan C. Contribution a la connaissance... - P. 276.
59. Арсениева Т.М., Науменко С.А. Ук. соч. - Рис. 28,4; 32,2
60. Кадеев В.И. Очерки истории... - С. 143
61. Incitti M. Ук. соч. - P. 71 - 76, fig. 23,24; Berezcky - Ук. соч. P. 153 - 155, pl. 1 - 4,7; Kelemen Ук. соч. // АА. - 1987. - Т. XXXIX, p. 2, 5 - 19, fig. 1,3; Он же // АА. - 1988. - Т. XL, p. 133 - 137, fig. 4, 19, 5
62. Авторы приносят искреннюю благодарность С.Б.Ализову, любезно позволившему использовать неопубликованные материалы
63. Зест И.В. Ук. соч. - С. 109, таб. XXXVII, 63

64. Bezczyzky Укр. соч. P. 154 - 155, fig. 1, 14 - 17

65. Riley D. The coarse... P. 217 - 218, fig 44

66. Peacock D., Williams D. Amphorae and the Roman Economy. - L. 1986.- P. 182 - 184; Pieri D. Les importations d'amphores orientales en Gaule (V - VII siècles): état des connaissances actuelles // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (тез. докл.) - Симферополь, 1994.- С. 92

Филатенко А.А.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ С ПУНКТОВ ДИСЛОКАЦИИ РИМСКИХ ВОЙСК В КАДЫКОВКЕ И НА ВЫСОТЕ КАЗАЦКОЙ

В ходе раскопок римского военного поста (*praesidia*) на высоте Казацкой в 1991 г. и крупной базы римских войск, находившейся на месте поселка Кадыковка, в предместье Балаклавы, в 1992-93, 1996-97 гг (рис.1). Получен разнообразный археологический материал, среди которого значительный процент составляет строительная керамика: черепицы *tegulae* и *imbricis*, плинфа-кирпич, водопроводные трубы и др.

Большинство черепиц происходит из завалов кровель башни поста на высоте Казацкой, военно-административного здания и святилища-храма в Кадыковке, рухнувших во время гибели этих объектов, сопровождаемой пожарами.

Катастрофа, постигшая базу в Кадыков-

ке, датируется каждым римским денарием, сокрытым около середины 30-х гг. III в. н.э. Наличие аналогичных каемей на черепице следами YEM1 и LE XI CL из завалов последнего разрушения этих памятников позволяет отнести их гибель к одному времени. Данному не противоречат анализ комплексов вещественного материала и стратиграфические наблюдения.

Плоские двубортные черепицы *tegulae* во ряду признаков (размеры, конструктивные особенности, наличие или отсутствие каемей и др.) приведены в сасудующую систему.

На высоте Казацкой выделено два типа *tegulae*, в свою очередь разделенных на под-
типы.

I тип - составляют черепицы с желобча-

Рис.1.

тым полем (рис. 2,1). Размеры зафиксированных экземпляров в пределах 39-42 на 54-55 см. Высота борта достигает 6 см. Главный вырез борта (для стыковки с другой черепицей) начинается в 12 см от верхнего угла. Вырезы заглажены продольно или немного наискос. Часть черепицу у верхнего края поля по центру имеет полукруг с точкой. Клеймение отсутствует.

Подобные черепицы хорошо известны из раскопок большинства населенных пунктов Римской империи и сопредельных с ней областей. Наши экземпляры имеют сходство с черепицей первых веков новой эры из Танаиса (тип I по А.М.Казакowej)³, из Херсонеса (тип -I, тип -I (подтип))⁴.

II тип - черепицы с гладким полем (рис.2,4), меньших размеров, в пределах 35-

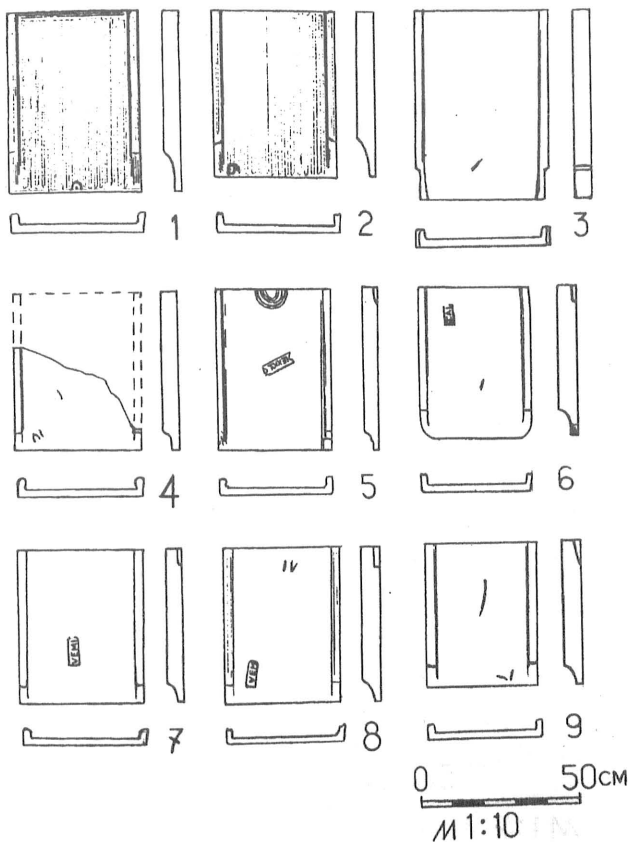

Рис.2.

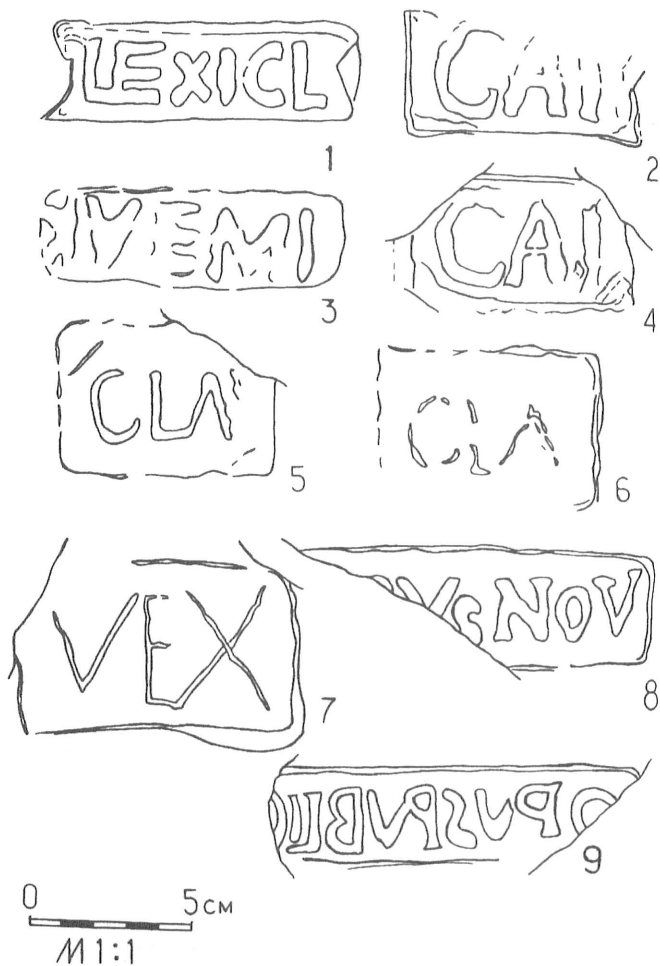

Рис.3.

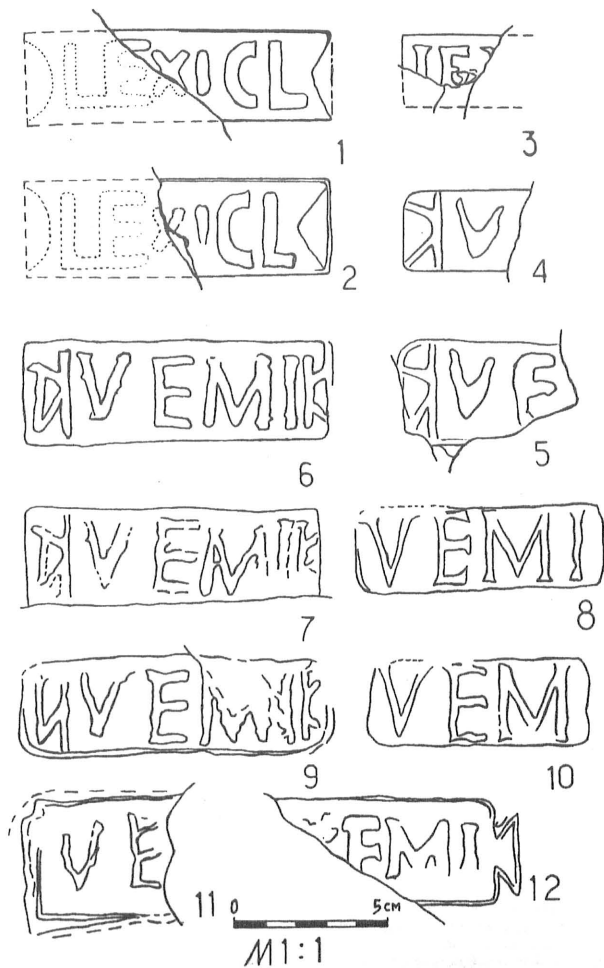

Рис.4.

37 на 46-47 см. Высота борта до 6,5 см. Борт круто спадает к плоскости поля в 6-8 см от верхнего края черепицы, образуя вырез. Некоторые образцы снабжены у основания нижних углов своеобразными углублениями.

Производство черепиц этого типа осуществилось римскими или византийскими мастерами. Часть черепиц (возможно большинство) клеймилась. Целых клейменных черепиц на высоте Казачьей пока не найдено. С поста на Казачьей происходит 5 обломков черепиц с частично сохранившимися клеймами: 2 с легендой YEM I и 3 с легендой LE XI CL (рис. 3, 1-5). Штампы клейм аналогичны найденным в Херсонесе, Алма-Кермене, Кадыковке.

При раскопках двора поста на высоте Казачьей найдены фрагменты черепиц tegulae, расчерченные на квадратики. Эти черепицы могли использоваться как доска для какой-то игры (рис. 3, 11). По сообщению Т.Н. Высотской, подобные черепицы встречались при раскопках Алма-Кермена. В 1961г. С.Ф. Стрелецкевичем в Херсонесе найдена вторично использованная плита с отрывками латинских надписей и расчерченция подобным образом². Э.И. Соколовнич указывает, что расчерченный квадрат мог служить в качестве игровой доски (lusoria tabula) или мишеней³.

Дополнительную информацию о разновидностях плоских двубортных черепиц с поста на Казачьей дают профили бортов. Исходя из особенностей их исполнения, можно выделить следующие подтипы или группы черепиц: 1) черепицы, имеющие небольшое углубление снизу нижнего угла, гладкое поле, на поле по центру два concentрических полукольца, высота борта около 6 см, возможно, относится ко второму типу черепиц; 2) черепицы с массивным бортом, подрезанным снизу под углом около 45°; 3) черепицы, имеющие сложнопрофилированный борт, высотой до 4,5 см и желобчатое поле.

Черепицы tegulae из Кадыковки происходят из различных комплексов, а также подъемного материала с территории Кадыковского городища и отличаются еще большим разнообразием. Выделены три типа, развитые на несколько подтипов.

1 тип - образуют черепицы размерами около 39 на 49 см с желобчатым полем (рис. 2, 2). Высота борта до 6 см. На поле часто нанесены знаки (OY и др.). Клеймение отсутствует. Плавный вырез борта начинается в 11-12 см от верхнего угла. По исполнению черепицы аналогичны типу I с поста на высоте Казачьей, но отличаются от них немногими меньшими размерами.

II тип - черепицы размерами около 36 на 47 см, как правило с гладким полем. В некоторых случаях на поле нанесены рельефные разводы в виде пересечения линий, concentрических полуокружностей и др., а также метки (Y, X, + и др.) (рис. 2, 5-9).

Черепицы этого типа содержат клеймение. Найдены целые черепицы и их обломки с клеймами YEM I, YEM, LE XI CL, GA I, CL A, OPYSNOY, OPYS PYBLIC, YEX (рис. 3, 6-12, 1-9). Черепицы с разными клеймами имеют между собой некоторые отличия, что дает основание говорить о существовании нескольких мастерских или цехов по их производству.

К моменту написания работы было известно более 150 клейм на черепице из Кадыковки. Среди этого количества целых форм клейменных черепиц не много: 3 - с клеймом LE XI CL, 6 - с клеймом YEM I, 1 - с клеймом GA I.

Черепицы с клеймом LE XI CL, по сравнению с другими отличаются худшим качеством выделки (рис. 2, 5). Вырез-скос борта короткий и неровный. На поле по центру у нижнего края в двух случаях нанесены несколько concentрических полуокружностей. Размеры 36-37 на 48-49, высота борта около 5,5 см, длина выреза 6,5-7 см. У основания нижних углов бортов имеются небольшие углубления.

Черепицы с клеймами YEM I, YEM (рис. 2, 7-8) размерами 35-36 на 46-47 см, высота борта до 7 см. Борт имеет в верхней части вырез-скос плавный или более резко выраженный, начинающийся в 6-8 см от края. Снизу углов борта ровные выемки углубления. Поле ровное, часто с различными рельефными разводами. Клейма отличаются большим разнообразием штампов. Найден один фрагмент черепицы с двойным клеймом YEM I и CL A, что вызывает огромный интерес. Что касается нашей теории черепиц, то можно теперь связать клейменные черепицы штампами с легендами YEM I, YEM и CL A с одним типом и разновидностью.

Черепица с клеймом GA I несколько меньших размеров 36 на 46,5 см, при высоте борта до 6,5 см. Верхние углы скруглены. Плавный скос борта начинается в 7 см от края. Нижних углов ровно срезан в виде небольшой выемки. В нижней части поля рельефный полу-круг. Поле заглажено. На поле косой штрих в виде цифры I (рис. 2, 6).

Клеймению подвергалась только часть черепиц такого типа. Подсчитано, что в кровле здания 1992 г. из всех черепиц клеймение сохранила каждая 3-5.

III тип - черепицы крупных размеров 42 на 57 см с гладким или сетка-ребристым по-

дем. Высота борта 5,5-6 см. В нижней части находится сужение для стыка с другой черепицей. В верхней части борта с длинным козым или небольшим плавным скосом (рис. 2, 3). На поле черепиц часто помещены метки (IV, III и др.). Метки на черепицах могли служить для счета черепиц при изготовлении или для указания партии или серии черепиц.

Черепицы *imbricis* с высоты Казацкой и Кадьковки представлены тремя типами,

среди которых выделяются несколько под-типов.

I тип - черепицы для перекрытия стыков бортов черепиц *tegulae*. Размеры черепиц 12-17 на 46-49 на 5-6 см. Среди них выделяются черепицы с гладким полем и черепицы с желобчатым покрытием и различными рельефными разводами (рис. 5, 1-4).

II тип - так называемые коньковые чере-

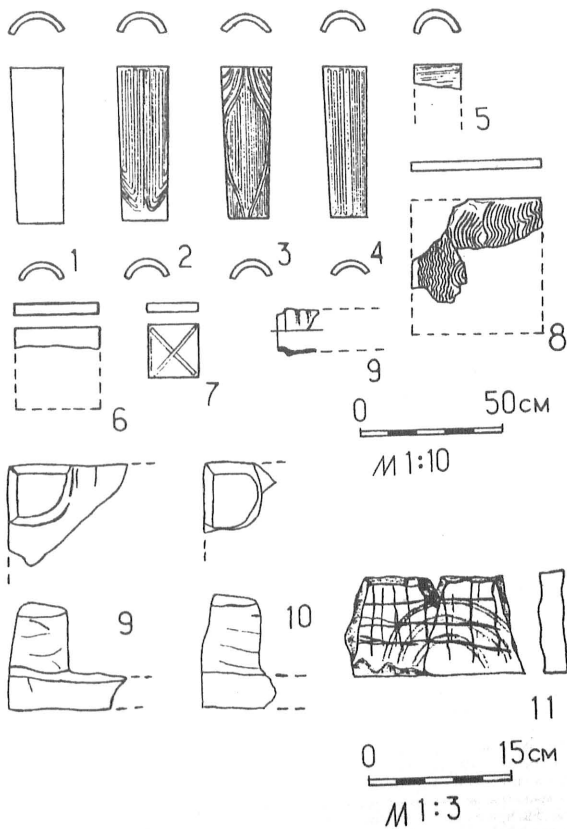

Рис. 5.

пицы. Целых экземпляров не найдено. Однако, по сохранившимся фрагментам можно указать на их большую ширину и высоту.

На высоте Казацкой найден фрагмент коньковой черепицы с поперечным рифлением поля (рис.5,5). 1 фрагмент происходит из раскопок в 1992 г. в Кадыковке.

III тип - плоско-вогнутые безбортовые черепицы *imbricis*, так называемого лаконского облика. Часто на лицевой стороне таких черепиц наносились рельефные разводы в виде пересекающихся линий, петель и т.п. По фрагментарным находкам черепиц этого типа на Казацкой и в Кадыковке, можно пока только констатировать их использование в строительстве этих пунктов.

В ходе раскопок обнаружены фрагменты *tegulae mammata* (рис.5,9-10): 2 в Кадыковке и 1 на Казацкой(?). *Tegulae mammata* представляют собой четырехугольные керамические плитки с вертикальными выступами по углам. Об их назначении единого мнения нет. Они могли применяться в гидроточках, гипокласте, облицовке стен, в кровле строений. Дословно термин означает «черепица или кирпич (керамическая плитка) трубчатая, желобчатая». Ввиду фрагментарности находок мы можем отметить и отличительные черты установить не удалось. Нет полной уверенности, что наши фрагменты принадлежат *tegulae mammata*.

Следующая разновидность строительной керамики - это плоские керамические плитки, служившие для горизонтального мощения, для вертикальной облицовки стен, а также для укладки поясов распределения давления в кладках стен. Такие плитки найдены только в Кадыковке.

Выделены два типа.

I тип - квадратные плитки, на лицевой стороне которых часто присутствуют различные рельефные разводы. Выделены плитки двух размеров 27 на 27 на 4,5см и 17 на 17 на 3,5см (рис.5,6-7).

II тип - квадратные плитки с гребенчатой насечкой с обратной стороны. Присутствие на отдельных экземплярах известкового раствора позволяет говорить о том, что насечка служила для лучшего скрепления плит с поверхностью, которую этими плитками облицовывали. Размеры восстановленных образцов 45 на 45 на 3см (рис.5,8).

Часто плитки касяжились, но на наших экземплярах клейма отсутствуют. Разнообразная насечка и рельеф наносились на плитки в технологических и декоративных целях.

Обломки керамических водопроводных труб найдены при раскопках Кадыковского городища в 1992 и 1996гг. Из-за фрагмен-

тарности находок восстановить их длину не удалось. Диаметр труб около 12,5см. Один край трубы имеет выступ-штупер для стыковки с другой трубой (рис.5,9). Швы между трубами замазывались известковым раствором, а стыки прокладывались шерстью. Несмотря на находки обломков водопроводных труб в Кадыковке, говорить о водопроводоснабжении этого населенного пункта в первые века нашей эры можно пока только с большой долей вероятности. Диаметр и конструкция труб из Кадыковки идентичны трубам римского водопровода на мысу Ай-Тодор, подававшего воду со склонов г.Ай-Петри в Харакс, датированного II-первой половиной III в н.э.⁷

В 1996 г. в Кадыковке, вблизи участка святилища-храма, под завалом черепицы периода разрушения, который мы относим к концу первой четверти III в. н.э., прослежен черепичный завал более раннего времени. Стратиграфия этого участка (условно - участок вымосток) совпадает с напластованиями на участке храма, где данное разрушение датировано денарием императора Септимия Севера, чеканки 197 г., как произошедшее не ранее указанной даты. Следовательно, мы можем отнести верхнюю дату ранней кровли к этому времени. Исходя из этого, мы можем датировать последний завал кровли в пределах первой четверти III в. н.э. более ранний второй половиной II в. н.э. В дальнейшем мы сможем произвести сравнение черепиц из завалов этих двух периодов, и, возможно, уточнить датировки.

Полная аналогичность черепиц *tegulae* и *imbricis*, а также штампов касяем с легендами LE XI CL, YEM I, OPYS NOY, OPYS PYBIC на этих черепицах из Херсонеса, Кадыковки, Казацкой (LE XI CL, YEM I), Луба-Кермена (LE XI CL), датированных нами рубежом II-III - концом первой четверти III в. н.э., служит основанием думать, что производство строительной керамики осуществлялось где-то вблизи от этих центров, а именно в районе Кадыковского городища. Такой вывод обусловлен не только наличием хороших глинцев в этом месте и традициями гончарного производства в Балаклаве, дошедшими до наших дней, но и находками здесь обломков бракованных сильно обожженных черепиц, в том числе одного фрагмента с клеймом YEM I, гончарных шлаков. И все же окончательно этот вопрос может решить только открытие самих мастерских или дополнительно указывающих на то фактов.

Комплекс строительной керамики с пунктов дислокации римских войск в Кадыковке и на высоте Казацкой является важным

археологическим источником для изучения римского военного строительства в Таврике. Большое разнообразие строительной керамики указывает на значительные масштабы строительства, проводимого римлянами в этом регионе.

Строительная керамика из Кадыковки и Казанкой изготовлена по общепринятым в Римской империи стандартам и мало чем отличается от продукции других центров римских провинций, и в частности провинции Нижняя Мезия, откуда присылались войска на полуостров.

Характерными для продукции римских воинских мастеров являлись ее отличительные черты - нанесение на изделия различных рельефных меток, канавок, геометрических декоративных узоров, клеймение штампами подразделений (LE XI CL, YEM, YEX) и номинативными клеймами лиц, которые выпускали продукцию или отвечали за ее изгото-

вление. Вероятнее всего, к последним относятся клейма OPYSNOY, OPYS PYBLIC, GA, CLA.

Деятельностью римской армии связано появление на полуострове новых производств и технологий, в том числе в области строительства: стеклоделия, устройства дорог, водопроводов, возведения терм и других зданий с применением известковых растворов.

Уникальность археологических комплексов первых веков нашей эры - Кадыковского городища и поста на высоте Казанкой - заключается в том, что эти памятники являются закрытыми комплексами с отчетливо выраженной стратиграфией. В дальнейшем они могут стать отправными хронологическими индикаторами не только для изучения эволюции вещей, но и в целом для понимания исторических событий, происходивших в Юго-Западном Крыму и непосредственно вблизи Херсонеса во II - первой четверти III в. н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Савелья О.Я. Работы Севастопольской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1993 год: Сб. науч. тр. - Симферополь: Таврия, 1994. - С. 235-238; Фиалпенко А.А. К вопросу о Таврическом лимесе // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века (тезисы докладов). Ростов-на-Дону, 1994. С. 82-84; и др.
2. Алексеев Н.А., Фиалпенко А.А. Клад римских денариев из Балаклавы // Всероссийская нумизматическая конференция, 6-8 апреля 1994 г. (тезисы докладов). Санкт-Петербург, 1994. С. 45-46; Фиалпенко А.А. Клад римских денариев из Балаклавы (в печати).
3. Казакова А.М. Кровельная черепица первых вв. н.э. из Тапаиса, // КСИА. 1987. Вып. 191, С. 83-84.
4. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. САИ Г1-20. М., 1966, С. 49.
5. Соломоник Э.И. Новые эпитрафические памятники Херсонеса. Киев, 1973, № 196.
6. Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. Москва, 1983, С. 76-77, № 55.
7. Бааватский В.Д. Харакс // МИА, № 19, С. 256, Рис. 5, 1. РВ - Русский вестник.

В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан

О ПОЛОЖЕНИИ ХЕРСОНА В КОНЦЕ V - VI ВВ.: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В отличие от ангийного Херсонеса и Херсона VIII - XIV вв., история, взаимоотношения с византийской администрацией, государственное устройство, экономика и культура этого северокричноморского центра конца V - VI вв. изучены еще недостаточно! С одной стороны, это объясняется крайне незначительным количеством письменных, эпиграфических и нумизматических источников, а с другой - тем, что, как правило, археологические комплексы Херсонесского городища в очень редких случаях могут быть датированы в пределах этого столетия.¹ Вследствие активной строительной и хозяйственной деятельности в последующие века значительная часть сооружений и слою конца V - VI вв. были почти полностью уничтожены.² Помимо этого, следует учитывать и субъективный фактор в оценке источников и археологического материала, который во многом базируется на устаревших теоретических концепциях. Вследствие этого в настоящее время назрела настоятельная необходимость вновь вернуться к изучению Херсона конца V - VI в. и попытаться дать краткий очерк истории города и основные тенденции его экономического развития в указанный период.

В настоящее время считается, что в конце IV - первой половине V вв. происходит ослабление центральной власти в Херсонесе и идет укрепление органов городского самоуправления.⁴ Однако такой вывод представляется излишне категоричным, так как, во-первых, в византийских городах идет обратный процесс,⁵ а, во-вторых, вплоть до 488г. какие-либо надежные источники по этому вопросу отсутствуют. Поэтому, вероятно, более оправданно на основе имеющегося более раннего и позднего материала говорить лишь о сохранении в Херсоне органов муниципального управления и связей города с византийской администрацией.

О положении Херсона и характере его взаимоотношений с центральной властью в конце V в. свидетельствует надпись о восстановлении оборонительных стен в период правления императора Зенона (474 - 491 гг.). К сожалению, эпиграфические памятники этого времени очень малочисленны, по-

этому здесь целесообразно привести ее полностью в переводе В. В. Лагушина. «Самодержец кесарь Зинойн, благочестивый, победитель, трофейный, величайший, приспешивший. Их благочестие, возревновав как во всех городах, так и в сем его городе, даровало выдачу денег, именно собираемые из митлицы здешнего викариата преданных балластариев. На эти [суммы] возобновляя стены во спасение этого самого города и балластариев, поставили мы сию надпись в вечное воспоминание их царствования. - Возбужден же бывши сия трудом светлейшего комита Диогена, лета 512, индикта 11-го».⁶

Анализируя содержание надписи, А. А. Якобсон полагал, что Херсон в период правления императора Зенона входил в состав Византии.⁷ Но не ясно, когда это произошло. Ведь известно, что в Notitia Dignitatum ни сам Херсонес, ни его гарнизон не упоминаются. Поэтому есть основания полагать, что до рубежа IV - V вв. Херсон официально в состав империи не входил, а его взаимоотношения с центральной администрацией строились, как и прежде, на союзной основе.⁸ Вместе с этим, исходя из херсонесской надписи, датирующейся промежуточком времени между 370 - 375 гг., в которой упоминается префект претория Доминий Модест,⁹ можно заключить, что гражданские дела, связанные с регламентацией отношений между городом и империей находились, как и ранее, в ведении префектуры Востока, а военные, после разделения гражданской и военной власти в ходе реформ Константина Великого, курировал magister militum per Thracias.¹⁰

Исходя из содержания надписи времени правления императора Зенона, считается, что к 488 г. положение изменилось и верховную власть в городе осуществлял ее представитель комит, в руках которого были сосредоточены функции гражданской и военной управления.¹¹ Однако этому противоречит упоминание в надписи балластариев, институт которых известен в городе в более раннее время. Ведь включение города в состав империи непременно должно было привести к реорганизации его вооруженных сил и появлению в Херсоне византийского

гарнизона. Однако, судя по содержанию рассматриваемой надписи, этого не произошло.

Как известно, Константин Багрянородный сообщает, что в награду за помощь империи в боевых действиях на Боспоре и Дунае император Константин Великий (306 - 337 гг.) подтвердил данную Херсонесу ранее «свободу» и освобождение от податей, а также установил выдачу тысячи пайков и материалов для баллист. Поэтому есть основания полагать, что после выезда военнослужащих регулярных римских подразделений из Херсонеса в третьей четверти III в. прямая военная помощь Херсонесу была заменена денежными субсидиями, на которые содержался гарнизон города, набравшийся из местных жителей.¹² Кроме рассказа Константина Багрянородного, наличие в Херсонесе баллистариев подтверждается их упоминанием в надписях 370 - 375 гг.¹³ и времени правления императора Зенона. Исходя из этого, был сделан вывод, что определенная организация гарнизона города, ядро которого составляли баллистарии, просуществовала по крайней мере с конца III - первой трети IV вв. до конца V в. А отсутствие упоминания херсонесского гарнизона в *Notitia Dignitatum*, где был дан перечень подразделений пограничной армии империи, свидетельствует о том, что херсонесские баллистарии, по крайней мере в момент создания этого документа, в ее состав не входили. В организационном отношении херсонесские баллистарии были близки малому легиону позднеримской армии, но набравшись из местных жителей и, по сути дела, являясь городской милицией, хорошо известной в целом ряде центров того времени на Балканах. Они содержались за счет тех средств, которые выделялись по распоряжению центральной власти из собираемых в городе налогов.¹⁴ Однако, несмотря на это, во главе гарнизона города стояли кадровые римские офицеры, среди которых был и трибун Флавий Вит,¹⁵ упомянутый в надписи о постройке стены, которая датируется промежуточном времени между 383 - 395 гг.¹⁶

Правда, К. Шукерман поставил под сомнение этот вывод. Более того, он предложил херсонесским баллистариев относить к разряду частей *comitatenses*, места дислокации которых в *Notitia Dignitatum* не указаны.¹⁷ Однако, если принять заключение о том, что в IV в. в Херсонесе дислоцировалось подразделение войск полевой армии империи, то совершенно не понятно почему на территории римской цитадели, где на протяжении второй половины II - третьей чет-

верти III вв. дислоцировались римский гарнизон и римское военное командование, в это время наблюдаются определенные изменения.¹⁸ Многолетние исследования этого участка, которые проводятся под руководством И. А. Антоновой, показали, что именно в IV в. часть казарменных построек цитадели оказалась занятой обжитыми пещерами, а лагерный бассейн перестроен в небольшие термы. Реконструкции подтвердился также более ранние термы и так называемый «дом командира».¹⁹ Следовательно, археологический материал косвенно свидетельствует об изменении системы вооруженной охраны Херсонеса и подтверждают сделанный ранее вывод о комплектовании его гарнизона.

В свое время М. И. Ростовцев полагал, что Диоген, упомянутый в надписи времени правления императора Зенона, был комитом города,²⁰ а С. П. Шестаков и следовавший за ним А. А. Якобсон считали, что помимо военного командования он выполнял функции коммерциара и возглавлял местное финансовое управление.²¹ Но с этим согласиться трудно, так как известно, что тот же комит Диоген даровал мегариям средства на постройку башен, а также деньги и материалы для восстановления терм.²² Несколькими позже, в 494 г. при императоре Анастасии (491 - 518 гг.), он возглавлял подавление восставших исаврийцев, а в следующем году был ими осажден и только благодаря помощи своего товарища Иоанна Горбатого избежал гибели.²³ Поэтому можно согласиться с В. В. Латшневым и следующим за ним Ю. Г. Виноградовым в том, что Диоген не был византийским должностным лицом в Херсонесе, а являлся проводником в жизнь политики императора Зенона и лишь курировал херсонесские дела. Сюда он мог приходить с каким-то конкретным поручением, например, для надзора за постройкой оборонительных сооружений или контроля расходования средств, отпущенных для этого.²⁴ В пользу сказанного свидетельствует текст еще одной, правда, более поздней надписи времени правления императора Юстиниана II (365 - 578 гг.),²⁵ в которой упомянут Феаген, который, по предположению Ю. Г. Виноградова, как и Диоген, мог быть комитом и содействовать строительству, которое велось под руководством дукса Херсона, а не должностным лицом в административной системе города.²⁶

В надписи времени правления императора Зенона прямо сказано, что Херсон являлся императорским городом и в силу этого ему были дарованы деньги на возведение оборонительных сооружений. Вклю-

чение города в состав империи при императоре Зеноне хорошо согласуется с началом местной монетной чеканки именно в это время.²⁷ Причем, типично имперский облик чеканки и изображение на них правящего императора не оставляет сомнений в том, что в это время город рассматривался в качестве составной части империи. Вместе с тем трудно согласиться с А. Л. Якобсоном, который полагал, что «высшая администрация в городе была в руках империи и, следовательно, Херсон находился в сильной от нее зависимости».²⁸ Ведь отсутствие каких-либо источников по этому вопросу пока не позволяет говорить, как включение города в состав империи отразилось на его административной системе.

Поэтому заслуживает самого пристального внимания то место надписи, где говорится о том, что деньги на строительство оборонительных сооружений, по мнению В. В. Латышева и следовавших за ним ученых, должны были быть выделены из тех средств, которые собирались «из мытницы здешнего викариата преданных балластриев». Из этого места надписи в интерпретации В. В. Латышева следует, что как таможня, так и балластрии были объединены в рамках одной организационной структуры – викариата. И, следовательно, в Херсоне византийская военная и гражданская власть уже в конце V в. были объединены. При этом подчеркивалось, что викариат, т. е. высшая военная власть, осуществляла здесь и гражданское управление, в частности сбор пошдин с привозимых товаров и налогов с населения.²⁹ Часть этих средств была использована для укрепления оборонительных стен и башни в Херсоне.

К. Цукерман предложил несколько иначе интерпретировать это место надписи. Он считает, что слово практий (*πραξιου*) в данном контексте следует понимать, исходя из одного значения глагола *δράττω*, от которого оно образовано, и переводить как «взирать» или «вызывать». Таким образом, средства на строительство были выделены из каких-то местных налогов, необязательно таможенных сборов, на которые, как и ранее римский гарнизон Херсонеса, содержались балластрии, которые находились под командой викария.³⁰

В связи с этим следует обратить внимание на то, что в IV в. в византийских городах, наряду с муниципальной, появляется касса, в которую поступало до 1/3 части доходов. Но средствами из нее распоряжались не органы городского самоуправления, а представители центральной администрации.³¹ Из этих касс имперской администрацией и вы-

делялись средства на особые нужды,³² например, на городское строительство или, как это было в Херсоне, на укрепление оборонительных сооружений и содержание балластриев. С 390 г. крупным городам на территории Византийской империи разрешалось взимать специальные налоги, которые шли на финансирование строительства.³³ Учитывая, что с конца V в. прекращается широкое сельскохозяйственное производство на территории Гераклеяского полуострова, не исключено, что в Херсоне определенными повинностями в основном было обложено торговое-ремесленное население, а не только землевладельцы.³⁴ В эти суммы могли быть включены торговые пошлины и другие налоги. Следовательно, как и в других районах Византийской империи, в Херсоне с V в., если не раньше, часть доходов государства опускалась на нужды города и он в этом отношении не составлял исключения.

Исходя из имперского табеля о рангах, К. Цукерман полагает, что херсонесскими балластриями в период правления Зенона командовал офицер в ранге викария *magister a militum* Фраксии, который находился на той же иерархической ступени, что и *dux*.³⁵ Таким образом, из рассматриваемой надписи следует, что только херсонесский гарнизон находился под командованием византийского дукса и нет оснований говорить, что военная и гражданская власть в городе была объединена в руках одного должностного лица. Скорее напротив, упоминание в надписи комита Диотена, который не был комитом города, а лишь курировал оборонительное строительство в Херсоне, позволяет предположить, что к концу V в., как и ранее, гражданские дела города находились в ведении префектуры Востока, к которой скорее всего и принадлежал упомянутый комит. Значит, надпись времени правления императора Зенона в предложенной интерпретации свидетельствует, что во взаимоотношения Херсонеса с империей в конце V в. сохранялся тот же порядок, что и в конце III – IV вв. А это не позволяет, как представляется, говорить о каких-либо кардинальных изменениях в государственном устройстве города применительно к этому времени.

Экономический подъем, начавшийся при императоре Анастасии (491 – 518 гг.), во многом подготовил экспансионистское направление внешней политики Византии, которое ярко проявилось в период правления Юстиниана I (527 – 565 гг.). Именно в период его достаточно длительного правления была

провозглашена политика реставрации Римской империи с центром в Константинополе в ее прежних границах, захваченных варварами. Эта идея была поддержана византийским духовенством, которое провозгласило единство всей христианской ойкумены, естественно, во главе с константинопольской церковью.³⁶ Наряду с войнами, которые вела империя на Западе и Востоке, ее влияние значительно возросло и в Северном Причерноморье, где главным форпостом Византии продолжала оставаться Херсон, который был тесно связан с ее администрацией не только во II - III вв, но и в поздантичный период. Усиление Византийского присутствия в Крыму и на Кавказе Ф. И. Успенский относил к 532 - 539 гг.³⁷

В сочинении «О постройках Юстиниана» Прокопий Кесарийский сообщает: «Что касается городов Веспера и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу <Эвксинского Понта> за Меотидским болотом, за таврами и тавроскифами, и находятся на краю пределов римской державы, то, застав их стены в совершенно разрушенном состоянии, он сделал их замечательно красивыми и крепкими».³⁸ Это сообщение византийского историка подтверждается и археологическими данными, которые свидетельствуют, что в VI в. были проведены масштабные работы по укреплению оборонительных стен Херсона.³⁹ Так, А. Л. Якобсон полагал, что при императоре Юстиниане были построены новые участки оборонительных стен, а также вся приморская и береговая оборонительные линии.⁴⁰ И. А. Ангонова к этому времени относит 17 куртину, повысившие высоты 19 куртины и передовой стены, работы на 20 куртине и башне XVII в Юго-Восточной части Херсона.⁴¹ Поэтому, вероятно, нет оснований в буквальном смысле понимать слова Прокопия о том, что стены Херсона были «в совершенно разрушенном состоянии», так как из надписи времени правления императора Зенона известно, что при содействии комита Диогена они уже были усилены. К концу IV - V вв. в Юго-Восточной части Херсона относятся строительные работы, проведенные на 12, 16 и 25 куртинах, передовой стене и башнях XII, XV, XVI и XVII.⁴² Поэтому слова Прокопия о плачевном состоянии оборонительных сооружений скорее следует отнести к бывшему Пантикалею, нежели к Херсону.

Далее Прокопий пишет, что император Юстиниан построил длинные стены в области Дори, которую большинство исследователей отождествляет с Юго-Западным Кры-

мом. Долгое время считалось, что под «длинными стенами» следует понимать единую систему фортификационных сооружений, своеобразный «Таврический лимес», возведенный в период правления Юстиниана I.⁴³ На основании того, что Прокопий сообщает о строительстве двух укреплений - «так называемые Дуства и в Гурзувитах»,⁴⁴ А. Л. Якобсон полагал, что и «длинные стены» следует отождествлять с укреплениями, зафиксированными на Эски-Кермен, Мангупе и Соренце.⁴⁵

Однако И. С. Пиоро и В. А. Сидоренко независимо друг от друга пришли к заключению о том, что под «длинными стенами» Прокопий следует понимать не систему крепостей, возведенную в Юго-Западном Крыму в период правления Юстиниана I, а стены, перегородившие горные долины.⁴⁶ Такая стена двухпанцирной регулярной кладки на известняковом растворе толщиной 2,3 - 2,4 м и протяженностью более 150 м была археологически зафиксирована у подножия Мангупа, в балке Каралез, по которой проходила дорога между современными селами Терновка и Запесное Бахчисарайского района.⁴⁷ Остатки подобной стены, которая перекрывала подступы к Мангупу с северо-запада, по сообщению А. Г. Герцена, имелись и вблизи городища Эски-Кермен.⁴⁸ Таким образом, в настоящее время есть все основания заключить, что в период правления Юстиниана I в Юго-Западном Крыму были построены не византийские крепости, а именно «длинными стенами», которыми были перегородены горные долины.

Сказанное хорошо согласуется с тем, что, по мнению исследователей, оборонительные укрепления на Эски-Кермен, Мангупе, Чуфут-Кале были построены, видимо, не в период правления Юстиниана I, а несколько позже, во второй половине - конце VI в.⁴⁹ Следовательно, в полном соответствии с сообщением Прокопия при Юстиниане были возведены только передовые укрепления,⁵⁰ которые создавали неприятно препятствия для неожиданного вторжения в пределы обитания готов - федератов империи. Помимо строительства укреплений, проведение в жизнь политики византийской администрации в Юго-Западной Таврике способствовало началу введения в VI в. христианских базилик, остатки которых открыты на Эски-Кермен, Мангупе и некоторых других местах.⁵¹

О положении Херсона в VI в. данных немного. В связи с этим следует обратить самое пристальное внимание на монетные выпуски времени второй половины VI в., на которых имелись монограммы П - X и ПХ, ко-

торые расшифровываются как название города - *πολεως Χερσονου*. Монеты с такими монограммами появляются еще в период правления Юстиниана I и присутствуют на монетах, выпущенных при Юстине II.⁵² Несмотря на то, что, по замечанию В. А. Анохина, факчеканки монеты с названием города не следует преувеличивать,⁵³ отмеченное явление в херсонесской нумизматике обычно используется в качестве доказательства крепких полисных традиций городского самоуправления.⁵⁴ Однако безусловный византийский тип херсонской чеканки этого времени не позволяет согласиться с таким заключением. Более того, монограммы П - X и ПХ, как впрочем и ряд аналогичных на византийских монетах Сицилии, Италии и других районов Византийской империи VI - VIII вв.,⁵⁵ следует рассматривать в качестве чисто географической номенклатуры, к которой отнесся тот или иной провинциальный монетный двор.

Из сообщений Феофана и Никифора, историков начала IX в., в которых рассказывается о событиях, связанных с отрешением от власти Юстиниана II и воззрении в Константинополе Вардана Филлипика,⁵⁶ следует, что во главе Херсона в это время находился совет из сорока протевонов во главе с протополитом - главой местной администрации. Эти высшие должностные лица возглавляли оборону города от карательных имперских войск, призвали на помощь хазар, охраняли претендента на престол и вообще руководили жизнью города. Юстиниан II пытался назначить в Херсон архонта из центра, чтобы тот возглавил местное управление, будучи чиновником на византийской службе.⁵⁷ Но все это все же не позволяет предполагать наличие здесь органов полного самоуправления в VI в., о чем якобы свидетельствуют монограммы П - X и ПХ на монетах Юстиниана I.⁵⁸ Ведь уже в позднеантистический период и особенно в первые века н. э. государственный строй Херсонеса стал элитарным и отражал интересы количественно ограниченной зажиточной группы населения, связанной с Римской империей.⁵⁹

Представление о местном сепаратизме и некоем особом автономном «самоуправлении» Херсона в VII - начале VIII вв., наподобие средневековых «республик» Далмации, явно не соответствует действительному положению, а в специальной литературе выглядит как расхожий штамп. Городские власти в лице архонтов, протополитов, «известных и протевонов» (*επιφανεις και πρωτευοντας*)⁶⁰ в это время уже в полном соответствии облик обычных византий-

ских чиновников, подчиненных имперскому центральному управлению. Тем более, что такого рода служилые «начальство» воспринималось и попонималось главным образом из рядов влиятельной местной аристократии, городской знати, состоятельных собственников.⁶¹ По меткому сравнению А. П. Каждана, это было своего рода «дворянство мантии».⁶²

Термин «первенствующий» (*πρωτευοντας, πρωτα, πρωτευοντας πρωτα της πολεις, πρωτων*) отнюдь не был уникальным, применявшимся только для обозначения властей и знати Херсона.⁶³ К тому же понятия «чиновничество» и «знать» для византийцев того времени были почти синонимами. В VIII - начале IX вв. протевоны были даже в крупных малоазиатских деревнях, где они осуществляли какие-то официальные должностные функции наряду со старостами - протами ком и ипиратами (*πρωτα της χωρης, ιπριρατα*).⁶⁴ Пользуясь сводкой, составленной А. П. Рудakovым, и лишь уточнив ее в хронологической последовательности, «первенствующих» можно найти в VI - VII вв. в городах Месопотамии, палестинском Никополе (Патерии), Спарте («Лавсаик» Палаадия), Александрии (Иоанн Мосх), Эфесе (Житие Федора Сикота). Во второй половине IX в. - на Самосе, входившем в состав одноименной фемы (Житие Павла Латского). В первой половине X в. - в Трапезунде (Житие Афанасия Афонского), а в последней трети X в. - в одном из городов Македонии (Житие Фотия Фессалийского).⁶⁵ Этот термин постоянно употреблялся в сигнатуре, вплоть до начала XI в.⁶⁶ Связь его со стратой служилых лиц весьма прозрачна и легко удаивается.

В эдикте 369 г. подчеркивалось, что провинциальные чиновники должны были избираться из числа местной знати.⁶⁷ Эта провинциальная знать формировалась в VI - VII вв. из куриалов, представителей поименной аристократии и частично совмещалась с чиновниками провинциального военно-административного аппарата.⁶⁸ По своим функциям они ничем не отличались от чиновников, а «самоуправление» в условиях падения роли и значения местных муниципальных структур уже в VI в. было заменено комитетами «нобилей»,⁶⁹ а в VIII - IX вв. выродилось в институт «властвующих» - всевозможных архонтов разных рангов.⁷⁰

Таким образом, можно предполагать, что в Херсоне уже в VI в., наряду с представителем центральной византийской власти, о котором подробнее будет сказано ниже, существовали органы местного городского

управления, традиции которого уходят своими корнями еще в античную эпоху.⁷¹ Однако крах античного земледелия в Херсоне позволяет заключить, что в VI - VII вв. эти органы, как и в других византийских городах,⁷² компактовались из наиболее влиятельных и закяточных горожан,⁷³ преимущественно крупных торговцев, занятых оптовой морской торговлей с византийскими центрами, и, возможно, ростовщиков, домовладельцев.⁷⁴ Это было уже не прежняя городская знать, а сплотившаяся в условиях Херсона социальная прослойка «именитых» горожан, в силу сложившихся обстоятельств, вероятно, уже не связанная с земледелием. Поэтому, с известной степенью вероятности, можно заключить, что в Херсоне на протяжении конца V - VII вв. идет трансформация органов городского управления, которые становятся проводником политики византийской администрации, и к концу VII - началу VIII в. уже полностью утрачивают даже видимые черты, характерные для античных поместных социально-политических организаций.⁷⁵

К сожалению, ввиду почти полного отсутствия источников, детализировать этот процесс применительно к Херсону пока не представляется возможным. Однако общие закономерности развития византийских городов делают указанный вывод вполне вероятным, а конец VII - начало VIII вв. позволяют рассматривать в качестве хронологической вехи, когда в Херсоне уже полностью оформился новый тип городского управления, отражавший реалии времени и тесную связь города с Византией. Причем, учитывая значительное удаление Херсона от основных политических центров Византии, не исключено, что власть городских структур здесь, видимо, была несколько большей, чем в центральных районах империи.⁷⁶

Вместе с этим, еще В. Г. Васильевский предостерегал от преведичения самостоятельности Херсона, как и прочих причерноморских окраинных городов, ибо они и не стремились к освобождению от верховной власти Византии. Имперское правительство поддерживало их весьма относительно автономно не просто в виде компромисса, но и сознательно, как средство, обеспечивавшее максимальную гибкость и эффективность торговли, контактов с соседями и способ избежать военных конфликтов.⁷⁷

Не позднее первой половины VI в., вероятно, происходят и определенные изменения в комплектовании гарнизона Херсона. Что-то конкретное об этом сказать, ввиду отсутствия источников, сейчас не представляется

возможным. Однако с конца V в. в источниках уже не упоминаются баллистарии, что, с известной долей вероятности, можно связать с падением роли городских формирований в византийской армии в период правления Юстиниана I.⁷⁸

В 70-х годах VI в. с востока в Северное Причерноморье, подчинив алаов, пришли тюрки.⁷⁹ В 576 г. они вместе с гунами-угиурами захватили город Боспор, а в 581 г., судя по сообщению Тиберия II аварским посланцем, стали лагерем около Херсона, хотя овладеть им не смогли.⁸⁰ Не исключено, что в связи с нависшей над городом угрозой какому-то должностному лицу византийской администрации было адресовано императорское послание 582 - 583 гг., о чем свидетельствует моливдул императора Маврикия Тиберия, обнаруженный в Херсоне.⁸¹ С тюркской угрозой, вероятно, были связаны укрепление оборонительных сооружений Херсонеса в период правления Юстина II (565 - 578 гг.). Об этом можно говорить на основании фрагмента пирровой надписи этого времени, в которой упоминается дук, руководивший, видимо, строительными работами.⁸² Причем, по наблюдению Ю. Г. Виноградова, соединить должность дук с именем Феагена нет оснований. Последний, судя по количеству букв в строках надписи, должен был быть обеспечен другой должностью, например, комита.⁸³

Скорее всего, именно в связи с вторжением тюрков, утигуров и алаов в Крым, в Юго-Западной Таврике византийской администрацией было начато возведение крепостей на Эски-Кермен, Мангуле и Чуфут - Кале, гарнизоны которых являлись федератами империи.⁸⁴ Интересно, что с разветвлением этого строительства хронологически совпадает издание в 575 г. в ознаменование воззложения Тиберия солимператором Юстина новелла, в которой сообщается об освобождении властями империи кавказской страны алаов, Боспора и Херсонеса от морской повинности.⁸⁵

Но тюркская угроза вскоре миновала. Вследствие неудач тюрков в войне персами, с 589 г. их враждебные действия против Византии, а следовательно, против союзной ей населения в Юго-Западной Таврике, прекратились.⁸⁶ Власть империи была восстановлена и на Боспоре, о чем свидетельствует надпись 590 г., обнаруженная на Тамани. В ней говорится, что на Боспоре императором Маврикием было возобновлено какое-то кесарское здание «... через собственного своего раба Евлатерия, славнейшего стратигата и дукса Херсона».⁸⁷

А. Д. Якобсон полагал, что Евлатерий был

представителем высшей византийской военной власти не только в Херсонесе, но и на Боспоре. Вместе с этим, он совершенно справедливо отмечал, что во время правления Юстиниана стратилат нередко соединял в своих руках и гражданскую власть. Но далее, вслед за В. В. Латышевым, объяснял сочетание двух титулов тем, что «Евпатерий, состоя в ранге стратилата, занимал должность дука в Херсонесе».⁵⁸ Однако с таким однозначным выводом, который был принят рядом современных исследователей,⁵⁹ безоговорочно согласиться нельзя.

Судя по имеющимся данным, стратилат - понятие полисемантическое. Оно могло обозначать командующего армией, подчиненных ему военных командиров и главнокомандующих, а также командующих областью или фемой.⁶⁰ Между тем еще Р. Гроссе не считал возможным безоговорочно ставить знак равенства между стратилатом и *magister militum*. Он полагал, что по своему положению стратилат отвечал должности *tribunus civitatis* и в VI в. на него возлагались функции гражданского управления, как это было, например, в Египте.⁶¹ Ведь в период правления Юстиниана I вначале проводилась в жизнь мера притяжения по концентрации византийской гражданской и военной власти в провинциях в руках одного должностного лица.⁶²

Учитывая тот исключительно важный факт, что в надписи с Таманского полуострова Евпатерий сочетал должность стратилата и дука Херсона, его следует рассматривать в качестве представителя верховной власти империи в Северном Причерноморье, на которого были возложены функции гражданского управления в Херсоне и на Боспоре, где его странциями было восстановлено «ескарское здание». Помимо этого, он командовал и вооруженными силами Херсона. Именно вследствие этого он назван в рассматриваемой надписи сначала «стратилатом» - главой гражданской власти во всем регионе, а лишь затем «дуком» Херсона.⁶³

Судя по материалам археологических исследований на памятниках Гераклеиского полуострова, население города здесь занималось сельским хозяйством не только в VI - VII вв., но и позже,⁶⁴ хотя уже не так интенсивно, как в эллинистический и римский периоды истории Херсонеса. Однако появление на месте античных земельных надслов юрт, а, следовательно, расселение в ближайших окрестностях Херсона какой-то части степняков-кочевников, скорее всего гуннов, видимо, привело к резкому уменьшению объемов выращивания зерновых,

которые город должен был ввозить из других районов.⁶⁵

В свое время А. А. Яковсон полагал, что для экономики Херсона V - VI вв. была характерна натурализация хозяйства.⁶⁶ Позднее Д. А. Талис пересмотрел этот вывод и на основании резкого уменьшения количества монет, обнаруженных при раскопках, пришел к заключению о том, что натурализацию экономики города следует относить ко времени не ранее второй половины VI в.⁶⁷ Однако с таким выводом, как будет показано ниже, также нельзя согласиться. Прежде, чем перейти к анализу материалов, на которых базировался Д. А. Талис, необходимо несколько слов сказать о теоретических аспектах процесса, который принято называть натурализацией экономики. Иногда его также называют рустификацией и полагают, что она являлась наиболее характерной чертой экономического развития не только на рубеже античности и средневековья, но и в поздантичный период.⁶⁸

Делая вывод о натурализации или рустификации хозяйства, в первую очередь следует уточнить содержание этого понятия. В своей основе экономика всех без исключения докапиталистических обществ на протяжении всей их истории была натуральной. Поэтому применительно к таким обществам можно говорить лишь об увеличении или падении удельного веса товарного производства и товарно-денежных отношений, что было связано с конкретно-историческими условиями развития на том или ином этапе, а не о кардинальных изменениях в экономике. Подъем внутренней и внешней торговли, а, следовательно, расширение сферы товарных отношений, не мог привести к качественным изменениям в главной отрасли производства - сельском хозяйстве.⁶⁹ Основная причина этого кроется в том, что в сфере обмена и торговли не было вовлечено главное условие и средство производства - земля.⁷⁰ Только в тех условиях, когда земля становится объектом купли-продажи во всем обществе, а не в рамках какой-то определенной социальной группы, можно говорить, что товарные отношения достигли своего наивысшего развития. Однако это становится возможным только в условиях развития капитализма.⁷¹

В докапиталистических обществах, основой развития которых являлось сельское хозяйство, отношения по поводу главного условия и средства производства - земли, носили преимущественно натуральный характер.⁷² Поэтому меновые и товарно-денежные отношения ограничивались между ин-

дивидуумами лишь движимым имуществом, т. е. товарами, которые являлись продуктами труда,¹⁰³ а земля являлась недвижимым имуществом.¹⁰⁴ Наличие целого ряда товаропроизводителей было достаточным для развития рынка и товарно-денежных отношений, но в таких условиях товарное производство в экономике не могло стать господствующим.¹⁰⁵

Поэтому применительно к позднеантичному и раннесредневековому периодам, строго говоря, следует говорить не о натурализации хозяйства в целом, а о падении в нем роли товарного производства и связанных с ним товарно-денежных отношений. Причем, в докапиталистических обществах и в Северном Причерноморье в частности, негативные явления в области экономики, как правило, были связаны не с внутренним кризисом спеша производства, а главным образом с внешнеполитическими факторами, и в первую очередь разорением и гибелью сельской округи.

Неблагоприятные тенденции в экономике приводили к увеличению замкнутости отдельных хозяйств и разрыву связей с внешним рынком. Особенно болезненно сложившееся положение должно было затронуть сравнительно крупные хозяйства, ориентировавшиеся на рынок. В таких условиях возросла роль сравнительно небольших замкнутых автаркичных хозяйств, которые становились основными ячейками экономической системы. Роль товарного производства в таких хозяйствах отошла на второй план и на ограниченном внутреннем рынке могли продаваться лишь излишки.¹⁰⁶

Всего этого в Херсоне не наблюдается ни в IV, ни в V, ни в VI вв. После прекращения чеканки собственных монет в третьей четверти III в. в херсонесском денежном обращении использовались привозные монеты IV - V вв. Так, по данным А. М. Гилевича на 1968 г. монет этого времени при раскопках обнаружено 3, 5 тыс.,¹⁰⁷ значительно больше, чем I - III вв. А это не позволяет делать вывод об упадке или значительном сокращении в его экономике товарно-денежных отношений.¹⁰⁸ Напротив, определенный уровень развития ремесла и торговли, монетные выпуски времени правления императоров Зенона и Юстиниана,¹⁰⁹ а также использование в денежном обращении, наряду с ними, монет IV - V вв. вплоть до VII в.,¹¹⁰ свидетельствует о наличии рынка и товарно-денежного обращения, а следовательно, и о достаточно развитом товарном секторе экономики. Поэтому вряд ли можно, как это в свое время сделал А. А. Талис, на основе подсчетов об-

щего количества монет IV, V и VI вв.,¹¹¹ обнаруженных при раскопках, говорить о натурализации хозяйства со второй половины VI в. и сокращении товарно-денежных операций вплоть до начала IX в.¹¹² Хотя некоторые исследователи на основании анализа амфорного материала и нумизматических данных полагают, что в VIII - IX вв. город пережил период спада торговых связей и определенную степень натурализации экономики.¹¹³

Прекращение функционирования большинства хозяйств на Герაკлийском полуострове не ранее второй половины V в. и падение в экономике удельного веса сельскохозяйственного производства должно привести не только к натурализации хозяйства, а к ускоренному развитию промыслов, ремесла и торговли. Это следует рассматривать в качестве наиболее яркого показателя дальнейшего развития здесь собственности городской структуры.¹¹⁴

К сожалению, в силу целого комплекса причин в ходе многолетних раскопок Херсона пока не зафиксировано каких-либо остатков ремесленных мастерских V - VII вв.¹¹⁵ Но широкая строительная деятельность, предпринятая в Херсонесе и на территории Таврики в период правления Зенона и Юстиниана I, вне всякого сомнения, должна была стимулировать развитие ремесленного производства Херсона. Из надписи 488 г. известно, что в городе развернулось строительные работы, связанные с укреплением оборонительных стен; также началось возведение первых базилик, которые особенно активно строились на протяжении с конца V и в VI вв.¹¹⁶ Этим объясняются значительные работы, проведенные по перепланировке городских кварталов во второй половине VI - начале VII вв.¹¹⁷ Наряду с оборонительными сооружениями и культовыми постройками в городе перестраивались и строились производственные комплексы, в частности рыбозасолочные цистерны, о чем можно судить по клеймам VI - начала VII вв., отчисленным на плинфе, которая использовалась в качестве материала для облицовки их дна.¹¹⁸ Причем, А. Л. Якобсон подчеркивал, что основные строительные работы проводились местными вольнонаемными артеями каменщиков,¹¹⁹ что давало работу и средства к существованию значительной массе населения, ранее занятой в сельскохозяйственном производстве. Все это должно было стимулировать развитие и других видов ремесленной деятельности, в том числе и связанное со строительством.

О развитии металлообработки в Херсоне

V - VII вв. в связи отсутствием какого-либо материала говорить сложно,¹²⁰ хотя есть основания предполагать, что в херсонесских мастерских по византийским образцам в первой половине VI в. изготовлялись пряжки с рельефными параллельными линиями на шпигле. В VII в. здесь изготовлялись детали поясных наборов, пряжки типа «Сиракузы», а также по привозным, видимо, германским образцам большие серебряные пряжки с прямоугольным шпиглом, украшенные крестом или четырехлепестковой розеткой.¹²¹

На основе изучения керамической продукции из археологических комплексов VII в., был сделан вывод о достаточно большом разнообразии продукции местных керамических мастерских и о высоком уровне развития гончарного производства. Причем, прослеженная на археологическом материале стандартизация его продукции не оставляет сомнений в том, что оно, безусловно, носило товарный характер.¹²² То же самое, вероятно, можно сказать и о других видах ремесленного производства, в частности о стекольном.¹²³ Причем, как и в других византийских городах,¹²⁴ для Херсона этого времени не было характерно крупное ремесленное производство, о чем косвенно свидетельствует отсутствие следов мастерских,¹²⁵ а также расположение рыбозасоленных цистерн раннесредневекового времени в хозяйствах горожан.¹²⁶

Широкая строительная деятельность византийской администрации не только в Херсоне, но и на территории Таврики в период правления Юстиниана I и несколько позже, когда были построены типично византийская крепость на Эски-Кермен,¹²⁷ оборонительные стены Мангупа¹²⁸ и другие укрепления,¹²⁹ не могла происходить без активного участия в этом процессе ремесленников и зодчих Херсона. Тем более, что, как показали специальные исследования, местного ремесленного производства на Эски-Кермене и Мангупе не было, а все необходимое для семей федератов, несших здесь гарнизонную службу, поступало из Херсона.¹³⁰ Судя по археологическому материалу, на раннем этапе существования этих укреплений их территория была заселена слабо,¹³¹ что позволяет го-

ворить о преимущественно сельскохозяйственной направленности хозяйств населения Юго-Западной Таврики. Вследствие этого к федератам империи поступала продукция не только ремесленных мастерских Херсона, но и товары, привозившиеся из других районов Византийской империи. Такая экономическая политика центральной администрации в VI в. и на протяжении всего VII в., позволяла удерживать в военно-политической орбите Византии не только Херсон, который в этот период не мог существовать без подвоза продовольствия из Малой Азии,¹³² но и гото-аланов, которые на правах федератов жили в крепостях Юго-Западной Таврики.¹³³ Через Херсон осуществлялся обмен с кочевым населением Северного Причерноморья и оседлыми жителями Юго-Западной Таврики, откуда в византийские центры вывозились меха, кожи, скот и другие товары.¹³⁴ Следовательно, в VI - первой половине VII в. город находился в системе черноморско-средиземноморской торговли.¹³⁵ Из Херсона вывозилась соль и, судя по значительному количеству рыбозасоленных цистерн, соленая рыба - традиционные предметы экспорта этого центра,¹³⁶ а в город поступала ремесленная продукция из византийских ремесленных центров, в частности краснолаковая керамика, изготовлявшаяся в Малой Азии, Северной Африке и на Кипре.¹³⁷

Из всего сказанного, можно заключить, что в конце V - VI вв. Херсон являлся составной частью и главным опорным пунктом Византийской империи в Таврике. Город по-прежнему оставался одним из наиболее крупных центров ремесленного производства и обмена, к которому тяготело преимущественно сельское население Таврики.¹³⁸ В середине VI в. в истории Херсона начинается новая, средневековая эпоха, для которой были характерны новые тенденции и изменения в политическом и социально-экономическом развитии, которые отпадают ее от позднеантичного периода. Но именно в это время сложились те предпосылки, которые в дальнейшем позволили средневековому Херсону продолжать свое существование и развиваться в новых исторических условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Якобсон А. А. Раннесредневековый Херсонес // МИА. - 1959. - Вып. 63. - С. 21 - 35; Романчук А. И. Херсонес VI - первой половины IX вв. - Свердловск, 1976. - С. 4 - 9; Романчук А. И. Раннесредневековые комплексы Херсонеса // From Late Antiquity to Early Byzantium. Proceedings of the Byzantinological Symposium in the 16th International Eirene Conference. - Praha, 1985. - С. 125 - 134 и др.
2. Романчук А. И. Раннесредневековые комплексы Херсонеса. - С. 133 - 134.

3. Романчук А. И., Седикова А. В. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. - К., 1991. - С. 30 - 33.
4. Баранов И. А. Административное устройство раннесредневекового Херсонеса // МАИЭТ. - 1993. - Вып. III. - С. 137.
5. Баранов И. А. Административное устройство раннесредневекового Херсонеса - С. 137.
6. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. - СПб., 1896. - С. 10 - 11; Ср: Бертье-Делагард А. А. Надписи времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. - 1893. - Т. 16. - С. 47 и сл.
7. Якобсон А. А. Раннесредневековый Херсонес. - С. 21.
8. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. - К., 1994. - С. 147 - 148.
9. IUSPE, I, № 499; Ростовцев М. И. Новые латинские надписи из Херсонеса / ИАК. — 1907. — Вып. 23. - С. 5-11, № 2. - С. 5 - 11, № 2; Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. - М., 1983. - С. 28 - 30, № 3.
10. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. - С. 146 - 147.
11. Баранов И. А. Административное устройство ... - С. 137 - 138.
12. Подр. см. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. - С. 132 - 134.
13. IUSPE, I, № 499; Ростовцев М. И. Новые латинские надписи ... - С. 5 - 11, № 2; Соломоник Э. И. Латинские надписи ... - С. 28 - 30, № 3.
14. Подр. см.: Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. - С. 136 - 137.
15. Там же. - С. 139 - 140.
16. IUSPE, I, № 450; Латышев В. В. Надпись о постройке херсонесской стены // ИАК. - 1901. - Вып. 1. - С. 56 - 59.
17. Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. - 1994. - Вып. IV. - С. 557 - 559.
18. Подр. критику концепции К. Цукермана см.: Пиоро I. С. Про один з поглядів на джерела та історію пізньоантичного Херсонеса // Археологія. - 1997. - № 2. - С. 123 - 128.
19. Антонова И. А. 15 лет работ в цитадели Херсонеса // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. - Тезисы докладов. - Севастополь, 1997. - С. 8 - 9; Антонова И. А. Раскопки в цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. - Симферополь, 1997. С. 19 - 24.
20. Ростовцев М. И. Новые латинские надписи ... - С. 10 - 11.
21. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в IV - X вв. // Памятники христианского Херсонеса. - М., 1908. - Вып. III. - С. 98; Якобсон А. А. Раннесредневековый Херсонес. - С. 22.
22. Сул. ³, 909.
23. Латышев В. В. Сборник ... - С. 15.
24. Латышев В. В. Сборник ... С. 15; Ю. Г. Виноградов. Греческие надписи IV - VI вв. как источник по истории стеностроительства в Херсонесе // Доклад на II колоквиуме советских и греческих историков. - Дельфы, октябрь 1988 г. Выражаем Ю. Г. Виноградову свою признательность за любезное разрешение использовать рукопись этого доклада.
25. Соломоник Э. И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. - 1986. - Т. 47. - С. 213 - 214, рис. 8.
26. Виноградов Ю. Г. Греческие надписи IV - VI вв.
27. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). - Киев, 1977. - С. 107, 156, № 309; Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. - А., 1983. - С. 17 - 18, 138.
28. Соколова И. В. Монеты и печати. - С. 22.
29. Якобсон А. А. Раннесредневековый Херсонес. - С. 22.
30. Цукерман К. Епископы и гарнизон ... - С. 559, прим. 42.
31. Курбатов Г. А. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). - А., 1962. - С. 268 - 269; Курбатов Г. А. Основные проблемы ... - С. 175; Курбатов Г. А. К вопросу о судьбах ... - С. 70.

32. Курбатов Г. А. Основные проблемы ... - С. 175, 178; Курбатов Г. А. К вопросу о судьбах ... - С. 70.
33. Codex Theodosianus XV, 1, 26.
34. Ср.: Курбатов Г. А. Ранневизантийский город ... - С. 272, 280 - 281.
35. Там же. - С. 560. Тот исключительно важный факт, что во главе херсонесского гарнизона находился дук, не позволяет относить баллистариев к разряду войск comitatenses, места дислокации которых не указаны в Notitia Dignitatum, на чем настаивает К. Цукерман. См.: Цукерман К. Епископы и гарнизон ... - С. 559.
36. История Византии. - М., 1967. - Т. 1. - С. 219.
37. Успенский Ф. И. История Византийской империи. - М., 1996. - Т. I. - С. 307.
38. Procop. De aedif. III, 7, 10 - 11. Пер. Ю. Г. Виноградова.
39. Бертье-Делагард А. А. О Херсонесе // ИАК. - 1907. - Вып. 21. - С. 158 - 160.
40. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. - С. 66 - 114.
41. Антонова И. А. Юго-Восточный участок оборонительных стен Херсонеса // ХСб. - 1996. - Вып. 7. - С. 128, подр. см.: С. 101 - 127. Ср.: Антонова И. А. Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. - 1969. - Вып. 3. - С. 63 - 66; Антонова И. А. К вопросу о хронологии строительства в средневековом Херсоне // АДСВ. - 1979. - Вып. 13. - С. 5.
42. Там же.
43. Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. II // ИРАИМК. - 1927. - Т. V. - С. 182; Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. - 1953. - № 34. - С. 324; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. - С. 26 - 27; Ср.: Талис Д. Л. Некоторые проблемы истории средневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. - 1961. - Т. XIX. - С. 254 - 255.
44. Procop. De aedif. III, 7, 10 - 11.
45. Якобсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангула // КСИИМК. - 1949. - Вып. XXIV. - С. 62 - 63; Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. - 1954. - Т. XXI. - С. 148 - 150; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. - С. 26.
46. Пиоро И. С. Крымская Готия. - К., 1990. - С. 69; Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. - 1991. - Вып. II. - С. 105 - 118.
47. Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия ... - С. 114.
48. Пиоро И. С. Крымская Готия. - С. 69.
49. Айбабин А. И. Хронология мотальников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. - 1990. - Вып. I. - С. 68; Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. - 1991. - Вып. II. - С. 45; Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангула // МАИЭТ. - 1990. - Вып. I. - С. 155; Герцен А. Г., Могарычев Ю. М. Еще раз о дате появления крепости на Чуфут-Кале // Проблемы истории «Пещерных городов» в Крыму. - Симферополь, 1992. - С. 182 - 193; Могарычев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» Крыма. - Симферополь, 1992. - С. 72 - 73.
50. Ср.: Глафий. О царствовании Юстиниана. - М., 1953. - С. 150.
51. Бармина Н. И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. - 1995. - Вып. 27. - С. 79.
52. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. - С. 107, С. 156 - 167, №№ 310 - 319; Соколова И. В. Монеты и печати ... - С. 21 - 24.
53. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. - С. 107.
54. Соколова И. В. Монеты и печати ... - С. 34 - 36, 112.
55. Salamon M. Mennictwo byzantynskie. - Krakow, 1987. - s. 80 - 192.
56. Васильев А. А. Готы в Крыму. - С. 191 - 199; Подр. см.: Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия // ВВ. - 1950. - Т. III. - С. 366 - 369; Патриарх Никифор (ок. 753 - 829). «Бревиарий» // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. - М., 1980. - С. 163 - 166; Феофан Исповедник (ок. 760 - 818). «Хронография» // Чичуров И. С. Указ. соч. - С. 63 - 64.

57. Науменко В. Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике (по данным археологических и эпиграфических источников) - Древности. - Харьков, 1997. - С. 24.
58. Соколова И. В. Монеты и печати... - С. 112.
59. Подр. см.: Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первые века нашей эры. - Харьков, 1991. - С. 62 - 84; Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. - С. 143.
60. Латышев В. В. Жития св. епископов Херсонесских. Исследование и тексты // Записки имп. АН. - 1906. - Серия VIII по ист. - фил. отд. - Т. 8. - № 3. - Гл. 5, С. 59, 10; Чичуров И. С. Указ. соч. - С. 40; Theophanes Continuatus e rec. I. Bekkeri. - Bonn, 1838 - p. 123; Const. Porth. De adm. imp. 42, 45 - 46.
61. Ср.: Бородин О. Р. Византийская Италия в VI - VIII вв. (Равеннский эзархат и Пеннаполд). - Барнауд, 1991. - С. 284.
62. История Византии. - М., 1967. - Т. 2. - С. 171.
63. Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. - М., 1917. - С. 77, 78; Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Минха. Т. I. Текст. - Пгр., 1920. - С. 201, 8; 464, 6.
64. Васильев А. А. Житие Филарета Милостивого // Известия Русского археологического института в Константинополе. - 1900. - Т. 5. - С. 64, 74, 75.
65. Рудаков А. П. Очерки византийской культуры ... - С. 78 - 79.
66. Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII - середина IX в.) // ВВ. - 1967. - Т. 27. - С. 68.
67. Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Ostromischen Reiches. - München, Berlin, 1924. - Bd. I. - № 12.
68. Курбатов Г. А. Основные проблемы ... - С. 204; Курбатов Г. А. История Византии (от античности к средневековью). - М., 1984. - С. 110.
69. Курбатов Г. А. К вопросу о судьбах ... - С. 71 - 72.
70. Vitigiano G. Privileges et franchises municipales dans l'empire Byzantin. - Paris, 1936. - p. 43 sq.
71. Bryhier L. Les Institutions de l'empire Byzantin. - Paris, 1949. - p. 209; Ср.: Романчук А. И. Херсонес VI - первой половины IX в. - С. 8; Соколова И. В. Монеты и печати... - С. 112 - 113.
72. Ср.: Курбатов Г. А. Ранневизантийский город. - С. 280 - 281; Курбатов Г. А., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к средневековью // Становление и развитие раннеклассовых обществ. - А., 1986. - С. 129 - 136.
73. Сюзюмов М. Я. О социальной сущности законодательства «Василика» // ВВ. - 1953. - Т. VI. - С. 76; Курбатов Г. А. Основные проблемы ... - С. 201, 204; Науменко В. Е. Указ. соч. - С. 24.
74. Ср.: Курбатов Г. А., Лебедева Г. Е. Указ. соч. - С. 121.
75. О положении в византийских городах этого времени подр. см.: Курбатов Г. А. Основные проблемы ... - С. 201, 204; Курбатов Г. А. К вопросу о судьбах ... - С. 74.
76. Курбатов Г. А. Основные проблемы ... - С. 201.
77. Задвинова А. Н. Византийский город в трудах В. Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. - А., 1981. - С. 156.
78. Герцберг Г. Ф. История Византии. - М., 1896. - С. 26 - 27; Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. - С. 136.
79. Якобсон А. А. Ранне-средневековый Херсонес. - С. 34; Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма... - С. 68.
80. Артамонов М. И. История хазар. - А., 1962. - С. 137; Борисова В. В. Могильник у высоти «Сахарилы головка» // ХСБ. - 1959. - Вып. V. - С. 184.
81. Алексеев Н. А. Могилову императора Маврикия Тиберия // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. - Симферополь, 1995. - С. 158 - 160.
82. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. - 1906. - Вып. 18. - С. 122 - 123; Соломонович Э. И. Несомненно новых греческих надписей... - С. 213 - 214, рис. 8.
83. Виноградов Ю. Г. Греческие надписи IV - VI вв.

84. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма... - С. 68.
85. Васильев А. А. Готы в Крыму. - С. 183; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. - С. 31, прим. 1.
86. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. - С. 34.
87. Латышев В. В. Эпюды по византийской эпиграфике // ВВ. - 1894. - Т. 1. - Вып. 1. - С. 672; Латышев В. В. Сборник... - С. 105 - 109, № 99.
88. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. - С. 34 - 35. Ср.: Латышев В. В. Эпюды по византийской эпиграфике... - С. 671.
89. См.: Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма... - С. 68; Сорочан С. Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII - IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. - Симферополь, 1995. - С. 114.
90. Guillard R. Recherches sur les institutions byzantines. - Berlin, Amsterdam, 1967. - I. - p. 385, 388; Ср.: Durlat J. Magister militum - StrathlathV dans L' Empire byzantin (VI - VII siecles) // Byzantinische Zeitschrift. - 1979. - Bd. 72. - p. 306 - 320.
91. Grosse R. Romische Militargeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. - Berlin, 1920. - S. 148.
92. Подр. см., например; Успенский Ф. И. Указ. соч. - С. 355 - 362.
93. Подр. об обязанностях дуков в ранневизантийское время см.: Grosse R. Romische Militargeschichte... - S. 152 - 180.
94. Савеля О. Я. Об организации сельскохозяйственной территории Херсонеса Таврического на Гераклеюском полуострове в первые века н. э. // Тезисы докладов, посв. итогам полевых арх. исследований в 1970 г. в СССР. - Тбилиси, 1971. - С. 163; Николаенко Г. М. Исследования на Гераклеюском полуострове // АО за 1980. - М., 1981. - С. 290; Николаенко Г. М. Исследования на Гераклеюском полуострове // АО за 1982 г. - М., 1984. - С. 306 - 307; Кузицин В. И. Позднеантичная вила в окрестностях Севастополя // АО за 1981. - М., 1983. - С. 280; Жеребцов Е. Н. Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклеюского полуострова // КСИА. - 1981. - Вып. 168. - С. 21; Ковалевская А. А. Исследования постройки земельного надела № 341 на Гераклеюском полуострове Археологические исследования в Крыму. 1994. - Симферополь, 1997. - С. 138.
95. См.: Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. - М., 1991. - С. 173 - 190; Сорочан С. Б. О торгово-экономической политике Византии... - С. 115 - 116.
96. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. - С. 33.
97. Талис Д. А. Вопросы периодизации истории Херсонеса в эпоху раннего средневековья // ВВ. - 1961. - Т. 18. - С. 66.
98. Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. - М., 1964. - С. 219; Блаватский В. Д. Боспорское царство в позднеантичное время // Античная археология и история. - М., 1985. - С. 251; Кругликова И. Т. Боспор III - IV вв. в свете археологических исследований // КСИА. - 1965. - Вып. 103. - С. 9; Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. - М., 1966. - С. 127 - 130; Болгов Н. Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV - VI вв.). - Белгород, 1996. - С. 67; Масленников А. А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. - М., 1997. - С. 45 и др.
99. Доватур А. И. Аграрный Милет // ВДИ. - 1955. - № 1. - С. 27, 30.
100. Колганов Н. В. Собственность. Докапиталистические формации. - М., 1962. - С. 444, 494; Кузицин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. - М., 1990. - С. 121 - 122.
101. Колганов Н. В. Указ. соч. - С. 444.
102. Там же. - С. 242.
103. Там же. - С. 198.
104. Ср.: Arist. Polit., I, 3, 1 - 10; 1256 a - 1257 a.
105. Колганов Н. В. Указ. соч. - С. 208.
106. Ср.: Кузицин В. И. Крестьянское хозяйство древнего Рима как экономический тип // ВДИ. - 1973 - № 1. - С. 48 - 49.

107. Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // ИС.— 1968.— Вып. 3. - С. 56.
108. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. - С. 107.
109. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. - С. 107, 156, №№ 309 - 322; Соколова И. В. Монеты и печати ... - С. 17 - 21, 138.
110. Подробнее см.: Гилевич А. М. Античные иногородние монеты... - С. 32 - 33; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. - С. 97, 106 - 107; Соколова И. В. Монеты и печати... - С. 109; Алексеенко Н. А., Козалевская А. А. Када позднеантичных и ранне средневековых монет из округа Херсонеса // Тезисы докладов Крымской науч. конф. «Проблемы античной культуры». - Симферополь, 1988. - Ч. 3. - С. 232; Алексеенко Н. А. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. - Тезисы докладов. - М., 1995. - С. 25 - 26.
111. Таисс А. А. Вопросы периодизации ... - С. 59, табл. 1; С. 61, табл. 2.
112. Там же. - С. 61.
113. Романчук А. И. Раннесредневековые комплексы Херсонеса. - С. 133 - 134; Романчук А. И., Седикова А. В. Указ. соч. - С. 44.
114. Подр. см. Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). - К., 1993. - С. 118 - 120.
115. Якобсон А. А. Раннесредневековый Херсонес. - С. 300.
116. Якобсон А. А. Ранне средневековый Херсонес. - С. 300; Романчук А. И. Ранне средневековые комплексы Херсонеса. - С. 125 - 126.
117. Якобсон А. А. Ранне средневековый Херсонес. - С. 24 - 27, 29 - 30, 287, 299; Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм в Херсонесе // СА.— 1982.— № 1. - С. 165 - 167; Романчук А. И., Сазанов А. В. Средневековый Херсонес. История, стратиграфия, находки. - Красноокая керамика ранневизантийского Херсона. - Свердловск, 1991. - Ч. I. - С. 49; Романчук А. И. К истории материальной и духовной культуры херсонитов // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. - Тезисы докладов VIII научных Съездовомских чтений. - Екатеринбург, 1995. - С. 22; Золотарев М. И., Ушаков С. В. Один средневековый жилой квартал Северо-Восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989 - 1990 гг.) // ХСб. - 1997. - Вып. 8. - С. 36.
118. Кадеев В. Г., Рижов С. Г. Нова рибозасоловаальна цистерна в Херсонесі // Археологія. - 1973. - Вып. 12. - С. 79; Романчук А. И. Херсонес VI - первой половины IX в. - С. 29.
119. Якобсон А. А. Ранне средневековый Херсонес. - С. 300.
120. Якобсон А. А. Ранне средневековый Херсонес. - С. 301; Романчук А. И. Херсонес VI - первой половины IX в. - С. 22.
121. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма... - С. 71. Ср.: Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Новые данные о положении Херсонеса Таврического в IV - первой половине VII вв. // Древности Северного Причерноморья и Крыма. - 1996. - Т. VI. - С. 126.
122. Якобсон А. А. Ранне средневековый Херсонес. - С. 301 - 304; Романчук А. И. Комплекс VII в. из Портового района Херсонеса // АДСВ. - 1973. - 10. - С. 249; Романчук А. И. Слои VII - VIII вв. в Портовом районе Херсонеса // АДСВ. - 1975. - 11. - С. 12; Романчук А. И. Ранне средневековые комплексы Херсонеса. - С. 129, 132 - 133.
123. Голофаст А. А. Комплексы стеклянных изделий конца VI - начала VII вв. из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. - Симферополь, 1995. - С. 101.
124. Курбатов Г. А. Ранневизантийский город. - С. 281.
125. Ср.: Романчук А. И. К истории материальной и духовной культуры ... - С. 22.
126. Романчук А. И. План рибозасолочных цистерн Херсонеса. - С. 18 - 26.
127. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма... - С. 68; Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен. - С. 45.
128. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангула. - С. 155.
129. Якобсон А. А. О ранне средневековых крепостных стенах Чуфут-Кале. - С. 114; Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия ... - С. 105 - 118; Герцен А. Г., Могарычев Ю. М. Еще раз о дате появления крепости на Чуфут-Кале. -

- С. 182 - 193; Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городов Юго-Западного Крыма. - С. 72 - 73.
130. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Еще раз о дате появления крепости на Чуфут-Кале. - С. 183.
131. Герцен А. Г. К проблеме типологии средневековых городов Юго-Западной Таврики // АДСВ. - 1995. - Вып. 27. - С. 86; Ивллов А. В. Элементы урбанизации и городские центры Юго-Западной и Южной Таврики. - Византизм, кумуляции и трансформации культур. - Тезисы докладов IX научных Соломоновых чтений 24 - 27 августа 1997 г. - Екатеринбург, 1997. - С. 18.
132. Ср: *Const. Geogr. De adm. imp.*, 53, 510 - 535.
133. Герцен А. Г. К проблеме типологии ... - С. 86; Сорочан С. Б. О торгово-экономической политике Византии... - С. 115 - 119.
134. Якобсон А. А. Раннесредневековой Херсонес. - С. 33.
135. Романчук А. И. Раннесредневековые комплексы Херсонеса. - С. 134.
136. Романчук А. И. Херсонес VI - первый период IX в. - С. 12 - 19; Романчук А. И. Средневековой Херсон (отражение в источниках остячных функций города) // ХСб. - 1996. - Вып. 7. - С. 134 - 135; Ср: Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья (на материалах Херсонеса). - Харьков, 1989. - С. 60.
137. Романчук А. И., Сазанов А. В. Средневековой Херсонес. - Ч. I. - С. 47.
138. Якобсон А. А. Раннесредневековой Херсонес. - С. 359; Талыз Д. А. Вопросы периодизации ... - С. 66 - 67; Айбабин А. И. Хронология монетачиков Крыма ... - С. 71.

Joseph Coleman Carter

THE CHORA OF CHERSONESOS SITE 151-THE FINDS (1994-1996)

My colleague Galina Nikolienko has dealt with the architecture and overall interpretation of the site in the context of the settlement of the Heracleon Peninsula. Our contribution to this joint presentation of the results of three years of collaborative archaeological research will be a discussion of the finds and of the site conservation efforts. First, though, I would like to take this opportunity to thank Galina and her team, the colleagues in the Museum and the Director, Leonid Marchenko, for their constant and active support. These last four years have results in productive, exciting archaeology and have been rich in human experience. That we view our collaboration as positive is, of course, satisfying, but that we can also now take it for granted, as a normal working relationship, testifies to the open-mindedness, patience, and generosity of spirit of all involved. As Leonid Marchenko has said on more than one occasion, this collaboration is an event of historic importance. He more than any other individual has been responsible for its success. We look forward to many more years of fruitful collaboration with you all. In dealing with the finds from the site, we have practiced total recovery. All the materials, all sherds of pottery, whether diagnostic for date or not, all roof tiles, metal and stone objects, animal bones as well as frequent samples of soil, mud brick and plaster have been conserved since the first day, for study after which Leonid and Galina will be relieved to know the vast bulk of body sherds of courseware fabrics can safely be disposed of. The results of this very considerable effort, we believe, have justified the energy expended.

Only by considering the full ceramic evidence is it possible to discover the full range of activities requiring ceramic containers, and to form an idea of where these activities may have taken place on the site.

Our goal, in analyzing over 16,000 pieces of pottery during the summer of 1996 was to create a database for future statistical studies.

The basic criterion in the division of the material was fabric. Among the undecorated pottery, alone, a study collection of approximately a hundred fabrics was made for comparison with the rest of the material. The defining characteristics of a fabric are its clay, its inclusions, and its thickness. As the pottery

from each of the 290 archaeological contexts are examined sherd by sherd, a single computer record was generated for fragments in context which could be said to have belonged to a single vessel. Possible joins to fragments in other contexts were noted. In theory, the sum of the 3,000 plus recorded thus generated a minimum numbers count of all the vessels on the site. And within generous limits, it is safe to say that at least 3,000 vessels were used on Site 151 in the roughly 150 years of its existence.

The statistical analysis of these records provides the actual proportions, as Ruth Hargus's study has shown, of the various imported and locally made amphorae on the site. Among them, those from Sinope (39%) slightly outnumber the Chersonesian (38%). Very much in the minority are vessels from Thasos (5%), Heraclea (3%), Kos (3%), and Rhodes (1%). While these are of the Hellenistic period, there are also several amphorae handles of the 2nd century AD. Eleven percent of the amphorae could not be identified as to provenience. Amphorae were found in proportionately higher numbers in Room 5 along with roof tiles. This room can reasonably be identified as a covered shed either for storing wine or empty containers to be used in transporting it. (Clearly Room 1, with five pithoi imbedded in its floor in Phase I of the tower with an estimated capacity of about 4,000 liters was the major storage area.)

Twelve basic fabrics of cooking ware and a half a dozen standard shapes were identified in Rachel Feit's study. Most frequent were the *lopas* (or *casserole*), the *chytra*, and the *pan*. Significantly, there were no frying pans, braziers, or grills. This is in contrast to many other Greek sites such as Athens, Corinth, Locri in southern Italy where such studies have been carried out and where these items are everywhere in evidence. It says something about a major culturally determined activity, food preparation, that begs for further investigation.

Fine wares (black, red, and brown gloss) diagnostic for date are numerically insignificant (4% of the total) compared with the undecorated wares but absolutely essential for an understanding of the relative and absolute chronology of the site. When these wares have been spread out and labeled

according to stratigraphic context, it is possible (1) to establish a relative chronology across the site based on form, and (2) to make joins among pieces of the same vessel, not only within contexts, but also between parts of the same vessel from different contexts and different parts of the site. This is valuable in determining the contemporaneity of the occupation levels across the site and of fills within individual rooms which, despite their different soil characteristics (resulting in designation as a separate context) could nonetheless have been deposited at the same time.

Here are some provisional chronological conclusions.

The site was occupied in the second half of the 4th century BC, probably not much before the end. (The evidence is, besides a discrete number of black gloss vessels, an amphora stamp and a coin.)

Unfortunately, the 4th century BC material is regularly mixed with later material in the fills. One seemingly undisturbed early context is the drain connecting a box cut in the floor in Room 1 before it was paved with flagstone. It contained a moulded head of an "African" from a black gloss vessel that has good parallels in the mid 4th century BC in the Athenian Agora (although similar types of heads continued to be produced as late as the mid 2nd century BC).³ If the earlier date is correct, then the terminus ante quem for the construction of the tower lies in the late quarter of the 4th century BC.

Third century BC ceramics were found in abundance all over the site. Some were deposited directly over the above-mentioned flagstone floor in the tower. This fill, we believe, represents the end of a second occupation—after a hiatus in the early 3rd century BC—which was prolonged throughout the 3rd and 2nd centuries BC. Besides the pottery, fragments of a single terracotta altar, of a type studied and catalogued by Shevchenko, were found on the flagstone floor.⁴ Others from the same altar also occurred about a meter higher in the fill (in a different context in Room 1, and still others near the earliest pavement in Room 2. It seems clear from this and other evidence that the end of this second occupational phase was sudden and violent.

The terracotta altar, however, is informative in other ways. I would like to digress briefly on the religious practices of the occupants of the Site 151 farmhouse. The altar represents Dionysos (the central figure) with Ariadne gesturing with outstretched arm (on the left) and Eros? (on the right) urging

on the bridegroom. This is the Heiros gamos of Dionysos, who was clearly venerated here. The other evidence of Dionysos worship includes the numerous black gloss kantharoi in Room 1 of the tower, and the very large terracotta image of a satyr recovered from Room 2 (from the trampled floor surface of the poor, final occupation of the site).

This hairy figure wearing a skirt resembles more the representations of actors impersonating satyrs than the smooth skinned satyrs from the other areas of the Greek world.⁵ (Examples of hairy as well as smooth skinned satyrs have been found elsewhere at Chersonesos. One was discovered at the farmhouse known as Grinevitch by Galina Nikolaenko.) Besides the image there are actual remains of sacrifices. Goat bones were found in a burned area near the altar stone in the East Courtyard. The goat, as is well known, was the preferred animal in sacrifices to Dionysos. This building and its inhabitants were clearly under the protection of the god. A goat horn core was found deposited below the courtyard pavement directly in front of the entrance to the tower. This has all the appearance of having been a foundation deposit, a consecration of the building to the god.

The goat sacrifice in the courtyard, too, belonged to the first phase of occupation of the site, but sacrifice clearly continued to be practiced there until the final abandonment of the site. The altar stone, in fact, is bedded on the last occupational surface of the East Courtyard.

To this period must belong also the objects found inside the niche above the altar stone—the terracotta club of Heaeracles and a second one of stone, together with the black gloss chalice (or is it a thymiaterion?) which seems to be a religious record.⁶ The vessel's form has its closest parallels in the early 5th century BC. Could this cult object have been brought from the mother city, Heaeraclea, by the settlers of the chora?

More likely, it is a contemporary 3rd century BC local product which reproduces a thymiaterion form.

Let us return now briefly to the question of the chronological development of the site. The courtyard belongs to a later building period than the tower, but when should it be dated? A coin lying near the surface of the first plaster covered pavement of the southwest corner of the courtyard, in the area where Room 6 was later built, can be dated to the mid 3rd century BC. Could the whole courtyard have been as much as 50 years later

than the tower? I doubt this since the walls of Room 5 in the southeast corner of the courtyard rest directly in the first plaster pavement, too. Room 5 should have preceded in date Room 4, which in its construction technique is close to the tower. The courtyard pavement in Rooms 4 and 5 clearly postdate the tower, but it should not have been by much. Nevertheless, the problem remains of what to do with evidence of the coin. I prefaced these remarks by saying that the conclusion would be provisional and so they must remain, at least for the present.

The great majority of the ceramic material from the site dates to the 3rd century BC, and in particular to the second half of the 3rd century BC—the mid to late second half for most of the coins and amphora stamps, too. Pergamene and Asia Minor red and brown gloss wares are relatively numerous in Room 3, which appears, from the constructional evidence, to have been the latest addition to the building.⁷ There are a few amphora fragments of Roman date, perhaps to be associated a late transitory occupation of the outlying building.

My concluding remarks today focus not on what the site can tell us about the past life, but rather on what it can mean for the future. As many of you know, for the past two years Site 151 has been the object of a site conservation project. The project, funded in part by the World Monuments Fund, the Samuel Kress Foundation and the schools of architecture of Columbia University and the University of Texas, aims to preserve this site, as part of a projected archaeological park of the ancient territory, but also to train American, Ukrainian, and Russian students in the most advanced techniques for preserving ancient structures. The effort is being directed by Professors Pamela Jerome and Norman Weiss of Columbia University.

The farmhouse structure was built by stones held in place of mud mortar. The unexcavated mound preserved the structure well, but with exposure of the elements, deterioration by natural elements and human activity began immediately. There are numerous examples in the chora of what the agents can do if unchecked.

In 1996, pilot project tests were made to determine the appropriate mortars and grouts

to replace the deteriorated mud mortars and stabilize the walls. The replacement mortar and grout are both lime-based rather than cement-based for two fundamentally important reasons. The lime-based mortars are not so strong that they cannot be removed without damage to the structure. They are reversible. Second, cement will outlast the stone elements it binds, with the result that what may be left of the monument may be more modern cement and less original stone. The mortars and grouts are «sacrificial» They take the impact of the forces of decay, and, of course, require periodic maintenance, which will, hopefully, be provided by the young indigenous students of the art-by Vera, Roman, Genya, and their associates.

The materials employed are relatively expensive and not readily available locally yet. The group, for instance, has been made using a silica fume which allows it to solidify without being exposed to air. The group itself is composed of lime and uniformly extremely tiny beads of silica which are light and do not sink (as does sand) and which create a mixture viscous enough to penetrate the smallest pores in the stone.

Further, the work is extremely labor intensive. During the June 1997 campaign, the team consisted of a dozen students, half of whom were constantly engaged in mixing new batches of mortar and grout. And the result is never final. This site and others will require constant monitoring.

All of this illustrates how demanding the responsibility for an excavated site can be, if it is taken seriously. It does not stop when the last room has been excavated, or when bedrock is reached.

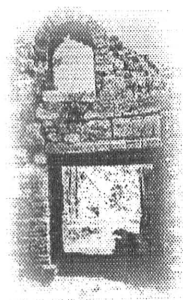
Of course, one simple way of avoiding this responsibility is by backfilling. This was not the course taken with Site 151 because we felt strongly that this site and others like it have much to offer the community of Sevastopol and the wider world. Here as nowhere else, the life of those who tilled the soil and provided the economic basis for Greek civilization can be experienced. The dream of an archaeological park, which will offer many opportunities of economic development in harmony with the environmental and cultural heritage of the area, is inseparable from the dream of a renaissance Sevastopol.

REFERENCES

1. Empereur, J.-Y. and Y. Garlan (eds), *Recherches sur les amphores grecques. Actes du colloque international (10-12 September 1984)*. BCH Supp. 13 (Athens 1986); Кац В.И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм. ВДИ, 1 (1985). Whitbread, I.K. *Greek Transport*

- Amphora, a Petrological and Archaeological Analysis. BSA Fitch Laboratory Occasional Paper 4 (London 1995); Зеесг И.Б. Керамическая тара Боспора. МИА, 83 (1960).
2. Edwards, G.R. Corinthian Hellenistic Pottery. Corinth 7 (Princeton 1975); Gullini, G. Locri Epizefiri 2: Gli isolati 12 e 13 dell'area di Centocamere (Firenze 1989); Sparkes, B.A. and L. Talcott. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th centuries. Agora 12 (Princeton 1970).
 3. Sparkes, B.A. and L. Talcott. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th centuries. Agora 12 (Princeton 1970), 693 and 694.
 4. Шевченко А.В. Терракотовые алтарики из Херсонеса. Древности (Харьков, 1995).
 5. Bieber, M. The History of the Greek and Roman Theater (Princeton 1961).
 6. Кадеев В.И. Парфюмерная косметика в античном Херсонесе. Древности (Харьков, 1995).
 7. Забелина В.С. Расписная керамика эллинистического времени из раскопок Пантикапея 1945-1974 гг. // Археология и искусство Боспора. (М. 1992)

III ВАРВАРЫ И АНТИЧНЫЙ МИР

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ АТТРИБУЦИИ НАЗВАНИЯ “ТАВРЫ” В РИМСКОЕ ВРЕМЯ

Название “тавры” (Ταυροι) по отношению к населению горного Крыма было впервые использовано Геродотом при описании событий конца VI в. до н.э. и с тех пор стало традиционным литературным “этнонимом”, употреблявшимся античными и средневековыми авторами. Его происхождение, по мнению исследователей, следует связать с названием Крымского горного хребта – *Ταυρῶν*¹ которым, кстати, также пользовался Геродот². Не вызывает сомнений, что таврами были названы крымские горы, сооружавшие в VII – первой половине V в. до н.э. каменные ящики для захоронений³. Если даже согласиться с мнением, что тавры находились в генетическом родстве с носителями кизия-кобинской культуры, самые поздние памятники которой датируются II в. до н.э., то обращает внимание на себя тот факт, что это название продолжало употребляться и в более поздние времена. Плиний Старший, например, в географическом описании Таврики “самый хребет” традиционно отводит “скифотаврам”, а за мысом Криму Метопон (Ай-Тодор) размещает “многие гавани тавров”⁴.

В характеристике крымских горцев, данной еще Геродотом, в легенде о человеческих жертвоприношениях Деде содержатся сведения о занятии тавров морским разбоем. Причем, согласно этому рассказу, тавры приносили в жертву потерпевших кораблекрушение или захваченных в открытом море заложков, что, не являясь свидетельством об их выгодном промысле, благодаря неоднократному пересказу другими авторами, превратилось в литературную традицию. Если античные авторы сталкивались с фактами пиратства у берегов Таврики, то неизменно вспоминали о “таврах”. Так Страбон, описывая юго-западное побережье Крыма, отмечает, что “тавры (скифское племя) обычно собирали свои разбойничьи банды” в гавани Символен Лимен (Балаклавская бухта). Не исключено, что в данном случае под традиционным названием может скрываться лишь своеобразное “профессиональное” наименование варваров-грабителей из Таврики.

С победой над Митридатом VIII Босорским связано сообщение Корнелия Тацита о судьбе одного римского отряда, возвращавшегося морем: “...Несколько кораблей ...

выбросило к берегу тавров и их окружил варвары, убившие prefecta коротгрии и множество воинов...”⁵. Название “берег тавров” скорее всего носит географический характер, а этническая принадлежность “варваров” не ясна.

По свидетельству Иосифа Флавия, “народ тауринский”, который наряду с другими “племенами на Понте и Меотийском море... удерживается тремя тысячами тяжелооруженных (воинов) и сорока военными кораблями”⁶.

Что ж это за “тавры” (“народ тауринский”), упоминавшиеся авторами римского времени, но не оставившие после себя памятников с характерными этнокультурными признаками? Ответ на этот вопрос в определенной степени может предоставить труд Аппиана “Митридатовы войны”, в котором подробно рассматривается проблема распространения пиратства в бассейне Средиземного моря еще со времен Митридатовых войн, когда “люди, лишившиеся владычества войны средств к жизни, оторванные от родины и впавшие в жестокий гуж, стали искать себе пропитание не на суше, а на море”⁷. Морским разбоем занимались не только жители средиземноморского побережья, но и “прибережных стран Понта – одним словом, почти все восточные племена”⁸. Причем, это движение было настолько организованным, что пираты “имели повсеместно гарнизоны и укрепленные пункты, пустынные острова и пристани, – привычные им скалы и бухты”⁹. Римлянам приходилось вести с ними ожесточенную борьбу, для чего выделялись войска и военные корабли. Сдавшихся в плен разбойников отпускали “на родину, и многие наняли себе там вооруженные кенотафы”¹⁰.

В распространившемся с I в. до н.э. промысле морских разбойников принимали участие представители совершенно разных народов. Их названия часто носили условный, обобщающий характер (например “киклионцы”¹¹ – по наименованию центра пиратства в Средиземном море). Сходное традиционнo-литературное значение имел и термин “тавры”. По свидетельству Марка Антония Лукана, Гней Помпей, которому римский сенат в 67 г. до н.э. предоставил чрезвычайные полномочия по борьбе с пиратством, употреблял оба термин-

на одновременно: "Я покорил... и кимиков диких (спиретых кимикийцев), и тавров"¹⁵. Не исключено, что именно это название и было зафиксировано в сохранившихся источниках периода после Митридатовых войн.

Кроме этого, многие античные авторы римского времени (М. Туллий Цицерон, Дниодор Сицилийский, Овидий, Лукриан Самостатский, Д. Юний Ювенал, М. Минувций Феликс, Секст Эмпирик, Климент Александрийский, Кс. Септимиус Флорент Тертулиан, Флавий Филострат, Ориген, Гай Юлий Солин, А. Цезилий, Аммиан Марцелин и др.) продолжали пересказывать или просто упоминать легенду о человеческих жертвоприношениях у тавров. Модные в те времена компиляции как признак большой учености, безусловно, не могут служить историческим источником. Показателен в этом отношении труд Аммиана Марцелина. Описывая события 353-378гг, он рассказывает, что "не в далеком расстоянии от них (греческих колоний - И.П.) за различными царствами живут тавры: между ними арихи, синхи и напей, страшны своей дикостью, а так как продолжительная безнаказанность усмиряла их свирепость, то от того и пошло имя морю "Негостеприимное"¹⁶. Далее следует описание жертвоприношения Диане, "которая у них зовется Орсилохой"¹⁷. Перечисленные Аммианом Марцелином арихи, синхи и напей вообще никакого отношения к таврам или даже к населению Крыма не имеют. Арихи (аррехи, аррихи Страбона и Сте-

фана Византийского), так же как и синды (синхи Аммиана Марцелина) - это племена местов¹⁸. Причем арихи-аррихи-арии (племенные наименования с корнем ари-), по данным многих письменных источников, имели широкое распространение к северо-западу от границ индо-иранской прарадины.¹⁹ И, наконец, напей, по сообщению Плиния Старшего, были поголовно истреблены вместе с тавантами вторгшимися скифами-нахетами²⁰. Что же касается имени "Орсилоха", то, по варианту мифа, изложенного Никандром еще за 500 лет до написания Аммианом Марцелином "Истории", так стали именовать Ифигению после ее переселения из Тавриды к Ахиллу на Белый остров²¹, но все же не Артеиду-Диану.

Традиционные упоминания о таврах, не соответствующие историческому периоду, который отражен в источниках, и изложение ставших легендарными сведений, заимствованных из более ранних произведений, продолжают присутствовать также в трудах авторов V - VI вв. (Павел Орозий, Прокопий Кесарийский и др.) и последующих времен, отменяясь в контексте от описания реальных событий и народов. Рассмотренные выше источники, по нашему мнению, убедительно свидетельствуют, что уже в римское время термин "тавры" приобрел исключительно условный характер и использовался либо для наименования представителей иных народов, либо в качестве литературной традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Геродот. История в девяти книгах. - Л.: Наука, 1972.- С.212-213, 216 (IV,99,100,102,103,119).
2. Содомоник Е.І. Тавріка // Археологія.-1976.-№20.-С.46-50; Домбровский О., Столбунов А., Баранов И. Лю-Даг - "Святая" гора.- Симферополь: Таврия, 1975.-С.37-38.
3. Геродот. История.-С.187 (IV,3).
4. Крис. Х.И. Кизия-кобинская культура и тавры. - М: Наука, 1981.-128с. (Археология СССР. САИ, вып. Д1-7).
5. Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы - начале железного века (этнокультурные процессы). - К., 1996 - 160с.
6. Гай Плиний Секунд. Естественная история, IV, 85-86. - Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. - К.: Наукова думка, 1977.- С.96-97. Автор первой половины III в. н.э. Гай Юлий Солин составил краткий пересказ произведения Плиния Старшего (см.: Гай Юлий Солин. Сборник достопримечательностей, XV, 14 // SC. - Т.2, вып.2. - СПб., 1906. - С.277), который естественно, не может служить источником по современной его автору истории.
7. Страбон. География в семнадцати книгах. - Л.: Наука, 1964.-С.282 (VII, 4,2).
8. Корнелий Тацит. Анналы, XII, 17 // Корнелий Тацит. Сочинения в 2 т. - Т.1. - Л.: Наука, 1969.-С.203.
9. Иосиф Флавий. Иудейская война. - Минск: Беларусь, 1991. - С.181 (П.16, 4).
10. Аппиан. Митридатовы войны, гл. 92 // Аппиан. Римские войны. - СПб.: Алетейя, 1994. - С.761-762.

11. Там же. - С.762.
12. Там же, - гл. 92,95. - С.762,764.
13. Там же, гл. 96. - С.765.
14. Там же, гл. 92. - С.762.
15. Марк Анней Лукан. Фарсалия или поэма о гражданской войне. - М.: Ладомир-Наука, 1993. - С.45 (П, 590).
16. Аммиан Марцелин. История, XXII, 8, 33. - Ю.А.Кулаковский. Аммиан Марцелин. История: - Вып.2. - К., 1907. - С.118.
17. Там же.
18. Страбон. География. - С.470 (XI,2,11); Из описания племен Стефана Византийского, // SC. - Т.1, вып.1. - СПб., 1893. - С.265.
19. Буданова В.П. Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. - М., 1991. - С.37.
20. Гай Плиний Секунд. Естественная история, VI, 22 // SC. - Т.2, вып.1. - СПб., 1904. - С.181; Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. - С.49.
21. Никандр. Превращения // SC. - Т.1, вып.2. - СПб., 1893. - С.445.

Труфанов А.А.

ВЫРУБНОЙ СКЛЕП ИЗ ПОЗДНЕСКИФСКОГО МОГИЛЬНИКА У с.БРЯНСКОЕ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

В 1995-1996гг. Альминская экспедиция Крымского филиала ИА НАН Украины (руководитель - А.Е.Пуздровский) проводила изучение позднескифского могильника, расположенного в 1 км к юго-востоку от с.Брянское Бахчисарайского района Крыма. Могильник расположен на северном пологом склоне Скальсской балки, впадающей в долину р.Альма. В ходе полевых работ исследовались 8 погребальных, 4 плитовые, 5 грунтовых могил, 1 конское захоронение в грунтовой яме, в целом относящиеся к периоду кон.I-нач.II в. н.э. - первой пол. III в. н.э.¹ В 50 м к востоку от грунтового могильника, на северном обрывистом склоне бабки был обнаружен и исследован вырубной склеп №19.

Для создания этого погребального сооружения, вероятно, была использована природная выемка в скале типа небольшого грота, путем расширения которой и был образован склеп. Вход в погребальную камеру предрял дромос, расположенный с юга, со стороны бабки и ориентированный длиной осью по линии Ю-С. В него веиде ступени, сложенные из плоских известняковых плит, их высота - 0,15 и 0,20 м. Длина дромоса - 2,60 м, ширина у входа 0,75 м, ширина у входа в камеру - 1,10 м. Стены дромоса с востока и запада обрамляли однослойные иррегулярные кладки из необработанных и слабообработанных камней известняка, сложенные на грязевом растворе. Кладки сохранились на высоту от 0,95 до 1,70 м. Закаладная плита отсутствовала. Возможно, фрагментами этой плиты являлись небольшие обломки известняка, обнаруженные перед входом в дромос.

Камера склепа, вырубленная в скале, имеющая в плане трапециевидную форму со скругленными углами, имела размер по осям - 5,15 на 3,45 м. Длинная ось камеры расположена перпендикулярно длине оси дромоса. Свод камеры к моменту проведения раскопок был частично обрушен, наибольшая сохранившаяся его высота - 1,65-1,70 м. На западной, северной и восточной стенках камеры, на высоте 1,00-1,50 м от уровня пола имелась трещина естественного происхождения. (рис.1).

Склеп 19 был ограбен в древности, не позднее раннесредневекового времени (в слое засыпи погребальной камеры, перекры-

вавшем смещенные, разрозненные кости погребенных и фрагментированный инвентарь, были найдены обломки амфоры VIII-X вв. н.э.). На глубину от 1,00 до 1,40 м камера и дромос были заполнены черным натежным грунтом и крупными обломками обвалившегося свода. Ниже располагался зольистый слой толщиной 0,08-0,12 м, содержащий немногочисленные кальцинированные человеческие кости. Под ним находился слой гумусированного суганка мощностью 0,15-0,20 м, насыщенный археологическим материалом. Полом камеры склепа служила предмитерная плита.

Основная часть находок концентрировалась в юго-восточном районе погребальной камеры и в районе, примыкающем к дромосу. Среди предметов, найденных в склепе: фрагменты краснолаковых кувшинов (рис.2,1-4), кубков (рис.2,5-7) и тарелок (рис.2,8-17), обломки лепной конической курьивницы на ножке (рис.2,18), керамические пряслица (рис.2,19), фрагменты железных ножей (рис.2,24), бронзовые пружинные фибулы (рис.2,20,21), бронзовая (рис.2,22) и фрагментированная серебряная (рис.2,23) серьги с коралловыми вставками, стеклянная цилиндрически подвеска с бронзовыми держателями (рис.1,1) и многочисленные бусы (рис.1,2).

Найденные в засыпи погребальной камеры бусы представлены следуютиими типами: медовые бочонковидные типа 6; галитовые ромбовидные типа 37 и коротко-цилиндрического типа 27; призматические из белого стекла типа 116 и из сизо-зеленого стекла типа 122; цилиндрические из кристального стекла типа 57 и из белого стекла типа 55; округлые и поперечно сжатые бусы из темно-оливового стекла, украшенные разноцветными крапинками, типа 13; бочонковидные бусина из черного стекла с белым спиральным орнаментом типа 212а; удлинненные стеклянные провизи с внутренней позолотой типа 20 (рис.1,2).

Судя по количеству разрозненных человеческих костей и составу погребального инвентаря, в склепе 19 было погребено не менее 3 человек.

Позднескифские вырубные склепы известны в Центральном Крыму, в составе погребальных сооружений некрополя Не-

апола Скифского, там же зафиксированы наиболее близкие конструкции, в которых прослежены обрамляющие дромос кладки². Однако, сравнивая склеп 19 из могильника у с.Бринское с неапольскими погребальными сооружениями, следует иметь в виду его конструктивную особенность, заключающуюся в том, что закладная пила закрывала вход в дромос, а не в камеру, как у неапольских вырубных склепов и позднескифских склепов вообще. Думается, что вышеуказанная кон-

структивная особенность имела свой типологический смысл: поскольку закладная пила символизирует границу между миром живых и территорией, ритуально связанной с миром мертвых, то в случае со склепом 19 дромос, наравне с погребальной камерой, представлял собой сакральное пространство. Эта конструктивная особенность сближает склеп 19 с отдельными погребальными сооружениями на некрополе античных городов Северного Причерноморья³.

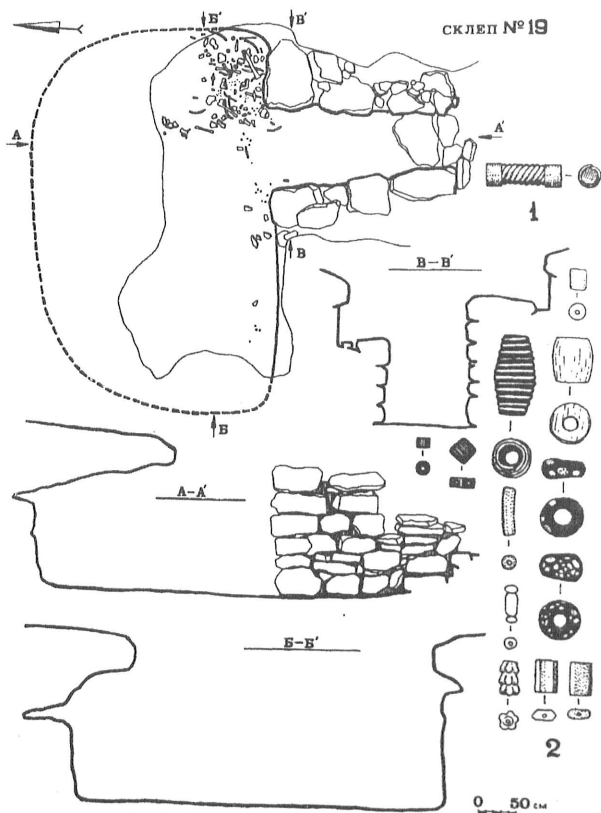

Рис. 1.

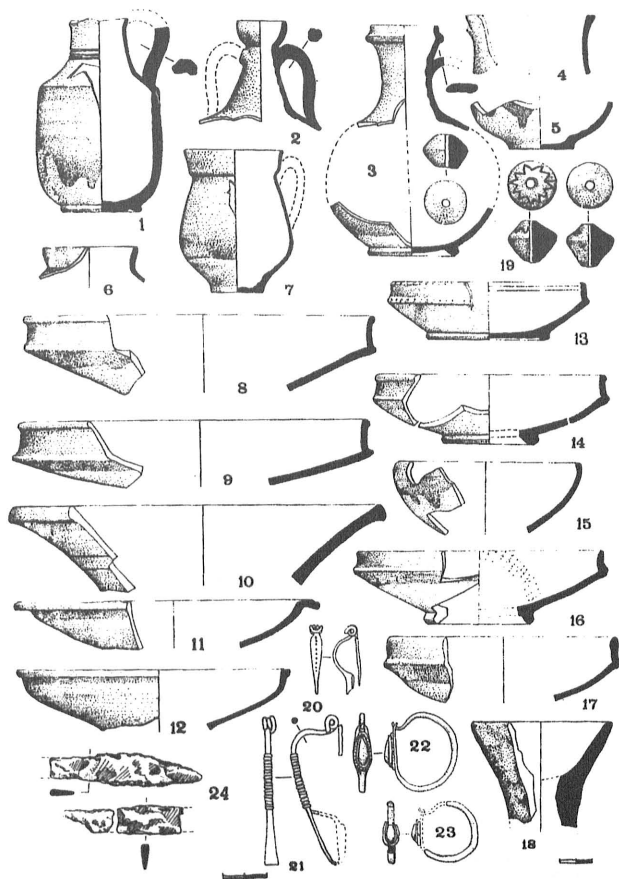

Рис. 2.

Датировка вырубных склепов Неаполя затруднена тем, что все они ограблены и содержат разрозненный погребальный инвентарь, не позволяющий однозначно решить вопрос о времени их создания и использования. По наблюдениям А.Е. Пузровского, следует выделять две хронологические группы таких склепов, одна из которых датируется I-II вв. н.э., а другая относится к концу II - первой половине III в. н.э.⁷ Данные, полученные в ходе изучения склепа 19, могут внести свой вклад в решение проблемы.

Все керамика, обнаруженная в склепе, представлена фрагментами, большая часть из которых дает полное представление о форме сосудов, позволяя подобрать соответствующие аналоги. Краснолаковый одноручный кувшин, подобный по очертаниям корпусу обнаруженному в склепе 19 (рис.2,1), найден при раскопках могильника конца II - III в. н.э. у с.Танковое⁸. Краснолаковые двуручные кувшины с воронкообразным горлом (рис.2,2) типа X по классификации И.И. Гузиной⁹ встречаются в погребениях II в. н.э.: такие сосуды найдены в мог.107 (Витак) с монетой Антонины Пия (138-161гг. н.э.)¹ и в мог. IV, погр.1 (Кабиле) с монетой Коммода (176-192гг. н.э.). Краснолаковые тарелки с вертикальным бортиком и ребром на месте его перехода в стенку представлены несколькими типами, некоторые из которых имеют относительно узкую датировку: сосуды типа 1-Б-3 (рис.2,13), типа III-Г-3 (рис.2,16) и типа III-Д-3 (рис.2,17) могут быть отнесены к концу I - первой половине II в. н.э., II в. н.э. и ко второй пол. I - первой пол. III в. н.э. соответственно¹⁰.

Краснолаковые тарелки с косыми стечками и утолщенным венчиком, относя-

щиеся к изделиям пергамского круга (рис.2,10), формы 2 по Дж. Хейсу датируются серединой - второй пол. II в. н.э., по-видимому, встречаются и в комплексах первой пол. III в. н.э.¹¹

Бронзовая пружинная фибула с плоской спинкой и слабо намеченной клювкой на конце пластинчатого приемника (рис.2,20) (группа 12, тип 3 по А.К. Амброзу)¹² относится к концу I - первой половине II в. н.э.¹³ Бронзовая одночленная проволочная дужковая вязальная фибула с пропиутой спинкой 50а варианта (рис.2,21) датируется концом II - первой пол. III в. н.э.¹⁴ Бронзовая (рис.2,22) и серебряная (рис.2,23) серьги с пластинчатым щитком и каплевидной коралловой вставкой имеют аналоги в Крыму и на Кавказе: моет (Джибилюм) серьга подобной формы найдена с монетой Септимия Севера (193-211 гг. н.э.)¹⁵, в мог. 6 (Танковое) - с монетой Гетты (211-217гг. н.э.)¹⁶.

Нетрудно заметить, что датируемый материал из склепа 19 укладывается в несколько хронологических групп, наиболее ранняя из которых (конец I - первая пол. II в. н.э.) знаменует собой вероятное время совершения первых захоронений в склепе, а самая поздняя (конец II - первая пол. III в. н.э.) фиксирует продолжительность функционирования этого погребального сооружения.

Вырубной склеп из могильника у с.Брянское на настоящий момент является единственным известным на подзаквказских памятниках Юго-Западного Крыма погребальным сооружением подобного рода, но его открытие позволяет предположить существование вырубных склепов и на некоторых других некрополях этого региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Труфанов А.А. Погребальные сооружения позднескифского могильника у с.Брянское // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Севастополь, 1997. С.14-15.
2. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // СЛИ. Г1-12. 1975. С.57; Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // СЛИ. Г1-12. 1978. С.14-15, 32, 44, 69-70.
3. Пузровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западной Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С.119.
4. Беляев С.А. Херсонес // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С.52. Табл. XIX, 7.
5. Пузровский А.Е. О погребальных сооружениях... С.119.
6. Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Могильник римского времени у с.Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С.82, 87. Рис. 2,8.
7. Гузина И.И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С.21.
8. Пузровский А.Е. Отчет о раскопках Битакского могильника в 1989-1992 гг. / Архив Крымского филиала ИА НАН Украины. Рис.431.

9. Гетов А. Тракийски могилен некропол от римската епоха при Кабиле // Кабиле. София, 1982. Т.1. С.40-78.
10. Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком / / Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь. 1997. Вып.1. С.184, 188-189.
11. Hayes J.W. Late Roman Pottery. London, 1972, p.319.
12. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ, Д1-30.1996. С.43-44.
13. Там же. С.51.
14. Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Ранний горизонт (II-IV вв. н.э.) в могильниках цебельдинской культуры // СА. 1979. №1. С.184, Рис.29. Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Могильник римского времени ... С.85, Рис.3,14.

О ЛЕПНОЙ КЕРАМИКЕ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА второй половины III - первой половины IV вв. КАК ИСТОЧНИКЕ ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РЕГИОНА (к постановке проблемы)

В последнее время значительно усилился интерес к проблемам этнической истории Крыма. Это относится и к эпохе Великого переселения народов в Юго-Западном Крыму. Появился ряд работ А.И. Либабина, И.Н. Храпунова, С.А. Мульда, Э.А. Хайрединовой, В.Ю. Юрочкина и др. авторов, как публикационного, так и обзорного плана о памятниках этого периода и населении, которое их оставило¹. Утверждается комплексный подход к разнообразным видам источников - письменным, археологическим и антропологическим.

При этом, заметим, в античной археологии уже давно стало признанным, что при этнической интерпретации материалов раскопок рассматриваются прежде всего три их важнейшие составляющие: 1) особенности домостроительства, 2) погребальные сооружения и погребальный обряд и, наконец, 3) лепная керамика². Эти признаки выделяются также и при рассмотрении древностей скифо-сарматских, терманских и славянских.

Особая роль в этом комплексе принадлежит лепной керамике (преимущественно формам и ornamentации сосудов)³, так как именно домашнее производство содержит информацию об этнических связях⁴.

Однако несмотря на масштабность работ (преимущественно по исследованию могильников юго-западной части полуострова поздантичного и раннесредневекового времени), лепная керамика остается изучена в недостаточной степени; кроме того, она еще не вся и опубликована. В статье, в рамках общей работы по этнической истории региона (с середины III в. то есть с начала "готских" или "скифских" войн и до середины VI в. - до торкютского нашествия) предпринята попытка в порядке постановки проблемы рассмотреть комплекс лепной керамики из давно раскопанных и опубликованных (чаще неполностью) могильников юго-запада полуострова. Эти некрополи - Бельбек I, Ин-

керманский, Чернореченский, Озерное III, Нейзац, Скалистое, Чатырдаг, Харакс - еще момента их открытия приобрели характер опорных, базовых для всей крымской и даже причерноморской археологии III-IV вв. В могильнике Скалистое продолжали хоронить и позднее указанной выше даты.

Классификация представленных в графических таблицах материалов раскопок основана преимущественно на их визуальном восприятии. Несмотря на известные недостатки, такое визуально-графическое воспроизведение все-таки позволяет представить их классифициционно-типологические ряды. А это, в свою очередь, дает возможность сравнить их с находками лепной керамики с сопредельных территорий, как в типологическом, так и в хронологическом аспекте.

Речь идет, конечно, о предварительных результатах работы, но если говорить о количестве находок лепной керамики в десяти перечисленных выше могильниках (в Скалистом - до середины VI в.), то она составляет около одной трети от общего числа (более 400) сосудов разных типов. По соотношению гончарной и лепной посуды в трех могильниках - Нейзац, Озерное III и Скалистое лепные сосуды насчитывают по 45, 55 и 69,7% соответственно от общего числа керамики.

При описании сосудов удобнее всего придерживаться традиционной терминологии: миски, горшки, кувшины и "вазы"; последнее название, впрочем, достаточно условно.

Таким образом, посуда, сделанная без применения гончарного круга (лепная), как уже неоднократно отмечалось, является одним из важнейших элементов материальной культуры, в которых "зашифрована" информация о этносе ее изготовителей. Словесное описание этой посуды, выполненные по материалам опубликованных раскопок, выглядит следующим образом. (См. также рис. 1-4 и приложения).

I. МИСКИ (РИС. 1; 1А, 1-6, 6А, 7, 8).

- 1А. Глубокая тонкостенная миска с округлыми стенками, слегка загнутым краем, на кольцевом поддоне.
1. Тонкостенные, высокие, с плоским дном, плавно переходящим в наклонную стенку.
 2. С более толстыми стенками, высота их ниже, дно плоское.
 3. С наклонными тонкими стенками, в месте перехода от стенки к плоскому дну имеется заметный выступ.
 4. Меньшего размера, стенки расположены вертикально, край слегка отогнут, дно - плоское.
 5. Высокие, с наклонными (от плоского дна), а затем почти вертикальными стенками, закраина может слабо отгибаться.
 6. Низкие, как бы уплощенные, с плоским дном, плавно переходящем в почти вертикально расположенные стенки. К закраине прикрепляются горизонтально отогнутые подтреугольные в плане ручки, их может быть как 2, так и 3 (№ 6А).
 7. Высокие (высота равна или больше диаметра сосудов), тонкостенные, с угловатым дном и почти вертикальными стенками.
 8. Равной или меньшей высоты (относительно диаметра) тонкостенные сосуды, приближающиеся по своим пропорциям к стаканам, с уплощенным дном небольшого диаметра.

II. ГОРШКИ (РИС. 1; 13-16).

1. Шаровидное тулово, со слегка вытянутой верхней частью с почти вертикально расположенной закраиной. Плоское дно. Почти посередине тулова расположены три напольные ручки-держки. (рис. 1, 13, 14). По облику напоминают дакийские сосуды.
2. Шаровидное тулово, со слегка отогнутой воротничкообразной закраиной (рис. 1; 15).
3. Вытянутое удлиненное тулово, расширяющееся кверху, плоское дно. (рис. 1; 16). Аналогичные сосуды связаны с крутом пшеворских древностей (Баран, 1981. Тип LXXIV рис. 1; 12, 13).

III. КУВШИНЫ (РИС. 2).

Группа 1. Небольшие кувшины.

1. Шаровидное, слегка сужающееся к низу тулово, плоское дно, как правило, круглая в сечении ручка, широкое горло. Этот тип сосудов иногда называют кружками или кубками.

Варианты:

- А. Слегка отогнутая закраина, небольшая петлеvidная ручка прикреплена "не по самое горло" (рис. 2, 1).
- Б. Горло и верхняя часть тулова украшены врезным орнаментом чередующихся волнистых и прямых линий (рис. 2, 2).
- В. Петлеvidная ручка прикреплена к закраине, венчик почти прямой или слегка отогнут (рис. 2, 3, 4, 5, 6; 7 - с выделенным поддоном).
- Г. Высота сосуда меньше его ширины, горло слабо выделено (рис. 2, 8). Подвариантом можно считать сосуд совсем небольшого размера (рис. 2, 9).
2. Шаровидное тулово, плоское дно, четко выделенное сравнительно узкое прямое горло, петлеvidная ручка, прикрепленная под венчиком (рис. 2, 10). На тулове - врезной орнамент из вертикальных линий.
3. Плоское дно, шаровидное тулово, сужающееся кверху, выделенное сравнительно небольшое прямое горло, петлеvidная ручка, прикрепленная под венчиком. (рис. 2, 11, 12).
4. Яйцевидное, выделенное тулово, высокое узкое горло, петлеvidная ручка, прикрепленная к краю венчика.

Варианты:

- А. С плоским дном (рис. 2, 13)
- Б. На кольцевом поддоне (рис. 2, 14)

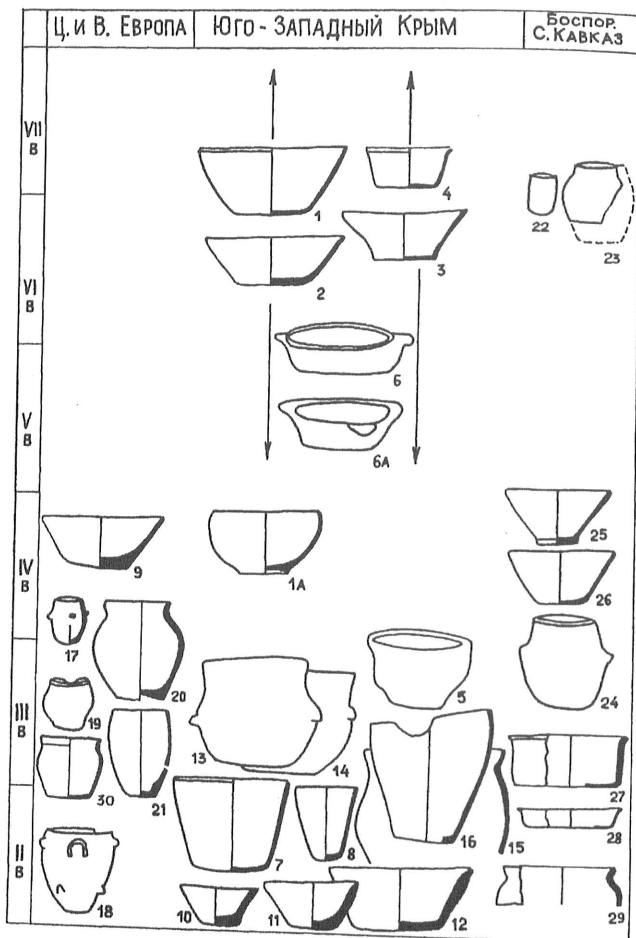

Рис. 1.
Миски и горшки.

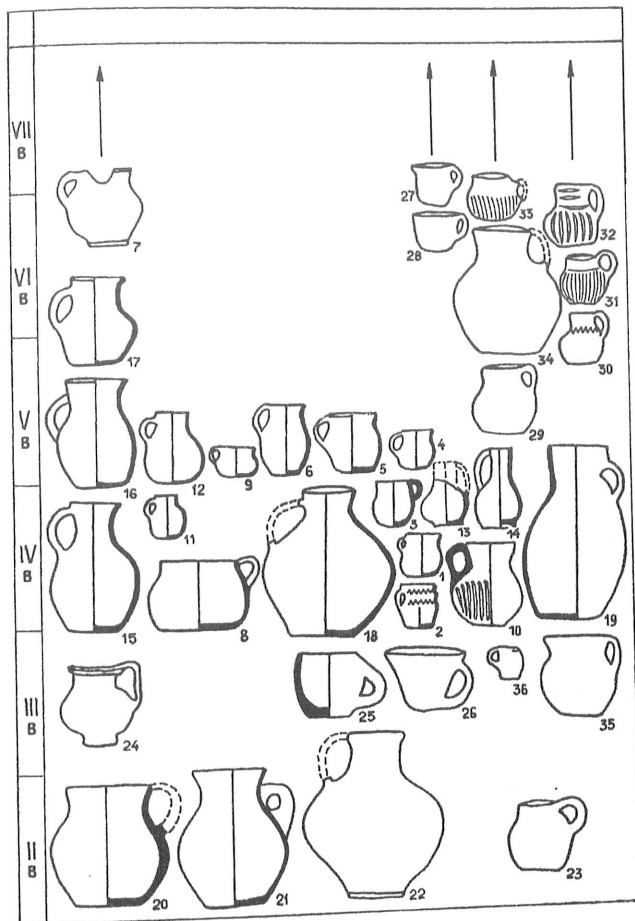

Рис. 2.
Кувшины и кружки.

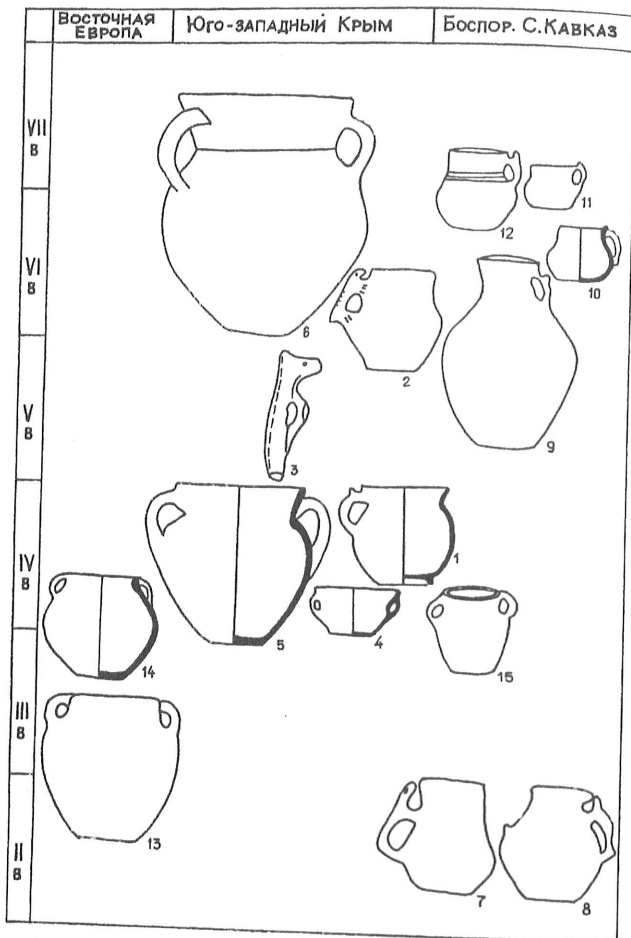

Рис. 3.
Вази и сосуды с зооморфными ручками.

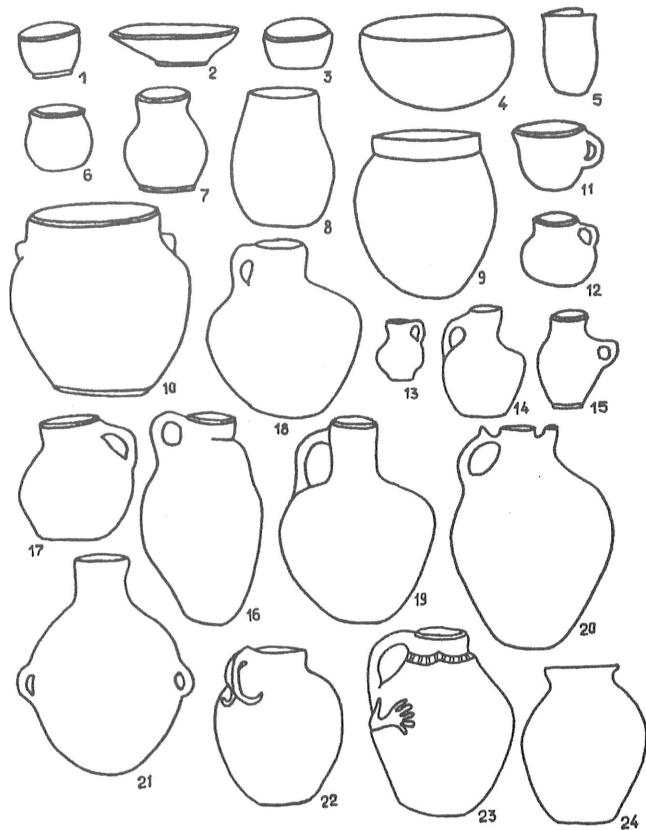

Рис. 4.
 Типы лепной керамики из могильника «Совхоз-10».

Группа 2. Кувшины "средних размеров".

5. Вытянутое стройное тулово, четко выделенное, почти прямое горло.
6. Сосуд более приземистых пропорций, сравнительно широкое горло, слетка отогнутая закраина, ручка верхним прилепом прикреплена посередине горла, резко "падает" вниз к месту наиболее широкой части тулова (рис. 2, 16).
7. Слетка отогнутый край венца, прямое горло, тулово, довольно резко сужающееся к низу от середины тулова. Ручка прикреплена от середины горла к тулову в его наиболее широкой части (рис. 2, 17).

Группа 3. "Большие" кувшины.

8. Плоское дно, широкое биконическое тулово, короткое, слетка отогнутое горло, небольшая, круглая в сечении ручка (рис. 2, 18).
 9. Плоское дно, вытянутое яйцевидное тулово, сравнительно широкое, почти прямое горло, маленькая петевидная ручка (рис. 2; 19).
- Кроме этих сосудов, упомянем отдельно еще три находки. Это:
1. Кувшинчик-кружка на кольцевом поддоне с шаровидным туловом, широким горлом, слетка отогнутой закраиной, петевидной ручкой с выступом в верхней части, имитирующим голову животного (рис. 3; 1).
 2. Кувшинчик с биконическим туловом, тонким дном, прямым, слабо выделенным горлом и ручкой в виде животного (рис. 3; 2).
 3. Ручка кувшинчика в виде животного (рис. 3; 3).

Сосуды этого типа (с зооморфными ручками) всегда связывались с сармато-аланским миром, однако, как показала М.П.Абрамова, в более раннее время такого рода сосуды были характерны для местного кавказского населения, у которого и были измывованы сармато-аланами¹.

Наконец, еще один тип сосудов, выделяемый, правда, достаточно условно.

IV. Вазы, напоминают по форме горшки. У них по 2 или 3 уплощенные или овальные ручки.

- 1.1. Небольшой по размерам сосуд. Имеет плоское дно, наклонные стенки, диаметр закраины превышает высоту. Две небольшие петевидные ручки (рис. 3, 4).
2. Большие по размерам сосуды. Для них характерны плоское дно, биконическое тулово, высокий, в виде стоячего воротничка "венчик". Они могут быть
 - а) двуручными (рис. 3, 5).
 - б) трехручными (рис. 3, 6).

Еще большее многообразие форм лепных сосудов мы наблюдаем в могильнике «Совхоз-10». Материала остается пока неопубликованным, поэтому мы ограничимся только кратким перечислением основных типов сосудов. Это:

Тип I. Миски, тарелки, блюда (рис. 4, 1-4)

Тип II. Горшки (рис. 4, 5-10, 24)

Тип III. Кружки и небольшие кувшинчики (рис. 4, 11-15, 17)

Тип IV. Кувшины (рис. 4, 16, 18-23).

Распределение находок лепной керамики по могильникам и погребениям представлено в таблице (Приложение III).

Если говорить в целом обо всей этой группе керамики (лепной посуды) из могильников Юго-Западной Крыма, то можно отметить, что открытые сосуды (миски) имеют определенное морфологическое сходство с находками как с территории к востоку (Босфор, Северный Кавказ), так и (в меньшей степени) к северо-западу от нашего ретпо-на. Миски позднекифской культуры более массивные, и утверждать о морфологической преемственности имеется меньше оснований. Впрочем, этот тип посуды имел стабильные формы в течение довольно длительного периода времени на территории всего Причерноморья у носителей хоть и соседних, но генетически разных по происхожде-

нию культур и, вероятно, не может являться этнодифференцирующим признаком.

Следующий тип лепной посуды - горшки - представлен практически единичными находками, однако позволяет предположить, что некоторые из них - большие сосуды с наделными ручками (из могильников на Черной реке и Совхоз-10) - связаны с гетодакийским кругом древности. В качестве одного из примеров можно привести также находки, опубликованные Н.Коновичев². Появляются они здесь (в Крыму), вероятно, не позднее первой половины IV в. и могут быть связаны, таким образом, с западной волной переселенцев. Горшкообразные сосуды же связаны, скорее, с германским

кругом древностей. Кружки и кубинины - наиболее часто встречающиеся находки в погребениях. Подавляющее большинство их связано с сармато-аланским миром. Причем появляются они здесь достаточно рано - с конца III - начала IV вв., аналогично находкам из аланских могильников Северного Кавказа. Лишь единичные находки обнаруживают сходство с сосудами дакийского мира, например, маленький кубининик из могильника Совхоз-10 (рис. 4, 13 - Ср. Рис. 2, 24 - Дакийский могильник Катола).

Еще более определенно о сармато-аланском этносе можно говорить, рассматривая очень характерные небольшие кубиннички с ручками в виде животных или с шишечками, всего лишь имитирующими их. Вероятно, аланам не только принадлежали могильники Нейзац и Скалистое, но

они также (среди несомненно в основном германского населения) хоронили и в могильнике на Хараксе.

В большей степени связаны с носителями черняховской и вельбарской культур двух и трехручные лепные вазы, хотя не преминем заметить, что первая из этих культур, несомненно, была полиэтнична; в сложении ее участвовали среди прочих этносов и сармато-аланы.

Таким образом, представленная керамика в подавляющей своей массе позволяет говорить о преимущественно сармато-аланском облике населения Юго-Западного Крыма в эпоху "готских" войн. Этот вывод подтверждается и новыми раскопками. Так, например, только в могильнике Дружное найдено более 400 экземпляров лепных сосудов, близких морфологически описанным выше¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краткий обзор см.: Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. Вып. III.-С. 211-222; основные работы опубликованы в сборниках МАИЭТ, вып. I-IV.
2. Бранинский И.Б., Марченко К.К. К вопросу об этнической атрибуции Елизаветовского городища на Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М, 1984.- С. 24.
3. Монгайт А.А. Археология Западной Европы. Каменный век. М,1973. Т.1.-с.81.
4. Гадао А.В. Рецензия на книгу: Якобсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврии - ВВ, 1973. Т.34 - с.269.
5. Sovovici N. Ceramica Latene timpurie din zona baltii alamitei // Pontica, 1978, XI-Plansa 1.
6. Абрамова М.П. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. 1984. -С. 17-19.
7. Храпунов И.Н., Мульда С.А. Завершение исследования могильника Дружное // АИК в 1994 году. Симферополь, 1997- с.256-262.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Условные сокращения:

Оз. III - Озерное III, Ск. - Скалистое, И. - Инкерман, Ч.р. - Черноречье, Б.-1 - Бельбек I, Н.Ск. - Неаполь Скифский, Х. - Харакс, Ч.-Д. - Чатыр-Даг, Н. - Нейзац, Скл. - Скаеп, Пб. - подбойная могила, М - грунтовая могила, ТС - трупосожжение. В скобках даны датировки погребальных комплексов (По Айбабину, 1987, 1990).

ПРИЛОЖЕНИЕ I. УКАЗАТЕЛЬ К ГРАФИЧЕСКИМ ТАБЛИЦАМ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ.

Миски и горшки (Рис. 1)

- 1А. Оз. III — скл. 2 (Лобода, 1977. — Рис.б.б. В тексте сосуд упомянут, как имеющий плоское дно).
1. Ск., скл. 101 (перв. пол. V), (Айбабин, Веймарн, 1993. — Рис. 4,17) Ч.р. Пб.3 (вторая половина VI в.) (Баберничков, 1963. — Табл. V, 10), Н., скл. 5 (перв. пол. V) (Высоцкая, Михнева, 1983, Рис. 5,3).
 2. Ск., скл. 101; Ск., скл. 421 (перв. пол. V), скл. 495 (2 экз. — Перв. пол. VI в.), Пб. 431 (перв. пол. V) (Айбабин, Веймарн, 1993. — Рис. 4;11;92;12;76;106) Ч.р. Пб.3 (вторая половина VI в.) Пб.5 (вторая половина VI в.) Пб.5 (вторая половина VI в.) (Баберничков, 1963).
 3. Ск. скл. 190, (вторая половина V в.), скл. 350 (перв. пол. VI в.) (Айбабин, Веймарн,

1993. — Рис. 18,37; 54,1). Ч.Р., скал. 2 (Бабенчиков, 1963, Табл. V, 11).
4. Ск., скал. 421 (перв. пол. V) (Айбабин, Веймарн, 1993. — Рис. 74,4). Ч.Р., М.5 (Бабенчиков, 1963, Табл. V, 8). И. Скал.5 (первая половина IV в.) (Веймарн, 1963. — Рис. 7,23).
5. Ч.Р. П6.9 (вторая половина III в.) (Бабенчиков, 1963, Табл. V, 13; Табл. X, 1).
6. Ч.Р. Скал. 1 (2 экз.) (Бабенчиков, 1963, Табл. V, 9; Табл. X, 5).
- 6А. Ч.Р. П6.9 (первая половина III в.) (Бабенчиков, 1963, Табл. V, 12; Табл. X, 2).
7. Б.-I. М.7. (вторая половина III в.) (Гущина, 1974. — Рис. 1; 15).
8. Б.-I. М.7. (вторая половина III в.) (Гущина, 1974. — Рис. 1; 16).
9. Привольное (Никитина, 1966. — Рис. 3; 21).
- 10, 11, 12. Н.ск. (Сымонович, 1983. — с. 101).
13. Ч.Р. П6.9 (вторая половина III в.) (Бабенчиков, 1963, Табл. V, 7; Табл. X, 1; 1).
14. Ч.Р. П6.9 (вторая половина III в.) (Бабенчиков, 1963, Табл. V, 8; Табл. X, 1; 2).
15. Х. М. 34 (Оралов, 1987. — Рис. 3).
16. Ч. Д.: М9 (Мыц, 1987. — Рис. 6; 8).
17. Индепенденца (гетская) (Никитина, 1966. — Тип. 4, подтип 3. — Рис. 2; 7).
18. Томы Гетский сосуд III-II вв. до н.э. (Федоров, Полевой, 1973. — С. 168).
19. Будешты (Никитина, 1966. — Тип. 5, подтип 1. — Рис. 2; 9).
20. Гавриловка (Никитина, 1966. — Тип. 1 — Рис. 2; 1).
21. Черепин (Никитина, 1966. — Тип. 1 — Рис. 2; 18).
22. Мокрая балка (Афанасьев, 1980. — Группа III, Тип 8. — Рис. 5; 39. — вторая половина VI — рубеж VII — VIII вв.)
23. Мокрая балка (Афанасьев, 1980. — Группа III, Тип 8. — Рис. 5; 36. — вторая половина VI — рубеж VII — VIII вв.)
24. Тиритака (Костяная, 1955. Рис. 17, 1. — с. 400).
25. Боспор (Круганкова, 1954. — Табл. III; 12 — III — IV вв.).
26. Боспор (Круганкова, 1954. — Табл. III; 13).
27. Боспор (Круганкова, 1954. — Табл. II; 14).
28. Боспор (Круганкова, 1954. — Табл. II; 10).
29. Боспор (Круганкова, 1954. — Табл. II; 6).
30. Пневорская культура (Варин, 1981. — Табл. LXXIV; 13).

Кружки и кувшины (Рис. 2)

1. Н., скал.6 (первая половина IV в.) (Бысотская, Махнева, 1983. — Рис. 6,5). Оз., М.1 (первая половина IV в.) (Лобода, Рис. 1; 1).
2. Н., скал.6 (Бысотская, Махнева, 1983. — Рис. 6; 4).
3. Оз., скал.2 (вторая половина IV); (Лобода, 1977. — Рис. 6, 10).
4. Ск., скал. 431 (первая половина V в.); (Веймарн, Айбабин, 1993. — Рис. 76; 25). Оз., III, Скал.2 (3 экз.).
5. Ск., скал. 421 (перв. пол. V в.), (Веймарн, Айбабин, 1993. — Рис. 74; 9). скал.2 (Лобода, 1977. — Рис. 6; 8). И., Веймарн, 1963. Рис. 14; 8.
6. Ск., скал. 434 (перв. пол. V в.); (Веймарн, Айбабин, 1993. — Рис. 76; 32). И., м.7 (?); скал. 13 (5). (Веймарн, 1963)
7. Ск., скал. 449 (первая половина V в.) (Веймарн, Айбабин, 1993. — Рис. 82; 14).
8. Оз., скал. 1 (2 экз. — Перв. пол. VI в.) (Лобода, 1977. — Рис. 5; 8, 14).
9. Ск., скал. 421 (перв. пол. V) (Айбабин, Веймарн, 1993. — Рис. 74; 5); Оз.; М.2 (первая половина IV в.) (Лобода, 1977. — Рис. 1; 2).
10. Оз. скал. 1. (Лобода, 1977. — Рис. 5; 7).
11. Ч.Р., скал. 53, (вторая половина VI в.) (Айбабин, 1984. — Рис. 6, 7.)
12. Ск., скал. 421 (перв. пол. V) (Айбабин, Веймарн, 1993. — Рис. 74, 6).
13. Оз., М. 2 (Лобода, 1977. — Рис. 1; 3)
14. Оз., скал. 2 (Лобода, 1977. — Рис. 6; 7)
15. Оз., скал. 3 (вторая половина VI в.) (Лобода, 1977. — Рис. 7; 11)
16. Оз., скал. 1 (Лобода, 1977. — Рис. 5; 9), Ск., скал. 421 (перв. пол. V) (Айбабин, Веймарн, 1993. — Рис. 74, 3).
17. Ск., скал. 101; (перв. пол. V в.), (Айбабин, Веймарн, 1993. — Рис. 82, 14).
18. Ч.Р. Тс. 10, (Бабенчиков, 1963, Табл. V, 12; Табл. X, 1, 4).
19. Ч.Р. Тс. 25, (Бабенчиков, 1963, Табл. V, 12; Табл. X, 1, 5).
20. Н.ск. (Сымонович, 1983. — Тип. III, 9. — II в. до н.э. — I в. н.э.)

21. Н. ск. (Сымонович, 1983. – Тип. III, 9. – П в. до н.э. – I в. н.э.)
22. Субботовский могильник (Шукин, 1994. – Рис. 63, 8. – С. 198).
23. Предкавказье (Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР, 1989. Табл. 109, 40).
24. Кашоли. Дакция (Никитина, 1966. С. 99).
25. Вельбарская керамика (Баран, 1981. – Тип. LXXXI; 15. – с. 256).
26. Кашоли (Федоров, Полевой, 1973. – С. 199. – П в. н.э.)
27. Мокрая балка (Афанасьев, 1980. – Группа III, Тип 9. – Рис. 5, 37. – вторая половина VI – первая четверть VII вв.)
28. Мокрая балка (Афанасьев, 1980. – Группа III, Тип 10. – Рис. 5, 38. – вторая половина VI – первая четверть VII вв.)
29. Мокрая балка (Афанасьев, 1980. – Группа III, Тип 4, подтип 1. – Рис. 5, 12. – вторая половина VI – первая четверть VII вв.)
30. Кудинетово (Кузнецов, 1962. Центральный локальный вариант. – Рис. 24, 1).
31. Гидли (Кузнецов, 1962. Западный локальный вариант. – Рис. 5, 1).
32. Кумбулат (Кузнецов, 1962. Восточный локальный вариант. – Рис. 27, 2)
33. Мокрая балка (Афанасьев, 1980, Тип 5, подтип 1. – Рис. 5, 30. – вторая половина VI – конец VII вв. – с. 60)
34. Мокрая балка (Афанасьев, 1980, Тип 3, подтип 1. – Рис. 1, 7. – вторая половина VI – конец VII вв. – с. 60)
35. Боспор (Кругликова, 1954. – Табл. III. – III – IV вв.)
36. Боспор (Кругликова, 1954. – Табл. II; 32 – III вв.)

Вазы и сосуды с зооморфными ручками (Рис. 3)

1. Н. ска. 5 (первая половина IV в.) (Высоцкая, Махнева, 1983 – Рис. 5, 2).
2. Ск. ска. 350 (первая половина VI в.) (Айбабин, Веймарн, 1993. – Рис. 54, 2).
3. Х. М. 15 (первая половина V в.) (Баватский, 1951. – Рис. 14, 4).
4. Н. ска. 6 (первая половина IV в.) (Высоцкая, Махнева, 1983 – Рис. 6, 6).
5. Н. ска. 5 (первая половина IV в.) (Высоцкая, Махнева, 1983 – Рис. 5, 1).
6. Ск. Ска. 495 (первая половина IV в.) (Айбабин, Веймарн, 1993. – Рис. 92, 8).
7. Боспор (Кастнян, 1955. – Рис. 19; 1 – I – II вв. – с. 401).
8. Боспор (Кастнян, 1955. – Рис. 19; 2 – I – II вв. – с. 401).
9. Мокрая балка (Афанасьев, 1980. – Рис. 1, 1. – до второй четверти VII вв. – с. 66).
10. Кумбулат (Кузнецов, 1962. Восточный локальный вариант. – Рис. 27, 1. – IV – VI вв.)
11. Мокрая балка (Афанасьев, 1980, Группа III, Тип 1, подтип 1. – Рис. 5, 1. – вторая половина VI – рубеж VII – VIII вв.)
12. Мокрая балка (Афанасьев, 1980, Группа III, Тип 2, подтип 2. – Рис. 5, 9. – вторая половина VI – рубеж VII – VIII вв.)
13. Вельбарская керамика (Баран, 1981. – Тип. LXXXI; 13).
14. Деспесовка (Никитина, 1966. – Рис. 46).
15. Тиритака (Кастнян, 1955. – Рис. 17, 2).

ПРИЛОЖЕНИЕ II. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ НАХОДОК ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ.

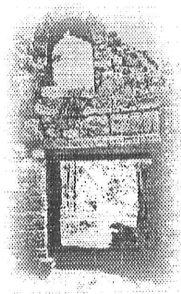
- Афанасьев, 1980. Керамика Мокрой балки // Средневековые древности сарматских степей. М.
- Бабенчиков В.П. 1963. Чорнорченський могильник // АП. - Т. XIII.
- Баран В.А., 1981. Черняхівська культура: За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ.
- Баватский В.А., 1951. Харьков // МИА. - 19.
- Веймарн Е.В., 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. - Т. XIII.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. Скалистый могильник, Киев
- Высоцкая Т.Н., Махнева О.А., 1983. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев.
- Гуцуляк И.И., 1974. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильника). // Археологические исследования на Юге Восточной Европы (Сб. ГИМ), М.
- Кастнян Е.Г., 1955. Художественные элементы в лепной керамике Боспора / / АГСП, М.А.

- керамике Пантикапея и её значении для изучения состава населения этого города // МИА, 33.
- Кузнецов В.А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа // МИА, 106.
- Лобода И.И. 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА, 1977 - 4.
- Мыц В.А., 1987. Могильник III-V вв. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма. Киев.
- Никитина Г.Ф., 1966. Классификация лепной керамики червикохвостской культуры // СА, 1977 - 4.
- Орлов К.К., 1987. Ай - Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. Киев.
- Симонович Э.А., 1983. Население столицы позднескифского царства. Киев.
- Федоров Г.Б., Полевой А.А., 1973. Археология Румынии. М.
- Шукин М.Б., 1994. На рубеже эр. СПб.

ПРИЛОЖЕНИЕ III. НАХОДКИ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ (ПО ТИПАМ) В ПОГРЕБИЯХ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Идентификация	Мысли:	Горизонт:		Керамика																Вале:		Дата (отрабавля)				
				Группа 1				Группа 2				Групп 3		Зосыс.		Ш т. к.		IV к.	V к.			VI к.				
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	1	2			(n, n)	(n, n)	(n, n)	(n, n)	
				А	Б	В	Г	А	Б	А	Б	С	9	1	2	3	1	2	А			Б				
М4																				1	+					
М7																				1		+				
Скв1																				1						
Скв2																				1						
Скв3																				1						
Скв4																				1						
Скв6																				1						
М1																				1						
М2																				1						
П16																				1						
Скв1																				1						
Скв2																				1						
Скв6																				1						
т09																				1						
тс11																						+				
тс8																						+				
тс1																						+				
тс2																						+				
тс3																						+				
тс4																						+				
тс10																						+				
тс13																						+				
тс15																						+				
тс22																						+				
тс28																						+				
тс31																						+				
тс44																						+				

IV
ПАМЯТНИКИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ

ВИЗАНТИЯ И КОЧЕВНИКИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ТАВРИКЕ В XI-XII ВВ.

Судьба византийских владений в Таврике после разгрома Хазарского каганата остается предметом горячих дискуссий на протяжении нескольких десятилетий. Принятия их состоит в крайне скудной историко-этнографической базе, имеющейся в распоряжении исследователей. Из письменных источников, для характеристики периода с конца X по начало XIII вв. привлекаются в основном древнерусские. Однако факты, сообщенные русскими летописцами, отражают в основном только историю Тмутараканского княжества с 988 по 1094 гг., и не могут отобразить политическую ситуацию на полуострове в полной мере по объективным причинам. Греческие авторы почти не обращались к теме Таврики. Исключения составляют, пожалуй, только, сказки о юмтэе Георгия Чуло 1015 г. в хронике Иоанна Скилицы и история Лива Диогена в «Алексиаде» Анны Комнины. Несколько воспевают пробы данные эпиграфики и сфрагистики, но для их привлекательной интерпретации не всегда имеется достаточно оснований. В сложившейся ситуации, первоочередное значение приобретает археологические исследования на крупнейших городищах Крыма: Херсонесе, Судее, Боспоре. Однако, масштабы работ на двух последних позволяют пока лишь сделать вывод о непрерывности жизни на них в это время,¹ а использование результатов раскопок Херсонеса (недостаточно полно опубликованных) сталкивается со многими проблемами методологического характера (см. например археологическую дискуссию о визити Херсонеса Владимиром).

В этой связи большой интерес представляют результаты раскопок Судакского отряда КЛЭ ИА УССР под рук. М.А. Фроңджуло 1965-68 гг. в портовой части Судея.² Работами отряда в прибрежной зоне памятника было затронуто три участка. Культурные остатки XI-XII вв. обнаружены на восточном раскопе № III в слое, перекрывающем руины крупного оборонительного сооружения VI-VII вв., известного в литературе как Приморское укрепление.³ В 1967-68 гг. были исследованы две жилые постройки и двор усадьбы. В 1994 г. Судакская археологическая экспедиция под рук. И.А. Баранова в центральной части раскопа № III провела доисследование культурного слоя XI-XII вв. В результате этих работ была получена дополнительная информация, в целом

подтвердившая выводы предыдущего исследования.

Портовая часть Судея расположена амфитеатром на южных склонах гор Аженевез-Кая и Подвани-Оба (Рис.1). Ее площадь составляет около 4,5 га. Она разделена на две равные части глубоким оврагом, проходящим с севера на юг. В середине века обе они были плотно застроены жилыми и культовыми сооружениями. Постройки располагались между скалами и морем на террасах шириной около 18 м. Высота террас при данной крутизне склона составляла в среднем от 0,5 до 3,0 м. На площади раскопа, составлявшей около 500 кв. м, было зафиксировано несколько последовательно существовавших строительных комплексов. Наиболее раннее сооружение VI-VIII вв., оборонительного характера, достаточно полно описано в литературе.⁴ Его обширный мощный двор (12,5 x 11,2 м) в середине IX в. был использован под строительство двух двухкамерных жилых домов (Рис.2). Постройки располагались параллельно друг другу внутри двора, вдоль восточной и западной стены укрепления. Они существовали без перестроек до первой четверти XI в. В это время на данном участке была произведена перепланировка.

Восточная жилая постройка IX-X вв. была разобрана до уровня двух рядов кладки. На ее месте в первой четверти XI в. возводилась другая однокамерная постройка (№1), просуществовавшая до рубежа XII-XIII вв. (кладки 14,15,16) (Рис.3). Западная и восточная стены постройки №2 сохранились на высоту до 2,00-2,15 м и сложены из плит песаника различного размера на глин. Горизонтальные ряды кладки перемежаются с рядами диагональной кладки «в ёлку» (Рис.4). Фундаменты обеих стен установлены в траншею глубиной 30-40 см, непосредственно на плиты вымостки укрепления VI-VII вв. Эти две кладки примыкают северными торцами к стене укрепления, сохранившейся на высоту 3,2 м. Последняя, таким образом, служила северной стеной постройки. Фрагмент южной стены длиной 3,2 м сохранился на высоту до 1,2 м. Ее фундамент был опущен в траншею, которая на 0,25 м меньше других. Основную несущую нагрузку выполняли западная и восточная стены, а также сохранившаяся к тому времени северная

стена Приморского укрепления.

При раскопках в северо-восточном углу постройки была зачищена прямоугольный под печи размерами 0,75 x 0,75 м, по краям обожженный камнями песчаника (Рис.2). На том же уровне в углу находилась ряд камней, отделявший последнее от выхода скалы. На глубине 0,2 м от предыдущей была зачищена ещё более ранняя печь - тандыр, диаметром 0,85 м. Она представляла собой невысокий (0,25 м) сосуд конической формы без дна из слегка просушенной глины, установленный в неглубокую яму, дно которой посыпано морским песком и гравием, а сверху выложено стенками амфор рубежа X-XI вв.

Такая же печь была устроена во дворе у восточной стены постройки №2 (кладка 11) и по амфорному материалу, обнаруженному в её поде, датируется рубежом XI-XII вв. (Рис.8).

Данная постройка, вероятно, также была двухэтажной; на это указывает наличие открытого очага и остатки нижней части пифоса, вкопанного у восточной стены (кладка 16). В восточной стене зафиксированы остатки небольшой прямоугольной ниши (Рис.5). Она сохранилась на высоте 1,5 м от уровня первоначального пола, в 1,1 м от северо-восточного угла помещения. Ширина её составляла 0,45 м, глубина - 0,55 м, сохра-

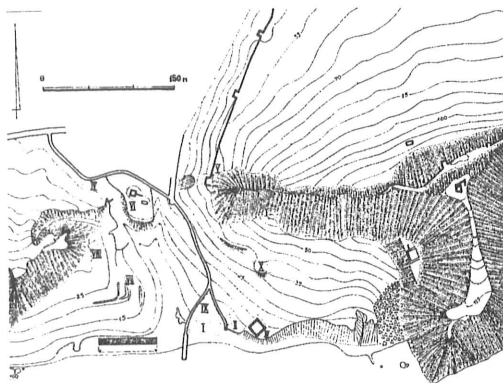

Рис. 1.

План торговой части Суиден:

- I Раскоп I 1964-65 гг. М.А. Фронджуло.
- II Раскоп II 1965 г. М.А. Фронджуло.
- III Раскоп III 1965-68 гг. М.А. Фронджуло.
- IV Раскоп IV 1969 гг. М.А. Фронджуло.
- V Раскоп у угловой башни 1969 г. М.А. Фронджуло.
- VI Раскоп у портовой башни 1386 г.(1929 г. Н.Д. Протасов, 1969 г. М.А. Фронджуло, 1990 И.А. Баранов).
- VII Раскоп 1930-31 гг. Н.Д. Протасова и Е.В. Веймарна.
- VIII Раскоп 1995 г. И.А. Баранова и В.В. Майко.
- IX Раскоп 1993-94 гг. И.А. Баранова и В.В. Майко.
- X Раскоп 1993 г. И.А. Баранова и В.В. Майко.

нившаяся высота - не более 0,50 м. Ниши в стенах являются обычным атрибутом интерьера византийской и поствизантийской постройки. В данном случае она могла выполнять функции домашнего иконостаса. Наличие его в нижней - нежилой части дома было обычным явлением в греческих усадьбах средневекового и нового времени.²

Постройка № 2, расположенная в западной части раскопа, продолжала существовать и после X в.; она была перестроена в первой четверти XI в. Разобрано было до основания лишь южное помещение. С этого времени использовалось только северное помещение, размеры которого по внешним

фасадам стен составляли 5,8 x 4,2 м. Площадь его составляла около 17,8 кв. м. Северной частью постройка упиралась в выступ скалы, высотой 2,5 м. Стены, толщиной около 0,7 м, сложены с порядовым чередованием горизонтальной и диагональной техники кладки, на глине. Восточная стена (кладки 9,11) на 2,25 м выступает на юг от места стыка с кладкой № 10. Выступ стены оканчивается тщательно оформленным откосом. При перестройке XI в. в восточной стене были заложены дверной проём и окно, поскольку их стало неудобно использовать после строительства постройки № 1, и к тому же они были закрыты лестницей. Ка-

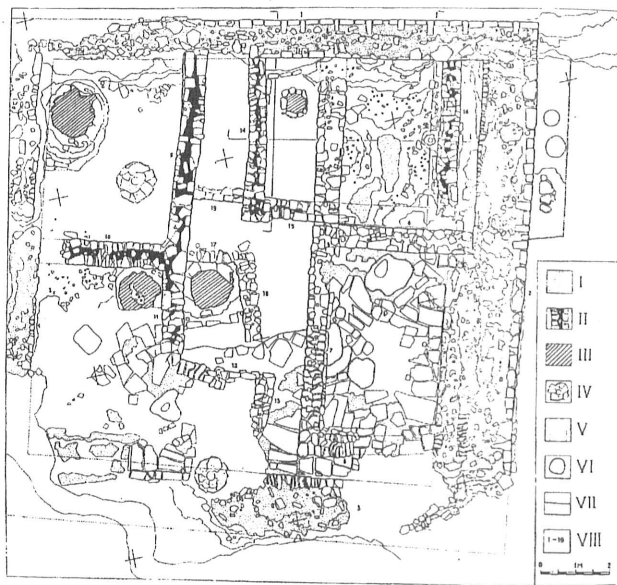

Рис. 2.

План нижнего горизонта раскопа III 1966-68 гг. М.А. Фрондажуло:

- I Известковый раствор бастиона VI-VII вв.
- II Кладки построек XI-XII вв.
- III Печи.
- IV Пифосы.
- V Реконструкции стен.
- VI Хоз. ямы.
- VII Бровки.
- VIII Номера кладок.

менное основание лестницы (кладка 19) было зачищено между двумя постройками в 1994 г. Лестница веда, очевидно, на второй этаж обеих построек и в проулок вышележащей террасы (Рис.6). Вход в помещение размещался в южной стене постройки. В северо-западном углу на уровне горизонта XI-XII вв. зачищены остатки большой печи - тандыра, диаметром 2,1 м. В юго-западной части помещения находилась врытый в землю реберчатый пифос. Наличие открытого тандыра и пифоса говорит в пользу того, что первый этаж постройки использовался в хозяйственных целях; вероятно, постройка была двухэтажной.

Как уже было сказано, раскопанные сооружения служили хозяйственным целям. Жилые помещения располагались на вторых этажах построек. Перекрытия первых этажей находились, вероятно, на уровне верхнего обреза кладки укрепления VI-VII вв., служившей также опорной стеной переулка, соединявшего усадьбы вышележащей террасы Авторский эскиз реконструкции застройки XI-XII вв., изученной на раскопе № III, представлен на рисунке 4.

Раскопки дали небольшую, но яркую ар-

хеологическую коллекцию, позволяющую нам подробно остановиться на характеристике материальной культуры Сугдеи в XI-XII вв. Первая, наиболее многочисленная группа находок представлена амфорами нескольких центров производства. Наиболее ранними из них являются оранжево- и красноглиняные амфоры с манжетовидным венчиком, грушевидным корпусом и массивными уплощенными ручками.⁶ Они были достаточно широко распространены на территории Византийской империи, в особенности на побережье Черного моря и на востоке Балканского полуострова.⁷ Встречались они также при раскопках византийских городов Таврики: Херсона, Паргенин, Боспора, Алустана.⁸ Долгое время в русскоязычной археологической литературе бытовало мнение, что появление амфор этого центра производства относится ко второй половине IX в. Аргументом в пользу этого мнения служил прекрасный комплекс из двора и монастыря св. Георгия в квартале Манганы Константинополя, где они использовались в кладке сводов, для облегчения нагрузки на несущие конструкции. Основные постройки императорского двора возведены во вре-

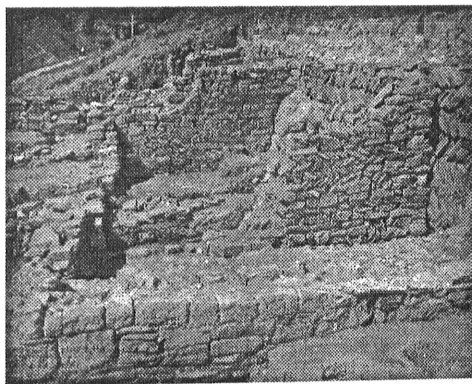

Рис. 3.
Постройка №1. Вид с востока.

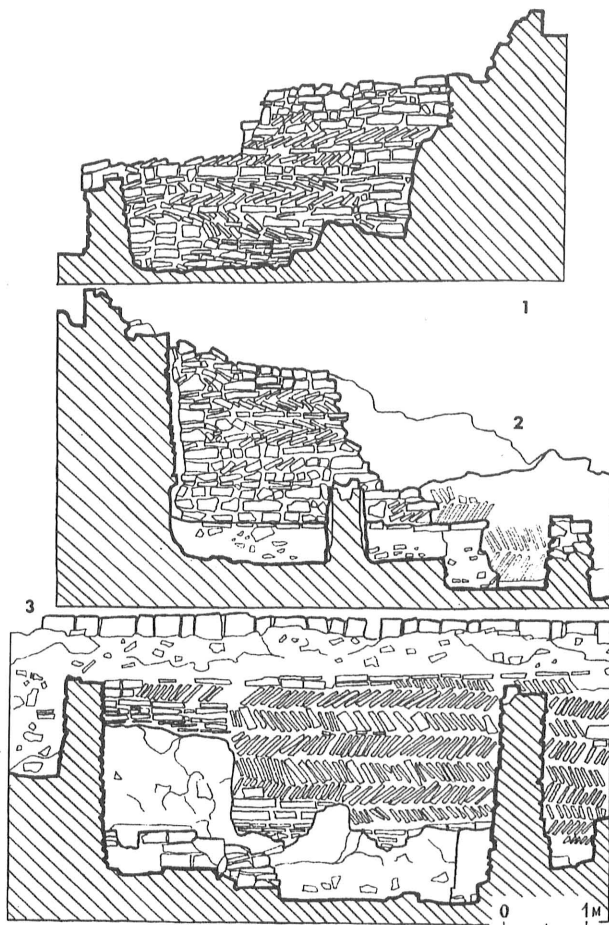

Рис. 4.
Фасировки стен постройки №1:

1. Западная стена.
2. Восточная стена.
3. Северная стена.

мя правления Василия I, поэтому и весь комплекс амфор долгое время датировался временем его правления.⁹ В течение всего X и первой половины XI вв. дворец был полностью заброшен и разрушался, постепенно пришли в негодность верхние этажи постройки. Капитальная перестройка полуразрушенного дворца и строительство монастыря св. Георгия Манганского была предпринята лишь в середине XI в. императором Константином IX Мономахом (1042-1054 гг.).¹⁰ Во время этих строительных работ амфоры и попали в кладку сводов, что и подтвердили архитектурно-археологические исследования 30-х гг.¹¹

В Крыму появление амфор этого типа относят к середине X в. Эту дату подтверж-

дают недавние раскопки в Судак, где они были обнаружены в слое пожара с монетами Константина VII и Романа II (945-954 гг.)¹² Несколько позднее они проникают в Подонье. В Саркеле они встречаются уже в русско-хазарских слоях, относящихся ко времени после 965 г.¹³ На нижний Дунай и в Добруджу они попадают не ранее рубежа X-XI вв.¹⁴ В большом количестве они импортировались и в города Киевской Руси, где встречаются преимущественно в слоях XI в.¹⁵

Центр производства амфор с манжетовидным венчиком остаётся до настоящего времени неизвестным. Исходя из того, что наиболее ранние находки их встречены в регионах северо-восточного Причерноморья, мы предполагаем, что попасть туда они мог-

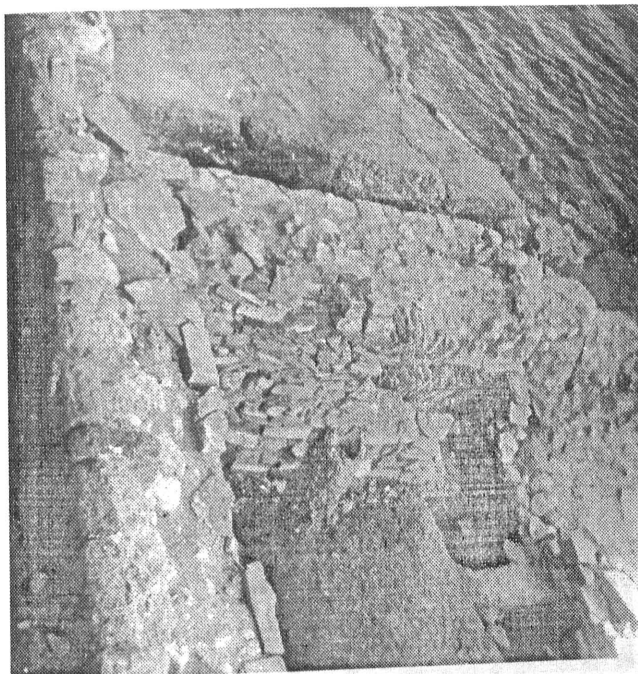

Рис. 5.

Восточная стена постройки №1. Вид с запада.

ли из малоазийских областей Византии, по торговым путям через порты Кавказа и Тамани. На рынках Таврики они впервые появились в 40-х гг. X в., к середине 60-х гг. они уже известны на нижнем Дону и лишь к началу XI в. проникают на Балканы и Русь. Таким образом, юго-восточное побережье Чёрного моря является наиболее вероятным местом их производства.

А.А.Якобсон, а вслед за ним В.А.Миня выделил два варианта таких амфор.¹⁶ Вторым, более поздний вариант представлен в нашем комплексе. Он имеет поднятые над венчиком ручки, воронковидное горло и канцонное окончание венчика.¹⁷ В публикующем комплексе присутствуют две реконструируемые амфоры с манжетовидным венчиком (Рис.8;3,4). Они обнаружены в поде

печи, расположенной во дворе усадьбы, вместе с двумя амфорами переходного типа (Рис.8;1,2). Сосуществование этих типов амфор в одном комплексе было возможно лишь на рубеже XI-XII вв., когда амфоры более раннего типа ещё находились в употреблении.

Веретенообразные амфоры с высокоподнятыми ручками, кроме двух упомянутых экземпляров переходного типа, представлены многочисленными фрагментами, иногда имеющими на поверхности граффити (Рис.9;3,5). Этот тип амфорной тары получает распространение на рубеже XI-XII вв. и имеет много общих морфологических черт с предыдущим. Фрагменты сосудов обеих типов зачастую несомненно друг друга. Морфологическая эволюция, вероятно,

Рис. 6.

Восточная стена постройки №2. Вид с запада.

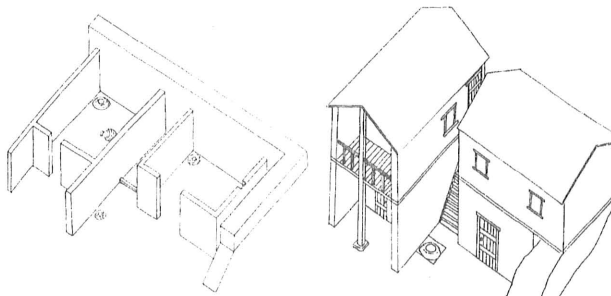

Рис. 7.

Вариант реконструкции застройки XI–XII вв.

была вызвана изменениями в конструкции кораблей.¹⁸ Кроме Причерноморья, Руси, Приазовья, где веретенообразные амфоры встречаются особенно часто, они в единичных экземплярах обнаружены в Афинах, Палестине, на Кипре.¹⁹

В нашем комплексе присутствуют также оранжевоглиняные рифлёные сосуды с раздутым грушевидным туловом, воронковидным горлом и небольшими ручками (Рис.9;1,10;1). Целые экземпляры XI в. известны в Херсонесе и Константинополе.²⁰ Центр производства их, к настоящему времени, надёжно локализован в непосредственной близости от Константинополя. По сообщению турецкой исследовательницы Н.Понсениц, печи по их производству обнаружены у подножья горы Ганос, в 140 км к юго-западу от столицы Византийской империи. Они функционировали со второй пол. II по сер. XIV вв.²¹

Кроме этого вида амфорной тары константинопольского производства, в комплексе встречаются фрагменты сосудов, которые датируются второй пол. X в. (Рис.9;2). Эти амфоры имели невысокое реберчатое горло и слегка отогнутый венчик, чуть ниже которого крепились небольшие дуговидные ручки. Они ещё находились в употреблении в первой четверти XI в., и таким образом попали в состав комплекса.

Среди фрагментов амфор данного центра представлено два обломка с оттиснутыми на них клеймами. Одно из них выполнено в виде шестиугольного знака, заключённого в круг (Рис.10;3). Оно было найдено в слое с

монетой императора Михаила VII (1067–1078 гг.). Аналогичное клеймо, происходящее из Киевского Поднепровья, хранится в фондах Национального Исторического музея Украины (инв.№ в-4625/976).²² Второй оттиск заключён в полукруглую рамку (Рис.10;2). Большую часть поля рамки занимает изображение греческой буквы Ω, с двух сторон от неё расположены две буквы Ι. В целом данная сигнатура расшифровывается как личное имя Ιοαννης, хорошо известное в византийском ономастиконе. Клейма, заключённые в рамку такой же формы, встречались на амфорах, найденных при исследовании двора Манганы; отсюда же происходят оттиски, содержащие изображение омеги.²³ Наиболее полная аналогия найдена в крепости Динотеция в Румынии.²⁴

Контроль производства и выборочное клеймение амфор производил эпарх Константинопольский или чиновники его ведомства. Каждый из них, несомненно, имел свою собственную матрицу для клеймения сосудов, чем и объясняется разнообразие известных клейм. Штампы, помимо различных символических изображений, могли содержать монограммы личного имени чиновника или дарствующего императора, как это практиковалось на серебряной посуде ранневизантийского времени.²⁵ В нашем случае на плечике амфоры, вероятно, была оттиснута монограмма личного имени чиновника.

Ещё один тип амфорной тары того же центра производства, присутствующий в публикуемом комплексе – оранжевоглиняные, грушевидные амфоры с дуговидны-

ми ручками. Он пришёл на смену предыдущему в первой четверти XII в., после временного прекращения производства амфор во время кризиса кон. 80 - 90-х гг. XI в. Одновременно существовало несколько морфологических вариантов таких сосудов, но из-за фрагментарности находок мы не можем судить, который из них представлен нашим комплексом.²⁵

Следующая разновидность тарной керамики, найденная на раскопе № III, обнаружена в Судке впервые. Это небольшие по размерам амфоры (45-50 см высотой), изготовленные из плотной хорошо отмоленной глинны бурого цвета с обильными включениями чешуек слюды. Веретенообразный ребристый корпус оканчивается внизу небольшим округлым дном. Под воронкообразным горлом крепятся небольшие петлевидные ручки (Рис.9;6). Этот тип, очевидно, был редок для Таврики, из-за чего не попал в существующие классификации крымских амфор. Ближайшая (географически) аналогия происходит с Таманского городища.²⁷ Чаще подобные сосуды находят в городах Киевской Руси: Киеве и Новгороде.²⁸ Амфоры этого типа датируются в пределах XI-XII вв.²⁹

Помимо амфор, в комплексе присутствует ещё один вид тарной керамики - высокогордые кувшины с ленточной ручкой (Рис.10;6). Они получили распространение преимущественно в памятниках салтовско-маяцкой культуры с сер. IX в.³⁰ Производились они, вероятно, на Таманском полуострове.³¹ В пользу их северокавказского происхождения говорит нефтяная смола, которой покрыта внутренняя поверхность кувшинов. Разработки открытых нефтяных месторождений в районе Таматархи и в Зичи функционировали в X в., как сообщает Константин Багрянородный.³² Предлагают верхнюю дату бытования высокогордых кувшинов, исследователи указывают на рубеж X-XI вв. для памятников Крыма.³³ Тем не менее, на Дону и Тамани они продолжают оставаться в употреблении до конца XI в.³⁴ Эту дату подтверждают и публичные находки из Судака.

В заполнении построек XI-XII вв. встречаются также фрагменты дощёной столовой посуды северокавказского происхождения. Такая посуда в большом количестве встречается в слоях X в. Судген и, очевидно, осталась в употреблении у жителей города в XI в. Под венчиком одного из таких кувшинов прочерчен тамгообразный знак в виде стрелки (Рис.10;4).

Пожадуи, наиболее интересной составляющей комплекса являются фрагменты кухонной лепной посуды. Горшки изготовлены из глины с примесью томлёного кварца, пережжённой до чёрного цвета. Поверхность их заглажена в различных направлениях требенчатим штампом, что создаёт впечатление орнамента (Рис.11). Форма сосудов - баночная, венчик - манжетовидный, реже - валикообразный. Часть сосудов украшена нанесённым на плечики валиком с косыми насечками. Ближайшие аналоги присутствуют в константинопольском комплексе Саркаса - Белой Вежи X-XI вв.³⁵, а также в подкурганых погребениях, оставленных перелетцами.³⁶

Среди кухонной посуды также встречаются фрагменты тонкостенной византийской посуды. Кухонные горшки с ручками и небольшим дном для слива, имеющие чаще всего тельпановидную форму туалоя, характерны для провинциально-византийских памятников XI-XII вв. (Рис.10;5). Аналогичная форма посуды встречена при раскопках в портовом районе Херсонеса в комплексе XI-XII вв.³⁷

Кроме тарной и кухонной керамики, культурный слой XI-XII вв. дал хорошую коллекцию столовой посуды. Обломки тонких стенок и небольших колыщевых поддонов (Рис.13;1,2) принадлежат неуглубленным чашам, покрытым прозрачной поливой зелёного цвета. Аналогичные сосуды были обнаружены в слоях того же времени в византийской крепости Диаводо на Балканах.³⁸

Также найден фрагмент белоглазистой чашы с бесконтурной подглазурной росписью красным и зелёным антобом (Рис.13;3). Форма сосуда реконструируется как глубокая чаша с конусовидными стенками на колыщевом поддоне. Чашы такого типа, по мнению В.Н.Замеской, изготовлялись в Трапезунде.³⁹ За пределами Судака они найдены в Херсонесе, Боспоре, Тамани, Константинополе и Диаводо.⁴⁰

Большая часть красноглазистой поливной посуды из публичного комплекса относится к типу 4 по классификации А.А.Якобсона. Это большие блюда с загнутым внутрь и (часто) профилированным венчиком (Рис.12;4-6). Полива жёлтого и зелёного оттенков. Орнамент граффито выполнен широкой врезной линией и изображает стилизованные силуэты птиц, виноградных гроздьев и всевозможных геометрических фигур. Подобные блюда обнаружены в Херсонесе, на Эски-Кермене и Тамани, где датируются XII-XIII вв.⁴¹ Кроме Причерноморья, они встречаются в Константинополе, Греции

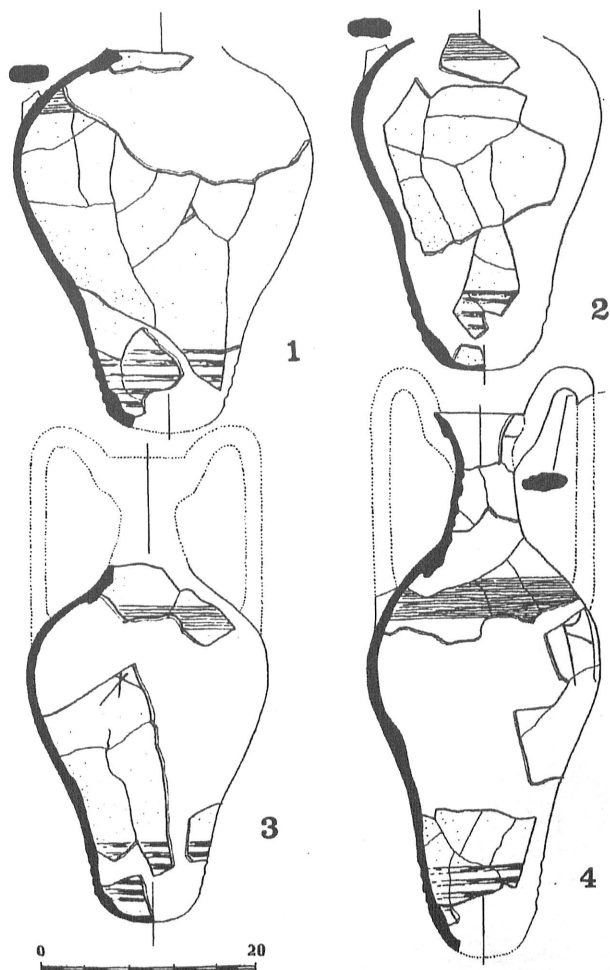

Рис. 8.

Комплекс амфор из печи во дворе усадьбы XI-XII вв.

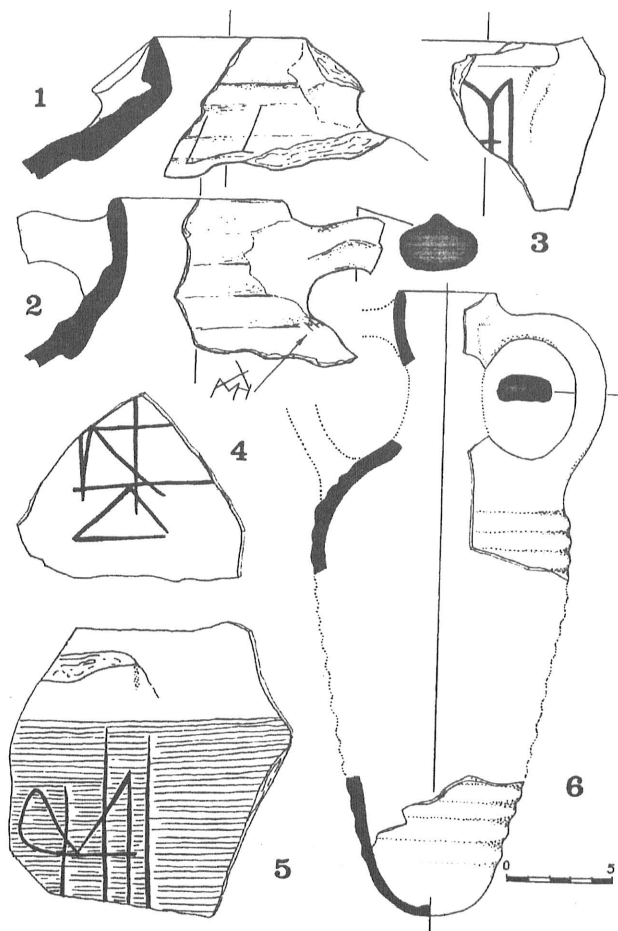

Рис. 9.
Амфоры из раскопок усадьбы XI-XII вв.

и на Кипре; большая коллекция их происходит из подводных раскопок у острова Кастелоризо вблизи юго-западной оконечности Малой Азии.⁴² Изготовлялись они, вероятно, в Эгейском регионе.

Ещё один тип поливной керамики, встречаемый на раскопе № III, представлен тремя фрагментами блюд с орнаментом, выполненным в технике тонкой гравировки. На первом фрагменте сохранилось изображение рыбы (Рис. 13;5). Привлекая аналогию из Перника и Пелопоннесского архипелага,⁴³ можно заключить, что на дне сосуда были изображены силуэты трёх рыб - излюбленный сюжет для византийской столовой посуды. На втором фрагменте частично сохранилось изображение плавильного ключа с палмовой ветвью (Рис. 13;4). Образ райской птицы также хорошо известен на сосудах этой группы, происходящих из Перника, Дингоцеи и островов Пелопоннесского архипелага.⁴⁴ На третьем фрагменте сохранилась орнаментальная полоса, хорошо известная на блюдах этого типа (Рис. 13;6).

Кроме всего прочего, в коллекции присутствует несколько фрагментов небольших кухонных горшков, покрытых изнутри одноцветной поливной оловяно-красной эмалью (Рис. 12;1,2). Они также имеют массовые аналоги на византийских памятниках Балкан XI-XII вв.⁴⁵

Интерес представляет фрагмент глиняной ялты - писанки (Рис. 13;7). Целый экземпляр писанки найден в могиле № 4 городского некрополя Сугдеи в 1965 г. (Сугдак - II).⁴⁶ Производились они в Киеве, где найдены формочки для их отливки.⁴⁷ Датируются они преимущественно XI-XII вв. Находки их в Сугдае свидетельствуют о торговых контактах Руси и Таврики в это время.

Завершая анализ археологического материала, отметим, что корреляция основных типов амфор исследованного комплекса позволяет определить время его существования в рамках XI-XII вв. Не противоречит этому и хронология поливной посуды. На первую четверть XI в. как на нижнюю дату существования комплекса указывают медные византийские монеты, присутствующие в его составе. Первая из них является анонимным фоллисом класса А-II, датированного в настоящее время 976 - 1030/35 гг.⁴⁸ Второй анонимный фоллис (класса В) выпущен в правление Михаила IV и датируется 1030/35 - 1042 гг.⁴⁹ Ещё одна монета, уже упомянутая выше, пущена в обращение при Михаиле VII (1067 - 1078 гг.).⁵⁰ Кроме них, обнаружены две херсонско-византийские моне-

ты. Одна из них относится ко времени правления Константина VII и пущена в обращение в первой четверти X в.⁵¹ В монете просверлено отверстие для подвешивания. Она не может быть использована для датировки комплекса, поскольку использовалась как украшение, а также в силу того, что медные выпуски херсонского монетного двора находились в обращении длительный период. Так, в составе кладов конца X - начала XI вв. присутствуют медные выпуски Льва VI (886 - 912 гг.) и даже Василия I (867 - 886 гг.).⁵² Другая монета является односторонней отливкой с монограммой имени *Родолфс* и датируется обычно концом XI - первой половиной XII вв., но вероятно она находилась в обращении до первой половины XIII в.⁵³

В результате раскопок жилого комплекса XI-XII вв. в портовой части Сугдеи появилась возможность сделать несколько важных выводов:

- в первой четверти XI в. происходит, по крайней мере частичная, перепланировка городской застройки города;
- одновременно с этим происходит смена материальной культуры жителей города;
- в XI вв. в Сугдае проживает группа кочевников, очевидно, печенегов;
- налаживаются тесные контакты юго-восточной Таврики с русскими землями.

Публикуемый комплекс начал существование, по всем вышеприведенным данным, не позднее первой четверти XI в. К этому времени Восточная Таврика, в том числе и Сугдея, была включена в состав византийских владений, до второй половины XI в. на полуострове существовала лишь одна византийская военно-административная единица - фема Херсона и Кламотов, или просто Херсона. В тактиконе Икономида, который относится к 80-тым гг. X в., упоминается другая военно-административная единица Таврики - фема Боспора Киммерийского.⁵⁴ Реальное ее существование подтверждается находками печатей Георгия Чуло - прото-спарфия и стратига Боспора.

В этом же тактиконе упоминается еще одна новая фема, основанная в то же время - морская фема Понта Эвксинского. Некоторые исследователи склонны локализовать ее центр в Сугдее.⁵⁵ На наш взгляд, эта оригинальная гипотеза, к сожалению, не подкреплена в достаточной степени аргументами. При этом отвергается целый ряд догадок Н. Икономида, предлагающего искать центр этой фемы на южном побережье Черного моря.ход рассуждений исследователя состоял примерно в следующем.

Византийские военно-морские силы в IX-X вв. были организованы в особую фему Эгейского моря, с центром в городе Абидосе. Этот флот защищал столицу империи от нападений арабов с юга и использовался для морской поддержки экспансии Византии в Восточном Средиземноморье, особенно активизировавшейся после захвата греками Крита (963 г.). Флот же, размещенный на Эвксинском Понте (судя по дате тактика Икономидиса, не позднее 985 г.), был предназначен для прикрытия византийской столицы с севера. Несомненно, его действия были направлены против русских, совершивших ряд опустошительных набегов на Константинополь во второй половине IX - первой половине X в. В качестве центра этой фемы Н. Икономидис склонен видеть Боспор Фракийский, как наиболее подходящий порт в этой части побережья Черного моря. Важным подтверждением в пользу такого решения данной проблемы служит одно место из истории Льва Диакона. Фрагмент относится к июлю 963 г., когда Никифор Фока, провозглашенный в Кесарии императором, «назначил стратигов и отправил их к Евксину, по всему побережью, и в Абидос (... ἐπὶ τὸν Εὐξείνιον καὶ τὰ παρακτὰ παντὰ καὶ Ἀβίδου ...)» и далее: «...то он сделал для того, чтобы занять все морские пути и переправы...»⁵⁸ Из приведенного отрывка видно, что претендент на престол Никифор Фока, стоявший во главе войск Востока, направил своих стратигов, чтобы привести в подчинение морские силы, находившиеся как южнее столицы в Абидосе, так и севернее - на Эвксинском Понте; и таким образом, обеспечивал себе превосходство на море в предположительной борьбе за Константинополь.

Таким образом, письменные источники говорят не в пользу гипотезы о локализации центра стратигии Понта Эвксинского в Судее. Во всяком случае, было бы странно видеть один из двух императорских военно-морских флотов размещенным на северной, довольно опасной границе, в портовом городе, недавно перешедшем под власть Константинополя. Изучение подвесных печатей, найденных в последнее время в большом количестве в бухте Судак, могло бы дать решающий аргумент в пользу такой точки зрения,⁵⁹ но, к сожалению, пока не дело: в обширном сфрагистическом фонде Судеи отсутствуют печати стратигов этой фемы.

В настоящее время нет никаких данных, позволяющих определить военно-административный статус Судеи в составе Византийской империи ко второй половине X в. По

крайней мере, в начале XI в. город становится центром особой стратигии, во главе которой стоял протоспафарий - чин, равный по рангу стратигам других фем Таврики. Этот факт стал известен после публикации печатей стратигов Судеи, найденных недавно при подводных исследованиях в судейском порту, сфрагистический тип которых датируется началом XI в.⁶⁰ В это время Судея являлась крупнейшим городским центром Восточной Таврики и обладала мощными крепостными и портовыми сооружениями, возведенными еще в хазарскую эпоху; обрала площадь внутрикрепостного пространства, по данным раскопок разных лет, составляла не менее 20 га.⁶¹ К середине XI в. значение Судеи как центра фемы снижается, и она как войсковая единица подчиняется стратигу Херсона, что подтверждает известная надпись 1059 г. патрикия Льва Амиата, именуемого в ней одновременно стратигом Херсона и Судеи.⁶²

Присоединение хазарских территорий в Восточной Таврике к Византии, очевидно, было связано с трудностями. В Таврике с давних пор были сильны сепаратистские устремления местной служилой знати, особенно выходцев из варягов. По сообщению византийского хрониста Иоанна Скилицы, в 1015 г. в Таврике вспыхнул мятеж под предводительством Георгия Чуло.⁶³ Для его подавления, помимо византийского отряда, были привлечены русские воины, возглавляемые братом киевского князя Владимира - Сфепом. О подробностях военных действий источник умалчивает; известно лишь, что поход оказался удачным: византийская власть на полуострове была восстановлена. Некоторые детали этих событий стали ясны после детального хросопографического анализа данных титулатуры, содержащейся в нескольких известных моливдувах Георгия Чуло. На печатях он в одном случае назван стратигом Херсона, в чине спафария; в другом - стратигом Херсона в чине протоспафария; затем в том же чине - стратигом Боспора.⁶⁴ Исходя из этого, предполагается, что мятеж Георгий возглавил, будучи стратигом Боспора.⁶⁵ Связь его с Восточной Таврикой подтверждается еще и происхождением. Некоторые исследователи придерживаются мнения о его болгарском происхождении,⁶⁶ а источник локализует события в Хазарии, что индийский раз подтверждает связь мятежника с кочевой средой.

Мятеж, возможно, охватил не только Боспор, но и другие пункты. Как нам кажется, именно с этими событиями можно свя-

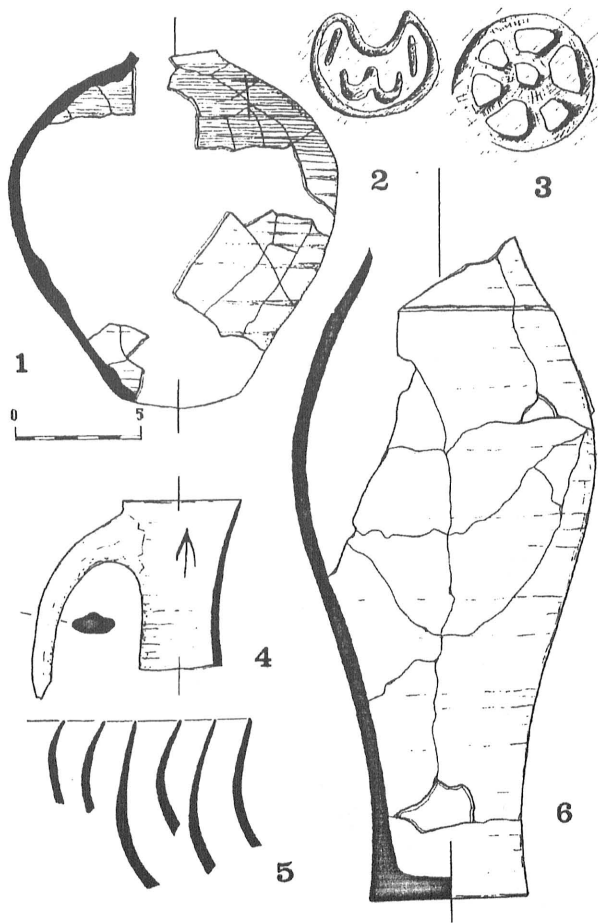

Рис. 10.
Керамика из раскопок усадьбы XI-XII вв.

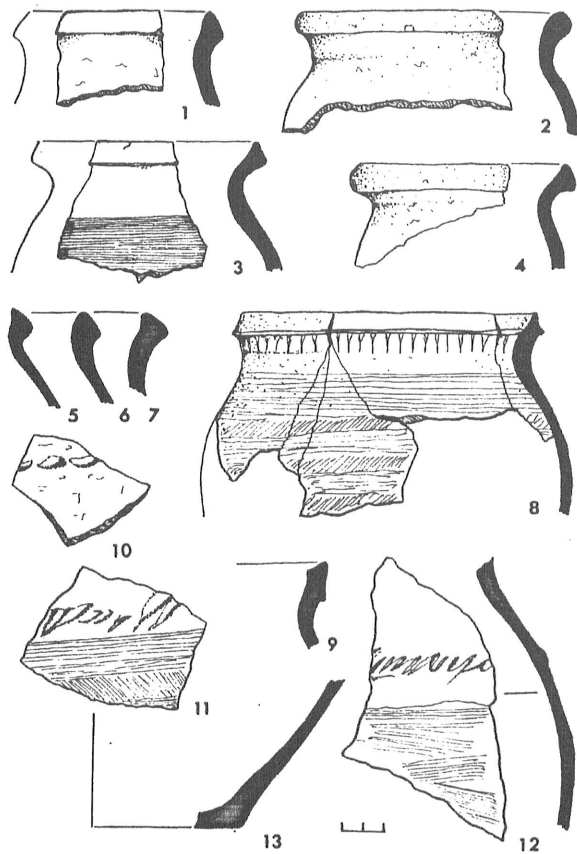

Рис. 11.
Кухонная керамика из раскопок усадьбы XI-XII вв.

затянутое разрушение археологических комплексов с тонкостенной керамикой, иногда сопровождавшееся пожарами. Эта керамика впервые появляется в Крыму ранее середины X в. и связана она вероятно с казарами. В частности, эту керамику содержал дие постройка, предшествовавшие публикуемому объекту XI-XII вв. Приведённые археологические и нумизматические данные не противостоят такому решению вопроса. Дальнейшие раскопки должны уточнить датировку и характер процесса.

Об отношениях Византийской империи с восточноевропейскими кочевниками в XI в. известно очень много. В частности, следует упомянуть, что в середине этого столетия чрезвычайно активизировали свои действия на Балканах печенег, которые почти 40 лет вели войны против империи.²⁵ Совершенно ничего не известно об их отношениях с населением Таврики. Опубликованные нами материалы (кухонная керамика) позволяют утверждать, что в Судее в XI в. поселилась группа печенегов. Вероятно, их расселили в крепости в качестве федератов, обязанностью которых была защита границ. Некоторое время такая практика осуществлялась на нижнем Дунае, где в 1042 г. была разгромлена печенежская орда Кегея, бежавшая из степи в результате междоусобицы.²⁶ По Константину Багрянородному, печенегу уже в первой половине X в. соседствовали с Херсонем.²⁷ В 917 г. с царём Херсона была Иоанн Воак (Ἰωάννης ὁ Βοηγῆς),²⁸ который по мнению Г. Моравчика, был по происхождению печенегом.²⁹ Длительное соседство печенегов с византийскими народами Таврики не могло не сказаться на том, что представители этого варяжского племени переходили на военную службу к грекам. Археологический материал, приведённый нами, служит тому надёжным подтверждением.

Важный эпизод из истории Судеи XI в. можно реконструировать по тексту одной заметки на полях греческого рукописного синаксари, находившегося в 1186 - 1418 гг. в Судее (хранится в библиотеке Халкицкой православной академии под № 75).³⁰ Текст книги литургического назначения представляет собой сборник чтений в память святых, распределённых по дням церковного года, а также службу кратко Великого Поста и Пасхи. Как правило, такой текст помещался после сборника евангельских и апостольских чтений. За время пребывания рукописи в одном из монастырей Судеи (вероятно, в монастыре Богородицы Скутариотиссы³¹), на её полях было сделано множество заметок, в основном некрологов. Эти заметки, содержавшие краткие сведения об усопшем, играли роль монастырских

obituaria и русских синодиков. Помимо данных об усопших обитателях монастыря, на полях имеются заметки исторического характера, а также дополнения и исправления к основному тексту синаксари, необходимые в местной литургической практике.³² Основной текст таких записок в судейском синаксаре предвзвешен стандартной формулой: «В тот же день мы празднуем...» (Ἐν τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἑορτάζεται...).³³ Так, в рукописи внесены сведения о празднике в честь Стефана Судейского. Подобным же образом внесены изменения в церковную службу во всём православном мире.³⁴

Такими же словами начинается и интересующая нас заметка № 150 от 29 января:

«Ἐν τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἑορτάζεται ἡ ἐφ' ἡμεῶν διατασ... τῶν ἀνομιῶν οὐβ[ε]χ[ε]ῶν πολλῶν χρισ... τῆν... ἐξέπολιμ [ἢ] τῆρ ἀν[θ]ρωπ[ο]ν... τὴν ἑγγύσ... ἄ... τοῦ μονομαχοῦ... α... (καὶ) ἀναχοροσάντ(ων) [ἐκ τῆς] πολέως σου; ἰ(αίης)»³⁵

+ В тот же день празднуем, (как) повинившиеся на нас беззаконные узбеки окружили город осадными машинами... вблизи... Мономаха... и удалились от города Судеи.

Текст записи был впервые опубликован архимандритом Антонином (Капустинным) в 1863 г.³⁶ В 1965 г. заметки Халкицкого кодекса были вновь обработаны и опубликованы греческой исследовательницей М. Нистазоула, которая в своей работе об истории Судеи в XIII-XV вв. предождала вероятную дату появления её на полях книги - 1327 г. Нет никакого сомнения в том, что время написания текста определено правильно исследователем, сравнившей почерк датированных и недатированных заметок. Тем не менее, события, упомянутые в записи не могут быть отнесены к 1327 г., поскольку к этому времени город Судея не имел крепостных сооружений, сохранились лишь укрепления цитадели. В 1322 г. Правитель Крыма Толак-Темир без боя занимает город.³⁷ Этот факт позволяет утверждать, что уже к тому моменту инициатива обороны Судеи была разрушена. Произошло это, очевидно, в 1309 г. во время антиордынских восстания в Восточном Крыму.³⁸ 25 апреля 1327 г. в Судею вновь входит отряд Толак-Темира, который разрушает цитадель города («ἐκατέληθεν τὸ ἄκαστ(ον)» - последний оплот горожан.³⁹

В заметке, сообщающей об этом событии, применён термин *ἡ χῆτρον*, одинаково приемлемый для обозначения крепости, замка или цитадели. Отсутствие после него в тексте заметки топонима - *τῆς Σουρδαίας* заставляет думать, что в данном случае идёт речь именно о городском замке - цитадели. Во всяком случае, в 20-е гг. XIV вв. Судея почти полностью находилась во власти та-

тарского правителя Крыма, а сё христианское население и не помышляло о сопротивлении татарам.⁸⁰ Из этого следует, что 29 января 1327 г. нападения на город с применением осадных машин не могло произойти.

При любом решении вопроса о датировке, в заметке идёт речь о *местнои*⁸¹ церковном празднике, учреждённом по случаю святого избавления от угрозы «нечестивых

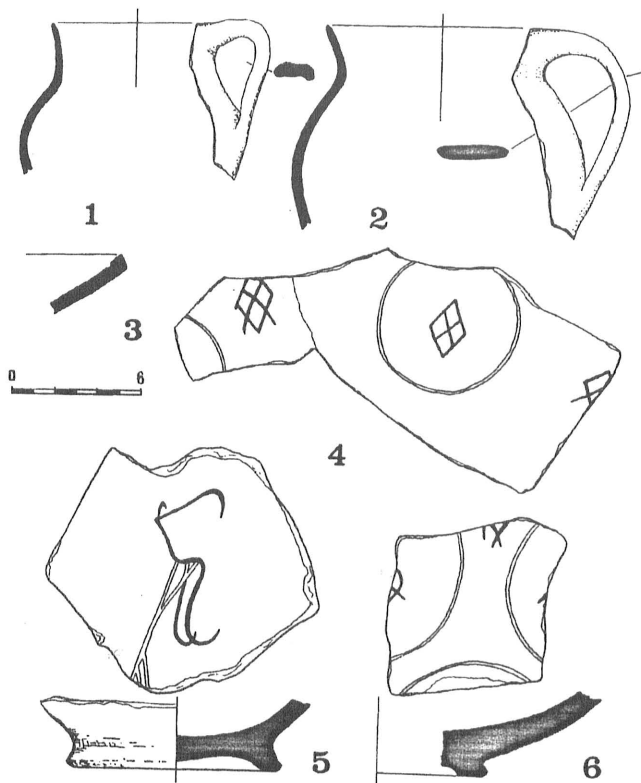

Рис. 12.

Появившая керамика из раскопок усадьбы XI-XII вв.

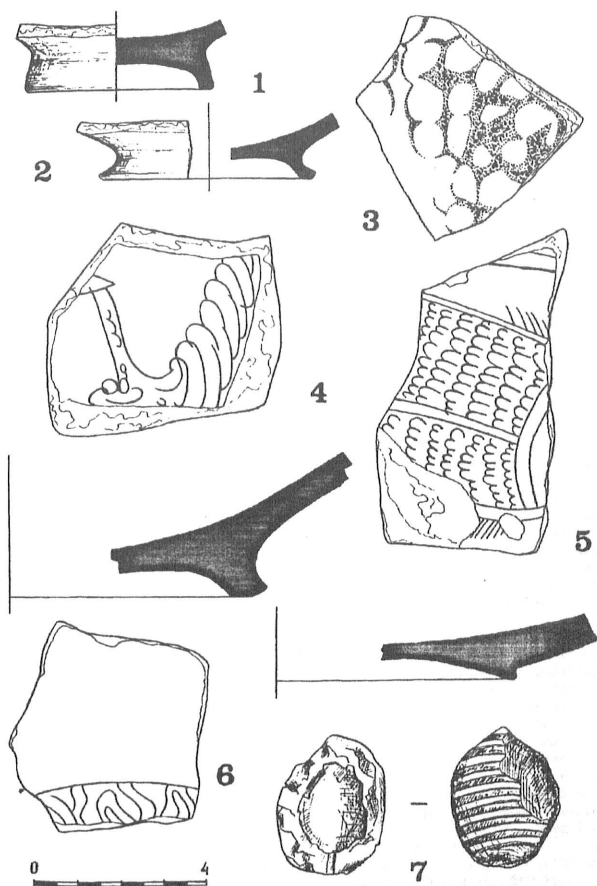

Рис. 13.

Подшивная керамика из раскопок усадьбы XI-XII вв.

узбеков». На дату указывает, кроме того, во-первых, родовое имя Мономах (τοι Μονομάχου), имеющееся в тексте и, помещенное Антонина (Капустина), относящееся к Константину IX Мономаху (1042-1054 гг.). Во-вторых, этническим упомянутый в ней - οὗ Ὀβλιζχοῦ, который обозначает узлов - кочеников XI в. Его, очевидно, не следует понимать, ни как «вольных узбеков», ни как «последних ханов Узбеком». Именно так попытка объяснить это М.Н. Исагосудов. В данном случае, очевидно, термин узлы²² (торки русских летописей) у писца первой половины XIV в. легко перепутался в узбеков, поскольку ему наверняка было известно однокоренное имя хана Золотой орды Узбека (1312-1341 гг.). Сам факт осады уламн Сугден мог быть известен ему из местных городских хроник, преданий или из других книг босфорского назачения.

При Константине IX Мономахе, правившем в 1042-1054 гг., Византийская империя претерпела целый ряд поражений от печенегов, хамнувших на Балканы. В то же самое время, когда печенегии оказались за Дунаем, хозяевами Причерноморских степей стали узлы. Племена узлов были известны европейцам еще в X в. своими походами на Хазарию²³ и дружественными отношениями с киевскими князьями Святославом и Владимиром. Если верить записке № 150 в предложенной интерпретации, то они могли предпринять нападение на византийские владения в Таврике между 1048-1054 гг., то есть между годом ухода печенежской орды за дунайскую границу и годом смерти императора. Возможно, с этим нападением узлов связаны разрушения крепости Херсона и последовавший за этим её ремонт стратигом Львом Азиатом в 1059 г. Инцидент в Судее закончился для жителей города благополучно, и тем более это событие стало памятным для них в такой степени, что был учреждён особый церковный праздник по этому поводу.

Поселя кочеников на территории своих владений в Таврике, византийские власти преследовали цель зажитьить северные границы империи от усилевшихся в XII в. русской Тамугараканского княжества. Связи Восточной Таврики с Русью активизируются в середине X в. Этим временем датируются находки шиферных пряслиц в культурном слое городища Сугден. Присутствие в составе публикуемого комплекса фрагмента кермической писанки может говорить о непосред-

ственном проживании в городе русских. О контактах русских с Судеей говорит находка бронзовой монеты Тамугараканского княжества первой половины XI в., выпущенной одним из русских князей в подражание зомтикомсамом Роману III и Константину VIII²⁴. К сожалению, эта монета найдена без точной привязки к стратиграфии раскопа № III и не может быть использована для датировки публикуемого комплекса. О связях Сугден с русскими землями в XII в. красноречиво свидетельствуют многочисленные памятники прикладного искусства, найденные на самом городище и в его ближайшей округе. Это крестные кресты, энколпионы, бронзовые иконки-скалдн, в основном киевского происхождения. Подавляющее большинство этих предметов датируется XII - первой половиной XIII вв. Они попали в юго-восточную Таврику, очевидно, в результате непосредственных торговых контактов с Киевской Русью.

С 1055 г. узлы постепенно вытесняют из южнорусской степи племена половцев. До монгольского завоевания они оставались основной определяющей силой в регионе Северного Причерноморья и Крыма. По всей вероятности в XII в. (наверняка уже после прекращения существования Тамугараканского княжества) византийские владения в Таврике попадают под их протекторат. Зависимость греческих городов выражалась в выплате дани. По сообщению Ибн-ал-Асири (начало XIII в.) Судак «это город кыпчаков»²⁵. Более поздние сведения Гильёма Рубрика значительно подробнее на этот счёт. Рассказывая о городах, расположенных между Херсоном и Судеей, он говорит, что до появления здесь татар куманы «заставляли вышеупомянутые города и замки платить им дань...» («codebant civitates predictas et castra ut darent eis tributum...»)²⁶. Иные сведения по истории Восточной Таврики в XII веке отсутствуют. Несомненным нам кажется лишь тот факт, что Судеей в этот период не выходила из орбиты собственно византийских земель.

В целом, археологическое изучение слес XI-XII вв. Судеей может дать много фактов, существенно дополняющих нынешнее состояние знаний об истории города и региона в это время. Надеемся, что и наша работа, хотя бы в малой степени, поможет более ясно представить историческую картину «темных веков» для археологии средневековой Таврики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада. - Ростов-на-Дону. - 1989. С. 54-56; Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. - К., 1991. С.127.
2. Авторы выражают глубокую признательность М.А.Фронджуаю за предоставленные для публикации материалы раскопок.
3. Фронджуаю М.А. Отчёт о раскопках Судакского отряда в 1968 г. // Архив Крымского филиала института археологии НАН Украины.
4. Фронджуаю М.А. Раскопки в Судаке // Феодалы Таврика. - К. - 1974. С.148-149; Баранов И.А. Периодизация... С.47-48.
5. Hagimichali A. L'art populaire grec // Byzantinisch - Neugriechische Jahrbucher. - 1928. - Bd.6, P.43, Fig.6.
6. Яковсон А.А. Средневековые амфоры Северного Причерноморья // Советская Археология. - Т. XV. - 1951, С.336, Рис.10, 35,36.
7. Bacirtzis Ch. Byzantine amphorae // Bulletin de Correspondance Hellenique. Suppl. -XVIII. -1989, P. 78; Gunzenin N. Recherches sur les amphores byzantines dans musées Turcs // Bulletin de Correspondance Hellenique. Suppl. -XVIII. - 1989, P. 279.
8. Яковсон А.А. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. -А. -1979, С.110; Мыц В.А. Укрепления Таврики X-XV вв. -К. -1991, С.86-88.
9. Яковсон А.А. Керамика... С.43,109.
10. Михана Пселла. Хронография. -М. -1978, С.125.
11. Demangel R., Mambory E. Les quartier des Manganes et la premiere region de Constantinople. -Paris. -1939, P.19, Taf. VI, VII.
12. Баранов И.А., Майко В.В. Отчёт о раскопках в Судакской крепости в 1994 г. // Архив Крымского филиала института археологии НАН Украины, С.7; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. -К. -1977, С.165.
13. Плетнёва С.А. Керамика Саргала - Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии. -№ 75 -1959, С.245.
14. Varnea I. La ceramique byzantine de Dobrouja X-XII siecles // Bulletin de Correspondance Hellenique. Suppl. -XVIII. -1989, P.133.
15. Ивакин Г.Ю., Степаненко А.Я. Раскопки северо-западной части Подола в 1980-1982 гг. // Археологические исследования Киева в 1978-1983 гг. -К. -1985, С.90.
16. Яковсон А.А. Керамика... С.110-111; Мыц В.А. Укрепления... С.87.
17. Яковсон А.А. Керамика... С.111.
18. Bacirtzis Ch. Byzantine... P.75.
19. Varnea I. La ceramique... P.141-142; Gunzenin N. Recherches... P.273-274.
20. Яковсон А.А. Керамика... С.72; Demangel R., Mambory E. Les quartier... Fig.199.
21. Gunzenin N. Ateliers d'amphores byzantines du XIe siecle au nord de la mer Marmara // XVIII-й Конгресс византистов. Резюме сообщений. -Т. II. -М. -1991, С.1288-1289.
22. Сообщение научного сотрудника Института памятнично-охранных исследований В.Булаговой (г. Киев).
23. Demangel R., Mambory E. Les quartier... Fig.201; 5,95,159.
24. Varnea I. Ceramica de import // Dinogetii. -Vol. 1. -Bucuresti. -1967, Fig.159;5.
25. Яковсон А.А. Керамика... С.74-75.
26. Яковсон А.А. Керамика... С.111-113; Popovic M. Importation at production locale du ceramique a rus // Bulletin de Correspondance Hellenique. Suppl. -XVIII. - 1989, P.129.
27. Плетнёва С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло Тамтаракаши. -М. -1963, С.56, Рис.34;1.
28. Ивакин Г.Ю. Степаненко А.Я. Раскопки... С.103, Рис.27; Колчин Б.А., Хорощев А.С., Янин В.А. Усадьба новгородского художника XII в. -М. -1981, Рис.40.
29. Popovic M. Importation... P.129, Fig.6.
30. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. -К. -1990, С.23; Яковсон А.А. Керамика... С.75.
31. Плетнёва С.А. Керамика... С.249.
32. Константин Багрянородный. Об управлении империей. -М. -1989, С.272-273.

33. Баранов И.А. Таврика... С.23.
34. Плетнёва С.А. Керамика... С.249.
35. Плетнёва С.А. Керамика... С.234, Рис.19;10,11,16,17.
36. Станко В.Н. Детское захоронение кочевника // Записки Одесского Археологического Общества. -Т.1.-Одесса.-1960, С.231, Рис.1;1.
37. Романчук А.И. Керамический комплекс XI-XII вв. из раскопок портового района Херсонеса // Античная Древность и Средние Века. -В.12.-1975, С.15, Рис.9;1,2.
38. Vogtsov V. Diadovo. -Vol. I.-Токуз.-1986.
39. Залесская В.Н. Связи средневекового Херсона с Сирией и Малой Азией в X-XIII вв. // Восточное Средиземноморье и Кавказ в IV-XVI вв. -А.-1988, С.285.
40. Vogtsov V. Diadovo... P.222, Fig.260.
41. Якобсон А.А. Керамика... С.130.
42. Philotheou G., Michailidou M. Plats byzantins provenant d'une epave pres de Castelorigo // Bulletin de Correspondance Hellenique. Suppl. -XVIII.-1989, P.176.
43. Чангова И. Перник. -Т.3.-София.-1992, С.97; Ioannidaki - Dostoglou E. Les vases de Gerave byzantine de Pelagoneze - Halonnes // Bulletin de Correspondance Hellenique. Suppl. -XVIII.-1989, Fig.30,31.
44. Чангова И. Перник... Рис.150; Ioannidaki - Dostoglou E. Les vases... Fig.24-29; Varnea I. Ceramica... Fig.150.
45. Varnea I. Ceramica... P.169-170.
46. Фронджуло М.А. Раскопки... С.149.
47. Сагайдак М.А. Давньокіпський Поділ. -К.-1991, С.107.
48. Толстой И.И. Византийские монеты. -В.10.-Барнаул.-1991, С.139, Табл.76;7/1.
49. Толстой И.И. Византийские... С.142, Табл.80;2.
50. Rascul Iul Soare. Satate byzantina. -Vol.1.-Bucuresti.-1972, P.277, Taf.XXXVIII;33.
51. Анохин В.А. Монетное... С.162.
52. Гиаевич А.М. Клад херсон-византийских монет (IX-X вв) // Нумизматика и сфрагистика. -Вып.5.-1974, С.91-94.
53. Анохин В.А. Монетное... С.167.
54. Oikonomides N. Les listes de preeseance byzantines des IX et X siecles. -Paris.-1972, P.268-269.
55. Баранов И.А. Таврика... С.154; Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики // Античная Древность и Средние Века. -В.25.-1992, С.128-129.
56. Leon Diasoni Saloensis. Historia libri decem // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. -Вонае.-1828, P.44; Лев Диакон. История. -М.-1988, С.27.
57. Баранов И.А. Таврика... С.154.
58. Баранов И.А., Степанова Е.В. Церковная и военная администрация византийской Судеи // Археология Крыма. -№ 1.-1997, С.86-87.
59. Баранов И.А. Периодизация... С.48, Рис.3.
60. Алатышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времён из южной России. -С.Пб.-1896, С.16-18.
61. Georgius Cedrinus. Ioannis Scilitzae compendium historiaram // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae -Vol.1.-Вонае.-1838, P.464.
62. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. -А.-1983, С.103-106.
63. Степаненко В.П. К истории... С.126-127.
64. Артамонов М.И. История хазар. -М.-1962, С.436.
65. Васильевский В.Г. Византия и печенеги // Труды В.Г.Васильевского. -Т.1.-С.Пб.-1908, С.16-49.
66. Васильевский В.В. Византия... С.10.
67. Константин Багрянородный. Об управлении... С.36-37.
68. Theophanes Continuatis // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. -Вонае.-1838, P.387.
69. Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. -Bd. II.-Budapest, P.92.
70. Рукопись содержит 219 листов. Основная часть её написана не позднее XI в. в Константинополе. После того как рукопись попала в Судею, к ней были пришиты ещё два листа с текстом критского жития преподобного Стефана Судейского, которое в греческом варианте известно только в этом списке.
71. Νόστα, Σολοῦλου Μ. Νεὴ τῆ Ταυρικῆ, χερσονήσου πόλις Σουγδαία. -Αθήνα.-1965, P.113.

72. Курсив авторов.
73. Νισταζοπουλου Μ. Η εν τη Ταυρικη... Ρ.119, № 24; Ρ.131, № 141; Ρ.132, № 150; Ρ.133, № 164.
74. Красносельцев И. Рец. на Дмитриевский А.А. Богослужение страстной и пасхальной седмиц во св. Иерусалиме IX-X в. -Казань.-1894 // Византийский Временник. -Т.П. -В.4. -1895, С.633.
75. Νισταζοπουλου Μ. Η εν τη Ταυρικη... Ρ.132, № 150.
76. Антонин (архимандрит). Заметки XII-XV века, относящиеся к крымскому городу Судея (Судаку), приписанные на греческом синаксаме // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. -Т.V. -1863, С.601.
77. Νισταζοπουλου Μ. Η εν τη Ταυρικη... Ρ.132, № 147.
78. Баранов И.А. Периодизация... С.56.
79. Νισταζοπουλου Μ. Η εν τη Ταυρικη... Ρ.132, № 153.
80. Васильевский В.Г. Исторические сведения о Сурожье // Труды В.Г.Васильевского. -Т.П. -Петроград. -1915, С.СХСIII-СХСV.
81. Курсив авторов.
82. У греческих авторов XI в. для обозначения узлов-торков применялся термин οἱ Οὐζοὶ см. напр. Michael Alatala. Historia. -Вонае. -1853, Ρ.83.
83. Петниёва С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии. -№ 62. -1958, С.217.
84. Голенко К.В. Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам // Византийский Временник. -Т.XVIII. -1961, С.218, Рис.1;4.
85. Тизенгаузен В.Е. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. -Т.I. -С.Пб. -1884, С.26.
86. Вихелм Рубрук. Пътепис на брата Вихелм Рубрук от ордена на минорите, годината на мидостта господя 1252 за източните страни // Извори за българската история. -Т.XXIV. -София. -1981, С.197.

Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В.

КЛАДОВАЯ ДОМА XIII ВЕКА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА

Изучение заключительного этапа жилищной застройки Херсона-Корсуни имеет совершенно особенное значение для исследования средневекового Крыма в целом, предоставляя разноплановую информацию о подневизантийском городе. Отличительной чертой этого периода было сооружение капитальных многокомнатных построек в один-два этажа, оборудованных вместительными, в ряде случаев подземными хранилищами¹. В таких кладовых довольно часто сохраняются хозяйственный инвентарь и керамическая тара (инюгда - с остатками продуктов), погребенные под руинами наземных зданий. Подобные памятники хорошо известны и для многих других последних средневековой Таврики в XIII-XV веках (Оскан-Кермен, Исар-Кая), обнаруживая значительное сходство как в общей конструкции нижнего этажа (подвала), так и в наборе открываемых раскопками предметов. Тем интереснее было бы рассмотреть, чем кладовые херсонесских жилищ отличались друг от друга, а также то, насколько эти различия обусловлены планом верхней постройки и ее положением в структуре жилого квартала. Именно такую возможность, вероятно, предоставляет в ближайшем будущем изучение средневековых усадеб квартала ХСVI в Северо-Восточном районе территории. Кое-что в этом направлении уже сделано. Так, в 1992 году экспедиция Херсонесского заповедника провела раскопки блока из двух помещений, имевших общую стену и примыкавших к поперечной улице (рис. 1-3). Собственно, это был цокольный этаж (полуподвал) погибшего в пожаре дома, перекрытый мощным слоем разрушения².

Кладки стен исследованных помещений (условно обозначенных как 13 и 136) при толщине 0,7-0,8 м сохранялись на высоту до двух метров. Они сложены из подобработанного бутового камня на известково-гипсовом растворе. В кладке лишь иногда прослеживается порядовка, в основном же она иррегулярна; двухъячеявая, двух- и трехлопастная, предназначенная выдерживать большую нагрузку.

В юго-восточной части постройки (помещение 13) культурный слой был нарушен грабительским раскопом, а на участке гра-

ничающего с ней "коридора" ("помещение" 13а) - почти полностью удален еще раскопками Одесского общества истории и древностей в прошлом веке³. "Коридор" 13а, вероятно, составлял часть внутриквартального двора и сообщался с дверным проемом (0,6х0,9 м) с помещением 13. Впоследствии в помещении 13 была произведена подсыпка грунта, скрывающая этот проем, и от уровня нового пола устроен внешний выход на поперечную улицу, по каменной лестнице в две ступени. Основные лестницы располагались на уровне 0,7-0,8 метра от подошвы стен; на том же уровне по всей площади земляного пола прослеживался слой горения мощностью 0,05-0,1 м. В грунтово-заполнении помещения 13 содержались фрагменты амфор с дуговидными ручками, а также плоскодонных гладкостенных амфор с ленточными ручками⁴; кроме того - многочисленные осколки столовой (простой и поинтовой) и кухонной посуды. Анализ комплекса находок позволяет утверждать, что весь дом, которому принадлежали подвалы 13 и 136, был возведен в один прием - вероятно, в конце XII - начале XIII вв., а погиб в общем пожаре, охватившем большую часть городской территории - не позднее, чем во второй половине XIII века⁵. Все отмеченные изменения в планировке этого дома и выразились в частичной перестройке первого этажа (помещение 13), проведенной, видимо, кем-то из последних владельцев усадеб.

Намного показательнее остальных находки из углового помещения 136 (размеры - 2,25х4 м), где в полной мере сохранился набор предметов, характерных для средневековых кладовых - своего рода мгновенный снимок картины небольшого хозяйства на момент гибели здания. Все стены кладовой - глухие; в нее спускались с верхнего этажа. Вход находился в северном углу кладовой - при раскопках на этом месте обнаружены остатки основания створчатой деревянной лестницы (рис. 4). Найдены массивные куски известня - возможно, предназначенной для строительных или отделочных работ; большой навесной железный замок, которым мог запирались сундук или ларь; куски обгоревшего каната; железные орудия труда - цапка-зубатка и тресбенка для че-

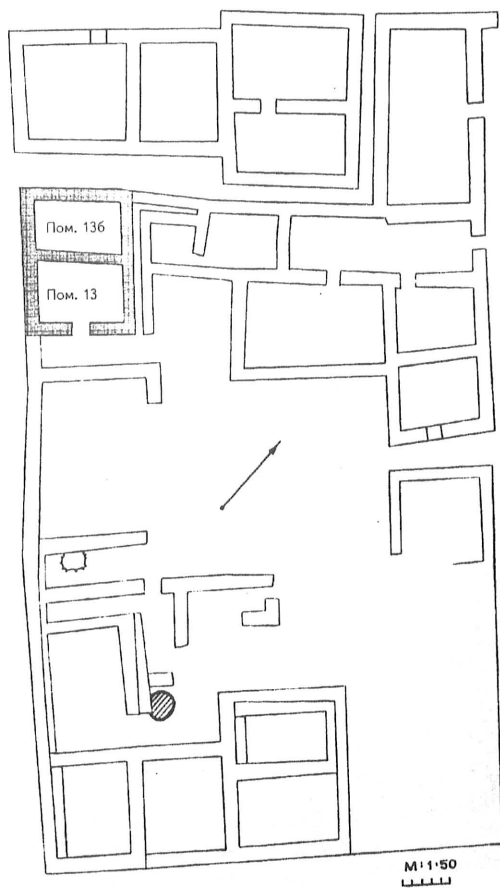

Рис. 1.
Схематический план квартала XCVI.

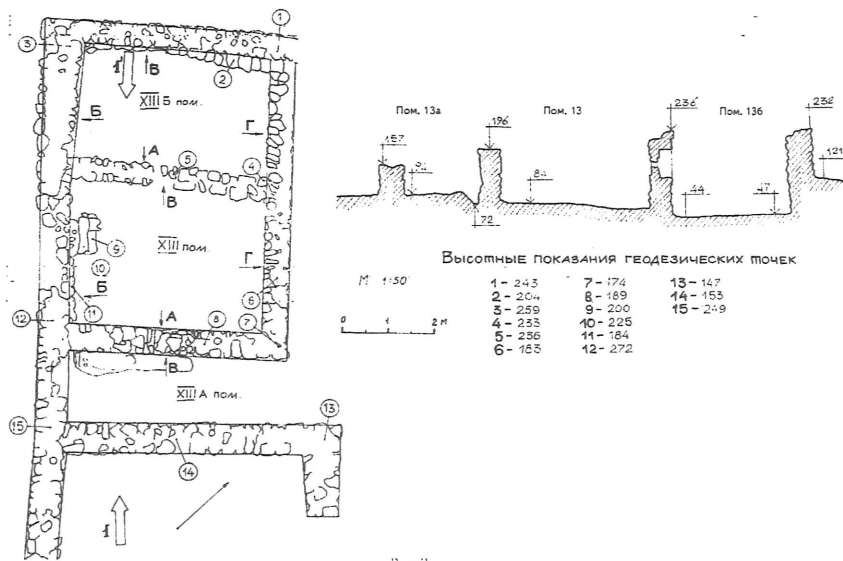

Рис. 2.

Помещения 13а, 13, 136, в западном углу квартала. План и разрез 1-1'.
 За отметку «0» взято показание репера, вмонтированного в кладку стены дома во II квартале.

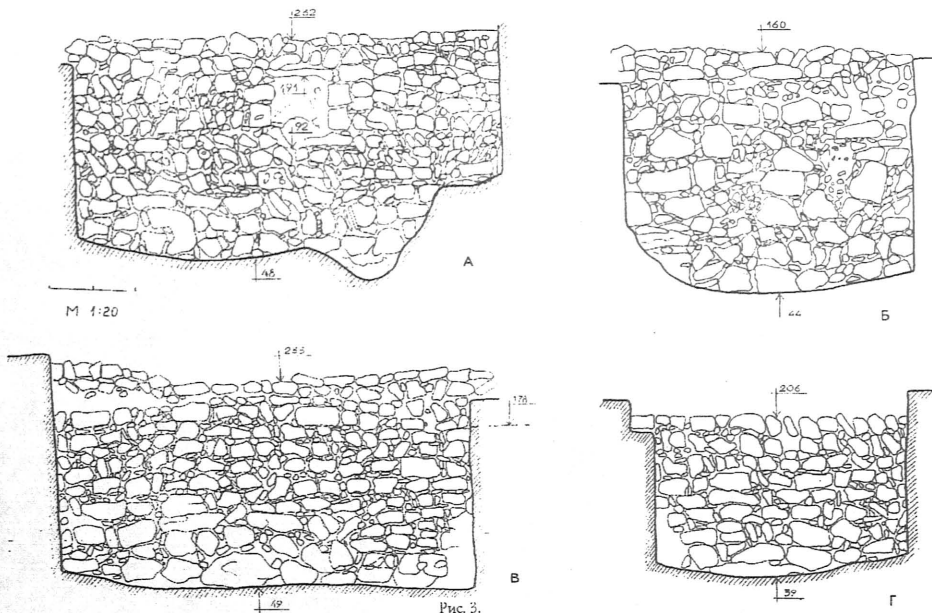

Рис. 3.
Фасировки стен помещения 136: А, Б, В, Г.

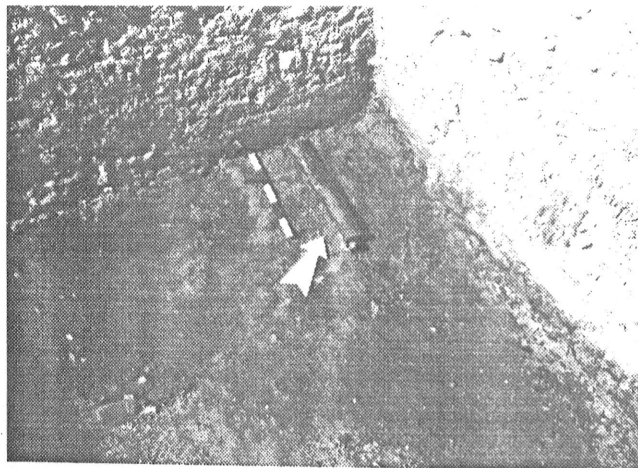
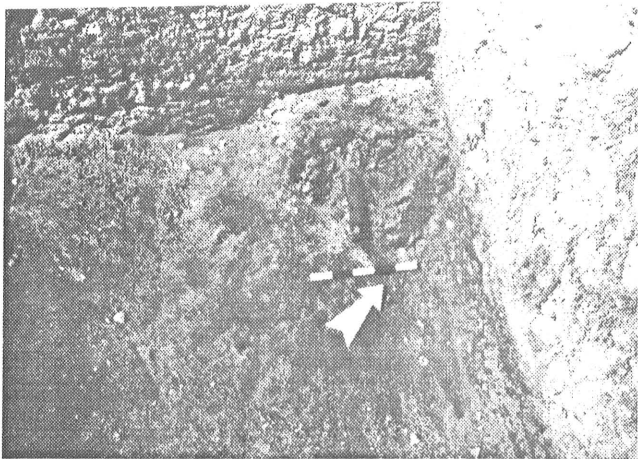

Рис. 4.

Зачистка остатков деревянной лестницы в северном углу кладовой (Пом. 136).

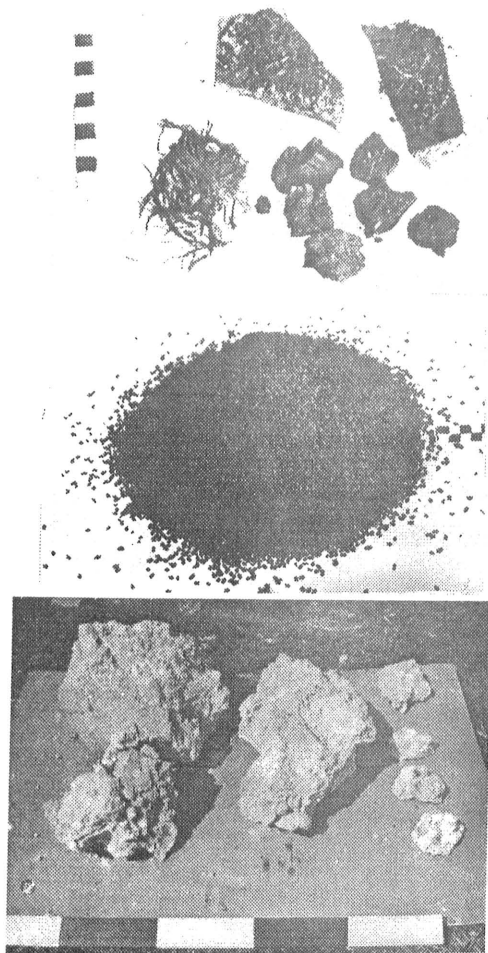

Рис. 5.

Материалы из кладовой: сторевший канат, древесный уголь, зерно, куски извести.

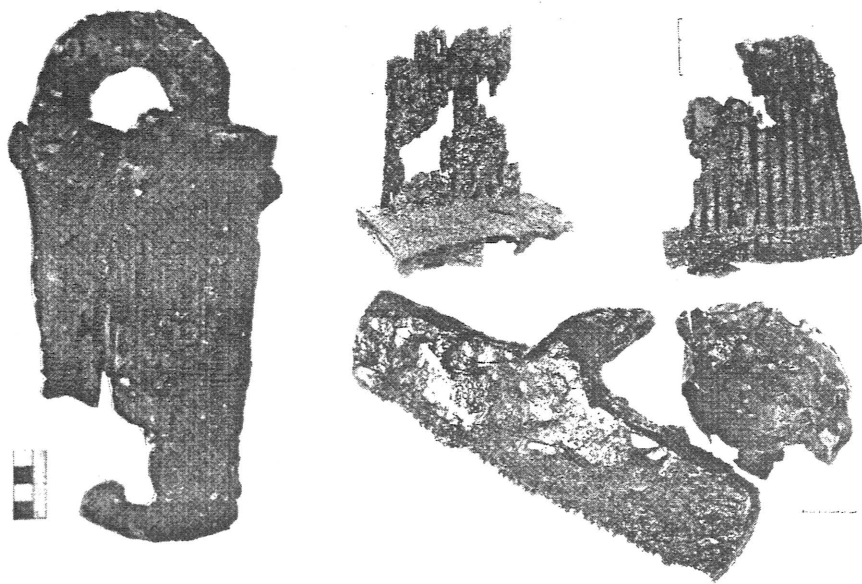

Рис. 6.

Металлические предметы из кладовой: Навесной замок, плочка, орудия труда.

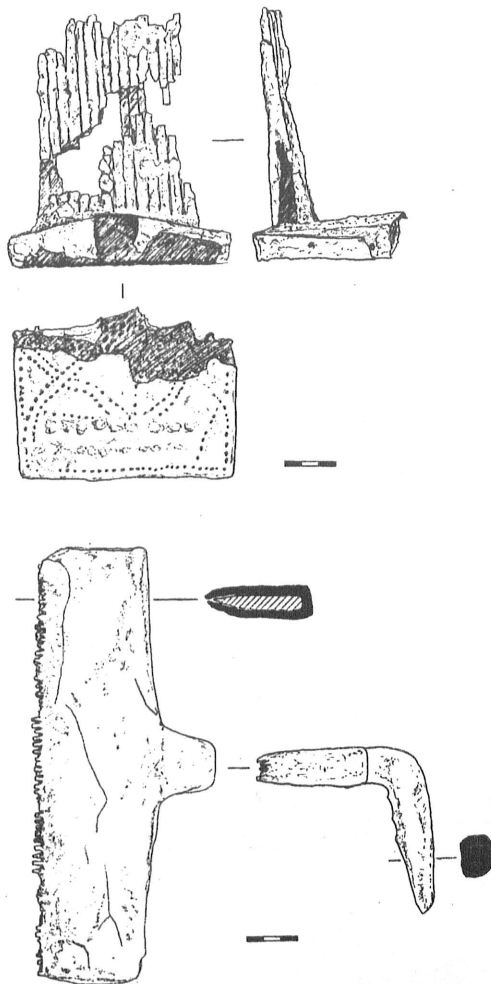

Рис. 7.

Металлические предметы из кладовой: орудия труда.

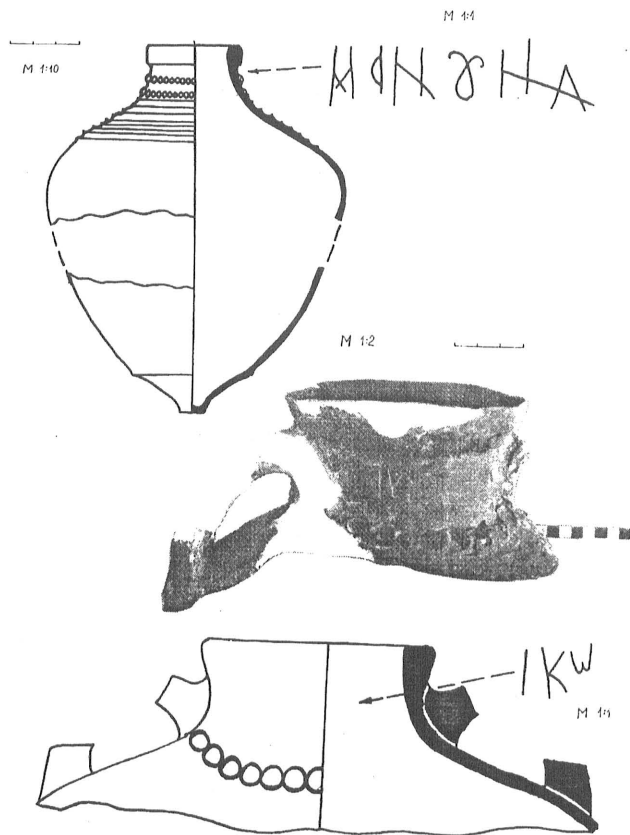

Рис. 8.
Пифосы с граффити из кладовой.

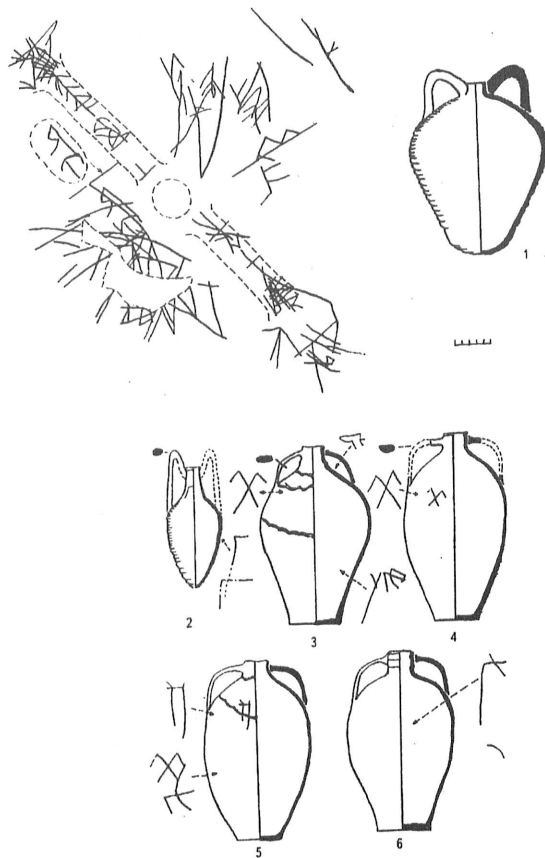

Рис. 9.
Амфоры с граффити, найденные в кладовой.

сания шерсти, медная чашечка (планка) (рис. 5-7). Все внутреннее пространство подвала в помещении 136 было завалено камнем из рухнувших стен и разбитой кровельной черепицей (удалось выделить остатки 27 условно целых керамид, что могло составлять участок кровли площадью до 3,1 кв. м). Помещение 136 отделяясь от помещения 13 поперечной стеной толщиной 0,5 м. В стене обнаружена небольшая квадратная ниша (рис. 3, а), открытая в помещение 136, вероятно предназначенная для светильника-плашки.

На земляном полу вдоль северо-западной и юго-западной стен кладовой располагались пифосы и амфоры, разбитые и придавленные остатками рухнувшего строения. Один из двух пифосов (высотой не менее

1,7 м) имел яйцевидное, раздутое в верхней части тулово с десятью горизонтальными каннелюрами у горла (рис. 8:1). Два верхних желобка заполнены ниткой колец-медальонов из накладки глины. Под массивным венцом пифоса - граффити (по черепку) *Μανυία*. Вероятнее всего, это имя владельца сосуда, причем неизвестно, принадлежала ли Мануида кладовая, а тем более - вся усадьба, или же он дедал право владения с кем-либо другим. Может статься, это был некий Стефан, первые буквы имени которого читаются в граффити на двух амфорах из той же кладовой (рис. 9:1,3).

От второго, несколько меньшего по размерам пифоса сохранились только дно и верхняя часть. Сосуд интересен уже тем, что имеет две ручки, между которыми распола-

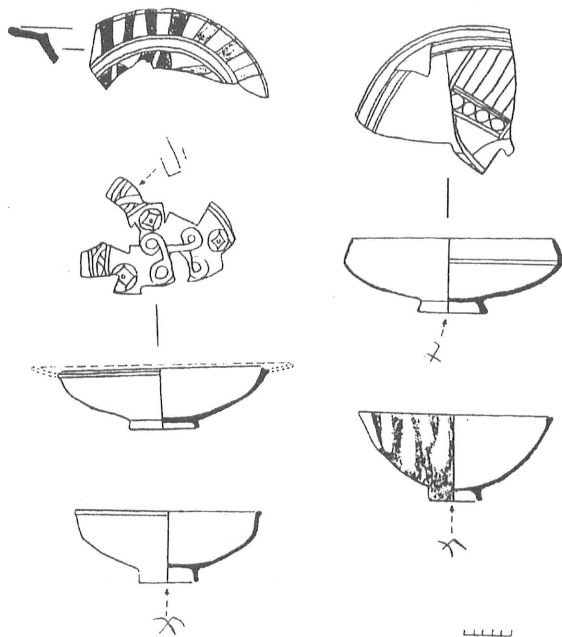

Рис. 10.
Полинвия керамика из пом. 136.

гается цепь накладных колец - "медальон" в виде провисающей гирлянды. Под венцом пифоса - граффити, нанесенное после обжига сосудов (рис. 8:2). Аналогичные пифосы с ручками (или, может быть, пифонидные амфоры?), насколько нам известно, прежде в Херсонесе не встречались.

Из шести амфор, найденных в подвале: четыре - гладкостенные плоскодонные, с уплощенными ручками (рис. 9:3, 4, 5, 6), одна - небольшая узкогорлая, с высоко поднятыми ручками (рис. 9:2), и, наконец, последняя - с крупным яйцевидным туловом, дуговидными ручками и округлым дном (рис. 9:1). На каждой амфоре имеются граффити, причем в одном случае граффити буквально опоясывают тулово амфоры и по ручкам поднимаются к ее горлу (рис. 3:1). В этом нагромождении линий пока удастся различить лишь отдельные знаки: монограммы "каппа-бета" ("Господи, помози?") и "альфа-крест-омега", пентаграммы (?), греческие буквы "пи", "бета", "альфа", "пси" и др. Привлекают внимание сходным начертанием пучки линий на ручках амфор - возможно, это изображение креста на Голгофе. Вероятно, всем перечисленным рисункам и надписям (кроме владельческой стипендии Стефана) придавалось магическое значение.

На паличках гладкостенных плоскодонных амфор прочерчены греческие буквы "хи" и "пси" - как по отдельности, так и в сочетании (рис. 2:5). Если определить χφ как сокращение слова (τὸ)χα(μ)φι, останется предполагать, что последние хозяйственное использование этих амфор (в некоторых найдены обугленные зерна) - вторичное, а первоначально в них содержалась рыба (хамса). Кроме того, зерно хранилось в "пифосе

Мануила". Общий вес пшеничных зерен, собранных внутри раздавленных сосудов, составил около 1,2 кг. Тогда же, при раскопках подвала 13б, найдена и поливная посуда (рис. 9) - красноглиняные сосуды XIII века, несомненно упавшие вниз из жилой комнаты, когда в пожаре обрушилась ее наземная часть постройки. Выделяются два типа обгоревших бляда (группа 2 по А.А. Яковсону)¹⁰, на донцах которых снаружи процарапаны знаки в виде букв "хи" и "пси" или косых крестов - вероятно, владельческие метки. К слову, такие же граффити имелись на поливной керамике, найденной в других помещениях, занимающих южный угол квартала ХСVI¹¹. Поэтому не исключено, что вся анфилада помещений, размещавшихся вдоль поперечной улицы, объединялась в одну усадьбу с помещениями 13 и 13б.

Наконец, гладкостенные плоскодонные амфоры, подобные четырем сосудам, открытым в подвале 13б, представляют тип керамической тары, имевший широкое распространение не только в Причерноморье¹², но также по всей Эгее и даже в области Пелопоннеса, где находки этих сосудов датируются в пределах XIII - первой четверти XIV века¹³. Тем не менее, состав археологического комплекса исследованных нами помещений (и том числе монетные находки¹⁴) позволяет заключить, что "дом Стефана и Мануила", подобно всем остальным сооружениям квартала ХСVI, внезапно погиб во второй половине XIII века в катастрофическом пожаре, охватившем Северный¹⁵ и Северо-восточный районы города. Возможно, это произошло во время одного из монголо-татарских военных походов на Крым в 1278¹⁶ или же 1299 году¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Яковсон А.А. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.). МИА, вып. 17. М.-Л., 1950. С. 47-48, 90-92; Даниленко В.Н. Жилье дома XIII-XIV веков // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К., 1988. С. 60.
2. Мыц В.А. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. 1987. № 2. С. 233-238; Он же. Укрепления Таврики в X-XV вв. К., 1991. С. 97.
3. Золотарев М.И., Ушаков С.В., Коробков Д.Ю. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1992 г. Архив НЗХТ, д. 3109/1. С. 21, 25-26.
4. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал Северо-восточного района Херсонеса // ХСб, вып. VIII, С. 31.
5. Ангонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута А.П. и др. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСб, вып. 7, Свердловск, 1971 - [тип. XXIII и XXV]; Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова А.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург, 1995. [классы 45 и 52].
6. Золотарев М.И., Ушаков С.В., Коробков Д.Ю. Отчет о раскопках в 1992 г. С. 21.
7. О методике расчета площади кровли по фрагментам черепиц см: Золотарев М.И., Ушаков С.В., Коробков Д.Ю. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1991 году. Архив НЗХТ. д. 3079.

8. Романчук А.И. и др. Ук. соч. - (классы 52, 45, 48); Антонова И.А. и др. Ук соч. - (типы XXIII, XII, XXV).
9. Новогреческо-русский словарь /Под ред. Пердикиса П. и Пападопулоса Т.- М., 1980. С. 807.
10. Якобсон А.А. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 125. Рис. 78: 1,7.
11. Золотарев М.И., Ушаков С.В., Коробков Д.Ю. Отчет о раскопках ... в 1991 году. С. 18-19.
12. См. обзор публикаций: Мыц В.А. Укрепления Таврики в X-XV веках, а также Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Ук соч. С.83 сл.
13. Sanders G. The Peloponnesian Churches and Their Importance for the Chronology of the Late 13th and Early 14th Century Pottery in Eastern Mediterranean// VCH. 1989. Suppl. XVIII. P. 199.
14. Отчет о раскопках ... в 1992 году - [Опись монет]. Показательно, что из 39 монет, найденных в завале кладовой (пом. 136), 32 - с монограммой "ро-омега". О выпуске таких монет в XIII веке см: Алексеенко Н.А. К вопросу о деятельности херсонесского монетного двора в XIII столетии// ХСб. вып. VII. С. 190.
15. Рыжов С.Г. Раскопки жилых кварталов в Северном районе Херсонеса// Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. - (Тезисы докладов юбилейной конференции). Севастополь, 1988. С. 93.
16. Мыц В.А. О дате гибели византийского Херсона: 1278 год// Тезисы докладов международной конференции "Византия и Крым". Симферополь, 1988. С. 66-67.
17. Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес// МИА, вып. 63. М.-Л. 1959. С. 233.

Е.А. Айбалина, С.Г. Бочаров

КЕРАМИЧЕСКИЕ ПОДСВЕЧНИКИ И СВЕТИЛЬНИКИ XV-XVIII ВЕКОВ ИЗ КАФФЫ

Увеличивающиеся масштабы полевого изучения поздневизантийских (XIII-XV вв.) и османских (XV-XVIII вв.) археологических памятников повлекли за собой публикацию массового вещественного материала, большая часть которого представлена керамикой¹. К настоящему времени накоплен обширный материал для создания типологической и хронологической классификации керамических находок из раскопок в Каффе - Кефе (XV-XVIII вв.). И в связи с этим, первая проблема, требующая решения, - это выделение керамики местного каффийского производства и определение ее качественного и количественного состава среди всей массы керамического материала из Каффы.

Позднесредневековые подсвечники и светильники из региона Северного Причерноморья ранее не рассматривались как отдельный объект исследования и лишь упоминались при общих публикациях керамического материала из Азова² и Белгород - Днестровского³, в то время как издан ряд статей, посвященных светильникам, найденным при изучении древнерусских памятни-

ков⁴. Большинство исследователей относят эти изделия к категории сосудов специального назначения (С.Е. Михальченко, А.А. Кравченко, В.И. Перевозчиков⁵); А.А. Якобсон причислял их к домашней (столовой) керамике⁶.

Настоящая статья посвящена двум группам керамических поливных и красноглиняных изделий местного производства - подсвечникам и светильникам из археологических раскопок Феодосийской археологической экспедиции Крымского филиала Института археологии НАНУ в Каффе в течение двух полевых сезонов 1994 - 1995 гг. Исследования проводились на восточном склоне Карантинного холма, с внешней стороны юго - восточной стены цитадели, в 20 метрах от куртины АХ, между так называемыми башнями Каимента У1 (А 12) и Риско (А 13). Был раскопан участок средневековой городской территории площадью 200 квадратных метров, зафиксированы культурные слои XV-XVIII вв., относящиеся к гетуэзскому и османскому периодам истории Каффы; общая толщина их составляла от 1,50 до 3,00 м.⁷

ПОДСВЕЧНИКИ.

В культурных напластованиях XV-XVIII вв. найдены восемь фрагментированных подсвечников.

1. Подсвечник (Рис. 1, 9).

Шифр: Ф-1995. п.о. - 7. к.о. - 1.

Подсвечник красноглиняный, в форме круглого блюдца. В центральной части - чашечка держателя свечи. Глина красная, с включениями шамота.

Диаметр дна 8,6 см.

Диаметр верхней части 12 см.

Высота 3,3 см.

Диаметр чашки подсвечника 2,8 см.

Датировка: конец XVIII - первая четверть XIX вв.⁸

2. Подсвечник (Рис. 1, 1).

Шифр Ф - 1994. п.о. 14/1. к.о. 1.

Фрагмент верхней части подсвечника поливного красноглиняного. Глина красная, с включениями шамота и извести. В центральной части ножки - воскосборник в виде округлой площадки с приподнятым верх краем. Полива зеленого цвета.

Высота 9,4 см.

Диаметр воскосборника 4,7 см.

Внутренний диаметр чашки подсвечника 2,2 см.

Датировка: конец XVIII - первая четверть XIX вв.⁹

3. Подсвечник (Рис. 1, 2).

Шифр Ф - 1994. п.о. 14/2. к.о. 2.

Фрагмент верхней части подсвечника поливного красноглиняного. Глина красная, с включениями шамота и извести. В центральной части ножки - воскосборник в виде округ-

лой площадки с приподнятым вверх краем. Полива зеленого цвета.

Высота 5,5 см.

Диаметр воскоборника 5,3 см.

Внутренний диаметр чашки подсвечника 2,2 см.

Датировка: конец XVIII - первая четверть XIX вв.¹⁰

4. Подсвечник (Рис. 1, 6)

Шифр Ф - 1995. по 9.

Фрагмент верхней части подсвечника поливного красноглиняного. Глина красная, с включениями шамота и извести. В центральной части ножки - воскоборник в виде округлой площадки с приподнятым вверх краем. Полива зеленого цвета.

Высота 7,4 см.

Диаметр воскоборника 6,8 см.

Внутренний диаметр чашки подсвечника 2,2 см.

Датировка: конец XVIII - первая четверть XIX вв.¹¹

5. Подсвечник (Рис. 1, 7)

Шифр Ф - 1995. по. 8.

Фрагмент нижней части подсвечника поливного красноглиняного. Глина красная, с включениями шамота и извести. В центральной части ножки - воскоборник в виде округлой площадки с обломанным, приподнятым вверх краем. Полива зеленого цвета.

Высота 6,8 см.

Датировка: конец XVIII - первая четверть XIX вв.¹²

6. Подсвечник (Рис. 1, 8)

Шифр Ф - 1995. по. 6.

Фрагмент ножки подсвечника поливного красноглиняного. Глина красная, с включениями шамота и извести. В центральной части ножки - воскоборник в виде округлой площадки с обломанным краем. Полива зеленого цвета.

Высота 9,4 см.

Датировка: конец XVIII - первая четверть XIX вв.¹³

7. Подсвечник (Рис. 1, 3).

Шифр Ф - 1994. по. 19.

Фрагмент полой ножки подсвечника поливного красноглиняного. Глина красная, с включениями шамота и извести. В центральной части ножки - воскоборник в виде округлой площадки с обломанным приподнятым вверх краем. Полива зеленого цвета.

Высота 3,5 см.

Датировка: первая - третья четверть XVIII вв.¹⁴

8. Подсвечник (Рис. 1, 4).

Шифр Ф - 1994. по 19, ко 41.

Фрагмент верхней части подсвечника поливного красноглиняного. Глина красная, с включениями шамота. Полива зеленого цвета.

Высота 11 см.

Внутренний диаметр чашки подсвечника 2,8 см.

Датировка: первая - третья четверть XVIII вв.¹⁵

9. Подсвечник (Рис. 1, 5).

Шифр Ф - 1994. по. 17, ко. 42.

Фрагмент ножки подсвечника поливного красноглиняного. Глина красная, с включениями шамота и извести. В центральной части ножки - воскоборник в виде широкого горизонтального валика. Полива зеленого цвета.

Высота 7,5 см.

Диаметр воскоборника 4,0 см.

Датировка: первая половина XVIII в.¹⁶

Все исследуемые подсвечники, видимо, изготовлены в Каффе: отличительной особенностью изделий местного керамического производства является глина красного цвета с примесью крупнодробного шамота и редкими известняковыми включениями.¹⁷

На основании приведенных материалов выделяются три основных отличительных признака для подсвечников XVI - XVIII вв., изготовленных в Каффе. Первый - внешняя сторона чашечки держателя свечи гладкая; второй - диаметр чашечки держателя свечи варьирует от 2,2 до 2,8 см, что свидетельствует о толщине используемых свечей; и третий - воскоборник в центральной части ножки изготовлен в виде круглой площадки с приподнятым вверх краем.

Форма подсвечников с округлой с приподнятым вверх краем площадкой воскоборника

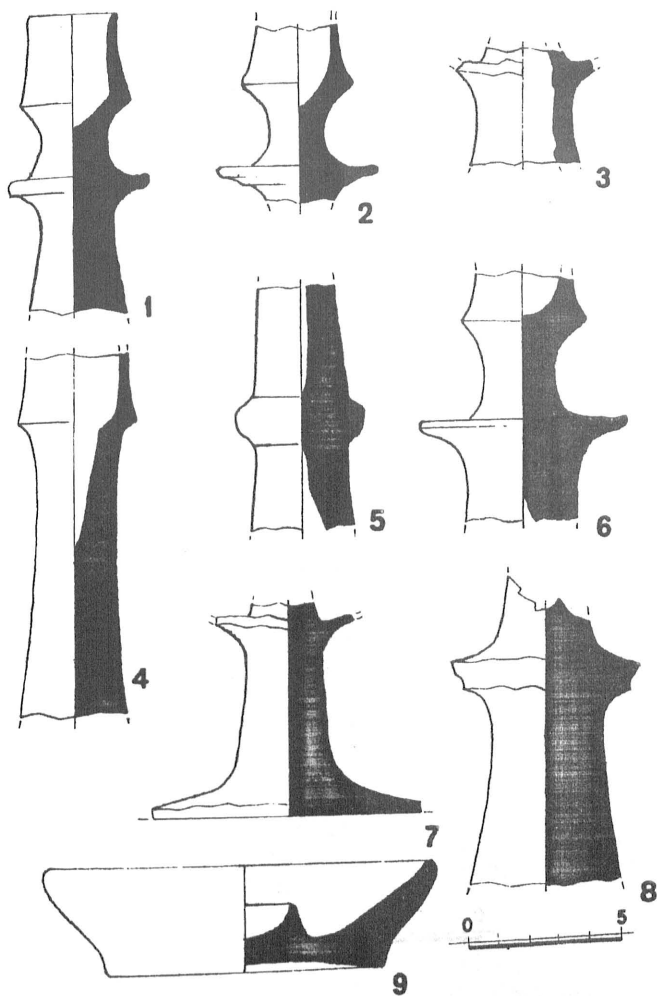

Рис. 1.
Подсвечники XVI - XVIII вв.

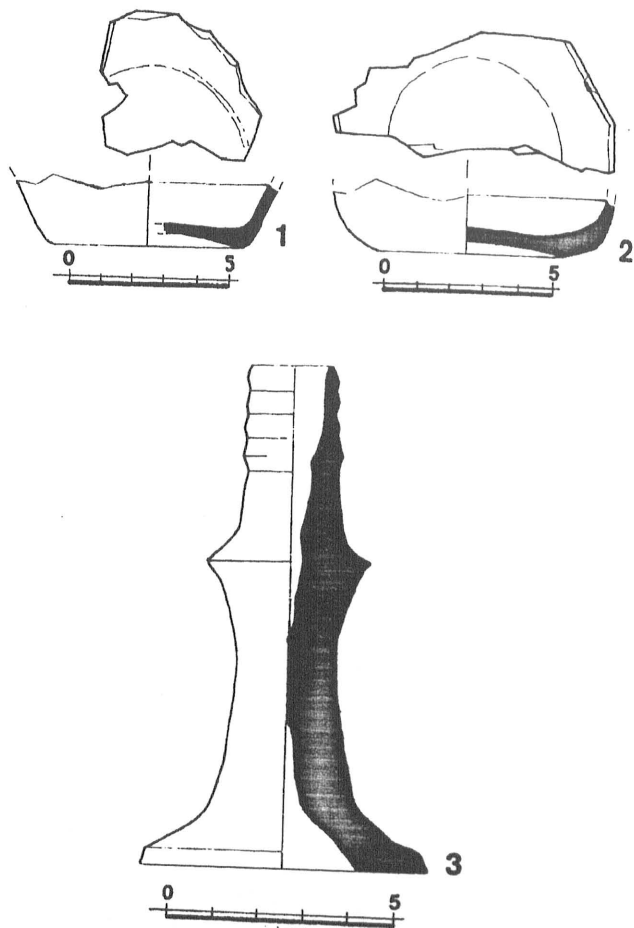

Рис. 2.
1 - 2. Светильники XVI - XVIII вв. 3. Подсвечник XIV - XV вв.

ка (Рис. 1.1 - 3, 6 - 9) находит аналогии в стамбульской керамике первой половины XVI в.¹⁸. Подсвечники с воскосборником, оформленным в виде широкого горизонтального валика (Рис. 1.5), также известны по раскопкам в Стамбуле, где они найдены в комплексе второй четверти XVI в.¹⁹. Видимо, фрагмент подсвечника на ровной, высокой, горизонтальной ножке (Рис. 1.4) имел в нижней части воскосборник в виде круглого блюдца с низкими стенками. Подобные светильники из раскопок в Стамбуле датируются серединой XVIII в.²⁰

В XVI - XVIII веках, вплоть до присоединения Крыма к России, воск для изготовления свечей традиционно поступал в Северное Причерноморье с севера²¹, помимо этого, возможно поступление воска происходило из Трабзона²², где существовала государственная мастерская по изготовлению свечей,²³ и из Севастополя²⁴.

СВЕТИЛЬНИКИ.

В культурных напластованиях XVI - XVIII вв. найдены два фрагмента светильников.

10. Светильник (Рис. 2, 1).

Шифр Ф - 1994. по. 14. ко. 18.

Фрагмент дна светильника - плошки поливного. Глина красная, с включениями шамота. Полива зеленого цвета, нанесена по внутренней поверхности.

Длина фрагмента 3,7 см.

Ширина фрагмента 5,5 см.

Толщина дна 0,4 см.

Толщина стенки 0,4 см.

Датировка: вторая половина XVI в.²⁵

11. Светильник (Рис. 2, 2).

Шифр Ф - 1994. по. 16.

Фрагмент дна светильника - плошки поливного. Глина красная, с включениями шамота и извести. Полива зеленого цвета, нанесена по внутренней поверхности.

Длина фрагмента 5,4 см.

Толщина дна 0,5 см.

Толщина стенки 0,4 см.

Датировка: вторая половина XVI - первая четверть XVII вв.²⁶

Два обнаруженных фрагмента принадлежат к изделиям кафийского производства. К сожалению, по ним невозможно определить целые формы сосудов, вероятно это были светильники - плошки с зажимом на венчике.

ПОДСВЕЧНИКИ.

В культурном слое XV века найдено девять фрагментов подсвечников.

12. Подсвечник (Рис. 3, 1).

Шифр Ф - 95. по. 54/1

Подсвечник поливной красноглиняный. Глина красная, с включениями шамота, песка. Верхняя часть с чашечкой держателя свечи утрачена. В центральной части ножки - воскосборник в виде округлой полшадки. Подсвечник асимметричен, возможно производственный брак.

Высота 7,7 см.

Диаметр воскосборника 4,9 см.

Диаметр нижней части ножки 8,4 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.²⁷

13. Подсвечник (Рис. 3, 2).

Шифр Ф - 1995. по. 54/2, ко. 54.

Подсвечник поливной красноглиняный. Глина красная с включениями шамота. Верхняя часть чашечки держателя свечи утрачена. В центральной части ножки - воскосборник в виде округлой полшадки.

Высота 10,1 см.

Диаметр воскосборника 5,3 см.

Диаметр нижней части ножки 8,6 см.

Внутренний диаметр чашки подсвечника 1,6 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.²⁸

14. Подсвечник (Рис. 3, 3).

Шифр Ф - 1995. по. 54/3, ко. 55.

Фрагмент полной ножки подсвечника поливного красноглиняного. Глина красная, с вклю-

чениями шамота. В центральной части ножки - воскоборник в виде округлой площадки. Полива зеленого цвета.

Высота 7,2 см.

Диаметр воскоборника 4,7 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.²⁹

15. Подсвечник (Рис. 3, 4).

Шифр Ф - 1995. по. 54/4.

Фрагмент ножки подсвечника поливного красноглиняного. Глина красная, с включениями шамота и извести. В центральной части ножки - воскоборник в виде округлой площадки. Сохранилась нижняя часть чашечки держателя свечи. Полива зеленого цвета.

Высота 8,5 см.

Внутренний диаметр чашки подсвечника 4,4 см.

Внутренний диаметр чашки подсвечника 1,8 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.³⁰

16. Подсвечник (Рис. 3, 5).

Шифр Ф - 1995. по. 54/5

Фрагмент верхней части подсвечника поливного красноглиняного. Глина красная, с включениями шамота и извести. Полива зеленого цвета.

Высота 3,4 см.

Внутренний диаметр чашки подсвечника 1,5 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.³¹

17. Подсвечник (Рис. 3, 6).

Шифр Ф - 1995. по 54/6.

Фрагмент верхней части подсвечника поливного красноглиняного. Глина красная, с включениями шамота и извести. Полива зеленого цвета.

Высота 3,5 см.

Внутренний диаметр чашки подсвечника 1,5 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.³²

18. Подсвечник (Рис. 3, 7).

Шифр Ф - 1995. по 44/7.

Подсвечник поливной красноглиняный. Глина красная, с включениями шамота и песка. Верхняя часть чашечки держателя свечи утрачена. В центральной части ножки - воскоборник в виде округлой площадки.

Высота 11,1 см.

Диаметр воскоборника 6,9 см.

Диаметр нижней части ножки 8,4 см.

Внутренний диаметр чашки подсвечника 1,6 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.³³

19. Подсвечник (Рис. 3, 8).³⁴

Шифр Ф - 1994. по. 64, ко. 105.

Подсвечник поливной красноглиняный. Глина красная, с включениями шамота и песка. Верхняя часть с чашечкой держателя свечи утрачена. В центральной части ножки - воскоборник в виде округлой площадки.

Высота 9,2 см.

Диаметр воскоборника 5 см.

Диаметр нижней части ножки 7 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.³⁵

20. Подсвечник (Рис. 3, 9).

Шифр Ф - 1994. по. 40, ко. 121.

Фрагмент подои ножки подсвечника поливного красноглиняного. Глина красная, с включениями шамота и извести. В центральной части ножки - воскоборник в виде округлой площадки. Полива зеленого цвета.

Высота 4 см.

Диаметр воскоборника 5,1 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.³⁶

Подсвечник хранится в Феодосийском краеведческом музее.³⁷

21. Подсвечник (Рис. 2, 3).

Подсвечник поливной красноглиняный. Глина красная, с включениями шамота и извести. В центральной части ножки - воскоборник в виде округлой площадки. Полива зелено-

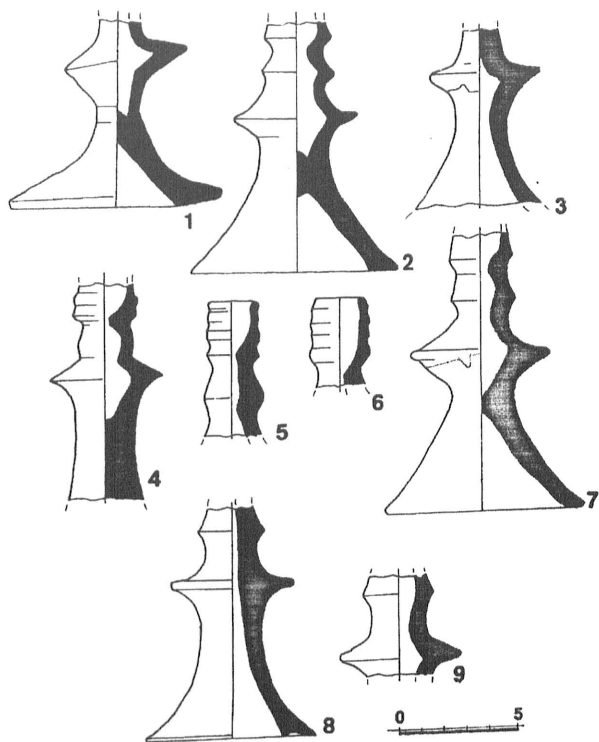

Рис. 3.
Подсвечники XV в.

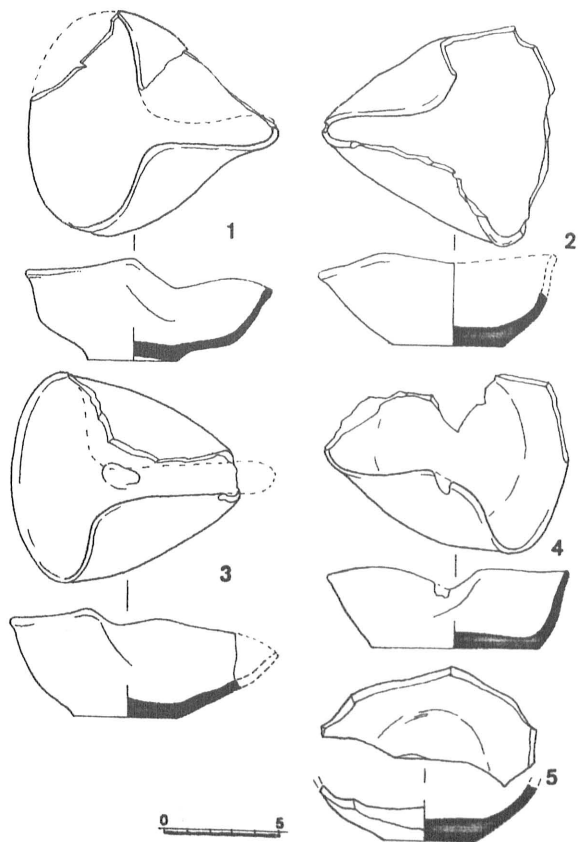

Рис. 4.
Светильники XV в.

го цвета.

Высота 10,5 см.

Диаметр воскосборника 3,7 см.

Диаметр нижней части ножки 6,4 см.

Внутренний диаметр чашки подсвечника 1,4 см.

Датировка: XIV - XV вв.

Все подсвечники сделаны из красной глины (цвет сильно варьируется), формовочная масса содержит значительное количество включений шамота и редкие включения извести, что характерно для кафийского керамического производства. В пользу кафийской атрибуции подсвечников свидетельствует находка одного бракованного экземпляра (Рис. 3.1).

Нам удалось выделить три отличительных признака для подсвечников XV в., изготовленных в Каффе. Первый - внешняя сторона чашечки держателя свечи оформлена тремя - четырьмя горизонтальными бороздками; второй - диаметр чашечки держателя свечи варьируется от 1,4 до 1,8 см (видимо, в XV в. в быту горожан использовались свечи меньшего диаметра, чем в османский период), и третий - воскосборник, расположенный в центральной части ножки, исполнен в виде округлой в плане площадки с подтреугольным в разрезе краем.

Подсвечники такой формы найдены в Белгороде - Днестровском, в слоях конца XIII - XIV вв.³⁸ Фрагмент подобного подсвечника происходит из раскопок византийского города Фивы из слоя, который широко датирован XII - концом XVII вв.³⁹

Воск, одной из областей применения которого было изготовление свечей, в XIII - XV веках являлся важнейшей статьей экспорта из региона Причерноморья. Так в конце XIII века воск (вместе с кожей и зерном) был основным продуктом торговли Каффы⁴⁰; город был важнейшим складским пунктом накопления больших партий воска⁴¹. Известны в Каффе ремесленники, занимавшиеся изготовлением свечей; они же отвечали за контроль качества воска, именовавшегося «воск Каффы» и «воск Газарии», упаковка и сортировка которого производилась в городе.⁴²

СВЕТИЛЬНИКИ.

В культурном слое XV века найдены семь светильников.

22. Светильник (Рис. 4, 1).⁴³

Шифр Ф - 1994 по. 62, к. 10.

Светильник - площадка поливной, с защипом на венчике для фитиля. Глина красная, с включениями шамота и извести. Полива зеленого цвета нанесена по внутренней поверхности. Часть носика и стенки утрачены.

Длина 11 см.

Ширина 9,4 см.

Толщина дна 0,6 см.

Толщина стенки 0,3 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.⁴⁴

23. Светильник (Рис. 4, 2).

Шифр Ф - 1994, по. 41/1, к. 122.

Светильник - площадка поливной, с защипом на венчике для фитиля. Глина красная, с включениями шамота и извести. Полива зеленого цвета нанесена по внутренней поверхности. Часть стенки утрачена.

Длина 9,2 см.

Ширина 7,5 см.

Толщина дна 0,7 см.

Толщина стенки 0,4 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.⁴⁵

24. Светильник (Рис. 4, 3).

Шифр Ф - 1994 по. 25, к. 153.

Светильник - площадка поливной, с защипом на венчике для фитиля. Глина красная, с включениями шамота и извести. Полива желтого цвета нанесена по внутренней поверхности. Часть носика и стенки утрачены.

Длина 9,6 см.

Ширина 8,2 см.

Толщина дна 0,6 см.

Толщина стенки 0,4 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.⁴⁶

25. Светильник (Рис. 4, 4).⁴⁷

Шифр Ф - 1994 п.о. 41/2, к.о. 130.

Светильник - плоска поливной, с защипом на венчике для фитиля. Глина красная, с включениями шамота и извести. Полива зеленого цвета нанесена по внутренней поверхности. Часть носика и стенки утрачены.

Длина 9,9 см.

Ширина 7,1 см.

Толщина дна 0,6 см.

Толщина стенки 0,4 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.⁴⁸

26. Светильник (Рис. 4, 5).

Шифр Ф - 1994, п.о. 41/3.

Фрагмент дна светильника - плоски поливного. Глина красная, с включениями шамота и извести. Полива зеленого цвета нанесена по внутренней поверхности.

Длина фрагмента 8,9 см.

Ширина фрагмента 3,4 см.

Толщина дна 0,8 см.

Толщина стенки 0,4 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.⁴⁹

27. Светильник (Рис. 5, 1).

Шифр Ф - 1995, п.о. 18, к.о. 33.

Светильник - плоска поливной, с защипом на венчике для фитиля. Глина красная, с включениями шамота и извести. Полива зеленого цвета нанесена по внутренней поверхности. Часть носика и стенки утрачены.

Длина 11,1 см.

Ширина 9,8 см.

Толщина дна 0,5 см.

Толщина стенки 0,4 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.⁵⁰

28. Светильник (Рис. 5, 2).

Шифр Ф - 1995, п.о. 57, к.о. 57.

Светильник - плоска поливной, с защипом на венчике для фитиля. Глина красная, с включениями шамота и извести. Полива зеленого цвета нанесена по внутренней поверхности. Часть дна носика и стенки утрачены.

Длина фрагмента 8,1 см.

Ширина фрагмента 3,9 см.

Толщина дна 0,7 см.

Толщина стенки 0,4 см.

Датировка: 20 гг. - конец XV в.⁵¹

Исследуемые светильники изготовлены каффийскими гончарами из характерной глины красного цвета с включениями шамота и извести. Все сосуды-плоски одинаковой формы с типичным двусторонним защипом венчика для фитиля.

Аналогичные светильники найдены в заполнении башни (В 23) внешнего оборонительного кольца Каффы⁵², в раскопках на территории Судакской крепости⁵³ и портового районе Судака, в слоях конца XIV - XV вв.⁵⁴, в Азове⁵⁵, в слоях конца XIII - XIV вв. в Белгороде - Днестровском⁵⁶. Светильники аналогичной формы изготавливались на протяжении XV века в Португалии⁵⁷. На большей части территории Золотой Орды бытовали светильники-плоски иной формы с маленьким сливовидным носиком для фитиля и плоской горизонтальной ручкой, слегка возвышающейся над корпусом, прикрепленной с противоположной стороны и с плоским дном.⁵⁸ При археологических исследованиях двора на

холе Царевец в Тырнове найден светильник, который подобен золотоордынским по форме плоски с маленьким сливовидным носиком, но отличается по прикрепленной с противоположной стороны овальной в сечении и загнутой внутрь сосуда ручке.⁵⁹ Отметим еще одну форму светильников - это двухчастные сосуды, в верхней части находится плоска с носиком для фитиля, выполненным двусторонним защипом края венчика. С противоположной стороны плоска соединена с нижней частью овальной в сечении ручкой, нижняя часть имеет форму блюдца с отступом наружу венчиком, верхняя и нижняя часть соединены в середине ножкой. Такие светильники найдены в Константинополе при раскоп-

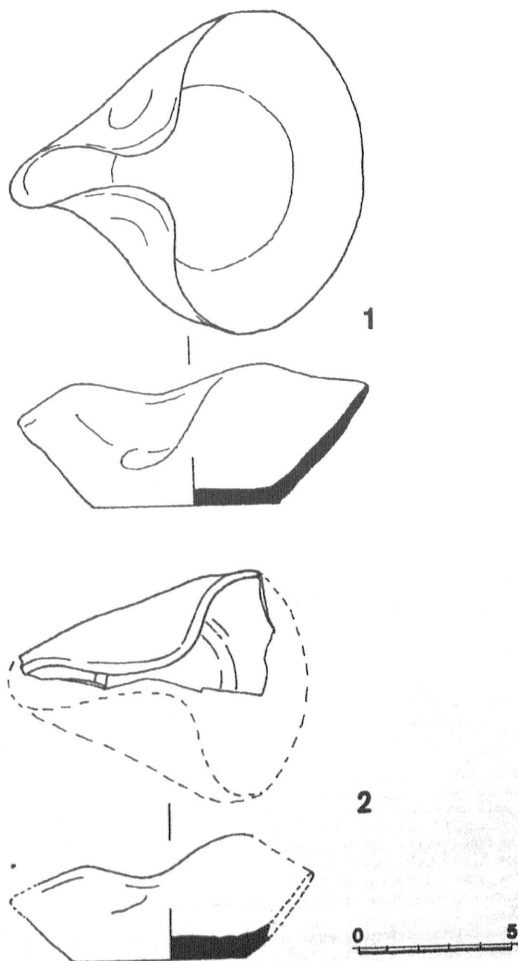

Рис.5.
Светильники XV в.

ках Большого дворца византийских императоров⁶⁰ и в Старой Гяндже XIII - XV вв. (Азербайджан)⁶¹. Светильники подобной формы известны по раскопкам в Стамбуле, где найдены в слоях начала XVIII в.,⁶² середины и конца XIX в.⁶³

Керамические подсвечники и светильники были, видимо, основными приспособлениями для освещения в быту горожан Каффы генуэзского периода.⁶⁴ О ши-

роком распространении в Каффе светильников и подсвечников косвенно свидетельствует специальный параграф городского статута 1449 года, запрещающий проживавшим на постоялом дворец "адержать свет" ночью после четырех часов в зимнее время (с 1 октября до 1 марта) и позднее двух часов в летнее (с 1 марта по 1 октября). На нарушителя мог быть наложен штраф в 25 аспров.⁶⁵

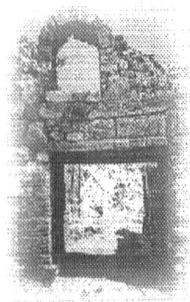
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Основная научная литература по изучению византийской поливной керамики обобщена в книге: Francois V. *Bibliographie analytique sur la ceramique Byzantine a glaucure.* (Un nouvel outil de travail). Istanbul. 1997. 200 P. Основная историография по османской керамике приведена в монографиях: Aslanapa O., Yetkin S., Altun A. *The Iznik Tile Kiln Excavations.* (The Second Round: 1981 - 1988). Istanbul. 1989. P. 319 - 326; Atasoy N., Raby J. *Iznik. The Pottery Of Ottoman Turkey.* London. 1989; Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul.* Princeton. 1992. P. 451 - 454.
2. Первозчиков В.И. Гончарный комплекс в раскопе по ул. Комсомольской // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 10. С. 129. Рис. 4. 19, 20; Первозчиков В.И. Гончарный комплекс XIV века в котловане под дом быта "Юбилейный" // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1991 г. Азов, 1993. Вып. 11. С. 169. Рис. 3. 18 - 20; Первозчиков В.И. Классификация археологического материала золотоордынского времени (по материалам раскопок и сборов 1960-х - пп. 1990-х гг. Азов, 1996. С. 78. Рис. 12. 5 - 7; Волков И.В. Керамика Азова XIV - XVIII вв. (Классификация и датировка). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М.: МГУ. 1992. С. 20. Таб. 1. 8. С. 21. Таб. 2. 12.
3. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII - XIV в.). Киев. 1986. С. 59. Рис. 23. 5 - 7. С. 78. Рис. 30. 3 - 5.
4. Основную историографию см.: Выжегов Р.И. Новые типы древнерусских светильников // КСИА. Киев. 1961. Вып. 11. С. 89 - 91; Мезенцева Г.Г. Даниньюрские керамічні світильники та свічники // Археологія. 1979. № 10. С. 72 - 78.
5. Михальченко С.Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. 1973. № 3. С. 128; Кравченко А.А. Средневековый Белгород. С. 77; Первозчиков В.И. Классификация археологического материала. С. 18, 33.
6. Якобсон А.А. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л. 1979. С. 83.
7. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет о раскопках Феодосийской экспедиции в 1994 году. Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Папка 652. Инв. 323; Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет о раскопках средневековой Каффы в 1995 году. Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Папка 759. Инв. 410; Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Раскопки в Феодосии // Археологические исследования в Крыму в 1994 году. Симферополь. 1997. С. 16 - 18.
8. Найден в слое светло-серого суглинка, слой образовался после выселения Крымских христиан в Приазовье и датируется концом XVIII - первой четвертью XIX вв. (Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет о раскопках Феодосийской экспедиции в 1994 году. С. 2.)
9. Найден в слое светло-серого суглинка, датируемом концом XVIII - первой четвертью XIX вв. (Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет о раскопках Феодосийской экспедиции в 1994 году... С. 4 - 5.)
10. Найден в слое светло-серого суглинка, датируемом концом XVIII - первой четвертью XIX вв.
11. Найден в слое светло-серого суглинка, датируемом концом XVIII - первой четвертью XIX вв.
12. Найден в слое светло-серого суглинка, датируемом концом XVIII - первой четвертью XIX вв.
13. Найден в слое светло-серого суглинка, датируемом концом XVIII - первой четвертью XIX вв.

14. Найден при зачистке пола № 1 помещения № 2. Пол № 1 датирован второй половиной XVIII в. (Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет о раскопках Феодосийской экспедиции в 1994 году... С. 7.)
15. Найден при зачистке пола № 1 помещения № 2. Пол № 1 датирован второй половиной XVIII в.
16. Найден при зачистке пола № 2 помещения № 2. Пол № 2 датирован первой половиной XVIII в. (Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет о раскопках Феодосийской экспедиции в 1994 году... С. 7.)
17. Волков И.В. Керамика Азова XIV - XVIII вв... С. 15.
18. Hayes J.W. Excavations at Sarachane ... P. 297. Fig. 130, n. 51, p. 52. P. 309. Fig. 138, 19, 20.
19. Hayes J.W. Excavations at Sarachane ... P. 308. Fig. 137. 34.
20. Hayes J.W. Excavations at Sarachane ... P. 335. Fig. 141. 24.
21. Барабанов О.Н. Товарооборот Черноморской торговли в XVIII в. (Крым, Запорожье, Турция, Россия) // МАИЭТ. 1993. № 3. С. 282.
22. Барабанов О.Н. Товарооборот Черноморской торговли... С.280.
23. Челеби Э. Книга путешествия. 1983. Вып. 3. С. 36; Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII - XV вв.: Проблемы торговли. М. 1990. С. 131.
24. Berindei M., Veinstein G. Reglements de Suleyman Ier concernant le liva de Kefe // SMRS. 1975. Vol. XVI - I. P. 75; Карпов С.П. Итальянские морские республики... С. 132.
25. Найден в слое коричневого суглинка при зачистке поверхности № 3, время образования поверхности датируется серебряной монетой чекана Крымского ханства. (Сахиб - Гирей 1532 - 1550 гг.). При засыпи поверхности был оставлен клад из 12 серебряных монет Крымского ханства. (Ислам - Гирей II, 1584 - 1588гг.) чекан 992 г.х. = 1584 г. Определение монет выполнено В.А. Сидоренко (Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет о раскопках Феодосийской экспедиции в 1994 году... С. 42, 43; Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет о раскопках средневековой Каффы в 1995 году... С. 24.)
26. Найден при зачистке пола № 5 помещения № 1. Пол № 5 датирован первой четвертью XVII в. (Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет о раскопках Феодосийской экспедиции в 1994 году... С. 20.)
27. Найден в слое темно - коричневого суглинка, датированного двумя медными монетами (Крымское ханство, Каффа, Менгли- Гирей I, 1467 - 1515 и Османиды XV в.), на площадке с юго - запада помещения № 3. При зачистке пола площадки обнаружены две медные монеты: Османиды, 858 г.х. = 1453 г. и Каффа, генуэзско - крымская перв. пол. XV в. (Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет о раскопках средневековой Каффы в 1995 году... С. 24.)
28. Найден в слое темно - коричневого суглинка, с юго - запада помещения № 3.
29. Найден в слое темно - коричневого суглинка, с юго - запада помещения № 3.
30. Найден в слое темно - коричневого суглинка, с юго - запада помещения № 3.
31. Найден в слое темно - коричневого суглинка, с юго - запада помещения № 3.
32. Найден в слое темно - коричневого суглинка, с юго - запада помещения № 3.
33. Найден в слое темно - коричневого суглинка, с юго - запада помещения № 3.
34. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Раскопки в Феодосии... С. 18. Рис. 11. 7.
35. Найден в слое темно - коричневого суглинка заполнения помещения № 3, который датируется восемью медными монетами (три из них - Османиды, последняя четверть XV в., одна - Османиды посл. четв. XV в. - перв. пол. XVI в., три генуэзско - крымские, Каффа, трет. четв. XV в. и одна - Крымское ханство, Каффа, Менгли- Гирей I, 1467 - 1515). При зачистке пола помещения № 3 обнаружены две медные Джучидские монеты: одна с надчеканкой начала XV в. - "крест в круге", и другая - с надчеканкой первой четверти XV в. - "шестилучевая звезда". (Е.А. Айбабина, С.Г. Бочаров. Отчет о раскопках Феодосийской экспедиции в 1994 году... С. 45 - 47.)
36. Найден в слое темно - коричневого суглинка, датированного тремя монетами одной медной (Каффа, генуэзско - крымская, трет. четв. XV в.) и двумя серебряными Крымского ханства, (Хаджи - Гирей I 823 - 871 г.х. = 1420 - 1466 гг.), на площадке с северо - востока помещения № 3. При зачистке пола площадки обнаружена медная монета (Трапезундская империя перв. треть XV в.) (Е.А. Айбабина, С.Г. Бочаров. Отчет о раскопках Феодосийской экспедиции в 1994 году... С. 47, 48.)

37. Подсвечник происходит из случайных находок на городской территории. К моменту написания статьи не имел своего фондового номера. Пользуясь случаем, авторы приносят благодарность научному сотруднику музея А.А. Ефимову, любезно предоставившему эту находку для публикации.
38. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре... С. 59. Рис. 23. 6.
39. Armstrong P. Byzantine Thebes: excavations on the Kadmeia, 1980 // *The Annual Of The British School At Athens*. 1993. Vol. 88. P. 321. Plate 35. 246.
40. Balard M. *La Romanie Genoise (XIII-debut du XV e siecle)*. Roma, Genova, 1978. T. 2. P. 735.
41. Balard M. *La Romanie Genoise...* P. 735; Еманов А.Г. Север и юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII - XV вв. Тюмень. 1995. С. 32.
42. Еманов А.Г. Север и юг в истории коммерции... С. 32.
43. Айбалина Е.А., Бочаров С.Г. Раскопки в Феодосии... С. 18. Рис. 11. 5.
44. Найден в слое темно - коричневого сугалинка заполнения помещения № 3.
45. Найден в слое темно - коричневого сугалинка, с северо - востока помещения № 3.
46. Найден в слое темно - коричневого сугалинка, хоз. яма 1
47. Айбалина Е.А., Бочаров С.Г. Раскопки в Феодосии... С. 17. Рис. 10. 2.
48. Найден в слое темно - коричневого сугалинка, с северо - востока помещения № 3.
49. Найден в слое темно - коричневого сугалинка, с северо - востока помещения № 3.
50. Найден в слое темно - коричневого сугалинка, с юго - запада помещения № 3.
51. Найден в слое темно - коричневого сугалинка, с юго - запада помещения № 3.
52. Айбалина Е.А. Оборонительные сооружения Каффы (по материалам археологических раскопок) // *Архитектурно - археологические исследования в Крыму*. Киев. 1988. С. 72. Рис. 6. 26, 27.
53. Баранов И.А. Отчет о раскопках Судакской крепости в 1979 году. Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. С. 7. Рис. 14. 40.
54. Раскопки 1966 г., руководитель М.А. Фронджуло. Портовый раскоп 3, усадьба 1, помещение 1, слой разрушения 1475 года. Светильник хранится в фондах Национального заповедника "София Киевская", фондовый номер А 9187.
55. Волков И.В. Керамика Азова XIV - XVIII вв. Таб. 2. 12. Исследователь относит сосуд к изделиям кафийского производства.
56. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре... С. 78. Рис. 30. 3.
57. Torres C. *Un forno ceramico dos seculos XV e XVI na cintura industrial de Lisboa* // *Foivos De Potiers Et "Testares" Medievales Et Mediterranee Occidentale*. Madrid. 1990. P. 138. Fig. 12.
58. Михайличенко С.Е. Систематизация массовый неподвижной керамики... С. 130. Рис. 3. 30; Григорьева Г.В., Терехина А.С., Терехина Н.А., Халиков А.Х. Гончарная керамика Бяларского городища (по материалам раскопок 1967 - 1972 гг.) // *Исследования великого города*. М. 1976. С. 190. Рис. 90. 18; Хлебникова Т.А. Неполная керамика Болгара // *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности*. М. 1988. С. 89. Рис. 63. 9; Волков И.В. Керамика Азова XIV - XVIII вв. Таб. 1. В 8; Первозчиков В.И. Гончарный комплекс в раскопе по ул. Комсомольской... С. 129. Рис. 4. 19, 20; Первозчиков В.И. Классификация археологического материала золотоордынского времени... С. 78. Рис. 12. 5.
59. Георгиева С. Керамиката от двореца на Царевец // *Царевград Търнов*. 1974. Т. 2. С. 46. Обр. 33.
60. Stevenson R.V.K. *The pottery* // *The Great Palace of The Byzantine Emperors*. 1947. Plate 19. 35 - 37. Светильники отнесены ко времени Македонской династии и Комнинов.
61. Наджафова Н. Художественная керамика Азербайджана XII - XV вв. Баку. 1964. С. 24, 25. Рис. 16.
62. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane ...* P. 297. Fig. 130. n.3.1.
63. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane ...* P. 336. Fig. 143. 5. P. 339. Fig. 145. 42.
64. В культурных слоях XIV - XV вв. не было найдено ни одного металлического держателя для лучины и известна единственная находка верхней части бронзового подсвечника (Бочаров С.Г. Бронзоэтойная мастерская XV в. в Каффе // *V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених у Наукові матеріали*. Київ. 1997. С. 284. Таб. LX. 8.)
65. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449г. (изд. В. Юргевич) // *ЗООИД*. 1863. Т. 5. С. 698.

V
НУМИЗМАТИКА
И СИГИЛЛОГРАФИЯ

МАТЕРИАЛЫ КАБАЛИНСКОГО КЛАДА В СВЕТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Кабалинский клад серебряных монет позднеэллинистического времени, найденный в 1966 г. в Куткашском районе Азербайджана, является одним из наиболее важных источников для изучения экономических связей Кавказской Албании и развития денежного обращения в этой части эллинистического мира.

Материалы Кабалинского клада часто используются как основной источник для характеристики денежного хозяйства Кавказской Албании, определения хронологии собственно албанского чекана и зарождения денежного обращения в этой части Закавказья¹, при этом подход к этому виду источников зачастую бывает методически неверным. В настоящей заметке я позволю себе остановиться на анализе отдельных, ключевых с моей точки зрения, монет клада.

Издателям клада удалось собрать 638 монет, остальные оказались утерянными.²

Среди опубликованных монет клада 8 являются драхмами Александра III Македонского (336-323 гг. до н.э.) посмертного чекана, 2-тетрадрахмами посмертного чекана Лисимаха (305-281 гг. до н.э.), 138-тетрадрахмами позднеселевкидских царей, 5 тетрадрахмами - греко-бактрийских правителей, 6 - драхмами парфянских царей, 4 - подражаниями тетрадрахам и 473 - драхам александровского типа и 3 - подражаниями тетрадрахам селевкидских правителей. На основании находки монет Антиоха VII (138-129 гг. до н.э.) и Фраата II (139-129 гг. до н.э.), издатели клада относят время его сокрытия к последней четверти II в. до н.э.³

Наиболее ранними монетами клада являются драхмы посмертного чекана Александра, битые, по определению С.А. Дадашевой⁴ (из числа атрибутированных), мастерскими Колофона и Магнесии на Меандре. (От себя добавим, что драхма N 7 Кабалинского клада чеканена в период между 311 и 297 гг. до н.э. в Абидосе⁵). Все эти монеты сильно потертые, что свидетельствует о длительности их обращения. (При этом следует заметить, что эти драхмы Кабалинского клада до настоящего времени являются единственными драхмами посмертного че-

кана Александра из числа находок на территории Кавказской Албании⁶).

Ряд исследователей, опираясь на факты находок серебряных эмиссий Александра в Закавказье, в том числе и на материалы рассматриваемого клада, который является одним из наиболее ранних кладов с территории Кавказской Албании, относят становление денежного обращения в этой части Закавказья к рубежу IV-III вв. до н.э. или к III в. до н.э.⁷ К числу наиболее ранних находок серебра посмертного чекана Александра конца IV в. до н.э. - относятся единичные находки тетрадрахам в Барде и Полистане⁸ и упомянутые драхмы Кабалинского клада. (Здесь следует отговориться, что не вполне корректно относить район Барды и Полистана к Кавказской Албании, поскольку эти местности в момент сокрытия клада входили в состав Великой Армении⁹).

К сожалению, автор не имеет возможности de visu ознакомиться с упомянутыми находками из Барды и Полистана, выявить степень сохранности, точность восстановления легенды и дополнительных элементов (монограммы и других дифферентивов) монет, что несколько затрудняет наше рассуждение, однако, судя по описанию Е.А. Пасохова, возможно предположить и селевкидское происхождение этих тетрадрахм. Так, одна из нескольких монет, найденных на "девой стороне реки Тертер в Барде в 1925 г.", поступившая в Азгосмузей, является тетрадрахмой Александра III "обычного типа (имя позади трона, титула нет, перед коленями (Зевса - В.Г.) монограмма МР в венке"¹⁰). С.А. Дадашева относит этот экземпляр к чекану мастерской Вавилона конца IV в. до н.э.¹¹ На мой взгляд, есть основания отнести эту монету к чекану Селевка I. В первую половину правления этот правитель достаточно широко практиковал чекан эмиссий тетрадрахм александровского типа с легендой, несущей имя и титул, а иногда и одно имя Александра III. Серии этих монет выпускались монетными дворами от Малой Азии до Сузины. Монограмма, составленная из сочетания букв МР и заключенная в лавровый венок, помещенная в левом поле оборотной стороны у колен Зевса, известна в че-

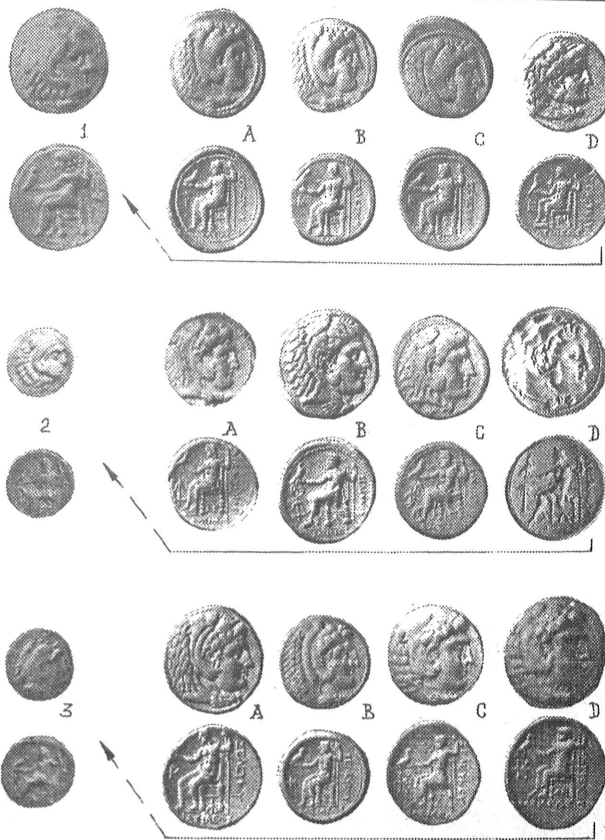

Рис.1.

- Подражательные выпуски серебра из Кабалинского казда и их прототипы:
- 1 - подражание тетрадрахме александровского типа (N 155 Кабалинского казда); 1 а - с - тетрадрахмы раннеселевкидских правителей александровского типа: а - с - Сузы, Антиох I; d - Сузы, Селевк II.
 - 2 - подражание драхме александровского типа (N 158 Кабалинского казда); а - с - тетрадрахмы раннеселевкидских правителей александровского типа: а - Сузы, Селевк I (с именем Александра в асцетде); b - Экбатаны, Селевк I; с - Экбатаны, Антиох I; d - Тир, Александр III Македонский.
 - 3 - подражание драхме александровского типа (N 159 Кабалинского казда); а - d - тетрадрахмы раннеселевкидских правителей александровского типа: а - b - Сузы, Антиох I; с - Сузы, Селевк III; d - Сузы, Антиох III.

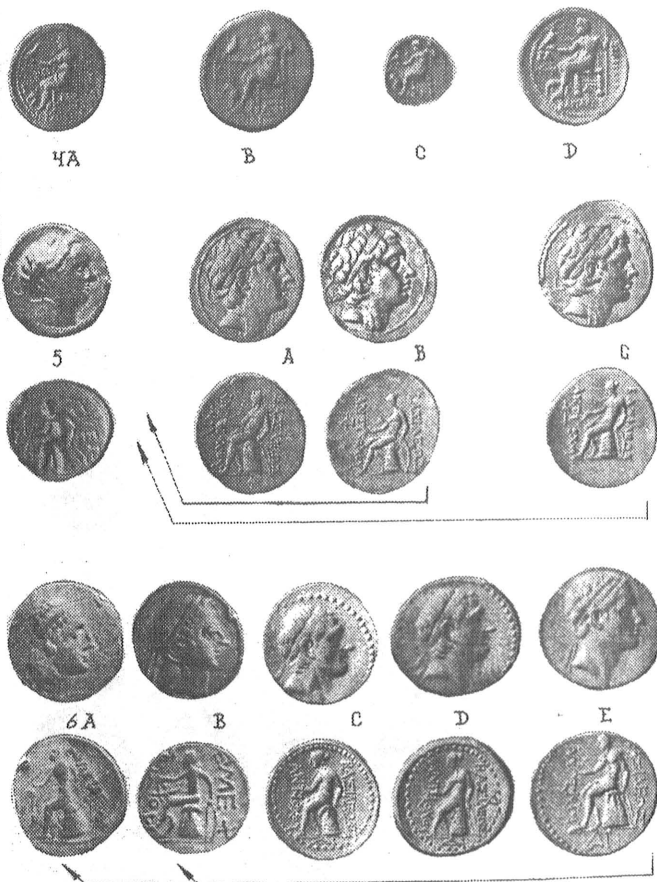

Рис.2.

- Подрожательные выпуски серебра из Кабалинского казда и их прототипы:
- 4 а-д - тетрадрахмы и драхма раннеселевкидских правителей, возможно служивших прототипами подрожательных драхм N 161, 162, 160 и др. кабалинского казда: 4а - Сузы, Селевк I; 4б - Экбатаны, Селевк I; 4с - Экбатаны, Антиох I; 4д - Экбатаны, Селевк I.
 - 5 - подражание тетрадрахме Антиоха III (N 151 Кабалинского казда); а - с - Антиохия на Оронте, тетрадрахмы Антиоха III.
 - 6 - подражания тетрадрахме Антиоха III (а - N 152, б - N 153 Кабалинского казда); с - е - Экбатаны, тетрадрахмы Антиоха III.

кане александровского типа мастерской Селевкии на Тигре при Селевке I; правда, эта серия несет в легенде имя Селевка, но, тем не менее, тот же монетный двор параллельно чеканит серебро и с именем Александра III¹², при этом известна одна серия этих монет, в которой та же монограмма использована без венка¹³. Появление торжественного обрамления в виде венка связано либо с заключением мира между Селевком I и Чаудрауптой, завершившего успешный поход басилевса на восток, либо, как полагает Н.Вагонер, с победой Селевка I над Деметрием Полиоркетом в Киликии в 295-292 гг. до н.э.¹⁴ Кроме того, другая очень сходная по композиции монограмма, заключенная в венок, известна на тетрадрахмах александровского типа с именем Александра III, выпущенной Антиохом I в годы его совместного правления с Селевком I (294-280 гг. до н.э.) неизвестной мастерской Северной Сирии, Каппадокии или Северной Месопотамии¹⁵. Е.А.Пахомов отмечал, что в легенде описанной им тетрадрахмы отсутствует титул Александра¹⁶. Следует заметить, что отдельные серии александровского серебра не только во фракциях тетрадрахм, но и в самих тетрадрахмах выпускались иногда без царского титула. Если же допустить вавилонское происхождение этой монеты, то ее выпуск все также приходится на первые годы правления Селевка I. Правда, вавилонские тетрадрахмы Селевка несут в качестве дополнительного элемента изображение якоря, которое отсутствует на рассматриваемом экземпляре. Однако существует другая серия тетрадрахм, выпущенная не ранее 312 г. до н.э. одной из мастерских Селевкидов в Вавилонии (предположительно в Вавилоне), которая несет в поле оборотной стороны ту же монограмму, заключенную в венок, а также имя и титул Александра¹⁷. В целом, севевкидское происхождение этой монеты более чем вероятно.

Вторая тетрадрахма, на которую часто ссылаются исследователи, также обнаружена в окрестностях Барды в 1929 г. Легенда несет титул басилевса "внизу трона" и имя "позади трона и Г" в венке перед коленями Зевса¹⁸. Мы воздержимся от подробного анализа этой тетрадрахмы, отметив лишь, что упомянутая монограмма без венка известна на серии тетрадрахм александровского типа, чеканенной Антиохом I в Селевкии на Тигре в годы его совместного правления с Селевком I¹⁹. С точки зрения хронологии, детальное определение факта, являющегося упомянутые выпуски александровскими (то есть александровского типа с име-

нами раннеселевкидских правителей) или посмертным александровским чеканом Селевкидских правителей (с именем самого Александра), не играет столь существенной роли, поскольку хронологический разрыв между ними составляет всего несколько десятилетий при, как мы увидим ниже, очень долгом времени хождения; однако с позиций восстановления путей и обстоятельств проникновения в Закавказье этих эмиссий это определение является достаточно важным. Но, тем не менее, есть некоторые основания полагать, что ряд монет из числа находок серебра Александра III в Закавказье являются севевкидскими эмиссиями.

Находки ранних посмертных выпусков Александра III и Лисимаха как в числе случайных находок, так и в составе более поздних кладов ни в коей мере не могут служить полноценным доказательством их проникновения на территорию Кавказской Албании в годы их чекана или в ближайшую последующую десятилетия, то есть в IV-III вв. до н.э., и, тем более, свидетельствовать о развитии денежного обращения в это и даже более позднее время. Для этого, в первую очередь, необходимо доказать, что ранние эмиссии попадали в состав более поздних кладов из внутреннего денежного обращения, или, по крайней мере, что рассматриваемые клады являются кладами длительного накопления, что, как мы увидим ниже, трудно сказать о Кабаинской находке.

Очень важно иметь в виду, что серебро Александра III, а также Лисимаха (прижизненного, но чаще посмертного чекана), благодаря их исключительной популярности, обращались в восточных областях эллинистического мира вплоть до I в. до н.э.²⁰ Десятилетиями и столетиями эти эмиссии продолжают аккумулироваться в восточной среде, несмотря на то, что в других частях эллинистического мира их обращение почти полностью прекратилось²¹. Кроме того, севевкидские правители, географически более приближенные к восточным рынкам и считавшие себя идейными преемниками Александра, вплоть до первых лет правления Антиоха III Великого (223-187 гг. до н.э.) в ряде своих восточных мастерских продолжают эмиссию серебра александровского типа²², явно ориентируясь на эти рынки. Александровское серебро (а также отдельные выпуски Лисимаха) продолжают обращаться и на территории самого Селевкидского государства и областей, позже отпавших от него. Так к середине - концу второй трети II в. до н.э. (время чекана наиболее поздних неалбанских монет Кабаинского

клада) количество посмертных выпусков Александра в ряде кладов Сирии, Северной Сирии, Месопотамии и Вавилонии составляет от 15 до 100 % состава кладов²³. Александровская монета обращается и на территории близлежащей к Абхазии Мидии Атропатены, о чем свидетельствует утерянный клад, обнаруженный в окрестностях озера Урмия²⁴ и крайне приблизительно датированный III в. до н.э. Клад содержит исключительно тетрадрахмы Александра III. В единственном известном позднеэллинистическом клада 90-85 гг. до н.э. из соседней с Закавказьем Мидии мы вновь встречаем серебро александровского типа²⁵. Аналогичная картина наблюдается в период после 90 г. и в составе кладов из Сузианы²⁶, традиционно поддерживавшей торговые связи с Мидией. В других же областях "периферии" эллинистического мира посмертные выпуски серебра Александра дополняются эмиссиями подражаний. Не менее активно в указанных областях обращаются и посмертные выпуски Лисиимаха²⁷, при этом здесь широко представлены и те мастерские, выпуски которых встречены среди находок в Закавказье. Популярность александровского серебра в определенной степени была обусловлена его исключительной полновесностью, поддерживавшейся и в александровском чекане Селевка I²⁸.

Таким образом, находки серебра Александра и Лисиимаха прижитенного и посмертного чеканов, если их дата раннего проникновения в регион не подтверждена сопровождающим материалом, в более поздних кладах не могут отражать ни реальной географии торговых связей региона, ни, тем более, служить датировочным материалом при реконструкции процесса развития денежного обращения. Несомненно, на территорию Закавказья эти монеты проникали значительно позже - после неоднократного оборота (о чем, кстати, говорит сильная потертость александровских драхм Кабаalinского клада) и в сопровождении более поздних эмиссий.

Прежде чем попытаться определить время и пути проникновения этих монет в Кавказскую Албанию, обратим внимание на ряд подражаний Кабаalinского клада.

Из массы собственно абхазских подражаний, составляющих основное большинство в кладах, заметно выделяются несколько драхм и тетрадрахм подражательного типа, которые менее "варваризированы" и по уровню исполнения наиболее приближены к подражаемым сериям. В ряде случаев эти подражания позволяют реконструировать сами оригиналы. В первую очередь к

ним следует отнести подражания серебру Селевкидских правителей. Анализ этих подражаний, на наш взгляд, было уделено не достаточно внимания. Они отличаются достаточно высоким для "варварских" подражаний уровнем медальерного искусства и заметно выделяются на фоне абхазских подражаний драхам александровского типа.

Как правило, для подражаний использовались либо т.н. "интерлокальные" эмиссии типа серебра Александра и Лисиимаха, либо наиболее массовые выпуски близлежащих мастерских могущественных соседей, поступление которых по тем или иным причинам стало недостаточным или прекратилось.

Вошедшие в состав Кабаalinского клада четыре подражания тетрадрахам александровского типа (NN 154-157 клада²⁹) достаточно трудно поддаются анализу, поскольку резчик избежал копирования дополнительных элементов монетного изображения - монограмм, символов и т.д., он лишь схематически передал часть легенды. Однако использованные им иконографические приемы позволяют предположить, что в качестве образца могли использоваться сузианские эмиссии Антиоха I (281-261 гг. до н.э.) или Селевка II (246-225 гг. до н.э.)³⁰ [Рис. 1, 1]. В этом убеждает передача черт лица Геракла на лицевой стороне этих монет: сильно выступающий нос, "усеченный" подбородок, резко очерченные бровные дуги и т.д. К эмиссиям Антиоха I их приближает некоторые детали изображения на оборотной стороне - наличие перекадины у ножки трона, трактовка его спинки и форма скипетра Зевса. Здесь стоит подчеркнуть, что при Антиохе I с введением нового типа царского серебра, несущего портрет царствующего басилевса, значительно сокращаются эмиссии серебра с александровским типом изображения, который, тем не менее, сохраняется в чекане Экбатан и Суз. Более того, иконографические приемы в передаче изображения Геракла остаются в сузианском чекане практически неизменными от Антиоха I до Селевка II.

Все рассматриваемые подражания этого типа в Кабаalinском клада чеканены обшей парой штемпелей, что позволяет допустить, что эти монеты попали в клад компактной группой из единого источника.

Среди подражаний драхам александровского типа следует выделить NN 158-162 клада³¹. Так в левом поле оборотной стороны драхмы N 158 прослеживается неясное изображение символа в виде либо

перевернутого якоря, либо пальмы, либо двийной шкуры, наброшенной на палицу Геракла [Рис. 1, 2], но не дифферента Т, как один из вариантов предлагала С.А. Дадашева²². Селевкидский якорь в качестве монетного династического символа широко используется раннеселевкидскими правителями²³, в частности, он сопровождает эмиссии царского серебра александровского типа чекана Суз при Селевке I (311–281 гг. до н.э.) и Экбатан при Селевке I и Антиохе I²⁴. Однако в экбатанских эмиссиях Антиоха I изображение якоря на оборотной стороне также сопровождает и эмблема Экбатан – фигура пасущегося коня, изображение которого в чекане Селевка I иногда не употреблялось. На наших подражаниях это изображение также отсутствует, хотя не исключено, что резчик мог сознательно на подражании опустить этот столь известный символ экбатанского монетного двора. Символ в виде перевернутого якоря известен также в неселевкидском чекане Арада²⁵.

Символ города в виде пальмы в левом поле оборотной стороны, известен на серии посмертного александровского серебра чекана Арада, выпущенной вскоре после смерти Александра²⁶. Символ же в виде шкуры льва, наброшенной на палицу Геракла, известен в ряде малоазийских выпусков. Однако я придерживаюсь селевкидского происхождения оригиналов по следующим изображениям: во-первых, для селевкидского серебра чекана восточных мастерских государства более высока возможность проникновения в области, пограничные с Закавказьем; во-вторых, вряд ли существовала необходимость подражания малоазийским эмиссиям, чекан которых уже прекратился или значительно сократился, сменившись новыми не менее популярными в эллинистической мире сериями местных правителей, в то время как селевкидские базиливы продолжали в некотором объеме чекан серебра александровского типа; и в-третьих, в этом убеждает и наличие подражаний собственно селевкидскому чекану.

На другой имитированной драхме (N 159 Кабаинского клада²⁷) различима имитация монограммы, что позволяет воссоздать оригинал, с которого изготовлялось это подражание [Рис. 1, 3]. Издатели клада расшифровали этот знак как имитацию монограммы (Рис. 3, 1). С.А. Дадашева расшифровывала ее как имитацию монограммы (Рис. 3, 2), употребленной на серии чекана Сара около 323 г. до н.э.²⁸ Стилистика копирувавшегося изображения позволяет предположительно отнести прототип к селев-

кидскому чекану Суз и, возможно, Экбатан. На эмиссиях последней мастерской при Селевке I использовалась монограмма (Рис. 3, 3), которая обычно сопровождалась изображением пасущегося коня²⁹. Однако и на александровских эмиссиях Суз при Антиохе I широко используется монограмма (Рис. 3, 4)³⁰, имеющая большое сходство с рассматриваемым имитированным дифферентом. Сходство подражания с выпусками серебра Антиоха I, битыми в Экбатанах, усиливает иконография головы Геракла на лицевой стороне монеты: прямо очерченный нос с выступающей переносицей, слегка выдвинутый подбородок, выделенные губы, а также трастовка скальпа льва на голове героя. В целом, несомненно, эта имитация восходит к селевкидскому оригиналу, чеканенному одной из мастерских Сузианы или Мидии.

Мастерские Суз и Экбатан при ранних Селевкидах долго сохраняют чекан эмиссий серебра с александровским типом (Геракл – Зевс на троне). Так, в Экбатанах они выпускаются в годы правления Селевка I и Антиоха I, в то время как сузианские выпуски тиражируются вплоть до первых лет правления Антиоха III (не позже 220 г. до н.э.)⁴¹. Более того, преемники Селевка I чеканят александровское серебро по одному из вариантов персидского стандарта⁴², широко употреблявшегося в среде пергеческого населения как самого государства, так и его ближнего окружения. При этом очень важно отметить, что и сами так называемые “восточные” подражания серебру александровского типа начинают обращаться довольно рано не только в “варварской” среде, но и в ряде областей Селевкидского государства. Так, в кладе из Рети (Мидия), датированном 275 гдо н.э., наряду с 40 оригинальными прижизненными и посмертными тетрадрахмами Александра III встречены два подражания его тетрадрахам⁴³. В годы правления Антиоха VII – последнего селевкидского правителя, представленного в Кабаинском кладе, почти все известные клады из Сузианы (клады этого времени из Мидии и Мидии Атропатены неизвестны автору) содержат до 10 и более процентов подражаний тетрадрахам Александра III⁴⁴.

Подражания драхам александровского типа NN 160–162⁴⁵ трудно поддаются анализу, однако их стилистика и отдельные детали изображений не исключают принадлежность их прототипов к раннеселевкидскому чекану [Рис. 2, 4]. Так, неясные детали изображения на оборотной стороне, копирующие дополнительные элементы левого

поля оборотной стороны оригинала, могут изображать протому животного, что особенно различимо на экземпляре N 161. Они, бесспорно, восходят к изображению головы коня или протом льва и коня, широко использованных в виде символов города в чекане Селевка I в Сузах⁴⁶, а также Селевка I и Антиоха I в Экбатанах⁴⁷. С.А. Дадашева атрибутировала прототип этого подражания как драхму чекана Лампсака 322-317 гг. до н.э. на основании реконструированной ею монограммы⁴⁸. Ряд серий серебра Александра чекана Лампсака несет изображение Пегаса в качестве дополнительного элемента, однако, насколько мне известно, реконструируемая С.А. Дадашевой монограмма не встречается в сочетании с этим дополнительным элементом⁴⁹. К сожалению, лишь этот экземпляр может быть пользован для сравнения иконографических приемов, поскольку остальные подражания этой группы либо неудовлетворительной сохранности, либо более "варваризованы" в трактовке головы Геракла на лицевой стороне. Но тем не менее, севекидское происхождение их прототипов также не вызывает сомнения.

Другой самостоятельной группой подражаний являются подражания тетрадрахам самим севекидским правителям. Так экземпляр N 151⁵⁰ клада скорее всего имитирует тетрадрахму Антиоха III (голова базилиевса - Аполлон, восседающий на омфале) [Рис. 2, 5]. Прежде чем мы рассмотрим иконографию лицевой стороны, отметим, что в части имитации легенды, помимо имитации титлатуры, в левом поле оборотной стороны у колена восседающего Аполлона хорошо прослеживается имитация буквы "хи", присущей имени Антиоха. Ряд деталей изображения головы базилиевса на лицевой стороне говорят об антиохийском происхождении оригинала. Во-первых, обращает на себя внимание положение концов диадемы на царском портрете: один конец развевается, запуская нижнюю часть левого поля, второй конец диадемы перекинут через плечо базилиевса и свисает вдоль шеи. Подобное положение концов диадемы характерно для иконографии почти всех серий антиохийского серебра Антиоха III⁵¹, и именно по этой детали обычно легко распознается чекан Антиоха III Антиохии на Оронте. Другие мастертские государства редко используют подобную трактовку - в основном концы диадемы на голове базилиевса либо свободно свисают, либо развевается один из концов, в то время как второй свободно свисает.

Не меньше информации заключено в

имитации портрета самого базилиевса. Так, на нашем подражании черты лица правителя, детали его прически, расположение прядей волос, выбивающихся из-под диадемы, говорят о том, что перед резчиком был образец, несомненно выпущенный в мастерской Антиохии на Оронте при Антиохе III. Однако обычно антиохийское серебро этого правителя имеет ленточный ободок на лицевой стороне, использование которого исследователи связывают с куломтом Аполлона - покровителя династии Селевкидов⁵². Точечный ободок, встреченный на нашем подражании, в антиохийском чекане использовался лишь эпизодически. Тем не менее, поскольку ленточный ободок был введен лишь при Антиохе III, резчик, который довольно точно следовал образцу, мог изменить эту непонятную и непривычную для него деталь.

Оборотная сторона рассматриваемого подражания менее информативна, поскольку несет меньше деталей, связанных с его прототипом. Однако достаточно четко оказалась скопированной монограмма (Рис.3,7), характерная для упомянутых антиохийских серий⁵³. И хотя от имени Антиоха III на подражании осталась различимой только буква "хи", тем не менее резчик почти правильно скопировал титлатуру базилиевса. В целом, иконография этого подражания не вызывает сомнения в происхождении его прототипа.

Подражания N 152, 153 Кабалинского клада, бесспорно, имитируют тетрадрахмы Антиоха III, чеканенные мастерской Экбатан⁵⁴ [Рис. 6 а, б]. В этом, в частности, убеждает стиль портрета базилиевса, положение диадемы, ее концов (экземпляр N 153) и т.д. При этом последний экземпляр несет имитацию имени базилиевса, в которой отчетливо прослеживается окончание имени Антиоха - "ХОУ".

Исследователи неоднократно отмечали факт отсутствия среди албанских находок эмиссий раннеселевкидских правителей, и в этой связи появление в рассматриваемом кладе их имитаций требует специального объяснения. Кроме того, замечателен и тот факт, что среди подражаний ранним эмиссиям (серебру александровского типа и раннеселевкидских правителей) встречены подражания тетрадрахам, в то время как среди многочисленных подражаний из клада и других находок в Закавказье, которые исследователи безоговорочно относят к албанскому чекану, подобный номинал мы не встречаем - все они имитируют драхмы александровского типа. На мой взгляд, ран-

ние подражательные типы драхм александровского типа и подражания тетрадрахам раннеселевкидских правителей из рассматриваемого клада не являются собственно албанскими, в чем справедливо сомневались издатели клада⁵⁵, и могли попасть в его состав отдельно сформированной за пределами Албании группой. Наиболее вероятным местом чекана этих имитаций может быть соседняя Мидия Атропатена, и ее подражания позже албанские резчики могли использовать в качестве образцов для собственно албанских эмиссий. Из Мидии Атропатены, к сожалению, происходит только один уже упомянутый мною клад, суммарно датированный III в. до н.э., да и то утерянный⁵⁶; известно лишь, что он предположительно содержал тетрадрахмы Александра Македонского, но ни время, ни место их чекана, ни их оригинальная подлинность не известны. Скудные сведения о монетных находках из этого региона не позволяют воссоздать картину его денежного обращения и подкрепить нашу аргументацию.

Тем не менее, по аналогии с соседними Мидии Атропатене областями эллинистического мира, весомую часть состава денежного обращения которых в рассматриваемое время помимо эмиссий ближайших эллинистических царств могли составлять популярные в этой среде прижизненные и посмертные эмиссии Александра различных номиналов. Их недостаток мог восполняться и, как мы видим, восполнялся подражательными сериями, в том числе и подражаниями раннеселевкидским эмиссиям александровского типа близлежащих областей Селевкидского государства, в первую очередь, Мидии и Сузианы. О долгом хождении селевкидского серебра этого типа на протяжении всего III в. до н.э. говорят материалы синхронных кладов. Более того, восточные подражания тетрадрахам Александра III продолжают широко обращаться на территории Мидии и Сузианы вплоть до I в. до н.э.⁵⁷

Наиболее активное обращение подражаний раннеселевкидскому серебру, к типу которых относится и рассматриваемая группа имитаций из Кабалинского клада, вероятно, приходится на период второй половины II в. до н.э., ибо в это время в кладах Мидии и Сузианы число эмиссий раннеселевкидских правителей заметно сокращается. Поскольку в кладах начала I в. до н.э. из Сузианы встречаются отдельные выпуски Антиоха III, не исключено, что аналогичные эмиссии продолжали обращаться в небольшом количестве и в Мидии, и в Ми-

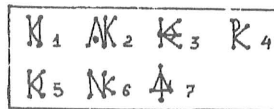

Рис.3.

дии Атропатене.

Обращение подражаний, чеканеных в Мидии Атропатене, вряд ли выходило далеко за ее пределы, однако они попадали на территорию Кавказской Албании. В этой связи важно отметить, что большая часть подлинных драхм Александра, а также тетрадрахм ранне- и позднеселевкидских правителей из Кабалинского клада подверглась оброации - их края разурблены керном, в то время как все опробированные подражания, вероятно более привычные для владельца клада, подверглись лишь формальной гуртовой насечке.

На появление подражаний серебру Антиоха III в Мидии Атропатене в равной степени могли повлиять несколько событий: как последствия восточной кампании царя, ставившей одной из целей возрождение восточной торговли и стимулировавшей увеличение чекана мастерской Экбатан, так и результаты похода Антиоха III против Армении и Мидии Атропатены, носивших скорее демонстративный характер, добившись формального повиновения правителя Атропатены Артабазана и Керкса в Армении, Антиох III мог даровать первому чекан локальных эмиссий серебра по образцу селевкидского царского чекана.

Чекан неалбанских подражаний серебру александровского типа, вероятно, начался в Мидии Атропатене не ранее середины III в. до н.э. и продолжался (или сменился) вместе с чеканом подражаний тетрадрахам Селевкидов (главным образом, как мы видим, эмиссиям Антиоха III) в начале II в. до н.э.

После гибели Антиоха III в 187 г. до н.э. Армения активизирует свою политику в Закавказье, захватив, в частности, правобережье Куры и ряд областей Мидии Атропатены. С этими событиями, возможно, связан приток на территорию Кавказской Албании иностранной монеты, включая позднеселевкидские эмиссии серебра, обращавшихся в Армении, и сокращение поступлений денежного материала из Мидии Атропатены. Однако определенную роль в распространении как раннеселевкидского, так и позднеселевкидского чекана могла сыграть также

и восточная кампания Антиоха VII против Парфии, закончившаяся гибелью царя, но приводящая в регионы, соседние с Селевкидским государством, значительные денежные средства.

В Кабалинский клад входит хронологически относительно компактная группа тетрадрахм позднелевкидских правителей. Она составляет 22 % монет клада и вписывается в рамки 180–130 гг. до н.э. Здесь представлены тетрадрахмы всех предшественников Антиоха VII – Селевка IV (187–175 гг. до н.э.), Антиоха IV – Эпифана (175–164 гг. до н.э.), Антиоха V Евпатора (163–162 гг. до н.э.), Деметрия I Сотера (162–150 гг. до н.э.), Александра I Бала (150–145 гг. до н.э.), Деметрия II Никатора (145–140 гг. до н.э.), Антиоха VI Эпифана (145–142 гг. до н.э.) и завершают список тетрадрахмы самого Антиоха VII (138–129 гг. до н.э.). Эта часть клада, скорее всего, также попала в него компактной группой, сформированной вне пределов Лабании. Так, в кладах и среди иных монетных находок позднелевкидского серебра на территории Армении и Лабании доля эмиссии Антиоха VII составляет чуть более 30 %, в то время как в Кабалинском кладе они составляют лишь 24 % позднелевкидских монет. Такая пропорция в основном характерна для денежного обращения коренных и ряда восточных областей Селевкидского государства, где активно продолжают обращаться и составлять основную массу денежных средств, находящихся в обращении, эмиссии предшественников Антиоха VII⁵⁹ и даже раннелевкидских правителей, среди которых преобладает серебро Антиоха III.

Защищая спорный тезис о довольно раннем развитии денежного обращения в Кавказской Лабании, исследователи несомненно верно отмечают, что после гибели Антиоха III, Селевкидское государство, лишенное своих малоазиатских владений, вынуждено было как-то решать проблему восстановления своих внешнеэкономических связей, однако трудно согласиться, что связи с Арменией и Кавказской Лабанией могли полноценно заменить утраченные позиции на западных и восточных рынках. Так, сразу после подписания Антиохом III Апамейского мира, закрепившего поражение царя в борьбе с Римом, от Селевкидского государства отпадают ранее полузависимые Великая Армения и Софена, и их правители Арташес и Зариадр принимают титул басилевсов. В это же время правители Парфии начинают отторжение мидийских владений Селевкидов, уже контролируя важнейшие

“Каспийские ворота”. С этих пор дальнейшая история Селевкидского государства связана с постоянным противостоянием натиску парфии. Таким образом, с точки зрения Селевкидского государства, закавказская “экономическая зона” была малоперспективной для восстановления торговых связей с Востоком.

Как мы уже говорили выше, Антиох VII предпринял попытку восстановить былое могущество на восточных рубежах своего государства, ставя одной из целей восстановление своего приоритета в прибыльной восточной торговле. Овладев большей частью Мидии, Антиох VII использовал ее как основной плацдарм для развития кампании на востоке. Как и во время восточного похода Антиоха III⁵⁹, в период восточной кампании Антиоха VII в Мидию должен был начаться приток значительных денежных средств, откуда они могли распространиться и на территории близлежащих областей, включая и Мидию Атропатену. Как мы уже отметили, при Антиохе VII серебро предшественников царя продолжало играть доминирующую роль в денежном обращении государства, о чем свидетельствуют клады из Месопотамии, Мидии и Сузианы⁶⁰. Аналогичная картина наблюдается и среди селевкидских эмиссий Кабалинского клада. Более того, прекрасной иллюстрацией позднего обращения серебра поздних селевкидских правителей в непосредственной близости от Кавказской Лабании является Сарнакунский клад, найденный в Сисианском районе Армении и датированный временем между 35 и 25 гг. до н.э.⁶¹

Позднелевкидские тетрадрахмы в Кабалинском кладе представлены чеканом ограниченного числа мастерских этого государства, что требует отдельного объяснения. Большая часть этих монет выпущена мастерской Антиохии на Оронте, что многие исследователи слонны бы объяснять непрерывными связями Кавказской Лабании в период около середины II в. до н.э. (было бы корректнее сказать – Великой Армении – В.Г.) с Сирией в обход Месопотамии и Мидии⁶², завоеванной в 148/147 гг. до н.э. парфиянами и с трудом на короткий срок отвоеванной Антиохом VII. По мнению С.А. Дадашевой, в период около 150 – 120 гг. до н.э. эти связи восстанавливаются⁶³. Аргументация данного исследователя требует некоторого уточнения. Так, по мнению С.А. Дадашевой, завоевание парфиянами Суз и Селевкии на Тигре привело к “немедленному исчезновению с местного рынка селевкидских монет”⁶⁴. Однако, если мы обратимся к

материалам монетных кладов, уже неоднократно упомянутых мною, то мы увидим, что картина несколько иная - преобладающее количество кладов из Сузианы и Мидии, открытые в период между 150 и 50 гг. до н.э., содержит в основном селевкидские эмиссии, в то время как парфянское серебро в них встречается гораздо реже⁶⁵. Аналогичная картина прослеживается и в кладах Месопотамии (хотя доля парфянского серебра и даже меди здесь несколько выше) и Вавилонии⁶⁶.

Кроме того, мне кажется не вполне методически верным разделять селевкидский чекан из рассматриваемого клада на две хронологические группы - более раннюю и позднюю - и строить на этом выводы о путях проникновения этих монет в разные моменты эллинистической эпохи, а также делать исторические обобщения, не доказав предварительно, что обе группы попали в состав клада разными путями.

И, наконец, преобладание антиохийских эмиссий - продукции крупнейшего столичного монетного двора государства, как в составе клада, так и в числе других находок из Закавказья, явление вполне закономерное. Оно характерно не только для этого региона, но также и для кладов самой Сирии и большинства восточных областей государства. Так, в Мидии, в единственном известном автору клада поздееллинистического времени, относящемся в начале I в. до н.э.,⁶⁷ около 70 % серебра Антиоха VII и его ближайших предшественников чеканено мастерской Антиохии на Оронте. И хотя в составе кладов из Сузианы, датировемых последней третью II в. до н.э., преобладают эмиссии Суз, Экбатан и Селевкии на Тигре⁶⁸, мы и здесь встречаем в значительном количестве эмиссии антиохийского монетного двора. Таким образом, тезис о непрерывных связях Кавказской Албании с Сирией остается неаргументированным. Здесь также следует заметить, что после захвата Вавилонии и Месопотамии Парфией, чекан селевкидских эмиссий в Селевкии на Тигре и других восточных мастерских, естественно, был прекращен.

В Кабаинский клад также входит группа тетрадрахм греко-бактрийских правителей: одна тетрадрахма Диодота I (250-247 гг. до н.э.) и четыре экземпляра - Евкратиды (169-159 гг. до н.э.). Находки греко-бактрийского серебра в западно-азиатской части эллинистического мира явление довольно редкое. Если не считать двух фактов явно случайного проникновения двух тетрадрахм Евкратиды в клады Финикии⁶⁹ и Италии,⁷⁰

то случаи находок греко-бактрийских монет в Грузии и Азербайджане, говорит о том, что Закавказье в эллинистическом мире оказалось наиболее западной точкой распространения этих эмиссий. Однако следует оговориться, что коллекция греко-бактрийского серебра, хранящаяся в Тбилиси (эта находка обнаружена при земляных работах на ул. Кеуховели в Тифлисе в 1874 г.⁷¹), не может быть в полной мере использована как источник: по мнению П. Бернара, она вряд ли принадлежит к числу кавказских находок, поскольку, скорее всего, была приобретена в Новое время в Иране⁷². Помимо областей Средней Азии и Северной Индии, греко-бактрийское серебро эпизодически встречается в кладах все тех же Мидии, Сузианы и ряда других восточных областей⁷³, но далее на запад они почти не проникают. Скорее всего бактрийские эмиссии проникали в Сузиану через области Гиркании и Мидии. Монеты греко-бактрийских правителей не позже Геаюклада (155-140 гг. до н.э.) встречаются в Мидии и в начале I в. до н.э. Так, в упомянутом клада 90-85 гг. до н.э. из Восточного Ирака или изпод Тетерана⁷⁴ они представлены 28 тетрадрахмами Евтидема I (235-200 гг. до н.э.), Деметрия I (200-185 гг. до н.э.), Антиаха I (190-180 гг. до н.э.), Евкратиды I (171-155 гг. до н.э.) и Геаюкла. После восточной кампании Парфии при Митридате I и опустошительного набега саков на Бактрию поступление греко-бактрийского серебра в Мидию и Сузиану полностью прекращается, что в частности, подтверждают и находки греко-бактрийских монет в Закавказье, куда они несомненно попадали через Мидию, Мидию Атропатену или Армению.

Значительный хронологический разрыв между тетрадрахмой Диодота I и выпущенными Евкратидой I в Кабаинском клада вполне объясним, ибо случаи совместного обращения ранних и более поздних бактрийских выпусков фиксируются монетными кладами. Так, в кладах из Сузианы, датированных временем после 138 г. до н.э.,⁷⁵ временной разрыв между тетрадрахмой Евтидема I и эмиссиями Евкратиды I составляет более 40 лет.

Парфянское серебро представлено в Кабаинском клада пятью драхмами Аршака II (ум. около 190 г. до н.э.), Митридата I (около 170-139 гг. до н.э.) и Фраата II (139-129 гг. до н.э.). Мне остается лишь добавить, что парфянское серебро встречается в кладах на территории Мидии и Сузианы уже в середине II в. до н.э., вскоре после вторжения парфян. Полагают, что в Ге-

розии парфянское серебро появляется в кладах предположительно в самом конце III в. до н.э.⁷⁶ Однако издатели клада сомневаются в правильности первоначального определения монет клада как выпусков Аршака I и Аршака II, отмечая, что ряд исследователей склонен атрибутировать их как эмиссии Митридата I. В этом случае дата сокрытия клада из Гедрозии должна быть отнесена к более позднему времени - к периоду около 150 г. до н.э.⁷⁷

Подражания, приписываемые албанскому чекану, подробно описаны издателем Кабаинского клада⁷⁸. Авторы, опираясь на предположение Е.А. Пахомова, широко подерживаемое, как правило, азербайджанскими исследователями, о возможном возникновении денежного обращения в Кавказской Албании еще в III в. до н.э. (однако справедливости ради заметим, что Е.А. Пахомов считает, что "лишь в эллинистическую эпоху, не ранее III в. до н.э. Азербайджан знакомится с монетным обращением, но оно распространялось медленно и постепенно"⁷⁹), считают, "что во II в. до н.э. в Албании чеканка монеты уже существовала" и прекратилась предположительно в середине I в. до н.э.⁸⁰ Однако важно заметить, что предположение Е.А. Пахомова базируется на находках в Закавказье эллинистических монет, главным образом, Александра Македонского и Селевкидов, а их обращение, как мы уже показали, выходит далеко за хронологические рамки их эмиссии, что невозможно не учитывать при датировке начального этапа албанской чеканки.

В 1972 г. при исследовании некрополя у села Нюди Ахсуинского района Азербайджана в погребениях 11 и 22 были обнаружены 38 албанских подражаний драхмам александровского типа. Эта находка крайне показательна, поскольку, как справедливо заметил Ф.А. Османов - автор публикации могильника, все ранее известные (албанские - В.Г.) подражания "подобного типа" происходили из кладов (хынгисаинского и кабаинского - В.Г.), где были "смешаны с монетами, чеканенными в разных странах", и впервые они оказались обнаруженными самостоятельно в погребальных комплексах⁸¹. В одном из погребений этого могильника вместе с албанским подражанием была найдена "парфянская драхма, относящаяся к позднейшим эмиссиям Митридата II (123-88 г. до н.э.)"⁸². Таким образом, находка парфянской монеты, наконец, может послужить репером для определения времени чеканки албанских подражаний, которое следует отнести ко времени не ранее рубежа II - I вв. до н.э.

Итак, подведем итог наших наблюдений. Статья С.А. Дадашевой "Местный чекан в монетном обращении Кавказской Албании" является, пожалуй, основным обобщающим исследованием по денежному обращению и монетному делу этого региона Закавказья. Она выделяет четыре группы имитированных монет, существовавших в обращении на территории Албании - подражания тетрадрахмам (1) и драхмам Александра Македонского (2), подражания серебру Селевкидских правителей (3) и драхмам парфянского царя Митридата II (4)⁸³. Первые найдены в составе лишь Кабаинского клада, подражания александровским драхмам - в составе Кабаинского и более позднего Хынгисаинского кладов (при этом следует отметить, что С.А. Дадашева смешивает в одной группе стилистически разные подражания, наиболее ранние из которых, отличные от собственно албанских подражаний по уровню исполнения, встречены лишь в Кабаинском кладе). Подражания тетрадрахмам Селевкидских правителей также происходят лишь из одного Кабаинского клада, а подражания драхмам Митридата II - обнаружены только в Хынгисаинской находке⁸⁴.

Однако, во-первых, если исключить собственно албанские подражания, то оставшаяся часть Кабаинского клада, состоящая из серебра Александра III и Лисимаха прижизненного и посмертного чеканов, позднеселевкидских правителей, греко-бактрийских царей, Аршакидов, а также из так называемых "восточных" подражаний александровскому серебру и подражаний тетрадрахмам Антиоха III поразительно схожа с составом кладов второй половины II в. до н.э. из соседних восточных областей эллинистического мира, главным образом, Сузианы и Мидии. К сожалению, в настоящее время известно немного кладов этого времени. Так, если в кладах Месопотамии 150-130-х гг. до н.э. преобладает собственно селевкидский чекан⁸⁵, что вполне понятно, то в кладах Сузианы, из которой происходит большинство кладов интересующего нас времени, датированных временем после 140 г. до н.э.⁸⁶, помимо ряда локальных эмиссий, встречен аналогичный Кабаинскому кладу набор - прижизненные и посмертные выпуски серебра Александра III и Лисимаха, преемников Селевка I (за редким исключением не ранее Антиоха II), "восточные" подражания тетрадрахмам Александра III, многочисленные эмиссии позднеселевкидских правителей, аршакидские драхмы, серебро греко-бактрийских правителей.

Сходный состав, вероятно, был присущ и денежному обращению Мидии и Мидии Атропатены, однако отсутствие кладов из этих областей заставляет лишь предполагать такую возможность. Тем не менее, более поздний упомянутый выше клад из Мидии, датированный 90-85 гг. до н.э.⁸⁷, довольно схожий по составу, но, естественно, дополненный более поздними эмиссиями, лишний раз подтверждает высказанное предположение.

Таким образом, на мой взгляд, есть полные основания предполагать, что рассматриваемая часть клада была сформирована вне пределов Кавказской Албании не позже времени правления Антиоха VII и Фраата II, и она отражает в первую очередь состав денежного обращения восточных областей Селевкидского государства, в первую очередь Мидии, Мидии Атропатены и Сузианы времени экспансии Парфии и восточного похода Антиоха VII. В Кавказскую Албанию эта часть клада попала самостоятельно сформированной группой, вероятно, в последней трети II в. до н.э., а сам Кабаинский клад в его полном виде был сформирован не ранее, чем на рубеже II - I вв. до н.э.

Во-вторых, насколько убедительно я попытаюсь показать, распространение на территории Закавказья серебра Александра III Македонского и Лисимаха прижизненного и посмертного чекана не может отражать реальной географии связей Кавказской Албании с областями, где эта монета чеканилась, поскольку эти интерлокальные выпуски имели очень широкий ареал обращения, особенно в восточных областях эллинистического мира, где они находились в употреблении на протяжении почти 300 лет.

Таким образом, эти материалы Кабаинского клада ни в коей мере не могут быть использованы для доказательства существования денежного обращения в Кавказской Албании в ранний период - в конце IV - III вв. до н.э. Скорее всего, процесс окончательного сложения монетарного рынка Албании приходится на время не ранее середины II в. до н.э.

Подражания серебру Селевкидских правителей, как я отмечал выше, имитируют тетрадрамы Антиоха III, чеканенные мастерскими Антиохи на Оронте и Экбатан. В годы правления этого базилиевса значительный объем чеканки царского серебра приходится на мастерскую Антиохи. Однако в ходе подготовки и успешного проведения восточной кампании царя, Мидия была использована как основной плацдарм для ведения действий на восточных рубежах госу-

дарства, а также стала одним из ключевых регионов в восстановленной восточной торговле Селевкидского государства⁸⁸. Эти обстоятельства способствовали резкому увеличению чеканки царского серебра монетным двором Экбатан, который стал при Антиохе крупнейшим монетным двором Селевкидов в восточных областях государства⁸⁹. Здесь важно отметить, что как антиохийские, так и экбатанские эмиссии серебра Антиоха III отличались исключительной полновесностью⁹⁰, чем и объясняется их широкое и, как мы уже убедились, долгое обращение как на территории государства, так и в среде его восточного окружения. Сокращение селевкидского чекана после поражения и последующей гибели Антиоха, бесспорно, могло привести к появлению подражательных выпусков. Однако, как я уже отмечал, нельзя также исключить возможность предоставления Антиохом III правителю Мидии Атропатены Атрабазу права чеканки собственной монеты по образцу селевкидской в обмен на признание гегемонства Селевкидов (подобная практика известна в бактрийском чекане первых лет правления Диодота I при Антиохе III⁹¹) после его успешной кампании против Армении и Мидии Атропатены. В этом случае выбор в качестве прототипов для подражаний эмиссий Антиохи - столицы государства, и Экбатан - крупнейшего и ближайшего из восточных селевкидских монетных дворов, вполне объясним.

Топография монетных находок на территории Албании, из которых Кабаинский клад является одной из ранних массовых, позволяет проследить пути проникновения эллинистической монеты в этот регион Закавказья. Одним из основных путей, видимо, был путь, связывающий Армению с кочевыми племенами северо-западного побережья Каспия, проходивший от переправ через Куру к предгорьям Кавказского хребта и через Кабаду и Шемаху к Дербентскому проходу. (Здесь следует оговориться, что отсутствие находок кладов интересующего нас времени на территории Армении и Софены не позволяют нам рассмотреть влияние денежных рынков этих областей эллинистического мира на развитие монетарного хозяйства Кавказской Албании). Этот путь, по которому досрам поставлялись армянскими и мидийскими купцами индийские и вавилонские товары, упоминает Страбон (XI,5,8). Однако, судя по находкам монет, этот путь стал наиболее активно использоваться не ранее второй половины II в. до н.э. Не стоит игнорировать и тот факт, что на дальнейшее развитие товарно-денежных

отношений в Закавказье, в том числе и Албании, а также на приток монеты эллинистических правителей оказало влияние основание при Артаксии I (Арташесе - около 189 - 164 гг. до н.э.) новой столицы Великой Армении - Арташата, роль которой в связях Закавказья с областями Малой Азии и западных областей государства (Сирией, Селевкидой, Киликией и Финикией), с одной стороны, а также, с другой стороны, с восточными областями эллинистического мира очевидна, но порой недооценивается⁹². В рассматриваемый период связи Селевкидского государства с Арменией увеличиваются и приобретают больший размах, нежели при ранних селевкидских правителях. Эта тенденция сохранится и в I в. до н.э., о чем свидетельствуют материалы сарнакунского и хынысланского кладов.

Если находки монет дают возможность реконструировать торговые связи Армении

и областей Мидии с Кавказской Албанией в рассматриваемый период, то они пока не дают возможность говорить о наличии регулярных и значительных экономических связей с Иберией, имевших, скорее всего, эпизодический узкорегionalный характер. Более того, невозможно проследить сходные черты в денежном хозяйстве древних областей Грузии и Азербайджана, что говорит о том, что формирование денежного обращения этих двух самостоятельных регионов Закавказья происходило разными путями.

И, наконец, следует отметить, что материалы одного только Кабалинского клада, как в целом, так и по отдельным эмиссиям, как мы видим, преждевременно использовать в качестве источника для обширных реконструкций политико-экономического развития Кавказской Албании в III-I вв. до н.э.⁹³ от комментариев которых мы в данной статье воздержимся.⁹⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

1. С.А. Дадашева. Местный чекан в монетном обращении Кавказской Албании // ВДИ, 1980, N 2, С. 123.
2. И.А. Бабаев, С.М. Казиев. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи // НЭ, 1971, вып. IX, С. 16-32.
3. И.А. Бабаев, С.М. Казиев. Кабалинский клад..., С.17.
4. С.А. Дадашева. Местный чекан..., С. 123-124.
5. Сравни: A.R. Bellinger. The Corinth Hoard of 1938 // The American Numismatic Society Museum Notes, далее: ANSMN), 1962, vol. X, N 174, P. 29.
6. С.А. Дадашева. Местный чекан..., С. 123.
7. И.А. Бабаев, С.М. Казиев. Кабалинский клад..., С. 17.
8. Е.А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. II, Баку, 1938, С. 9, N 313. Он же. Монетные клады..., вып. III, С. 6, N 649.
9. А.П. Новосельцев. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античную эпоху // Кавказ и Византия. Ереван, 1979, том 1.
10. Е.А. Пахомов. Клады Азербайджана..., вып. II, С. 9, N 313.
11. С.А. Дадашева. Местный чекан..., С. 123. Здесь с сожалением следует констатировать, что определение монет только по их описанию всегда дает достаточно приблизительный результат.
12. E.T. Newell. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III (далее: ESM). New York, 1938, p. 18-21; A.Houghton. The Coinage of the Seleucids. A Catalogue. (рукопись, далее: A Catalogue...), I, 103 (E.T. Newell. ESM, N 9,12) - здесь я пользуюсь возможностью выразить свою самую искреннюю благодарность Артуру Хугтону (Вашингтон), любезно предоставившего мне рукопись своего еще не изданного корпуса монет Селевкидских правителей.
13. A. Houghton. A Catalogue..., I, 131.
14. V.K. Golenko. Notes on the Coinage and Currency of the Early Seleucid State - I/ /Mesopotamia, 1993, vol. XXVIII, p.100; N. Waggoner. The Early Alexander Coinage at Seleucia on the Tigris ANSMN, 1969, vol. 15, P.30
15. A. Houghton. A Catalogue..., I, 76.
16. Е.А. Пахомов. Клады Азербайджана..., вып. II, С.9.
17. A. Houghton. A Catalogue..., I, 76. Та же монограмма, заключенная в венчик известна и на тетрадрахмах Александра, чеканенных в неизвестной пелопоннеской мастерской (H.A. Troxell, The Peloponnesian Alexanders // ANSMN, 1971, vol. XVII, P. 67).
18. Е.А. Пахомов. Клады Азербайджана..., вып. II, С. 9, N 314.

19. A. Houghton. A Catalogue..., 2, 86; E.T. Newell. The Coinage of the Western Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III (далее: WSM), New York, 1941, N 783 (Ньюэлл относит ее к чекану Карр).
20. Ср.: An Inventory of Greek Coin Hoards. New York, 1973 (далее: IGCH), N 1812, 1813.
21. V.K. Golenko. Notes on the Coinage and Currency of the Early Seleucid State - II — IV // Mesopotamia, 1995, vol. XXX, P. 188 - 191.
22. V.K. Golenko. Notes on the Coinage... - II - IV, P. 162.
23. IGCH, 1556, 1557, 1559, 1561, 1562, 1772, 1773, 1774, 1804, 1805, 1806 и т.д.
24. IGCH, 1800; S.P. Noe. A Bibliography of Greek Coin Hoards (Numismatic Notes and Monographs, No. 78), New York, 1937 (далее: BGCH), p.301, No.1148.
25. IGCH, 1813.
26. IGCH, 1812.
27. Сравни: IGCH, 1804 - 1806, 1808, 1813,
28. V.K. Golenko. Notes on the Coinage... - I, P. 95.
29. И.А. Бабаев, С.М. Казиев. Кабалинский клад..., С. 27, таблица IX.
30. E.T. Newell. ESM, 349, 364.
31. И.А. Бабаев, С.М. Казиев. Кабалинский клад..., С. 28, таблица IX.
32. С.А. Дадашева. Местный чекан..., С. 124-125.
33. V.K. Golenko. Notes on the Coinage... - I, P. 86; W. Wirgin, Appian and the Origion of the Anchor of Seleucus // N.Circ. 1961, vol. 69, P. 34 f.
34. A. Houghton. A Catalogue..., 1, 139 (с именем Александра); E.T. Newell, ESM, 480 ff, 510.
35. E.T. Newell. WSM, P. 192-194, plate XLIII.E.
36. J. Rouvier. Numismatique des villes de Phenicie // JIAN, 1900, vol. III, P. 143, N 71.
37. И.А. Бабаев, С.М. Казиев. Кабалинский клад..., С. 28, таблица IX.
38. С.А. Дадашева. Местный чекан..., С. 125. Сходные мономраммы 5 и 6 известны на александровских драмах Колофона и Миаета [M. Thompson, A.R. Bellinger. Greek Coins in the Yale Collection, IV: A Hoard of Alexander Drachms // Yale Classical Studies, 1953, vol. XIV, P. 20, N 16 (в сопровождении еще одной мономраммы); D.H. Cox. Gordion Hoards III, IV, V and VII // ANSMN, 1966, vol. XII, P. 31, N 39, 40 (дата под троном, мономрамма - над изображением пчелы)].
39. E.T. Newell. ESM, 477 (в сопровождении еще одной мономраммы).
40. E.T. Newell. ESM, 345, 346
41. V.K. Golenko. Notes on the Coinage... - II - IV, P. 156, 162.
42. V.K. Golenko. Notes on the Coinage... - II - IV, P. 85-87.
43. IGCH, 1796.
44. IGCH, 1804, 1805, 1806, 1808, 1809.
45. И.А. Бабаев, С.М. Казиев. Кабалинский клад..., С. 28, таблица IX.
46. E.T. Newell. ESM, 284, 288.
47. E.T. Newell. ESM, 508, 516.
48. С.А. Дадашева. Местный чекан..., С. 125.
49. M. Thompson, A.R. Bellinger. Greek Coins in the Yale Collection..., P. 13, N 8.
50. И.А. Бабаев, С.М. Казиев. Кабалинский клад..., С. 27, таблица VIII.
51. V.K. Golenko. Notes on the Coinage... - II, P. 161.
52. V.K. Golenko. Notes on the Coinage... - I, P. 85.
53. E.T. Newell. WSM, 1091 ff.
54. E.T. Newell. ESM, 605 ff.
55. И.А. Бабаев, С.М. Казиев. Кабалинский клад..., С. 18.
56. IGCH, 1800.
57. Например: IGCH, 1804, 1805, 1806, 1808, 1809, 1813 и др.
58. Например, сравни: IGCH, 1778, 1805, 1806, 1808 и др.
59. В.К. Голенко. Редкая бронзовая монета Антиоха III в собрании Государственно-го Эрмитажа // Проблемы античной культуры, Москва, 1986, С. 14-17.
60. IGCH, 1778, 1806-1808; Coin Hoards. London, 1975, vol. I, No 81.
61. Е.А. Пахомов. Монетные клады..., вып. VI (1954). С. 10-13, 24.
62. С.А. Дадашева. К проблеме изучения торговых связей Кавказской Албании // Нумизматический сборник, Тбилиси, 1977, С. 37.

63. С.А. Дадашева. К проблеме изучения..., С. 39-40.
64. С.А. Дадашева. К проблеме изучения..., С. 40.
65. IGCH, 1804 - 1813.
66. Сравн: IGCH, 1777 - 1786.
67. IGCH, 1813.
68. Сравн: IGCH, 1804-1809 и другие.
69. IGCH, 1567.
70. IGCH, 2057.
71. Е.А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана..., 1938, вып. I, С. 10, No 319.
72. P. Bernard. Fouilles d'Al Khanoum, IV, Les monnaies hors tresors, questions d'histoire greco-bactrienne // MDAFA, 1985, vol. XXVIII, P.149.
73. IGCH, 1803, 1805, 1806, 1809.
74. IGCH, 1813.
75. IGCH, 1805, 1806.
76. IGCH, 1798.
77. IGCH, p. 257.
78. И.А. Бабаев, С.М. Казиев. Кабалинский клад..., С. 18-21.
79. Е.А. Пахомов. Монеты Азербайджана. Вып. I, Баку, 1959, С. 6.
80. И.А. Бабаев, С.М. Казиев. Кабалинский клад..., С. 21.
81. Ф.А. Османов. Поселение и некрополь у села Нюди Ахсуинского района // КСИА, 1979, вып. 159, С. 89.
82. Там же.
83. С.А. Дадашева. Местный чекан..., С. 121-128.
84. Там же.
85. IGCH, 1776-1778
86. IGCH, 1804-1809.
87. IGCH, 1813.
88. В.К. Голенко. Редкая монета Антиоха III..., С. 16.
89. V.K. Golenko. Notes on the Coinage..., - II - IV, P. 189.
90. V.K. Golenko. Notes on the Coinage..., - II, P. 156.
91. V.K. Golenko. Notes on the coinage..., - II - IV, P. 88.
92. С.А. Дадашева. К проблеме изучения торговых связей Кавказской Албании... Нумизматический сборник, Тбилиси, 1977, С. 37.
93. С.А. Дадашева. Местный чекан...; она же. Греко-бактрийские монеты, найденные на территории Кавказской Албании // Бактрийские древности, Ленинград, 1976, С. 108.
94. К сожалению, я вынужден оставить за рамками данной статьи один важный вопрос - анализ весовых норм албанских подражаний.

Туровской Е.Я.

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ УСАДЕБ ХЕРСОНЕСА НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Находки монет на усадьбах Гераклеяского полуострова немногочисленны. Более того, на большинстве раскопанных памятников этой группы они вообще отсутствовали. Подобное положение удивления не вызывает и характерно не только для усадеб и поселений херсонесской хоры, но и в целом для сельских поселений античных государств. В античном мире центром товарно-денежных отношений был город, в то время как сельские поселения, в том числе и усадьбы, выступали, как правило, в качестве чисто производственных центров. В то же время, даже анализ немногочисленных нумизматических находок позволяет сделать определенные выводы¹.

Обратимся к анализу монетных находок, следуя по хронологии от ранних выпусков к поздним. Наиболее равным является выпуск мелкой меди типа: ав. Голова льва вправо; реверс: пятилучевая звезда². Монеты этого типа известны на ряде усадеб (наделы 39а, 46, 106). По А.Н.Зюграфу, выпуск относится ко времени около середины IV в. до н.э.³ Как видно, ранняя датировка выпуска вступает в противоречие с хронологией археологических комплексов усадеб. Это противоречие, на мой взгляд, успешно снимается доводами, которые приводит В.А.Анохин. Он также датирует выпуск временем около середины IV в. до н.э.⁴, однако выше отмечает, что обилие вариантов и наличие на одном из них буквы П свидетельствует о том, что они продолжали выпускаться в то время, когда в практику монетного дела Херсонеса начало входить обозначение магистратских имен⁵. Вполне возможно, что типaversа херсонесской серии был заимствован с пантикапейских монет первой половины IV в. до н.э.⁶ Поступление боспорских монет в IV в. до н.э. было весьма значительным⁷.

Мне представляется, что монеты левозвезда выпускались на протяжении всей третьей четверти IV в. до н.э.⁸ В любом случае, монеты, представляющие мельчайший номинал меди и отчеканенные в большом количестве, могли находиться в обращении несколько десятилетий. Таким образом, присутствие в комплексах усадеб монет типа левозвезда вполне объяснимо.

Другой тип херсонесской меди, встречающейся на усадьбах, монеты типа: ав. квадрата вправо, в колеснице Дева с факелом; реверс: обнаженный коленопреклоненный воин со щитом и копьем, на голове шлем¹⁰. По мнению А.Н.Зюграфа, выпуск, несмотря на обильность вариантов, был эпизодическим и кратковременным. Вызван он был какими-то исключительными торжествами и приходился на начало второй половины IV в. до н.э.¹¹

Если принять справедливую датировку выпуска, предложенную Зюграфом, то относительно продолжительности выпуска, очевидно, следует присоединиться к мнению В.А.Анохина, который исходя из количества дифференгов на монетах пролил его продолжительность до двух десятилетий 350–330 гг.¹². На мой взгляд, датировка выпуска несколько завышена и должна помещаться в пределы между 345 и 325 гг.¹³. Важное значение для выяснения времени обращения выпуска имеет анализ состава Кучук-Мойнакского олада херсонесских монет, где наряду с монетами квадрата-воин представлены выпуски херсонесской меди конца IV в. до н.э.¹⁴. Таким образом, не вызывает сомнения, что монеты выпуска находились в обращении, по крайней мере, до конца IV в. до н.э. Находки монет типа квадрата-воин известны на усадьбах наделов 10, 39а, 106, 132.

Единственная монета типа: ав. Грифон влево; реверс: ХЕР. Коленопреклоненная Дева вправо, в левой руке лук, в правой – стрела происходит с усадьбы надела 106. Датируется выпуск 325–320 гг. до н.э.¹⁵

Следующий по времени выпуск херсонесской меди имеет тип: ав. Коленопреклоненная Дева вправо, с луком и стрелой; реверс: Грифон влево, вверху имя. На монете с усадьбы надела 32 удается разобрать имя магистрата – Батилл; на двух других монетах этого выпуска, найденных на усадьбах наделов 132 и 150 северная, имена магистратов разобрать не удалось. А.Н.Зюграф датировал серию концом IV в. до н.э.¹⁶, В.А.Анохин 320–310 гг.¹⁷; на мой взгляд, выпуск датируется около 315–305 гг.¹⁸

Очень обильный выпуск бронзы типа: ав. ХЕР. Дева, поражающая копьем лань впра-

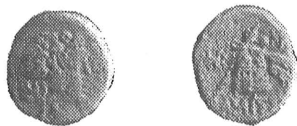

Рис. 1.

во, а в левой руке лук; реф. Бодающий бык на палице влево, внизу имя - представлен на усадьбах пятью находками. Монеты с усадьб 46 и 106 имеют в легенде имя магистрата Евдрома, на монетах с усадьб 10 и 39а имена разобрать не удалось. Зограф полагал, что монеты серии выпускались на протяжении значительного временного интервала 300-250гг. до н.э.¹⁹, Анохин предлагает более узкую датировку 300-290гг. до н.э.²⁰ На мой взгляд, обе датировки сильно завышены. Число имен магистратов на монетах серии - 5, присутствие их в кладах совместно с предыдущими выпусками бронзы, но без более поздних выпусков херсонесского серебра²¹, сокрытых около рубежа IV-III вв. до н.э. позволяет относить время чеканки серии ко времени около 305-300гг. до н.э.²²

Из монет периода денежного кризиса в Херсонесе отмечены следующие: с усадьб наделов 39а и 93 происходят монеты типа: ав. голова Девы в венке вправо, сзади лук и колчан; реф. ХЕР. Бодающий бык влево, внизу имя. На обоих монетах имя - Героид. С данным выпуском связана серия надчеканок и перечеканок, свидетельствующих о кризисных явлениях в монетном деле²³. Известна и находка младшего номинала этой же серии на усадьбе надела 39а. Его тип: ав. мужская голова в повязке вправо; реф. ХЕР. Пааница влево, внизу имя.

Более поздняя крупная серия херсонесской меди типа: ав. голова Афины в коринфском шлеме вправо; реф. Грифон вправо, внизу имя - представлена на Гераклеиском полуострове единственной находкой (усадьба надела 39а). Датируются эти монеты, скорее всего, последней четвертью III в. до н.э.²⁴

Наиболее поздней медной монетой домитридатовского времени с усадьб Гераклеиского полуострова является монета типа: ав. голова Аполлона в венке вправо; реф. ХЕР. Треножник, справа имя Аполло.

Происходит она с южной усадьбы надела 150. Датируется монета, на мой взгляд, началом II в. до н.э.²⁵

Чрезвычайный интерес представляют находки на усадьбах Гераклеиского полуострова свинцовых херсонесских монет. С усадьбы надела 106 происходит находка монеты типа: ав. дельфин(?); реф. голова букрания; на усадьбе 132 найдена монета типа: ав. голова Афины в коринфском шлеме вправо; реф. сидящий орел с головой повернутой влево. Поскольку жизнь на усадьбах Гераклеиского полуострова прекращается не позднее 80-х гг. II в. до н.э.²⁷, эта дата может служить *terminus post quem* для свинцовых монет названных типов.

В целом, выводы по хронологии усадьб Гераклеиского полуострова, полученные на основе анализ керамических комплексов, не противоречат нумизматическим данным. Все находки относительно поздних херсонесских монет от середины III в. до н.э. до начала II в. до н.э. происходят с усадьб, имеющих два периода в своей истории. Усадьбы, жизнь на которых прекратилась в 60-е гг. III в. до н.э., таких находок не дают.

В заключение отмечу случайную находку коллекционерами крупной медной монеты митридатовского времени на разрушенной херсонесской усадьбе в Стрелецкой балке (рис.1). Монета представляет собою тетрадракм города Амиса, тип: ав. голова юного Диониса в венке из плюща вправо; реф. циста, из которой свисает шкура пантеры, слева тирс, расположенный по диагонали и монограмма, снизу AMISOY²⁸. По хронологии понтийских монет Ф.Имхов-Блумера, данный тип меди относится к V группе, которая датируется 90-80гг. до н.э.²⁹ Характерно, что в означенный период обозначается резкий спад поступления в Херсонс понтийской монеты. В Херсонесе засвидетельствовано всего шесть амисских тетрадракм типа: Дионис - циста³⁰. Тем интереснее факт находки такой монеты на усадьбе. Монета в очень хорошем состоянии, покрыта благородной патиной, практически не была в обращении. Таким образом, находка монеты на усадьбе указывает на то, что в митридатовскую эпоху жизнь на некоторых усадьбах Гераклеиского полуострова вновь возрождается.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В статье, за единственным исключением, учтены монеты, найденные до 1989г.
2. Анохин А.В. Монетное дело Херсонеса. (IV в. до н.э. - XII н.э.) К., 1977. №№ 27-32 (далее МДХ); Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса. Симферополь,

1997. №№ 28-30 (далее МНХ).
3. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. №16. 148 (далее АМ).
4. Кац В.И. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклейском полуострове. // АМА. 1972. Вып. I. С.28-37.
5. МАХ. С.136.
6. МАХ. С.21.
7. Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. М., 1956. Табл. III. №36.
8. Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НС. Вып. 3. К., 1968. С.11.
9. МНХ. С.14.
10. АМ. Табл. XXXY, 10.
11. АМ. С.148.
12. МАХ. С.22-24.
13. МНХ. С.14.
14. Гилевич А.М. Кучук-Мойнацкий клад херсонесских монет IV-III вв. до н.э. // НЭ. 1970. Вып. VIII. С.3-8.
15. МНХ. С.15.
16. АМ. С.148.
17. МАХ. С.138.
18. МНХ. С.15.
19. АМ. С.149.
20. МАХ. С.139.
21. Гилевич А.М. Кучук-Мойнацкий клад... С.3-8; ее же. Хронология и топография кладов херсонесских монет IV-II вв. до н.э. и некоторые вопросы скифо-херсонесских взаимоотношений // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. А., 1973. С.11.
22. МНХ. С.15-16.
23. МАХ. С.30.
24. МНХ. С.60-61.
25. МНХ. С.62.
26. МНХ. С.63.
27. Туровский Е.Я. Хронология сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове в IV-II вв. до н.э.: Автореферат канд. дисс. СПб, 1994. С.12.
28. В.МС. 13.18, 53-4.
29. Imhoof-Blumer F. Die Kupferprägung des Mithradatischen Reichs und anderen Minzen des Pontus und Paphlagoniens // NZ, 1912. Bd 45. H.2. S.169-175.
30. Сапрыкин С.Ю. Монеты Понта из раскопок Херсонеса Таврического // ХС. Вып. VII. Севастополь, 1996. С.72.

О ПРИРОДЕ НАДЧЕКАНОК НА АНТИЧНЫХ МОНЕТАХ

Среди исследователей прочно утвердилось мнение, что процесс надчеканок на античных монетах в основном отражал кризисные явления в монетном деле древних государств. При этом вынужденного объяснения природы этого явления в историографии практически не представлено. По обрывочным сведениям античной традиции и эпиграфики, а также нумизматическим данным можно высказать ряд заключений и гипотез о функциональном значении надчеканок на античных монетах.

Надчеканки налагались на иностранные монеты с целью ввести их в обращение на рынок полиса на равных правах с его собственными денгами. Такая практика имела широкое применение в городах Крита. По эпиграфическим данным известен случай, когда по наложенным надчеканкам целому номиналу монет было присвоено соответствующее название. В 1886 году немецкий ученый Гальберг, производя раскопки Горемны нашел целую серию архаических надписей о штрафах, в которых предписывалось взывать штрафы в "котлах" и "треножниках". У исследователей возникли справедливые сомнения, зачем казне требовалось такое количество котлов и треножников.

Известный греческий исследователь критских монет И.Н.Сворнос предположил, что котлы и треножники были такими же монетами, как статеры и драхмы. Находка надписи около города Кносса (IV вв. до н.э.), где указаны подобные штрафы как в статерах, так и в "котлах", и в "треножниках", подтвердила мысль Сворноса. В процессе исследования ученые обратили внимание на серебряные статеры V-IV вв. до н.э. городов Крита: Аптера, Кносса, Кидонии, Гортини, Элевтерны, Митини, Приана и Фаласарна со свойственными этим городам типами, но с одной и той же надчеканкой в виде круглого предмета, который и был идентифицирован как котел. В последствии была обнаружена дидрахма города Кносса, на аверсе которой стояла надчеканка с изображением треножника с ледяной. На Крите существовал общий для всех полисов острова трибунал Лица, присужденные к уплате штрафов трибуналом, предоставляли ему свои деньги, и трибунал накладывал на них свою контрмарку, позволяющую монете свободное обращение по всему острову¹.

Применение надчеканенной иностранной монеты могло помочь полису преодо-

леть недостаток собственной. Так, Византий в 280 г. до н.э. надчеканивал иностранную монету собственной контрмаркой, поскольку платил огромную дань галатам и не выпускал собственную².

В римскую эпоху на боспорском рынке, по-видимому, использовались херсонесские монеты. Известны надчеканки боспорского типа в виде восьмилучевой звезды, характерные для оболов Асандра-архонта на херсонесских монетах типа: ав. Мужская голова вправо; рев. Дева в рост прямо, в левой руке лук, в правой копье³. Кроме того, надчеканки на херсонесских монетах типа: ав. Голова Девы вправо; рев. ХЕР. Кадуцей, справа монограмма ПАР, "пятилучевая звезда и полумесяц"⁴ полностью совпадают по типу с контрмарками на боспорских монетах с монограммой ВΑΕ⁵, относящихся ко времени правления боспорского царя Птолемеона.

Можно предполагать и обратную практику - использование боспорских монет на херсонесском рынке. Существует монета царицы Гепепирии тип: Женский бюст вправо; рев. Женский бюст в каафе, буквы ΙΒ⁶ с херсонесской надчеканкой "женская фигура в рост (Дева?) с луком и копьем в руках", встречающейся на крупной херсонесской меди - тетрадрассарии тип: ав. Бюст божества Херсонас вправо, справа лира, слева ветвь; рев. Дева в рост с луком и копьем⁷, которая датируется 85 г. н.э.⁸

Другая причина появления надчеканок на античных монетах могла состоять в том, что государство таким способом подтверждало своим авторитетом полновесность и полноценность монеты. Такая мера могла применяться в условиях появления в денежном обращении большого количества неполновесной и фальшивой монеты. В практике монетного дела североритийских греческих государств это положение подтверждается исключительным нумизматическими данными. Характерно, что первые надчеканки на херсонесском серебре наносились, по-видимому, исключительно на полновесные экземпляры. Предварительные наблюдения над весовыми данными херсонесского серебра показывают, что почти все ненадчеканенные экземпляры значительно уступают в весе однотипным надчеканенным. Это положение целиком подтверждается экземплярами, приведенными в каталоге В.А.Анохина⁹. Отметим, что сказанное относится ис-

ключительно к полновесному серебру докризисной эпохи. Серебряные выпуски периода начала денежного кризиса в Херсонесе, имеющие очень большой разброс весов и низкую пробу, таких надчеканок не имеют¹⁰.

В условиях денежного кризиса и соответственно нехватки металла для чеканки наложение надчеканок, вероятно, преследовало цель увеличить номинал, находившейся в обращении монеты. Известно, что сиракузский тиран Дионисий I, взяв город Региум, велел принести все серебро, и надчеканил монету, объявив одну драхму равной двум, отняв таким образом у них половину их серебра. Примерно также поступил и боспорский царь Левкон II. «Левкон, нуждаясь (однажды) в деньгах, объявил, что думает чеканить новую монету и что каждый должен принести к нему (свои) наличные деньги для того, чтобы они были перечеканены и (таким образом) остались годными. Подданные принесли ему (все), что у них было; тогда он наложил новый штемпель и на каждой монете надписал двойную (против прежней) стоимость; таким образом он выручил (в свою пользу) половину собранных денег, не причинив убытка никому из граждан¹¹. Я полагаю, что Левкон II произвел такую операцию над медной монетой типа: ав. Голова Посейдона вправо; рев. Прора¹², наложив надчеканку с головой Афины, тем самым, вероятно, обеспечив себя не только деньгами, но и материалом для чеканки монет от собственного имени. Надчеканка медной монеты и ее обращение по принудительному курсу сулило огромную прибыль. Однако многократный повтор таких операций (на примере греческих государств Северного Причерноморья) свидетельствует о том, что эффектив-

ность их была очень низкой. Наложение надчеканок и перечеканка монет в III в. до н.э. наблюдается по всему северопонтийскому региону: на Боспоре, в Херсонесе, в Ольвии.

Подобные процессы хорошо прослеживаются на материалах боспорской нумизматики римской эпохи. Так, об удвоении номинальной стоимости денариев ранних выпусков в конце правления Савромата II убедительно говорят надчеканки в виде В, которая в совокупности со знаком денария дает знак двойного денария¹³.

Наложение надчеканок на монеты могло иметь еще один аспект – политический. В III в. н.э. на монетах боспорского царя Савромата II появляются надчеканки с портретом императора Септимия Севера. Относительно природы этих надчеканок исследователями высказаны разные мнения. Наиболее аргументированная, на мой взгляд, гипотеза принадлежит А.Н. Зографу. Изображение на монетах Савромата II имеет слишком претенциозный характер, что могло быть истолковано Римом, как проявление сепаратистских тенденций, чтобы этого не случилось боспоряне накладывают на медные монеты надчеканку в виде портрета Септимия Севера¹⁴.

Крут сюжетов, связанных с надчеканками на античных монетах в целом и на монетах греческих государств Северного Причерноморья в частности, гораздо шире означенных в данной статье. Завершая обзор возможных вариантов использования надчеканок в монетном деле античных государств, хочется отметить разнообразие случаев, в которых применялась подобная операция. Возможно, впоследствии появятся и другие источники по данной проблеме, которые позволят осветить ее более подробно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Марков А.К. Древняя нумизматика. Ч.1. СПб, 1901. С.109.
2. Sear D.P. Greek Coins and Their Value. London, 1978. P.159.
3. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. (далее МДХ). Табл. XIII, №199.
4. МДХ. Табл. VII, №202.
5. Голенко К.В. Состав денежного обращения в Херсонесе в I в. до н.э. // ВДИ. 1964. №4. С.53.
6. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. №16. Табл. XLVI, №7.
7. МДХ. Табл. XV. №229.
8. Алексеев В.П., Коциевский А.С. Херсонесская надчеканка на монете Боспорского царства // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С.53.
9. МДХ. Табл. VI-VIII.
10. Туровский Е.Я. О хронологии серебряных монет Херсонеса с магистратскими именами // ПАВ. 1993. Вып.3. С.44-51.
11. POLYEN, Strateg, VI,9,I. // ВДИ. 1948. №2. С.216.
12. Зограф, А.Н. Ук. соч. Табл. ХLI, №13.
13. Зограф А.Н. Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II // ВДИ. 1938. №2. С.304-305.
14. Зограф. Античные монеты. С.206.

ГОТИЯ В СТРУКТУРЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ В ТАВРИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X ВЕКА

Крымской Готии, определению её места и роли в истории стран и народов Северного Причерноморья посвящена обширная научная литература¹. Вместе с тем недостаточность письменных источников и сведений особенно по византийскому периоду истории этого региона ещё и сегодня вызывает оживленную полемику исследователей по целому ряду проблем. В связи с этим открытие каждого нового памятника, связанного с историей Готии, имеет поистине исключительное значение.

Именно к такого рода памятникам относится, на наш взгляд, недавно найденный в Херсонесе, византийский моливдовула тур-

марха Готии. Введение в научный оборот этого уникального памятника позволяет нам в значительной степени пополнить сведения об этом удаленном уголке византийской ойкумены и представляет редкий случай, когда мы с определенной уверенностью можем говорить о месте Крымской Готии в структуре фемной организации Византийской империи, сложившейся в Таврике к концу X века.

Летом 1995 года в Херсонесе был обнаружен большой комплекс византийских свинцовых печатей VI-XI вв., среди которых удавалось выявить моливдовула турмарха Готии.

Рис.1:

Аверс. В ободке из слившихся в одну линию точек погрудное изображение святого, держащего в левой руке свиток(?). Святой – молод, лицо круглое, без бороды, с сильно оттопыренными ушами, волосы зачесаны назад. По обем сторонам изображения надпись расположенная столбиком:

слева - Ο | Δ | Π | Ι | Ο |

справа - Φ | Η | Λ = ὁ ἅγιος Φήλ (πλος) "Святой Филипп".

Реверс. В ободке из слившихся в одну линию точек пятистрочная надпись:

+ΛΕΩ,Τ,

Ρ'ΣΠΑΘΑΡ,

ΣΤΡΟΥΜΑ

ΡΧΙΓΩΤ

ΘΙΑΣ

Λεω(ν)τι(ι)

β(ασιλικῶ) σπαθαρχ(ια)

(καὶ) τρουμαρ-

ρχι Γοτ-

θιας

Использование на печати такой формы надписи, по-видимому, свидетельствует о сохранении традиционной формулы призыва божественной помощи. Очевидно, в нашем случае владеец подразумевал обращение к святому, изображение которого помещено

на лицевой стороне моливдовула.
ὁ ἅγιος Φήλ(πλος) <βοήθει τῷ σῶ
δοῦλῳ> Λεω(ν)τι(ι) β(ασιλικῶ) σπαθαρχ(ια)
(καὶ) τρουμαρχι Γοτθιας. "Святой Фи-
липп, помоги твоему рабу Лью, император-
скому спатархио и турмарку Готии".

Печать выполнена на пластинке диаметром 22 мм и толщиной около 2,5 мм. По сохранившимся фрагментам точечного обода на обеих сторонах печати восстанавливается размер матриц, диаметр которых равнялся 21 мм. Сохранность печати полная. Существенных дефектов и утрат металла нет. Резьба тонкая, художественная. Однако следует отметить отдельные ошибки резчика при передаче текста надписи. Так в названии должности *τουριάρχης* литера *ρ* переставлена с четвертого на второе место. Следует отметить, что такое написание должности встречается в византийских источниках², известно оно и на печатях³. Кроме того перевернут знак сокращения союза *χοι*, в названии должности и имени святого произведены заменены и тд. Впрочем ошибки подобного рода явление весьма обычное. Их можно встретить и в письменных источниках, и в памятниках сфрагистики. Зачастую они не были вызваны неграмотностью или небрежностью резчика, а были продиктованы обычным рукописным смешением этих греческих букв⁴.

Как правило, большинство ошибок подобного рода встречается на провинциальных печатях. Аналогичные замены и перестановки букв в словах можно проследить на примере моавидовулов херсонской фемь⁵. Вероятно, одному из местных художников-граверов были заказаны матрицы и нашей печати.

Для лицевой стороны печати избран один из самых распространенных сфрагистических типов X в. – погрудное изображение святого.

Как известно, в Византии высоко читалась память многих святых и мучеников. Причем список традиционных весьма существенно дополнялся в провинциях. К сожалению на нашем экземпляре резчик разместил лишь начальные буквы имени святого, что в определенной степени затрудняет его расшифровку. Обратившись к церковному месячеслову, мы найдем целый ряд имен, которые могли бы соответствовать нашей надписи. Конечно, весьма соблазнительно видеть в предположенном на лицевой стороне печати святого Фила, одного из 26 готских мучеников, день памяти которого отмечается православной церковью 26 марта⁶. В этом случае избрание турмархом местного покровителя могло бы означать стремление владельца печати подчеркнуть свою принадлежность к Готии, а может и его происхождение. Однако нам представляется, что на печати все же изображен святой Филипп. В пользу этой версии свидетельствуют не только начальные

буквы имени, но и апостольское одеяние святого, и находящийся в его левой руке свиток. Близкий иконографический тип святого Филиппа известен и по византийским моавидовулам⁷.

Характерные иконографические и эпиграфические особенности моавидовула позволяют отнести его к концу X-началу XI вв. Именно в этот период на византийских печатях утвердился сфрагистический тип почти объемного изображения святых в высоком рельефе⁸. Надписи выполняются мелким квадратным шрифтом с сохранением в элементах отдельных букв (*τ*, *μ*, *ρ* и др.) приема гравировки литер «калнышками»⁹. Следует отметить, что печати с аналогичным типом изображения Н.П.Аидихев датировал даже более широко, всем XI в.¹⁰ Однако, учитывая то, что во второй половине XI столетия на печатях появляется новый тип изображения – святой или святой-воин в рост¹¹, думается, что наш моавидовула следует отнести к более узким хронологическим рамкам – концу X-самому началу XI столетия. В пользу предлагаемой датировки, видимо, говорит и использование мелкого шрифта в отличие от крупного, квадратного, обычного для печатей XI в., небольшой размер печати и отсутствие на ней родового имени¹².

Находка в Херсонесе моавидовула турмарха Готии является ярким примером того, что открытие нового памятника иногда позволяет получить бесценную информацию, некогда затерявшуюся в бесконечной цепи исторических событий.

Крымская Готия достаточно часто упоминается в трудах древних авторов. Но, к сожалению, свидетельства письменных источников практически не затрагивают вопросы политико-административного устройства этой области Таврики, ограничиваясь в большинстве случаев упоминанием названия и иногда указанием грани.

Сведения о существовании в Крыму области обитания готов мы находим у Прокпия Кесарийского в его трактате «О постройках», которую автор называет «страной Дори»¹³. Дори упоминается и известным грамматиком Присцианом как один из «понтийских городов» – *oppidum Ponticum*¹⁴. Причем А.А.Васильев в свое время отмечал, что Дори в некоторых рукописях Присциана пишется так же, как и у Прокпия по-гречески *Дори*¹⁵. Имя «Дори» (*Dori*) значится и в перечне древних городов «Босфоранской страны», составленный Равенским Географом в конце VII в., здесь же отмечена и область готов (*Getho Githorum*), за которой упоминаются Судея, Фанатория и Ме-

отидское озеро¹⁶. В известном "Житии Исаана Готского" мы вновь встречаем название крепости Дорос, как крепости Готии (то *χαρσιον της Γοτθιας*), переданной хазарско-му хану¹⁷. В "Бревиарии" патриарха Никифора так же упоминается, что Дорос находится в готской земле¹⁸. Феофан в своей "Хронографии" называет область готов "климатами"¹⁹. Также название используют Константин Багрянородный²⁰, автор "Записки готского топарха"²¹ и Федор Студит²². О существовании в Таврике области Готии свидетельствует и созданная здесь готская епархия²³. В начале XIII столетия в "Житии Евгения Трапезунтского" эта территория по прежнему носит название "крымских климатов Готии"²⁴. В генуэзских источниках XV в. отмечается, что Готия со своими селениями и жителями христианами в силу трактата, заключенного с Элиас-Беем Сохатским, принадлежит генуэзцам и называется капитанство Готия²⁵.

Приведенные свидетельства письменных источников в какой-то мере очерчивают границы Готии, определяя их по горному Крыму и охватывая побережье от Херсона до Судеи.

Административный центр этой области большинство исследователей локализируют на Мангуле и связывают его с древним Доросом²⁶.

Однако данных о политическом и административном устройстве ничтожно мало. Известно, что в конце VIII в. происходит оккупация области, или по крайней мере какой-то её части, хазарами, приведшая к вооруженному выступлению местного населения²⁷. Но господство хазар в Готии продолжалось ещё достаточно долго. Известно, что около 840 г. они перестраивают крепость Дори, и к середине X в. все ещё владеют ею²⁸. Территориальная экспансия Хазарии в Таврике не могла не вызвать определенных защитных действий со стороны Византии, отреагировавшей на потерю части своих владений созданием здесь фемы, в которую были включены и климаты Готии. Напомним, что первый стратиг, присланный императором Феофилом в Херсон был назван именно "стратигом Климатов"²⁹. Активные военные и дипломатические акции Византии не позволили хазарам прочно закрепиться в Крыму, и к середине X в. каганат уже не имел реальной власти над большей частью принадлежавшей ему ранее территории³⁰. Сложившаяся в регионе военно-политическая ситуация, очевидно, позволила Крымской Готии обрести некоторую самостоятельность. Но возобновившиеся набе-

ги хазар, стремившихся восстановить свое преобладание в Таврике, побудили готскую администрацию обратиться к русскому князю Святославу³¹. В 962 г. в Киеве был заключен договор, и Готия на некоторое время попадает под протекторат древнерусского княжества³². Вместе с тем продолжавшиеся военные столкновения Византии с Русью, по всей вероятности, и в дальнейшем заставили побежденного Святослава, согласно Договору 971 г., отказаться от недавно приобретенного протектората³³.

Надо думать, что именно в это время Крымская Готия вновь возвращается под покровительство византийского императора. И находка в Херсоне печати турмарха Готии, относящейся как раз таки к рассматриваемому периоду, является неоспоримым тому доказательством и представляет нам редкий случай, когда Крымская Готия указана как вполне определенный военно-административный округ Византийской империи.

Из византийских источников известно, что турмарх являлся командиром турмы - крупного подразделения, составившего часть воинского контингента какой-либо провинции, и одновременно командантом той части фемы, на которой была расквартирована его турма³⁴. Положение турмарха как первого лица в феме после стратига четко обозначено в "De ceremoniis"³⁵. О высокой значимости этой должности, очевидно, говорит и тот факт, что в отлучки от всех других архонтов фемного войска турмархи назначались на должность только императорским распоряжением³⁶. Подбору кандидатур на должность турмарха, по-видимому, уделялось особое внимание, так как от его личных качеств, способностей и опыта во многом зависела судьба порученному ему округу. В "Тактике Льва" перечисляется целый ряд условий, которым должен соответствовать турмарх. Одним из них является даже требование своеобразного образовательного ценза³⁷.

Все это, безусловно, ставит турмархов в разряд высших провинциальных византийских сановников, имевших достаточно известность при дворе. Надо полагать к такому относился и владелец нашей печати, императорский спафарий Лев.

В византийской Табеи о рангах приведен целый ряд турмархов, указанных в соответствии со значимостью их фем. У Константина Багрянородного турмархи относятся ко второму классу и состоят в чине спафарокандидатов³⁸. В Тактике Ф. Успенского эта должность помещена в тре-

тий класс и им отведен, как на нашем моливдуале, чин спафариев³⁹. По сводной византийской Табели о рангах В. Бенешевича, турмархи так же как правило, принадлежали рангу спафариев⁴⁰.

Как видим чин и название должности владельца нашего моливдуала вполне соответствуют традиционным византийским рангам. Это позволяет рассматривать его как представителя высшей византийской провинциальной военной знати, состоявшего на государственной службе в должности "губернатора" одного из периферийных округов империи.

Указание на печати этой высокой военной должности, на наш взгляд, является бесспорным свидетельством того, что Готия в конце X - начале XI вв. входила в состав византийских владений в Таврике в качестве турмы - военно-административного округа, по всей видимости, являвшегося частью существовавшей здесь фемы Херсон, подобно тому, как это имело место в других регионах империи. В качестве примера можно привести свидетельство Константина Багрянородного о том, что турмархии небольших областей и даже некоторых городов Малой Азии входили в состав местных фем⁴¹.

Как известно, византийская армия в X в. все еще продолжала сохранять вид иррегулярного ополчения, характерного для периода феминого строя. Провинциальное войско, обозначаемое в источниках термином *везатл*, набиралось из числа свободного земледельческого населения, проживающего на территории данной фемы. Обязанность военной службы была возложена на сословие стратиотов, которые в мирное время занимались своим хозяйством и призывались на службу лишь во время военных действий⁴².

Эти условия не могли не быть обязательными для Готии. Безусловно, турмарх набирал свое войско из местных жителей и в случае военной опасности обязан был по призыву стратига фемы выступить вместе с последним

во главе войска. Византийские источники рисуют достаточно четкую картину созыва феминого войска для военной кампании⁴³.

Наличие в Готии высокого военного должностного лица, практически равного в своем значении губернатору региональных подразделений фемы⁴⁴, вне всякого сомнения, подразумевает и существование некоего административного центра, где должна была бы размещаться ставка военачальника. К сожалению, никакой информации на этот счет печать нам не дает. Вместе с тем, ответ на этот вопрос, как нам представляется, вполне очевиден. По письменным источникам и памятникам сфрагистики, известны примеры турм, располагавшихся в провинциальных городах⁴⁵. В отношении Готии таким центром, по-видимому, должен был бы стать древний Дорос.

Печати турмархов достаточно хорошо известны среди памятников византийской сфрагистики⁴⁶. Тем не менее, для Херсона это явление исключительное. Вероятно, находка здесь печати турмарха Готии свидетельствует об имевших место отношениях стратига фемы с подчиненным ему окружным военачальником. Быть может именно тревожной военной обстановке в этом отдаленном византийском пограничье мы обязаны появлению этого моливдуала. Напомним, что именно на конец X - начало XI вв. приходится такие значительные события в истории этого региона, как поход на Корсунь киевского князя Владимира и восстание херсонитов во главе со стратигом Георгием Дулой.

Надеемся, дальнейшие исследования и открытия новых памятников этой эпохи позволят получить ответы на многие вопросы по истории этого интереснейшего региона Таврики, который теперь мы можем вполне определенно называть византийским по крайней мере для рассматриваемого периода тесно переплетая исторические судьбы многих народов и культур.

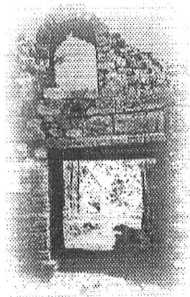
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев. 1990. С. 173-196.
2. Oikonomides N. Les listes prѣsance Byzantines des IX et X siѣcle. Paris, 1972. P. 55. n.38
3. Laurent V. La collection C. Orghidan. Paris, 1952. № 345; 4, № 96.
4. Васильев А.А. Готы в Крыму. Часть 2 // ИГАИМК. 1927. Т.5. С. 239.
5. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. 1983. №№ 15,19,34,42.
6. Православный церковный календарь 1994 г. М. 1994. С. 69.
7. Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. V. 1-2. Paris, 1963-1965. №№ 373-374, 1554.
8. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. 1983. С. 84, 88.
9. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. 1983. С. 94.

10. Лихачев Н.П. Моливовулы Греческого Востока. Москва, 1991. Т. 19. С. 178-181, №№ 6-8,10
11. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. А. 1983. С. 85.
12. Laurent V. La collection C. Orghidan. Paris, 1952. № 345; 4, № 96 С. 85, 94-95; 10, Part 1, P.XXV.
13. Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. 1939. № 4. С. 249.
14. Prisciani grammatici Caesariensis Institutionum grammaticarum libri. XVII/ In 2 Ed.// Ex recensione Martini Hertzi. Leipzig, 1855 S. 195, 283.
15. Васильев А.А. Готы в Крыму. Часть 1 // ИРАИК. 1921. Т.1. С. 313.
16. Васильев А.А. Готы в Крыму. Часть 1 // ИРАИК. 1921. Т.1. С. 313.
17. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии / перевод А. Никитского // ЗООИД. 1883. Т. 13 С. 29, 31-32.
18. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана и "Бревиарий" Никифора. М. 1980. С. 163.
19. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана и "Бревиарий" Никифора. М. 1980. С.39-40, 62-64, 155, 163.
20. Константин Багрянородный Об управлении империей. М. 1991. С. 36, 52, 156, 170, 174.
21. Васильев А.А. Готы в Крыму. Часть 2 // ИГАИМК. 1927. Т.5. С. 239. С. 239.
22. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge Mass 1936. С. 105-106.
23. Бертье-Делагард А.А. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. Т.57. С. 40-66, 131-133; Герцен А.Г., Мога­рычев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. 1991. Т. 2. С. 119-122; 20, С. 80.
24. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангу­па // ИГАИМК. Ленинград, 1933. Т.71. С. 8.
25. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. в последний день февраля . пер. В.Оргевича // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 726, 826, прим. 86.
26. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангу­па // ИГАИМК. Ленинград, 1933. Т.71.С.31-32; Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангу­па // МАИЭТ. 1990. Т. 2. С. 136; Герцен А.Г., Мога­рычев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. 1991. Т. 2. С. 120; Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 59; Вармина Н.И. Мангу­пская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. Свердловск, 1995. Т. 27. С. 80.
27. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии / перевод А. Никитского // ЗООИД. 1883. Т. 13. С. 396-400.
28. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангу­па // МАИЭТ. 1990. Т. 2. С. 135-137.
29. Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 321.
30. Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 63.
31. Васильев А.А. Готы в Крыму. Часть 2 // ИГАИМК. 1927. Т.5. С. 239-248.
32. Васильев А.А. Готы в Крыму. Часть 2 // ИГАИМК. 1927. Т.5. С. 243.
33. Васильев А.А. Готы в Крыму. Часть 2 // ИГАИМК. 1927. Т.5. С.249.
34. Константин Багрянородный Об управлении империей. М. 1991. С. 418, прим. 24.
35. Constantine Porphyrogenitus De ceremoniis aulae byzantinae libri II / E rec. I.I.Reiskii. Bonnae, 1829. Vol. 1. S. 494. 7.
36. Leonis Imperatoris Tactica sive de re militariliber // PG. 1863. T. 107. IV, 43 col. 708D.
37. Leonis Imperatoris Tactica sive de re militariliber // PG. 1863. T. 107. IV, 43 col. 708D.
38. Constantine Porphyrogenitus De ceremoniis aulae byzantinae libri II / E rec. I.I.Reiskii. Bonnae, 1829. Vol. 1. S. 734-738.
39. Успенский Ф.И. Византийская Табель о рангах // ИРАИК. 1898. Т.3. С. 27-28.
40. Вельевин V.N. Die Byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei. // BNJ. 1929-1927. Т. 5. S. 134, 141.

41. Константин Багрянородный Об управлении империей. М. 1991. С. 227.
42. Кучма В.В. Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX-X вв. // Византийские очерки. М., 1971. С. 87-88.
43. Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838. S. 2288-10.
44. Кьһн Н.Д. Die Byzantinische armee im 10 und 11 Jahrhundert. Wien. 1991. S. 50.
45. ωνσταντοπουλος Κ. Μ. Βυζαντιακά μολυβδοβούλλα τοῦ ἐν Αθῆναις Ἐθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου. ἐν Αθῆναις, 1917. S. 11, № 31, S/ 21-22, № 71; Константин Багрянородный Об управлении империей. М. 1991. С. 227-229.
46. Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884. № 180, 372; 31, № 186, 354, 361, 378, 422, 432, 453, 462; ωνσταντοπουλος Κ. Μ. Βυζαντιακά μολυβδοβούλλα τοῦ ἐν Αθῆναις Ἐθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου. ἐν Αθῆναις, 1917. №№ 230-236, 526; 9, LVIII.10, LIX.9, LXXIV.10; Zacos G, Vegler A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1. № 1876; Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art . Washington, 1991. Vol. 1; 1994. Vol. 2; 1996. Vol. 3. 1:5.36-37, 18.78, 19.1, 43.38-39, 44.9-10, 69.2, 71.39, 74.1, 79.1, 2: 7.1, 8.61, 22.42, 36.6, 59.32-33, 61.1, 73.1, 80.2-3, 3: 3.1-2, 2.60, 39.51, 40.13; Иорданов И. Печатите от стратегията в Преслав. София. 1993. №№ 205, 227.

VI РЕЦЕНЗИИ

Lukanc I. DIOCLETIANUS, DER ROMISCHE KAISER AUS DALMATIEN. Wetteren, 1991, 343 с. илл.

Фундаментальное исследование югославского ученого посвящено интереснейшему периоду в истории поздней Римской империи. Именно с правления Диоклетiana, даламатинца по происхождению, начинал свое становление доминат-монархия типа восточных деспотий, где правитель являлся господином по отношению ко всем своим подданным. Это обстоятельство наложило отпечаток на всю деятельность упомянутого императора, на его реформы, временно стабилизовавшие положение в разнациональном государстве, на письменные и материальные источники, дошедшие до нашего времени.

Рецензируемая монография разделяется, примерно, на две части. Первая часть охватывает эпиграфические и папирологические источники, которые характеризуют экономическую и политическую направленности режима Диоклетiana; анализ источников пронизан рядом выразительных скульптурных портретов правителя, наглядно дополняющих эти свидетельства. В сообщаемых автором сведениях о таких источниках хотелось бы видеть упоминание (если не само воспроизведение) надписи, в которой говорится о наместнике Феодосии, известном обоим Августам и удостоенном ими почестями, Аврелия Валерия Соте, верноподданчески носившем имена своих римских властителей - Гая Аврелия Валерия Диоклетiana и соправителя после-

днего, Аврелия Валерия Максимана (см. "Известия Императорской Археологической комиссии," вып.10, СПб, 1904, с.26 сл.)

Вторая часть монографии представляет собой Корпус золотых монет Диоклетiana - мультиплов, ауреусов, квинариен, отражающих эффективные начала монетной реформы правителя. Приведенные автором количественные и весовые данные всех этих монет свидетельствуют о массовом выпуске в обращение полноценных денег (которые, как известно, затем тезаврировались из-за селением и даже перемалывались в слитки драгоценного металла). Хорошо, что автор использовал здесь лучшие по сохранности ауреусы из нумизматического собрания Эрмитажа, но наверное следовало бы дополнить их аналогичным материалом из музеев Москвы, Киева, Минска и т.д. Весьма полезен специальный раздел монографии о золотых монетах, проходивших на мировых аукционах за последние 250 лет.

Обширен и тщательно подобран библиографический раздел монографии. Но, думается, сюда следовало бы включить сочинения тех позднеримских и византийских авторов, в которых имеются сведения о приходе Диоклетiana, событиях его времени - в частности, Константина Порфирородного (подробно, хотя и в искаженном виде, описавшем войну Боспора против Рима в те годы).

В заключение следует отметить, что книга прекрасно иллюстрирована и издана на самом высоком полиграфическом уровне.

(В.М.Брабич)

В.А. Колотухин. ГОРНЫЙ КРЫМ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ - НАЧАЛЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА.

Киев, 1996. 157с. 57 табл.

Выход из печати монографии В.А. Колотухина, посвященной этнокультурным проблемам Горного Крыма эпохи поздней бронзы - раннего железа¹ (далее сокращенно ПБ - РЖ), без сомнения, можно считать важной вехой в исследовании данного региона. В своей работе автор, с одной стороны, выделяет и проследживает здесь на протяжении второй половины II - I тысячелетия до н. э. (далее все даты до н. э.) последовательную смену целого ряда археологических культур, а с другой - убедительно показывает в этом ряду место кизил-кобинской культуры (далее сокращенно ККК).

Проблема генезиса и периодизации ККК посвящены монографии А.М. Лескова и Х.И. Крис,² однако ни для одной из них не написаны обстоятельные рецензии.³ Несмотря на то, что эти работы также заслуживают самого пристального внимания, остановимся на разборе монографии В.А. Колотухина, поскольку именно в ней отражены основные итоги послевоенного периода в исследовании данной культуры.⁴

Рецензируемая работа состоит из пяти основных глав, приложения "Географическая справка", списка литературы и большого количества иллюстраций.

Во введении автор справедливо подчеркивает, что история населения Горного Крыма (и прежде всего ККК) тесно связана с историческими процессами, затрагивающими весь регион Северного Причерноморья, а накопленные археологические материалы позволяют по-новому взглянуть на древнюю историю Крыма эпохи ПБ - РЖ.

В первой главе предлагается краткий обзор основных письменных источников, характеризующих этнокультурную ситуацию в Крыму накануне и в период греческой колонизации полуострова. Отметим здесь, что, к сожалению, вне поля зрения автора осталась работа А.Н. Шеглова,⁵ в которой наиболее полно и обстоятельно рассматриваются данные письменных источников о гаврах и Таврике.

В истории изучения ККК автор выделяет три периода: доревольционный, довоенный и послевоенный.

В целом можно согласиться с оценкой

автором основных итогов изучения данной культуры в каждом выделенном им периоде. Нуждается в уточнении лишь характеристика полевых исследований доревольционных археологов, как "производившихся на низком методическом уровне" и "носивших бессистемный характер" (с.9). Здесь, видимо, следует учитывать прежде всего существовавшие в то время методики и задачи исследования, финансовое обеспечение археологических экспедиций, а также частный характер землеведения, затруднявший ведение широкомасштабных работ. Во всяком случае, публикацию материалов из раскопок могильника Мал-Муз Н.И. Репниковым⁶ можно считать образцовой для своего времени и не утратившей своего значения и в настоящее время.⁷ К списку основных работ этого этапа можно добавить статьи М.А. Сосногорской и Г.И. Тимошецкого,⁸ впервые предложивших сравнительно полное системное описание каменных ящиков из могильников Горного Крыма.

Характеризуя второй этап изучения ККК, следует отметить, что материалы раскопок подавляющего большинства открытых в довоенное время КК памятников остались практически неопубликованными. Исключение составляют лишь две работы С.А. Семенова-Зусера, отражающие основные итоги раскопок могильника Черкес-Кермен.⁹

Наиболее полно автор характеризует послевоенный этап исследования ККК. Однако, к сожалению, историографический обзор исследований по данной культуре прерывается, примерно, началом 1980 - х годов. Вероятно, это не случайно. Дело в том, что начиная с этого времени, самим автором исследуются и оперативно вводятся в научный оборот результаты раскопок целого ряда новых археологических памятников.

Вместе с тем нужно отметить, что если проблеме происхождения ККК посвящен сравнительно полный историографический обзор, то анализ целого пласта литературы, отражающей заключительный этап ее существования,¹⁰ остался, к сожалению, вне рамок рецензируемой работы.

Значительное по объему место в первой

главе занимает корректный, аргументированный разбор гипотезы Х.И.Крис и А.А.Щепинского о сосуществовании в Крыму двух различных культур таврской и КК.¹¹

Данная гипотеза, несмотря на то, что практически сразу же получила критическую оценку специалистов,¹² в дальнейшем нашла отражение в некоторых научных работах¹³ и прочно обосновалась в 1980-х годах в популярной литературе о Крыме.¹⁴

Отсюда следует, что существующие гипотезы тождественности или различия таврской и КК культур требуют, видимо, более глубокого обоснования и анализа археологических источников.¹⁵ В этой связи обратимся к системе критических замечаний в адрес гипотезы Х.И.Крис и А.А.Щепинского, полученных в работе В.А. Колотухина наиболее полное выражение.

Во-первых, автор справедливо отвергает «категоричное заявление Х.И.Крис об отсутствии в горной и южнобережной зонах поселений эпохи бронзы» (с.18). Однако, в анализируемой работе на карте памятников эпохи ПБ (с. 101, рис. 1) какие-либо поселения или могильники на Южном берегу Крыма вплоть до пос. Планерское, которые могли бы опровергнуть утверждение Х.И.Крис, остались не отмеченными (за исключением поселения № 18 на г. Кошка).

Во-вторых, можно вслед за автором «результатом явного недоразумения – считать утверждение» Х.И.Крис «о том, что в северобайдарской группе безраздельно господствует ориентация ящиков по оси СВ-ЮЗ»¹⁷ (с.18). Но ведь указанную ориентацию действительно нужно рассматривать просто как опечатку! Эта опечатка вкралась в статью Х.И.Крис 1967 г., в которой исследовательница для каменных ящиков могильника Уркуста, а затем и для всей северобайдарской группы могильников указывает ошибочную ориентацию – СВ-ЮЗ.¹⁶ Далее эта опечатка попала и в монографию Х.И.Крис,¹⁷ что, видимо, и послужило основанием для критических замечаний. Вместе с тем, действительная ориентация ящиков могильника Уркуста (кроме погребения № 5) проходит по линии СЗ-ЮВ,¹⁸ и это нетрудно понять по данным из приложения № 2 в монографии исследовательницы.¹⁹ Однако, в любом случае, для опровержения основной гипотезы Х.И.Крис, эта досадная опечатка, видимо, существенного значения иметь не может.

В-третьих, В.А.Колотухин справедливо опровергает точку зрения Х.И.Крис, согласно которой КК керамика (за исключением материалов поселения на г. Кошка) отсут-

ствует на памятниках Южного берега Крыма. В качестве доказательства присутствия в данном регионе носителей ККК, автор отмечает материалы некоторых поселений: в ряде пещер Байдарской долины, на г. Караул-Оба, на мысе Святой Троицы и г. Кошка (с.19). Однако, к сожалению, осталось неизвестным, к какому этапу ККК относятся керамика этих памятников. Исключение составляют только материалы поселения на г. Кошка, о которых можно получить представление по опубликованным данным,²⁰ и поселения у горы Медведь, посуда которого, как указывает автор, украшена орнаментом, выполненным меазокубчатой гребенкой (с. 62-63).

В-четвертых, критика гипотезы А.А.Щепинского была бы более убедительной, если бы автор(а) выделена и сравнила синхронные материалы различных типов погребальных сооружений Предгорного Крыма: подкурганых погребений (например, курганов в зоне Симферопольского водохранилища) и погребений в могильниках из каменных ящиков; б) сравнила материалы поселений: Альма, Ашлама-Дере и др., которыми оперирует А.А.Щепинский, с синхронными материалами из собственных раскопок, например, поселений Фонтаны, Дружное-1 и других.

Таким образом, критика гипотезы о различии таврской и КК культур строится автором, в основном, лишь на основе ее внутренних противоречий. В то же время какие-либо конкретные материалы, которые могли бы опровергнуть исходные позиции данной гипотезы, не приводятся. Отсюда следует, что к оценке гипотезы о различии указанных культур, вероятно, еще предстоит вернуться на основе анализа более широкого круга археологических материалов.

Во второй главе приводится описание целого ряда поселений и могильников Горного Крыма. Этому описанию предшествует краткая характеристика археологических находок из раскопок 1920-х г. Г.А.Богин-Осмоловского на некоторых памятниках этого региона.

Как справедливо отмечает В.А.Колотухин, основанием для выделения ККК послужил комплекс материалов широкого хронологического диапазона, начиная от эпохи ПБ до IV в. (с. 20). При этом, учитывая новые накопленные материалы, назрела необходимость, по мнению автора, выделения в данном комплексе материалов эпохи ПБ и собственно ККК.

Далее приводится раздельная характеристика поселений и могильников Горного

Крыма эпохи ПБ и ККК. При этом описание памятников насыщено фактическим материалом, который прекрасно иллюстрирован. Очень интересными являются наблюдения автора над характером формирования т.н. землянок с нишами на туфовой площадке поселения Кизил-Коба. По мнению исследователя, данные ниши являются остатками хозяйственных ям, которые были прорезаны землянкой более позднего времени (с. 26). Данные выводы, возможно, позволят по-новому рассмотреть сооружения такого типа, встреченные при раскопках ранних слоев античных городов, например, Нимфея.²¹ Безусловно ценными являются данные по характеристике фаунистического материала (с. 28), которые интересно было бы сравнить с материалами поселений Замил-Коба II и Тапч-Аир I.²²

Вероятно, описание памятников было бы более полным с учетом работ других исследователей, характеризующих жилище сооружения ККК.²³

Весьма интересной является информация о наличии в засыпи одного из погребений в каменном ящике в урочище Кизил-Коба обломков керамики с гребенчатым орнаментом (с. 34). До этого была опубликована лишь КК керамика с гребенчатым орнаментом из могильников Мал-Муз и Черкес-Кермен.²⁴

В третьей главе автор дает классификацию ряда находок материальной культуры памятников Горного Крыма: керамики, орудий труда, предметов вооружения и конской сбруи, а также украшений.

Предлагаемая автором классификация керамики эпохи ПБ является первым серьезным исследованием материальной культуры памятников Горного Крыма данного периода, а классификация КК керамики - второй обстоятельной работой после классификации Х.И.Крис.²⁵

Керамический комплекс всех памятников по форме сосудов и другим признакам был разделен автором на ряд категорий, в которых выделяются типы и варианты посуды. Здесь информативным является описание типов орнамента, характерных для разных категорий сосудов. Особенно интересно сделанное автором наблюдение того, что на более ранних поселениях эпохи ПБ на столовой посуде резной орнамент преобладает над рельефным, а на более поздних поселениях этой же эпохи - картина обратная (с. 39). Данное наблюдение, без сомнения, требует дальнейших исследований.

Аргументированно проследивается автором и последовательная смена различных

типов орнамента на КК посуде. Первоначально эта посуда украшалась рельефным, затем резным и, наконец, гребенчатым орнаментом.²⁶ Хорошо выполненный иллюстративный материал позволяет представить читателю характерные особенности и степень изученности керамических материалов (в основном, из раскопок самого автора) различных периодов ККК из разных регионов Крыма.

Вместе с тем, обоим предложенным автором классификациям (эпохи ПБ и ККК) присущи два существенных, на наш взгляд, недостатка: 1) Полное отсутствие какой-либо статистической информации. Это сразу, к сожалению, исключает сравнительный анализ керамики по выделенным категориям, типам и т.д.; 2) Не соблюдается иерархия выделенных признаков. Если один и тот же признак является то типобразующим, то вариантобразующим (с. 36), то тем самым нарушается алгоритм любой классификации, что является нежелательным в подобном роде исследований.²⁷

К менее существенным замечаниям можно отнести противоречие между утверждаемой автором тождественностью номенклатуры керамики культуры эпохи ПБ и КК (с. 69) и раздельным описанием типов керамики обеих культур. Возможно, логичнее было бы построить для этих культур единую классификацию керамики, что позволило бы более наглядно проследить генезис различных категорий и типов посуды. Далее, не все сосуды, отраженные на рисунках, получили, к сожалению, типологическое определение, что несколько затрудняет использование предлагаемой классификации.

Непонятной остается также причина, по которой верхний рубеж классификации КК керамики в данном разделе монографии (с. 40) ограничивается V в. Отсюда следует, что посуда памятников третьего этапа данной культуры, датируемая автором второй половиной IV - II вв. (с. 62-63), в классификацию не входит.

Автор характеризует разработанную им классификацию КК керамики как предварительную (с. 35), однако четкое деление сосудов на различные категории делает данную классификацию вполне удобной для практического использования.²⁸

В остальных параграфах 3 главы автором вводится в научный оборот целый ряд различных категорий находок, при этом безусловно высокой оценки заслуживает предложение автором типологии украшений ККК.

Находки уникальных для данного региона предметов конской упряжи, вооруже-

ния и орудий труда позволяют автору определить место памятников Горного Крыма эпохи ПБ - РЖ среди синхронных культур Северного Причерноморья.

Четвертая глава посвящена проблемам периодизации. Здесь автор впервые в истории изучения археологических культур эпохи ПБ Крыма применяет новый обобщающий термин "Горнокрымская культура" (далее сокр. ГКК). В этой культуре выделяется 3 этапа, синхронных соответственно преобладающему, сабатиновскому и беззерскому этапам степной Северопричерноморской культуры. Учитывая всю сложность проблем изучения эпохи бронзы,²⁹ приходится сожалеть, что автор не указал какой схемой развития культуры данной эпохи он руководствуется.

В развитии ККК также выделяется три этапа. Первый из них автор синхронизирует с черноросской и киммерийской культурами (с. 55). Второй этап совпадает с началом скифского периода, который датируется серединой VII - концом V иди рубежом V - IV вв. (с. 52). Наконец, третий этап датируется автором концом V - II вв. (с. 59-60).

Для первого этапа ККК характерны керамика украшенная в основном валяковой орнаментацией и комплекс датирующих находок доскифского времени: костяные псалы, наконечники стрел и др. (с. 55). На втором этапе этой культуры керамика украшена геометрическим орнаментом, а датируемые находки представлены предметами вооружения и конской сбруи скифского типа (с. 57). Наконец, для третьего этапа ККК характерна посуда с мелкозубчатым гребенчатым орнаментом, которая датируется по находкам греческой керамики IV - II вв. (с. 59-60).

Выраженные автором в столь сжатом виде основные критерии выделения трех последовательных этапов развития ККК принципиальных замечаний не вызывают. Однако предлагаемая автором, более развернутая характеристика орнаментированной керамики второго и третьего этапа ККК выглядит неоднозначно и нуждается в уточнении.

Вяжняется, например, что для керамики второго этапа ККК характерен не только резной тип орнамента, но также и рельефный (бытующий на первом этапе ККК), крупно- и мелкозубчатый гребенчатый орнаменты (с. 44, 57). А на керамике третьего этапа данной культуры кроме мелкозубчатого гребенчатого орнамента, бытует также резной (характерный для второго этапа ККК) и крупнозубчатый гребенчатый типы

орнамента (с. 62). Очевидная неоднозначность такого подхода к критериям выделения различных этапов ККК заставляет подробнее остановиться на методике, с помощью которой автор определяет относительную хронологию памятников ККК.

Суть этой методики состоит в том, что место того или иного памятника, в системе выделенных этапов ККК определяется наиболее массовый керамический материалом ("основная коллекция" с. 53) этого памятника. Например, достаточно однородные по форме и орнаментации керамические материалы поселения Дружное-1 позволяют автору вполне доказательно отнести это поселение к первому этапу ККК, а материалы поселения Дружное-3 - к заключительному этапу данной культуры.

В то же время, при интерпретации керамики долговременных памятников данная методика выглядит не столь эффективной. Так, на поселении Кизил-Коба значительное количество керамики украшено рельефным орнаментом, что позволяет автору отнести это поселение к 1 этапу ККК. Однако на этом поселении присутствуют меньшие по численности комплексы керамики с резным и гребенчатым типами орнамента (с. 56). Однако, данные комплексы, которые логично было бы отнести соответственно ко второму и последнему этапам ККК (по периодизации В.А. Колотухина), не рассматриваются, что собственно и требует дополнительных объяснений.³⁰

Кроме того, с помощью такой методики затруднительно отнести к какому-либо одному этапу ККК те памятники, на керамике которых разные типы орнамента представлены примерно одинаковым количеством экземпляров (например, на Инкерманском поселении 1940 г.).³¹

Данная методика вынуждает автора выделять т.н. "переходные периоды" между основными этапами ККК, что само по себе логично, однако никаких материалов, характеризующих эти периоды, указано не было.

С нашей точки зрения, более эффективным представляется метод определения относительной хронологии не самих памятников, а их керамических и других материалов в закрытых и открытых комплексах (хозяйственных ямах, погребениях, слоях с однородными материалами и пр.). В этом случае материалы отмеченных поселений Кизил-Коба и Инкерманское будут свидетельствовать о существовании этих памятников на всех этапах ККК, что как раз может дополнительно подтверждать гипотезу об эволюционном развитии данной культуры.

В целом, можно согласиться с предлагаемой абсолютной хронологией выделенных В.А.Колотухиным этапов ККК, поскольку она убедительно связана с хронологией синхронных культур Северного Причерноморья в эпоху РЖ.³² Однако датировки предлагаемые автором для конкретных памятников, могут быть оспорены хотя бы потому, что в большинстве случаев на данных памятниках оказались не выделены комплексы, содержащие КК орнаментированную керамику и какие-либо датированные находки. Например, материалы поселения Таш-Джарган-3 по находкам греческой керамики датированы автором III - II вв. (с. 63). Осталось, к сожалению, неясным, при каких условиях на этом и других поселениях были зафиксированы комплексы совместных находок КК сосуды с гребенчатым орнаментом и греческой керамики. Однако это обстоятельство имеет важное значение для определения датировки финального этапа ККК, поскольку ранее комплексы находок III - II вв. отмечались либо в перемешанном слое, либо в подъемном материале, например, в Херсонесе,³³ поселениях Кызык-Кулак-Кая³⁴ и у р. Бельбек.³⁵

Обращает на себя внимание тот факт, что автор практически совершенно не учитывает найденную в греческих городах и поселениях Крыма КК керамику, датированную греческими материалами серединой VI - первой трети III вв.³⁶ Между тем, анализ этой керамики имеет решающее значение в определении типологии и хронологии керамического комплекса собственно КК памятников и может существенно скорректировать предлагаемую В.А.Колотухиным относительную и абсолютную хронологию различных этапов ККК.

В пятой главе автор на широком этнокультурном фоне предлагает максимально полную и логичную реконструкцию исторических процессов, происходивших в Крыму в эпоху ПБ - РЖ.

Оценивая в целом предлагаемую автором схему развития ККК, необходимо подчеркнуть следующие ее несомненные достоинства: 1) выделены комплексы материальной культуры ГК и КК культур эпохи ПБ - РЖ, и определена их относительная последовательность развития; 2) введены в научный оборот уникальные датированные находки, позволившие автору соотносить эти культуры Крыма с синхронными культурами Северного Причерноморья; 3) доказано автохтонное происхождение ККК, сложившейся на основе ГК культуры эпохи ПБ, и ее связь с таврами Геродота.

В качестве критических замечаний отметим, что автором использовались материалы, в основном, лишь из раскопок Северо-Крымской археологической экспедиции, что несколько сужает источниковедческую базу исследования. Вполне понимая сложности с набором книги, отметим только некоторые досадные упущения. В монографии отсутствуют: 1) синхронистическая таблица развития археологических культур Крыма; 2) список памятников ГК и КК культур Крыма эпохи ПБ - РЖ (с. 101, рис. 1, с. 102, рис. 2);³⁷ 3) названия памятников, керамика с которых изображена на рисунке 57 (с. 157).³⁸

Как уже отмечалось, рецензируемая книга В.А.Колотухина является третьей по счету монографией, посвященной проблемам кизил-кобинской культуры. Однако, по значимости и актуальности именно данную монографию вполне можно назвать (после работы А.М.Лескова «Горный Крым...» «Горный Крым - 2»

(Сенаторов С.Н.)

ПРИМЕЧАНИЯ

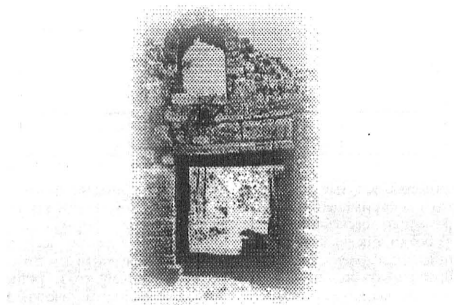
1. Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы - начале железного века: (Этнокульт. процессы). Киев: Изд-во "Южногород. ведомости", 1996. 159 с., илл. (Материалы по археологии Крыма; Вып. 3).
2. Лесков А.М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965. 199 с.; Крис Х.И. Кизил - кобинская культура и тавры // САИ. 1981. Вып. Д 1 - 7. 127 с.
3. Рецензия Б.В.Техова на книгу А.М.Лескова носит, на наш взгляд, слишком общий характер. См. Техов Б.В. О книге А.М.Лескова "Горный Крым в I-ом тысячелетии до н.э." Киев. 1965 г. // ИЮго-ОсетНИИ. 1968. Вып. XV. С. 205-208.
4. С учетом того, что публикация монографии задержалась, будем, по возможности, использовать литературу того же времени, что и автор, то есть вышедшую не позднее начала 1990-х гг.
5. Шеглов А.Н. Тавры в VII-первой половине IV вв. до н.э. и греко-таврские взаимоотношения // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. Тбилиси, 1988. С. 56-62.
6. Репников Н.И. Каменные ящики Байдарской долины // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 127-155.

7. Ранее об этом совершенно справедливо писал и сам автор, оценивая дореволюционные работы Н.И. Репникова, как проведенные "на высоком методическом уровне", См. Колотухин В.А. Население Предгорного и Горного Крыма в конце II-первой половине I тысячелетия до нашей эры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1988. С. 4.
8. Сосногорова М.А. Мегалитические памятники в Крыму // РВ. 1875. Т. 118. С. 266-287; Тимошевский Г.И. Гробницы-ящики // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь, 1890. С. 198-203.
9. Семенов-Зусер С.А. К вопросу о мегалитических памятниках // Природа. 1931. № 5. С. 503. Рис. 8; Он же, Таврские мегалиты: (Из материалов Крым. археол. экспедиции АН СССР) // НЗХаркДПИ. 1940. Т. 5. С. 153. Рис. 15 и сл.
10. Дашевская О.Д. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом // СА. 1963. № 4. С. 205-208; Лесков А.М. Указ. Соч. С. 44-46, 81-85, 127-132; Савеля О.Я. О греко-варварских взаимоотношениях в Юго-Западном Крыму в VI-IV вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 169; Шеглов А.Н. Тавры и греческие колонии в Таврике / Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 210-215; Пиоро И.С. Крымская Готия; (Очерки этнич. истории населения Крыма в позднерим. период и раннее средневековье). Киев, 1990. С. 12-23. И др.
11. Крис Х.И. Указ. Соч. С. 52-56; Щепинский А.О. Населения южного берега Крыма в эпоху раннего железа // Археология. 1977. № 21. С. 31-38.
12. Савеля О.Я. О некоторых вопросах истории тавров // Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему "Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII-V вв. до н. э.): Тез. докл. конф. Тбилиси, 1979. С. 71-72; Колотухин В.А. Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму // СА. 1982. № 1. С. 118-119.
13. Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время // СА. 1982. № 4. С. 78-79; Козенкова В.И. Хронология кобанской культуры: Достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3. С. 86-87.
14. Венিকেва Е.В. Севастополь и его окрестности. М., 1986. С. 19; Когонашвили К.К., Щепинский А.А. История: Очерки Крыма // Крым: Путеводитель. 2 - е изд., доп. Симферополь, 1982. С. 32.
15. Некоторые нерешенные проблемы данных культур совершенно справедливо подчеркнул И.Н.Храпунов. См. Храпунов И.Н. Об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 3-4; Он же. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь, 1995. С. 18.
16. Крис Х.И. Классификация таврских каменных ящиков // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 26, 30.
17. Крис Х.И. Кизил-кобинская культура ... С. 35. Табл. 1. С. 38.
18. Репников Н.И. Предварительный отчет о разведках и раскопках в Крыму // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. Д. № 157. А. 5-6.
19. Крис Х.И. Кизил-кобинская культура ... С. 68.
20. Шульц П.Н. Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму // КСИА. Киев, 1957. Вып. 7. С. 62-66; Щепинский А.О. Указ. соч. С. 35-36.
21. Худяк М.М. Раскопки святилища Нимфея // СА. 1952. № XVI. С. 236. Рис. 2.
22. Дмитриева Е.А. Фауна Крымских стоянок Замиль-Коба II и Таш-Аир I // МИА. 1960. № 91. С. 167-174.
23. Савеля О.Я. На древней земле // Венিকেва Е.В. Архитектура Севастополя. Симферополь, 1983. С. 156-184; Махнева О.А. Поселения ранних тавров // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 129-138; Фирсов Л.В. Исары: Очерки истории средневек. крепостей Южн. берега Крыма. Новосибирск, 1990. С. 318 и сл.
24. Репников Н.И. Каменные ящики ... С. 149. Рис. 29, 3; Бобин В.В. Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу // История и археология Древнего Крыма. Киев, 1957. С. 59.

- Рис. 5,5; Семенов-Зусер С.А. Таврские мегалиты ... С. 155. Рис. 16. (Верхний ряд № 1, нижний ряд № 2, 3); Крис Х.И. Кизил-кобинская культура ... С. 114. Табл. 34,21; С. 120. Табл. 40,43; С. 121. Табл. 41,80-81; С. 122. Табл. 42,16-17,20. К сожалению, материалы такого яркого памятника как Черкес-Кермен, нуждаются, вероятно, в более тщательной публикации. Дело в том, что посуда этого могильника на очень невыразительных фотографиях в указанной работе С.А. Семенова-Зусера, оказалась неверно ориентированной в пространстве. Отмеченные рисунки керамики в работе Х.И. Крис выполнены в слишком вольной манере, причем материалы погребений гряд А, Б, С оказались невыдавленными, а материалы погребений гряд Д и Е - перепутаны (См. коллекцию МАЭ № 4185).
25. Крис Х.И. Кизил-кобинская культура - С. 18-33.
26. Лесков А.М. Указ соч. С. 91-101; Савеля О.Я. О греко-варварских взаимоотношениях ... С. 168-169.
27. Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н. э.: Опыт системного анализа. Саратов, 1989. С. 18; Никитина Г.Ф. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Осеаивка. М., 1995. С. 10-14, 152-162. Табл. 1.
28. Следует уточнить, что в характеристике КК керамического комплекса оказывается пропущенным описание крупных горшков (тары) и второго варианта сосудов "горшковидной" формы (с. 40-41), что, однако, можно восстановить по другой работе автора (Колотухин В.А. Кизил-кобинский посуд VIII-первой половины V ст. до н.э. // Археология. 1990. № 2. С. 71, 76). Вместе с тем, вынуждены решительно не согласиться, практически ни по одному существенному пункту, с изданные критичной, на наш взгляд, оценкой, которая дана классификации керамики Х.И.Крис. Приводимые в этой связи формулировки автора слишком кратки и затрудняют однозначное понимание его позиции (с. 35). Подчеркнем лишь, что классификация КК керамики, предложенная Х.И.Крис (Крис Х.И. Кизил-кобинская культура ... С. 17-33, 61-66 и сл.), к сожалению, пока еще не получила глубокой всесторонней оценки. Однако в любом случае, было бы несправедливо забывать, что эта классификация на протяжении 15 лет (вплоть до выхода рецензируемой монографии) являлась единственным словным источником для изучения КК керамики, а информация о различных категориях сосудов, отраженная в "Списке образцов керамики из поселений" (Приложение № 1), не утратила своего справочного значения и в настоящее время.
29. Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н. э. Киев, 1985. С. 9-20.
30. Затруднительно понимание позиции В.А.Колотухина по вопросу о продолжительности существования некоторых памятников ККК. Так, на стр. 57 автор говорит о длительности существования КК памятников, а на стр. 58 и 80 отмечает нетипичность догворемных поселений для этой культуры. При этом, к сожалению, не совсем ясно, какие именно памятники имеются в виду.
31. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках в Инкермане в 1940 г. // Архив НЗХТ. 1940 г. Д. № 1310. Л. 3-6. Рис. 1-4; Он же. Раскопки в Инкермане в 1940 г. // СА. 1947. № IX. С. 284-285.
32. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 208; Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. № 4. С. 43. Рис. 4.
33. Савеля О.Я. О керамике с врезным орнаментом из Херсонеса // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 48.
34. Лесков А.М. Указ. соч. С. 43-45.
35. Савеля О.Я. Таврское поселение в долине Бельбека // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 92.
36. Дашевская О.Д. Указ соч. С. 205-209; Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 82; Тоастиков В.П. Новые данные об архаическом Пантикапее // Тезисы докладов научных сессий, посвященных итогам работы ГМИИ за 1984 год. М., 1986. С. 31; Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма: (VII в. до н.э. - VII в. н.э.). Киев, 1987. С. 27-40; Сенаторов С.Н. О керамике с гребенчатым

- орнаментом из Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988 гг.: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 99-100.
37. Названия памятников № 1 - 18 (с. 101, рис. 1), очевидно, соответствуют списку памятников, указанному в предыдущей работе автора. См. Колотухин В.А. Кизил-кобинская культура: Генетические корни и условия формирования // СА. 1991. № 3. С. 96. Рис. 1.
38. К сожалению, список опечаток на с. 159 можно легко продолжить, однако к существенным из них относится всего две. Первая - на с. 67 в 5 строке снизу пропущено несколько слов, которые, однако, можно восстановить по более ранним работам автора. (См. Колотухин В.А. Население Предгорного и Горного Крыма ... С. 15; Он же. Кизил-кобинская культура ... С. 108). Вторая - на с. 63 в строке 3 вместо "второй половиной VI" следует, вероятно, читать "второй половиной IV" вв. (Ср. с. 59). См. также Колотухин В.А. Население Предгорного и Горного Крыма в VII-V вв. до н. э. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 17-18.

VII
МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ

ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДОВ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ ДЛЯ ОБРАБОТКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ХЕРСОНЕСЕ

В настоящее время весь мир переживает информационный взрыв. Стремительное развитие вычислительной техники, ориентированной при помощи различных программных средств на решение самых разных задач, коснулось всех областей науки, в том числе и археологии. Накопленная сумма знаний о прошлом человеческой цивилизации требует применения как новых носителей информации, так и новых методов ее обработки, при этом необходимо учесть, что количество археологической информации даже по устаревшим оценкам

тельности и позволяющая создать общее представление о тех или иных моделях экономики, демографии, этнографии и т.д., вполне возможно применение статистики для реконструкции различных сфер жизни древнего общества, разумеется, с определенной долей вероятности. Попытки применения математической статистики в археологии были как у нас в стране, так и за рубежом, весьма успешны, особенно зарубежные, поскольку на Западе статистические исследования всех сфер жизни давно уже превратились в целую отрасль и дают достаточно до-

Таблица 1.

Объект	Признак А	Признак В	Признак С	Признак D	Признак Е
Венчик 1	1	1	1	0	0
Венчик 2	0	1	1	1	0
Венчик 3	1	0	1	1	1
—	—	—	—	—	—
Венчик n	1	1	0	0	1

удваивается примерно каждые 8-10 лет¹. Поэтому необходимо применение ЭВМ и мощного программного обеспечения для ее хранения и обработки, так как компьютер — это единственный инструмент, позволяющий быстро обрабатывать большие массивы данных. В то же время, как массовые находки, так и единичные (при сравнении), могут при рассмотрении и анализе с разных позиций привести к самым неожиданным (или наоборот — ожидаемым) результатам. Количество же находок настолько велико, что создать целостное представление об исследуемом объекте в исследуемом временном слое можно лишь на основе статистических данных по ним. Точно так же как для анализа состояния современного общества применяется статистика, показывающая ход и уровень развития различных сфер дея-

тельные ответы на многие вопросы.

Вместе с тем, неизбежно возникает главная проблема — формализация исходных данных, иначе говоря — классификация находок по определенным правилам. Это необходимо потому, что и "ручной", и автоматизированный статистические анализы требуют либо конкретное значение некоторого оцениваемого параметра, либо диапазон (область действия) этого параметра. Разумеется, необходимо прежде четко и недвусмысленно определить, что считать и сопоставлять². Следовательно, основная трудность заключается в том, чтобы создать общие правила обращения с любым археологическим материалом³, но это уже предмет научной дискуссии, поскольку специалист А может придерживаться одних взглядов, специалист Б — других, а специалист В — отличных от первых двух.

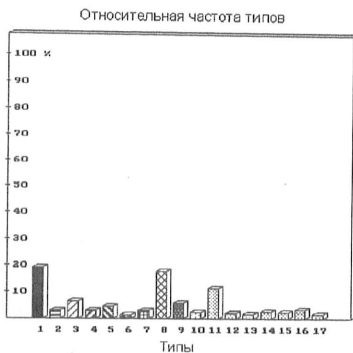

Рис.1.

Одним из примеров классификации является работа "О принципах изучения античных водосборных цистерн"¹⁴, где на херсонесском материале проведен анализ частоты встречаемости типов керамического материала по строго разработанной системе, а также доклад Н. Коновичи на херсонесской сентябрьской конференции 1997 г., в котором проведен анализ распространения синопских клейменных амфор на западно-понтийском побережье (тоже частотный), на основе статистических данных по временным периодам, и сделаны выводы о состоянии синопского экспорта в эти периоды¹⁵. В качестве аналогичного примера можно привести задачу¹⁶, суть которой состоит в том, что некоторый массив объектов, каждый из которых был описан по определенным правилам, необходимо рассортировать по типам и определить относительную частоту встречаемости каждого типа объекта (количество элементов каждого типа по отношению ко всему массиву в процентах). В исходном виде данные представлены в виде таблицы (Табл.1).

В данном случае каждый объект описан по системе из пяти признаков (А, В, С, D и Е), каждый из которых имеет два "состояния" (или разделения на подпризнаки), обозначенных соответственно 1 и 0. Набор из признаков А, В, С, D и Е составлял некоторый тип объекта (вещника). Программа, разработанная автором, выполняла вышеназванные расчеты и представляла результат в

виде гистограммы относительной частоты типов (Рис.1).

Как видно из графика, типы обозначены порядковыми номерами с 1 по 17 по горизонтальной оси, а процентное количество каждого типа - по вертикальной оси. Основной недостаток этой программы состоит в том, что возможности графических режимов при программировании в операционной системе DOS⁷ сильно ограничены, а значит часть информации (в данном случае - типы, каждый из которых составляет менее 1,3% от общего массива данных, причем процент отбраковки прямо пропорционально зависит от количества элементов рассматриваемого массива) отбракована как не оказывающая влияние на характеристику массива данных в целом. Тем не менее, несмотря на то, что на окончательные выводы потеря части информации существенного влияния не оказывает, для полноты информации необходимо иметь выходные результаты по всему массиву данных. Поэтому существенное преимущество имеют профессиональные пакеты для статистических расчетов, работающие под управлением графических операционных систем типа Windows, например пакет STATISTICA американской фирмы StatSoft (Рис.2).

На гистограмме, построенной программой Statistica по тем же самым данным, показано почти вдвое больше типов объектов, хотя все новые типы составляют небольшую часть массива данных, но, как сказано выше,

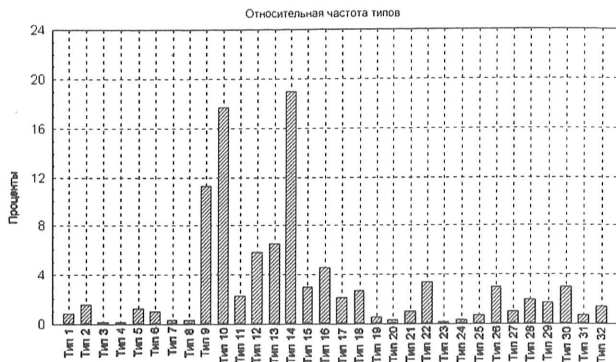

Рис.2.

для полного представления эта информация необходима. Нужно также заметить, что нумерация типов и в первом решении, и во втором является условной, возникающей в процессе "прочесывания" массива элементов; алгоритмы поиска и сортировки элементов массива в авторской программе и программе STATISTICA совершенно разные, и поэтому типы из первого решения и типы из второго не совпадают. В данном случае необходимо для приведения решения 1 к решению 2 сопоставить наборы признаков, определенные для каждого типа. Сам принцип решения задачи применим для работы с любым массивом материалом, будь то керамика, монеты, краниологические данные по серии погребений и т.д. Важно лишь объединять в массив данных объекты, одинаковые по характеру.

Недостатки и первого способа решения задачи, и второго заключаются в следующем: необходимо кодировать входные данные, придерживаясь определенной системы, которая должна быть организована на системе счисления, основание которой равно максимальному количеству подпризнаков оцениваемого признака, поскольку в общем случае их количество явно больше двух. Например для трех подпризнаков признака-троичная (0, 1, 2), четырех - четверичная (0, 1, 2, 3), восьми - восьмеричная (0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7) и т.д. Полученная таким образом цифровая "сигнатура" типа является его уникальным кодовым обозначением и элемен-

том массива, с которым работает программа (в нашем случае - венчик 1 = 11100, венчик 2 = 01110, венчик 3 = 10111..., венчик n = 11001). Такой способ, приемлемый для поколения ЭВМ 70-80-х годов, не очень подходит уровню конца 90-х, поскольку необходимо четко ориентироваться в составленных цифровых кодах, что неудобно, и преимущества современных компьютеров, операционных систем и программ при этом не используются. Решением проблемы являются СУБД - системы управления базами данных, а также "электронные таблицы", причем с использованием обмена данными между ними. Главным достоинством СУБД является возможность хранения, сортировки, поиска и простых статистических расчетов по массивам данных любого типа - числовых и строковых (текстовых), а главным достоинством "электронных таблиц" - проведение достаточно сложных статистических операций с импортированными из СУБД данными. Правда, последние версии статистических программ также поддерживают возможность импорта данных из СУБД, и возможность проведения любых статистических расчетов с текстовыми строками как с данными. Например, признак 1 (форма ножки амфоры) может иметь дескриптивное (описательное) значение - "рюмкообразная", "копачковая", "конусовидная" и т.д., признак 2 (форма ручки) - "эллипсоидная", "округлая", "с 1 бороздкой", "с 2 бороздками" и т.д. Единственное требование в

Microsoft Access

Эта таблица содержит следующие данные:

Материал	Форма	Выпуклость	Сжатость	Сложность	Ширина канавки	Ширина отверстия
горный хрусталь	округлая	продольная	нет	одностороннее	узкий	нет
горный хрусталь	шаровидная	нет	поперечная	одностороннее	узкий	нет
горный хрусталь	шаровидная	нет	поперечная	одностороннее	широкий	нет
горный хрусталь	бочкообразная	продольная	нет	одностороннее	узкий	2 бороздки
горный хрусталь	бочкообразная	продольная	нет	двустороннее	широкий	нет
кальций	округлая	продольная	нет	одностороннее	широкий	нет
кальций	округлая	нет	поперечная	одностороннее	узкий	иногда
кальций	округлая	нет	поперечная	одностороннее	широкий	нет

Рис.3.

Microsoft Access

Эта таблица содержит следующие данные:

Код	Материал	Форма	Выпуклость	Сжатость	Сложность	Ширина канавки	Ширина отверстия
1	горный хрусталь	округлая	продольная	нет	одностороннее	узкий	
2	горный хрусталь	округлая	продольная	нет	одностороннее	узкий	
3	горный хрусталь	шаровидная	нет	поперечная	одностороннее	узкий	
4	горный хрусталь	шаровидная	нет	поперечная	одностороннее	узкий	
5	горный хрусталь	шаровидная	нет	поперечная	одностороннее	узкий	
6	кальций	округлая	продольная	нет	одностороннее	широкий	
7	кальций	округлая	нет	поперечная	одностороннее	узкий	
8	кальций	округлая	нет	поперечная	одностороннее	широкий	

Поп-ап форма (Счетчик) для ввода данных:

- Код: 1
- Материал: горный хрусталь
- Форма: округлая
- Выпуклость: продольная
- Сжатость: нет
- Сложность: одностороннее
- Ширина канавки: узкий
- Ширина отверстия: нет
- Порядок и название отверстия: нет
- Таб. по Александров: нет

Рис.4.

этом случае - необходимость придерживаться созданных в процессе разработки системы классификации и терминологии и строго соблюдать их при создании базы данных. Таким образом, не имеет значения для современных программных средств, чем оперировать - числом или словом, что, без сомнения, весьма привлекательно. Например, в СУБД Access фирмы Microsoft таблица данных, оформленная как обычная таблица, может содержать поля, которые являются терминами, следовательно, совершенно понятными любому исследователю, пользующемуся такой базой. Так, можно создать эталонную таблицу данных в соответствии с принятой классификацией, базу данных по фактическому материалу, а затем при помощи встроенного в СУБД языка программирования разработать программный модуль, который будет определять принадлежность любого объекта из набранного фактического материала к тому или иному типу из эталонной таблицы (рис.3).

Результат выполнения запроса на определение типа (рис.4).

Аналогичным образом можно выполнить частотный анализ данных, то есть получить характеристику абсолютного или относительного соотношения типов объектов в общем массиве данных.

Разумеется, применением частотного анализа и проверки на принадлежность не ограничиваются потенциальные возможности математической статистики в археологии. Например, при сравнительном, то есть корреляционном анализе двух единичных объектов одного характера (двух бус, двух амфор, двух черепов и т.д.) можно попытаться определить степень "похожести" этих объектов, и в соответствии с датировкой построить "родословную" объектов, но в этом случае необходимо не только четко определить признаки классификации, но и их "вес" по от-

ношению к общей характеристике объекта в целом (то есть доминантные и рецессивные). Идеальность корреляционного анализа, конечно, должна быть обоснована не только интуитивными соображениями (визуальное восприятие или что-либо подобное), но и внешними факторами (наличие хотя бы одной одинаковой характеристики).

Таким образом, при помощи методов математической статистики можно попытаться реконструировать различные политико-экономические, демографические, этнографические явления и процессы в древнем обществе на некотором временном промежутке с учетом других источников данных (письменных и нумизматических источников, одиночных находок и т.п.). Статистическая обработка археологической информации требует создания огромных баз данных, поскольку количество материала очень велико и растет с каждым годом исследований, и, соответственно, больших материально-технических ресурсов, но ограничиваться созданием только баз данных по массовому археологическому материалу не следует, поскольку остается немало находок, не попадающих под определение "массовый". Поэтому следует создавать базы данных и по этим материалам, опять же для полноты информации об исследуемом объекте и временном периоде и, возможно, сопроводить сравнительный анализ поиском аналогий.

Учитывая, что зарубежные исследователи создали и используют подобные методы в своей работе, и такие методы являются обычной практикой, а контакты и совместные исследования с этими учеными в Херсонесе расширяются с каждым годом, необходимо ликвидировать отставание в этой области, чтобы разговаривать с ними на одном "языке", тем более, что в нашей практике методы математической статистики в археологии до сих пор не нашли широкого применения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер А. Я. Анализ археологических источников. - М., Наука. - 1975. - С.6
2. Археология и математика. Статистико-комбинаторные методы в археологии. - М., Наука. - 1970. - С. 5
3. Каменецкий...С.5-6
4. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. О принципах изучения античных водосборных цистерн. - Севастополь, 1997.
5. Nikolae Conovichi. La diffusion des amphores Sinopeens timbres sur le littoral quest-pontique. // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. - Севастополь, 1997. - С. 140-146.
6. Автор статьи выражает признательность А. В. Седиковой за любезно предоставленные для решения задачи данные по материалам из раскопок водохранилища в Херсонесе.

7. DOS - Disk Operating System - дисковая операционная система, бывшая основной для компьютеров типа IBM PC и совместимых с ними почти до конца 1996 г. На самом деле ограниченное количество одновременно выводимых на экран элементов при низком разрешении (например, изображение размером 640x480 точек) и качество самой графики не вызывают восхищения при высоком разрешении (при размере изображения 1024x768 точек все элементы пропорционально уменьшаются, поскольку изображение строится по точкам), а применение в программах специальных методов прямого управления графическими аппаратными ресурсами компьютера является очень сложной задачей, посильной лишь системному программисту высокого класса.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ РАСКОПОК ЧАСОВНИ В КВАРТАЛЕ X «Б» ХЕРСОНЕСА 1996 г.

В ходе раскопок (1.с.17) получен антропологический материал из четырех могил, содержавших не менее 26 погребений. Распределение материала по могилам следующее:

- могила 1
м - 3; ж - нет; дети 4; + фрагм.нижнчел.
неопр.
могила 2
м - 3; ж - 4; детей - нет.
могила 3
м - 1; ж - 3; детей - 1.
могила 4
м - 2; ж - нет; дети - 2; + 2 фрагм.нижнчел.
неопр.

Точное определение количества погребенных не представлялось возможным ввиду особенностей обряда погребения: все могилы являются костницами, куда были перенесены останки из какого-либо другого места погребения, посему, например, количество нижних челюстей больше количества зафиксированных черепов.

Для исследования были взяты черепа и нижние челюсти. Определить принадлежность данных костей к конкретному погребению возможности не было, для дальнейшей работы были взяты только данные кости с выраженными патологиями.

Сохранность материала различна, значительная часть черепов была реставрирована. В случае, когда не удавалось обнаружить соответствующую данному черепу нижнюю челюсть, исходя из ее размеров, особенностей строения зубной системы и др. признаков, материал рассматривался по группам

отдельно. Часть костных останков обуглена, по-видимому находившихся непосредственно под плитами перекрытия могил во время пожара часовни. В основном сохранность материала удовлетворительная, после соответствующей реставрации для измерений были приданы 15 черепов (сквозная нумерация в тексте и таблицах). Половой диморфизм выражен по серии достаточно четко; сомнения вызвал череп №4 (2 могила), по совокупности признаков он был отнесен к женской части серии. Всего определено мужчин 10; женщин 7; детей 6 (без учета фрагментов нижнчел., принадлежность коих сомнительна).

По возрастным группам материал распределен следующим образом:

мужчины:	женщины:	дети:
adultus - 2	juventus - 1	inf I - 2
maturus - 3	adultus - 2	inf II - 4
senilus - 5	maturus - 2	
	senilus - 2	

При определении возраста основное внимание уделялось оценке состояния швов черепа, виду плохого состояния зубной системы, весьма характерного для населения средневекового города.

Из выявленных патологий отметим заболевания зубной системы: кариес, парадонтоз, отложения зубного камня, опорно-двигательного аппарата - артриты, артрозы, посттравматические патологии, 2 случая старых передоменов спинки носа (№№ 2, 3 (мол.1, оба жен.)), последствия травм локтевого и коленного суставов. На детских черепах отмечен единственный случай патологии (мол.1, inf II).

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА ПО ПОГРЕБИЕНИЯМ:

Могила №1.

Погребение №1(1) - мужское

Взят череп без нижней челюсти. Сохранность удовлетворительная. С некоторыми участками реставрирован лицевой отдел.

Швы черепа по внутренней поверхности облитерировали практически полностью, за исключением височных областей венечного шва. Значительна облитерация чешуйчатых швов (лев. и прав.). По состоянию швов, возраст погребенного свыше 65 лет. Надпереносье - 4 балла. Нижний край грушевидного отверстия - ант. Хорошо развиты добыние и теменные бугры, сосцевидные отростки - 3 балла. Затылочный выступ - 2-3 б. Состояние зубной системы, учитывая возраст, безусловно хорошее. М2 верхний левый утрачен. Стертость сохранившихся моляров - 3-4 б.

Погребение №2(2) - мужское

Взят череп без нижней челюсти. Сохранность костей хорошая. Череп крупный, относи-

тельно массивный, с развитым мышечным рельефом. Швы черепа на внешней и внутренней поверхностях значительно облитерировали. По состоянию швов черепа возраст погребенного *senilus* - 60-65 лет. Надпереносье - 3 б. Надбровные дуги - 1-2 б. Передне-носовая ость - 2 б. Нижний край грушевидного отверстия *graeae*. Выражены теменные бугры. Сосцевидные отростки - 3 б. Затылочный выступ - 2 б. Хорошо выражен мышечный рельеф в области прикрепления шейных мышц. На ламбовидном шве отмечены множественные симметрично расположенные вставные косточки. Состояние зубной системы плохое: отмечены прижизненные утраты 1,2 правых, 2,3 левых моляров; отмечены патологические изменения альвеолярного края верхней челюсти и коронок зубов в результате отложения зубного камня и, возможно, заболевания типа периостита. Прочие патологии: 1) сросшийся перелом спинки носа с некоторым смещением носовых костей влево; 2) на поверхности лобной и левой теменных костей черепа остеомы округлой (диам. до 5 мм) или неправильной формы.

Погребение №3(3) - мужское

Взят череп с нижней челюстью. Швы черепа по внутренней поверхности облитерированы, за исключением средних участков венечного шва слева и справа от *Vr*. Чешуйчатые швы открыты. Сагиттальный шов облитерирован полностью. Открыты незначительные участки ламбовидного шва. По состоянию швов черепа, возраст погребенного *senilus* 50-60 лет. Надпереносье - 3 б. Надбровные дуги до 2 б. Передне-носовая ость - 5 б. Сосцевидные отростки 2 б. Затылочный выступ 1-2 б. Нижний край грушевидного отверстия - *antp*. Состояние зубной системы удовлетворительное. При жизни утрачен наружный правый резец и левый клык. На поверхности зубов значительное отложение зубного камня.

Нижняя челюсть относительно небольших размеров. Тело челюсти средней высоты. Ветви короткие, относительно широкие, расположены под углом близким к прямому. Стертость зубов неравномерная: от 3 до 5 б. (правый М3)

Патологии: перелом средней части спинки носа со значительным прямым смещением носовых костей.

Кроме описанных черепов, из могилы 1 взяты 3 фрагментированные нижние челюсти. Вероятно, что 2 из них принадлежали погребениям №№ 1, 2, но с абсолютной уверенностью определить это не представляется возможным. 3-й фрагмент челюсти принадлежит, по-видимому, мужскому костяку (возраст, предположительно, *maturus*). Характерна широкая короткая ветвь, расположенная под углом близким к 90°. Череп, к которому могла бы принадлежать челюсть, отсутствует.

Могилы №2.

Погребение №1(4) - мужское

Взят череп средних размеров с частичной утратой костей лицевого отдела и основания черепа; нижняя челюсть с утратой левой ветви.

Возраст погребенного *senilus* (60-65 лет). Облитерация швов черепа практически полностью завершена, за исключением левого и правого чешуйчатых швов. Надпереносье развито слабо - до 2 б. Надбровные дуги - 2 б. Нижний край грушевидного отверстия разрушен. Сосцевидные отростки - 2-3 б. Затылочный выступ до 1. Мышечный рельеф на поверхности костей черепа выражен средне. Состояние зубной системы хорошее в соответствии с возрастом. Стертость моляров в пределах 3-4 б. Незначительное отложение зубного камня. Нижняя челюсть средних размеров, относительно узкая. Тело челюсти высокое. Сохранившаяся ветвь средней ширины, расположена под углом близким к 90°. М3 правый нижний - кариес.

Погребение №2(5) - женское

Взят череп с нижней челюстью, средних размеров, грациальный; утрачена значительная часть правой теменной и затылочной костей. Очень сильны посмертные деформации. Череп реставрирован.

Погребенная - женщина. Возраст - *senilus* (ок.60 лет). Облитерация завершена за исключением отдельных участков затылочного и чешуйчатых швов. Надпереносье - 1 б. Надбровные дуги - 1 б. Нижний край грушевидного отверстия - *antp*. Сосцевидные отростки - 1 б, затылочный выступ не выражен - 0. Состояние зубной системы плохое: ПМ1, 2; М2 верхние правые разрушены кариесом, в районе М2 верхнего правого - свищевой ход. Отложение зубного камня, возможно, парадонтоз. Отметим несоответствующую возрасту стертость зубов - моляры - в пределах 2 б.

Нижняя челюсть очень небольших размеров, узкая; тело челюсти невысокое - соответ-

стует общей грациальности черепа. Ветви короткие, относительно широкие, расположены под тупым углом. МЗ нижний отсутствует. М1 левый нижний, М2 правый нижний - кариес.

Погребение №3(6) - женское

Взят череп с нижней челюстью. Лицевой отдел отсутствует. Череп небольших размеров, грациальный. Мышечный рельеф развит слабо. Швы черепа на внешней и внутренней поверхностях открыты. В начальной стадии облитерация правого участка затылочного шва (по внутренней поверхности). Сфеноокципитальный шов зарастает. Возраст погребенной *adultus* (до 25 лет).

Лоб близок к вертикали. Надпереносье и надбровные дуги выражены слабо - в пределах 1 б. Сосцевидные отростки - 1 б. Затылочный выступ не выражен - 0.

Нижняя челюсть очень небольших размеров, грациальная, средней ширины, хорошо выражен подбородочный выступ. Ветви узкие, относительно короткие, расположены под тупым углом. Стертость сохранившихся моляров М1 левый правый - 4 б.

Погребение №4(7) - женское

Череп небольших размеров, грациальный, мышечный рельеф развит слабо.

Взят череп без нижней челюсти. Частично реставрирован лицевой отдел. Незначительные утраты в области правой теменной кости и костей основания черепа. Возраст погребенной *juventus* (ок.15 лет).

Швы черепа полностью открыты. Сфеноокципитальный шов разрушен. Лоб близок к вертикали. Выражены лобные бугры. Надбровные дуги и надпереносье сглажены. Нижний край грушевидного отверстия - *antp*. Переденосовая ость - 4 б. Сосцевидные отростки - 1 б. Затылочный выступ не выражен - 0. Состояние зубной системы хорошее. МЗ отсутствует. Стертость моляров 1-2 б. При расчетах параметров средних данные погребения не использовались.

Погребение №5(8) - мужское

Взята половина крупного черепа, фрагменты черепной коробки и нижняя челюсть. Сильно развит мышечный рельеф. Возраст погребенного - *maturus* (ориент.50-55 лет). Облитерация швов на внутренней поверхности черепа завершена. На внешней поверхности - открыты отдельные участки венечного и лямбовидного швов. Надпереносье - 3-4 б. Надбровные дуги - до 2 б. Переденосовая ость - 4 б. Нижний край грушевидного отверстия *f. rraen*. Выражена некоторая асимметрия грушевидного отверстия. Сохранившийся сосцевидный отросток - 3 б. Состояние зубной системы плохое: М1,2 верхний правый - отсутствуют; М2 верхний - кариес. Стертость моляров - 3-4 б. Нижняя челюсть относительно небольших размеров. ПМ2, М1,2,3 левые нижние, ПМ2, М1,2 правые нижние утрачены при жизни. Тело челюсти в результате прижизненных утрат зубов местами истончено. В сохранившейся части ветви относительно узкие.

Погребение №6 - женское

Взята черепная крышка относительно небольшого, грациального черепа. Возраст погребенной *senilis* (свыше 50 лет). Открыты отдельные участки венечного и лямбовидного швов на внешней поверхности. Выражены теменные бугры.

Погребение №7(9) - мужское

Взят фрагментированный мужской череп. Отсутствуют кости основания черепа и значительная часть теменных костей. Череп относительно крупный, массивный. Выражен мышечный рельеф и лобные бугры. Возраст погребенного - *adultus* (ок.25 лет).

Надпереносье - 2 б, Надбровные дуги - 1 б. Передне-носовая ость свыше 5 б. Нижний край грушевидного отверстия слабо выраженные *f.rg*. Сосцевидные отростки - 1 б. Затылочный выступ - 2-3 б. Визуально отмечается некоторый прогнатизм на уровне альвеолярного края. Швы черепа открыты. На сохранившемся венечном шве - начальная степень облитерации по внутренней поверхности. Состояние зубной системы хорошее. М1 верхний левый разрушен кариесом. МЗ левый верхний в стадии прорезывания.

Нижняя челюсть относительно узкая. Тело челюсти средней высоты. Сохранившаяся часть правой ветви относительно широкая, расположена под тупым углом. МЗ левый правый прорезаны (стертость 0). Стертость моляров в пределах 2 б. На эмали зубов многочисленные трещины и сколы.

Могилы №3.

Погребение №1(10) - мужское

Взят череп без нижней челюсти, принадлежавший мужчине возраста *maturus* (45-50).

Швы черепа на внутренней поверхности облитерированы, на внешней поверхности открыты отдельные участки венечного, сагиттального и лямбдовидного швов. Надпереносье - 3-4 б. Надбровные дуги до 2 б. Нижний грушевидного отверстия - f. graep. Передне-носовая ось 3 б. Сосцевидные отростки - 3 б. Затылочный выступ - 3 б.

Состояние зубной системы хорошее. Стертость моляров до 3 б. На лямбдовидном шве - 2 симметрично расположенные вставные косточки.

Погребение №2(11) - женское

Взят череп без нижней челюсти с утратой фрагментов костей свода черепа. Возраст погребенной - *maturus* (35-40 ? лет). Порядок облитерации швов черепа нарушен: при практически полностью облитерировавшем сагиттальном шве венечный шов открыт на всем протяжении, лямбдовидный облитерирован на внутренней поверхности черепа. Лоб близок к вертикали. Выражены лобные и теменные бугры. Визуально отмечается значительная асимметрия затылка. Надпереносье - 2 б. Надбровные дуги - 1-2 б. Нижний край грушевидного отверстия слабо выраженные f. rg. Передне-носовая ось - 3 б. Сосцевидные отростки - 1 б. Затылочный выступ не выражен - 0. В целом череп грациальный, мышечный рельеф развит слабо. Состояние зубной системы удовлетворительное: стертость зубов равномерная, отложения зубного камня. С левой стороны в районе M2 - костное разрастание с внутренней стороны челюстной дуги продолговатой формы (ок.0,5 см). С правой стороны челюстной дуги аналогичное разрастание незначительных размеров. На лямбдовидном шве вблизи соседних отростков симметрично расположены 2 вставные косточки.

Погребение №3(12) - женское

Взят череп небольших размеров без нижней челюсти с небольшой утратой части костей основания черепа. Возраст погребенной - *adultus-maturus* (30-35 лет). Швы черепа на внутренней поверхности в стадии облитерации, на внешней поверхности открыты, за исключением височных участков венечного шва. Сохранился хорошо выраженный метопический шов. Выражены лобные и теменные бугры. Лоб близок к вертикали. Рельеф в области надпереносья развит слабо - до 1 б. Нижний край грушевидного отверстия - *anti*. Передне-носовая ось - 4-5 б. Сосцевидные отростки - 1-2 б. Затылочный выступ не выражен - 0. Состояние зубной системы удовлетворительное: M2 левый верхний утрачен при жизни, M3 левый верхний выступал за пределы зубного ряда, поражен кариесом.

На лямбдовидном шве - 3 вставные косточки.

Погребение №4 - мужское

Взят фрагмент крупного мужского черепа с утратой лицевого отдела и значительной части костей черепной коробки. По состоянию сохранившихся швов, возраст погребенного *senilis* (ок.60 лет). Сохранившийся сосцевидный отросток - 2-3 б. Затылочный выступ развит слабо - 2 б. Выражен мышечный рельеф в области прикрепления шейных мышц.

Погребение №5(13) - женское

Взят череп без нижней челюсти, утрачена левая половина лицевого отдела. Возраст погребенной *adultus* (25-30 лет). Облитерация швов черепа по внутренней поверхности в начальной стадии, на внешней поверхности швы открыты. Сфеноокципитальный шов заррашен. Надпереносье и надбровные дуги развиты слабо (до 1 б.), сосцевидные отростки - 1 б., затылочный выступ не выражен (0). На лямбдовидном шве множественные вставные косточки числом до 25. Стертость сохранившихся моляров 1-2 б. На M3 правом верхнем практически отсутствует.

Могила №4

Погребение №1(14) - мужское

Взят череп и часть нижней челюсти. Возраст погребенного *maturus* (ок.40 лет). Лямбдовидный шов открыт, сохранившиеся участки венечного и сагиттального швов заррашены по внутренней и на значительных участках наружной поверхности. Надпереносье и надбровные дуги развиты слабо (в пределах 1 б.). Нижний край грушевидного отверстия слабо выраженный f. graep. Передне-носовая ось 3-4 б. Сосцевидные отростки 1 б. Затылочный выступ в пределах 1-2 баллов.

Тело высокое, сохранившаяся левая ветвь относительно узкая, короткая, расположена под тупым углом. Состояние зубной системы плохое: M3 лев.прав. утрачены при жизни. M2 лев.прав. разрушены кариесом, стертость остальных моляров верхней челюсти до 4 б. M1 лев., M2 лев., M3 лев.прав. нижние кариес, отмечены признаки парадонтоза.

Погребение №3(15) - мужское

Взят череп с нижней челюстью. Возраст погребенного *adultus* (ок.25 лет). Швы черепа

открыты как на внутренней (начальная облитерация в височных областях венечного шва), так и на внешней поверхности. Сфеноокципитальный шов зарощен. Надбровные дуги и надпереносье сглажены (до 1 б.). Нижний край грушевидного отверстия - antg. Переденосовая ось - 2-3 б. Сосцевидные отростки - 2 б. Затылочный выступ не выражен. Нижняя челюсть относительно широкая, тело челюсти средней высоты, ветви короткие, широкие, расположены под тупым углом. Состояние зубной системы удовлетворительное. Стертость моляров до 2 б. МЗ верхние отсутствуют. М1 левый нижний кариес, возможно парадонтоз. На М2 левый нижн. скелота значительная часть коронки.

Помимо описаного материала, из могилы №4 взяты 1 целая и две фрагментированные нижние челюсти, принадлежавшие костякам взрослых погребенных.

Челюсть №1.

Небольших размеров, тело челюсти средней высоты, ветви короткие, относительно узкие, расположены под углом близким к прямому. Стертость моляров 3-4 б., признаки парадонтоза. По-видимому челюсть принадлежала женскому костяку (возр. *matrigus* (?)).

Челюсть №2.

Левая половина челюсти небольших размеров, вероятно принадлежала погребению №1(4). Стертость сохр. М1 до 3 б. МЗ отсутствует. Тело челюсти невысокое, ветвь относительно узкая, длинная, расположена под тупым углом.

Челюсть №3.

Фрагмент (левая половина) челюсти крупных размеров. Поверхность кости облуплена (видимо от пожара при разрушении часовни). Мышечный рельеф развит средне. Ветвь длинная, широкая, расположена под тупым углом. МЗ по-видимому утрачен при жизни. Вероятно, челюсть принадлежала мужчине.

Помимо костяков взрослых отмечено некоторое количество детских захоронений.

Могилы №1.

Взяты фрагментированные черепа, принадлежавшие, по меньшей мере, 4 детским погребениям. Возраст погребенных: 1 - inf I, 3 - inf II. На лобной кости одного из погребенных (inf II) отмечены патологические изменения, выразившиеся в нарушении структуры внешней поверхности кости в области надпереносья, наблюдается деструкция наружного компактного слоя кости на площади ок. 5 кв. см.

Могилы №3.

Взят относительно хорошо сохранившийся детский череп. Возраст погребенного inf II (7-9 лет). Прорезаны постоянные М1 лев. прав. верхние.

Могилы №4.

Взяты 2 фрагментированных детских черепа, принадлежавших погребенным в возрасте inf I и inf II (7-9) (на сохранившейся челюсти, по-видимому соответствовавшей данному черепу, присутствуют постоянные М1, М2 - глубоко в теле челюсти).

Патологические изменения, выявленные на длинных костях:

Всего отмечено 4 случая патологий на длинных костях.

Могилы №1. Взята левая плечевая кость с признаками деформирующего артроза (?) в виде краевых костных разрастаний в области плечевого сустава и посттравматическими изменениями в области локтевого сустава, выразившимися в появлении костного разрастания неправильной формы, затронувшего и поверхность локтевого сустава. В литературе подобные случаи характеризуются как посттравматический артрозо-артрит, развившийся в результате травмы, сопровождавшейся внутрисуставным кровоизлиянием (Зс. 456).

Могилы №3.

1. На правой бедренной кости, принадлежавшей, судя по размерам и развитию мышечного рельефа, мужскому костяку, отмечено мощное костное образование, на задней и частично левой боковой поверхности кости, частично затронувшее поверхность сустава. Патология, по всей вероятности, также имеет посттравматический характер.

2. Левая берцовая кость с признаками деформирующего артроза в области коленного сустава. На верхней трети задней поверхности кости отмечено костное разрастание в виде гребня длиной ок. 5 см, выс. 0,5-0,7 см, вероятно представляющее собой околосуставный хрящевой экзостоз (Зс. 501).

Могилы №4.

Взята правая бедренная кость, по-видимому мужского костяка с признаками деформирующего артроза в области большого вертела тазобедренного сустава и костными разрастаниями по дине шероховатой линии, возможно являющимися признаками остеопериостита (Зс. 517).

На нижней челюсти женского (погребение №7). Отмечены следы действия режущего инструмента, что по-видимому связано с зачисткой костей перед повторным погребением в храме.

Как мужская, так и женская части серии характеризуются резко выраженной брахикранией, средняя величина продольно-поперечного указателя составляет у мужчин 85,8, у женщин 85,2, что несколько превосходит аналогичные параметры синхронных херсонесских серий (табл.4). Мезо- и тем более долихокрание индивиды в рассматриваемой серии отсутствуют. У мужского черепа №15 вполне вероятно наличие лобно-затылочной деформации. Высотный диаметр у всей серии невелик, у мужчин 131,6, у женщин 126, ушная высота также не выходит из границ средних величин. Лоб как у мужчин, так и у женщин покатый, среднеширокий. Скуловой диаметр у мужской выборки большой (139,2), в то же время у №№ 9,14,15 он ближе к средним параметрам. Скуловой параметр женской части серии в пределах средних величин (134,3). По данному признаку мужская часть серии превосходит большинство синхронных херсонесских групп (табл.4), у женщин параметр признака вполне характерны для населения Херсонеса XI–XIII вв. Верхняя ширина лида у мужской части серии большая (X муж. 110), даже наименьшие значения признака (№ 14) лежат на границе средних-больших величин, у женщин верхняя ширина лида невелика (X жен. 101,8). Средняя ширина лида, напротив, у женской части выборки большая, у мужчин средняя (X муж.98,5). По верхнелицевому указателю мужская часть серии несколько смешанная – 3.66; женские черепа характеризуются средней величиной указателя. В целом серия характеризуется хорошей горизонтальной профилировкой лицевого отдела, однако и в мужской, и в женской выборках представлены индивиды с умеренно профилированным лицевым отделом как на уровне ZM точек (№№ 10,14 муж.), так и на уровне точек FMO (№№ 4,10,14 муж.; № 7 жен.).

Высота переносы у рассматриваемой серии, судя по величине дакриального и симиотического указателей, средняя: у мужчин ближе к малой, по дакриальному указателю женщин – к большой. При этом наблюдается значительный min-max размах величин параметров. В серии встречаются индивиды как с малыми (SS/SC муж. № 14–30, №15–33,3, жен. №11–33,3; DS/DC жен. №5–42,1; №11–45,8), так и весьма значительными (SS/SC муж. №4–57,1; жен. №7–46,9; DS/DC муж. №2–54,5, №10–57,5; жен. №7–54,5) параметрами указателя. Нос по серии узкий, высокий, величина указателя 54:55 и у мужчин, и у женщин мала. Угол выступания носа удалось измерить в 3 случаях, во всех нос сильно выступающий. Размеры глазных орбит характеризуются средними широтными размерами и большой высотой. Величина орбитного (d) указателя средняя (X 87,2), характеризует орбиты и мужчин, и женщин как высокие. По величине общего лицевого угла серии ортогональная, мужской череп №14 – мезопатный (84°). Судя по величине угла альвеолярной части лица, альвеолярный прогнатизм в серии также не фиксируется.

При составлении рассматриваемой серии с синхронными краниологическими материалами из Херсонеса (табл.4) можно констатировать их общее сходство, что подтверждается расчетами по критерию σ^2 . Принципиального своеобразия серии не выявлено. Однако мы считаем возможным обратить внимание на ряд морфологических особенностей исследуемой серии.

Параметры S и K вариации свидетельствуют о ее большей однородности по сравнению с синхронными херсонесскими материалами, смешанность которых неоднократно отмечалась исследователями (Зс.241). Как мы уже отмечали, в рассматриваемой серии более резко выражена брахикрания. По длине основания черепа мужская часть серии из часовни в кв. «Б» также превосходит известные серии Херсонеса. По величине скулового диаметра мужская часть серии идентична материалам из часовни северного района Херсонеса (Зс.201) и близка к мужской части серии из некрополя у Западных стен (Зс.201). Вместе с ними она составляет группу материала с наиболее значительными величинами данного признака, в то же время для женской части серии отмечено значительное превосходство по величине данного параметра над прочими женскими выборками Херсонеса XI–XIV вв. (Зс.201, 4с.29). Горизонтальная профилировка лицевого отдела у рассматриваемой серии при сравнении с херсонесскими материалами оказалась сильнее, особенно на уровне НМ точек у мужчин и ZM точек у женщин. В то же время величины симиотического указателя у мужчин и женщин значительно уступают аналогичным параметрам сравниваемых серий.

Таким образом, серия из часовни в X квартале северного района Херсонеса может

Индивидуальные измерения - женщины		Продолжение таблицы 1				
Признак	№ погребения					
	5	6	7	11	12	13
1.Продольный dm	176	171	162	175	165	168
1.В. -° от ofr	175	170	162	174	165	168
8.Поперечный dm	143	146	134	142	146	144
17.Выс. dm Ва-Вг	130	124		126	123	131
5.Длина осн. черепа	88	92.5		97	92	96
9.Наименьш. шир. лба	90	90.5	86	96	100	95
10.Наибольш. ширина	120	123	113	108	122	126
11.Шир.осн. черепа	123(деф.)	122	116	122	124	120.5
12.Шир. затылка	113	107	100	109	111	108.5
29.Лобная хорда	115	105	108	106	104.5	106.5
30.Темен. хорда	116	102.5	106	106	97	106
31.Затыл. хорда		86		92.5	83	93
24.Попереч. дуга	330	330	315		315	323
25.Самит. дуга		350		350	330	336
26.Лобная дуга	130	125	120	115	115	122
27.Темен. дуга	140	115	120	120	110	106
28.Затыл. дуга		110		115	105	108
7.Длина затыл.отв.		36		38	32	34.5
16.Шир. затыл.отв.		28		30		29
Выс. изгиба лба	25	28	27.5	21.5	22.5	26.5
Выс.изгиба затылка		29		26	27	28
45.Скул. dm	127			134	134.5	
40.Длина осн. лица	90			83.5	88	
48.Верхн.выс. лица	72		67	72	65	
47.Полная выс.лица	117(?)					
43.Верхн.шир. лица	98	97.5	95	107.5	101	100
46.Средн.шир. лица	104		97	96	100	
60.Длина альв.дуги	49		43	46.5	40	
61.Шир. альв. дуги	67		63	64	62	
62.Длина неба	50		43	47	63	
63.Ширина неба	36		39.5	33	40.5	
55.Высота носа	53		51	52	50	
54.Ширина носа	24		21	24.5	22	
51.Шир. орбиты от mf	40		42.5	42	39	42
°- от d	38		39.5	39	36.5	39
52.Выс. орбиты	33		33.5	37	36	37
20.Ушная высота	120.8	108.5	112.8	107.2	106.2	111.6
Шир. fmo-fmo	92		95	99	94	93.5
Выс. N над fmo-fmo	18.5		17	18	19	18.5
Шир. ZM-ZM	106		97	95	100	
Выс. subspin ZM-ZM	27		27	28	28	
57.SC	7.75		5.5	9	10	
SS	3		3	3	4.5	
50.MC	16.5		16	23	19	
MS	8		7.5	7	9	
49a.DC	19		17.5	24	21.5	
DS	8		9	11	14	
FC	7		6	7	3.5	
32.Угол проф.лба от N	83°		80°	75°	76°	
°- от d	80°		76°	72°	73°	
72.Общ.лицевой угол	90°		80°	86°	87°	
73.Средн.лицев.угол	92°		82°	85°	89°	
74.Угол альв.части	83°		81°	85°	82°	
75.Уг.накл.носов.костей	62°			50°		
75(1).Угол выст. носа	28°			36°		
68(1).Дл.ноши.чел. от мыцелоков	103.5	110				
79.Угол ветви н.чел.	120	124				
68.Дл.н.чел.от углов	78.5	80	119			
70.Высота ветви	55	51				
71a.Наимен.шир.ветви	32	30	31			
65.Мыцелоковая ширина	108	113				
66.Угловая ширина	99	101	95			
67.Передняя ширина	44.5	50	47			
69.Высота симфиза	31.5	30	29.5			
69(1).Высота тела	31	28.5	30			
69(3).Толщина тела	9.5	11	12			

греческого малоазийского населения (б.с.5), связь с которыми для Херсонеса XII-XIII вв. очевидна. Появление в Таврике значительного числа армянских поселенцев относится к концу XIII в., в то время как исследуемая серия относится, по-видимому, к несколько более раннему периоду.

Индивидуальные параметры указателей и углов горизонтальной профилировки

Таблица №2

Указатель	мужчины												
	№ погребения												
1	2	3	4	8	9	10	14	15					
8:1	86.7	83.7	80.9	83.9		83.5	87.2	94.5					
17:1		77.6	69.7	73.3			73.8		79.3				
17:8		89.4	83.2	93.1			88.5		83.9				
9:8	63.6	65.1	72.9	66.4			63.9	63.3	66.5				
9:10		76.8	83.6	82.0	77.6		79.8	78.6	74.2	83.0			
9:45			67.8	70.5			81.0	68.9	71.7	77.1			
45:8			95.9	103				92.7	88.3	86.5			
48:45			51.8	48.3			48.9	50.2	57.9	48.6			
48:17		58.5	59.7	53.7						50.0			
52:51(d)			84.3	83.7	90.2	97.5	88.0	86.0	90.3	78.6			
54:55		44.6	48.3	43.3			42.1	45.9	44.6	44.4	33.3		
DS:DC			54.5	43.4	47.6			65	57.5	39.1	43.4		
SS:SC				34.8	57.1	38.9			42.4	30	33.3		
MS:MC				38.1	44.4	36.6			47.1	37.8	21.0		
Угол НМ	136°	134°	138°	143°			139°	140°	140°	139°			
Угол ZM	122°	123°	126°				124°	130°	134°	127°			
													женщины
	5	6	7	11	12	13							
8:1	81.3	85.4	82.7	81.1	88.5	85.7							
17:1		73.9	72.5		72	74.5	78.0						
17:8		91.0	84.9		88.7	84.2	66.0						
9:8	62.9	62.0	64.2	67.6	68.5	66.0							
9:10		75	73.6	76.1	88.9	81.9	75.4						
9:45		70.9			71.6	74.3							
45:8		88.8			94.4	92.1							
48:45		56.7			53.7	48.3							
48:17		55.3				57.1	52.8						
52:51(d)		82.5		78.8	88.1	92.3	88.1						
54:55		45.3		41.2	47.1	44							
DS:DC		42.1		51.4	45.8	65.1							
SS:SC		38.7		54.5	33.3	45							
MS:MC		48.5		46.9	30.4	47.4							
Угол НМ	135°			141°	139°	136°	138°						
Угол ZM	126°			122°	119°	122°							

Средние величины и указатели серии

Таблица №3

Признаки	N	min	max	мужчины			V
				х ср.	S х ср. ?		
1	7	164.0	183.0	174.7	2.25	5.96	3.41
8	7	144.0	155.0	149.0	1.44	3.82	2.55
8:1	7	80.9	94.5	85.8	1.66	4.39	5.11
17	5	124.0	135.0	131.6	2.11	4.72	3.59
17:1	5	69.7	79.3	75.1	1.66	3.71	4.94
17:8	5	83.2	93.1	87.6	1.84	4.10	4.68
5	6	95.0	108.0	102.3	2.12	5.20	5.08
9	8	95.0	108.0	99.8	1.71	4.83	4.83
9:8	7	63.3	72.9	66.0	1.26	3.32	5.04
10	8	116.0	136.0	125.8	1.97	5.37	4.43
9:10	8	74.2	83.6	79.45	2.71	3.1	3.9

11 7	1210	1360	1270	188	497	391	
12 7	1010	1160	1127	197	522	463	
32 7	740	900	79.6	1.94	5.13	6.44	
40 6	910	1020	96.8	1.56	3.82	3.94	
45 6	1330	1490	139.2	2.65	6.49	4.67	
9:45	6	67.8	81.0	72.8	2.09	5.11	7.03
45:8	5	86.5	103.0	93.4	2.91	6.50	6.96
48 9	650	79.0	72.6	1.64	4.91	6.76	
48:45	6	48.3	57.9	50.9	1.49	3.66	7.19
48:17	5	50.0	59.7	54.9	1.83	4.08	7.44
43 8	1060	1140	1100	102	2.88	2.62	
46 7	93.5	105.0	98.5	1.44	3.80	3.85	
72 6	840	89.0	86.5	0.76	1.87	2.16	
ZM	7	122.0	134.0	126.5	1.48	3.93	3.11
51 8	40.0	43.0	41.7	0.33	0.93	2.23	
52 9	33.0	39.0	36.1	0.56	1.69	4.68	
52:51	8	78.6	97.5	87.2	1.9	5.3	6.1
54 8	21.5	28.0	24.75	0.6	1.7	6.9	
55 8	54.0	65.5	57.4	1.27	3.6	6.3	
54:55	8	33.3	48.3	44.2	1.65	4.67	10.57
DC	8	20	24.0	21.8	2.83	1.4	6.7
DS 8	9.0	13.0	11.08	2.8	1.3	12.3	
DS:DC	8	39.1	65.0	49.9	2.8	8.02	16.1
SC 7	7.0	11.8	9.5	0.69	1.83	19.26	
SS 6	2.5	5.0	3.7	0.36	0.88	23.88	
SSSC	6	30.0	57.1	39.3	3.96	9.69	24.58
MC	7	17.0	20.5	19.2	0.57	1.5	7.6
MS7	4.0	8.0	7.0	0.55	1.44	20.62	
MS:MC	7	21.0	47.1	35.8	3.54	9.37	26.13
73 6	81.0	89.0	86.7	1.31	3.20	3.70	
74 6	81.0	89.0	85.7	1.12	2.73	3.19	
75 1	57.0	57.0	57.0				
75(1)	1	30.0	30.0	30.0			
FC 8	3.0	7.0	4.3	0.43	1.2	17.1	

Признаки	N	женщины		х ср.	S х ср. ?	V	
		min	max				
1 4	1650	1750	169.8	2.14	4.27	2.52	
8 4	1420	1460	144.5	0.96	1.91	1.33	
8:14	81.1	88.5	85.2	1.53	3.05	3.59	
17 4	1230	1310	126.0	1.78	3.56	2.82	
17:1	4	72.0	78.0	74.3	1.36	2.72	3.67
17:8	4	84.2	91.0	87.2	1.61	3.21	3.69
5 4	920	970	94.5	1.19	2.38	2.52	
9 4	900	100.0	95.3	1.7	3.3	3.5	
9:84	62.3	68.5	66.1	1.37	2.74	4.14	
10 4	108.0	126.0	119.8	4.01	8.02	6.69	
9:10	4	75.0	88.9	80.0	3.01	6.02	7.5
11 4	121.0	124.0	122.3	0.63	1.26	1.03	
12 4	107.0	111.0	108.0	0.83	1.65	1.52	
32 2	750	760	75.5				
40 2	840	880	860				
45 2	1340	134.5	134.3				
9:45	2	71.6	74.3	72.95			
45:8	2	92.1	94.4	93.3			
48 2	650	720	68.5				
48:45	2	48.3	53.7	51			
48:17	2	52.8	57.1	54.9			
43 4	980	1080	101.8	2.17	4.35	4.27	

46 2	96.0	100.0	98.0	
72 2	86.0	87.0	86.5	
ZM	2	119.9	120.0	119.95
51 2	36.5	39.0	37.75	
52 2	36.0	37.0	36.5	
52:51	2	88.1	92.3	90.2
54 2	22.0	24.5	23.25	
55 2	50.0	52.0	51.0	
54:55	2	44.0	47.1	45.6
DC	2	21.5	24.0	22.75
DS 2	11.0	14.0	12.5	
DS:DC	2	45.8	65.1	55.45
SC 2	9.0	10.0	9.5	
SS 2	3.0	4.5	3.8	
SS:SC	2	33.3	45.0	39.1
MC	2	19.0	23.0	21.0
MS 2	7.0	9.0	8.0	
MS:MC	2	30.4	47.4	38.9
73 2	85.0	89.0	87.0	
74 2	82.0	85.0	83.5	
75 1	50.0	50.0	50.0	
FC 2	3.5	7	5.25	

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках квартала X «Б» в Северном районе. Архив ИЗХТ, л. 3299.
2. Рохлин Д.Г. Патологические изменения на костях людей X-XI и нач. XII столетий, по материалам могильника Саргала-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. МИА. 109. М.-Л.-д. - 1963.
3. Зиневич Г.П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма // Киев. - Н.Думка. - 1973.
4. Назарова Т.А. К вопросу о физическом типе населения средневекового Херсонеса // Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма. - Киев. - 1990.
5. Соколова К.Ф. Антропологический материал из раскопок Херсонеса 1955 г. // Х.С. - 1959. - вып. 5.
6. Пулянос А.Н. Проблемы антропологии Греции в связи с этногенезом ее народа // Автореферат кандидатской диссертации. - Москва. - 1960.

Сопоставление херсонесских краниологических серий XI - XIII вв.

Таблица №4

Серия Авторы раскопок и измерений	Часовня в квартале X ^в 6 ^в		Часовня в сев. р-не		Базилика 1935 г. (Нарт.)		Западные стены		Часовни сев. р-на	
	С.Г. Рыжов, 1996 А.В. Иванов, 1998		С.Г. Рыжов, 1985 Т.А. Назарова, 1990		Г.Д. Белов, 1957 Г.П. Зиневич, 1958 А.В. Иванов, 1998		И.А. Антонова, 1957 Г.П. Зиневич, 1958		Г.Д. Белов, 1955 К.Ф. Соколова, 1955 Г.П. Зиневич, 1958	
Параметры	м х ср. /n/	ж х ср. /n/	м х ср. /n/	ж х ср. /n/	м х ср. /n/	ж х ср. /n/	м х ср. /n/	ж х ср. /n/	м х ср. /n/	ж х ср. /n/
1.	174.7/7/	169.8/4/	175.7/7/	168.5/4/	183.9/20/	174.2/13/	179.7/7/	167.5/9/	178.3/8/	170.3/9/
8.	149.7/7/	144.5/4/	145.7/7/	141.8/4/	145.1/18/	136.4/14/	145.3/3/	141.2/6/	146.5/8/	144.9/9/
17.	131.6/5/	126.0/4/	130.7/6/	128.5/4/	136.6/16/	128.3/7/	132.2/5/	126.7/7/	131.1/7/	126.4/7/
8:1	85.8/7/	85.2/4/	82.98/7/	84.2/4/			78.1/3/	84.8/6/	82.3/8/	85.1/9/
5.	102.3/5/	94.5/4/	97.0/6/	93.5/4/	103.9/16/	96.6/8/	99.8/5/	93.0/7/	99.3/7/	96.0/6/
9	99.8/8/	95.3/4/	97.6/7/	95.5/4/	99.4/20/	94.5/14/	100.2/7/	91.6/5/	98.7/8/	96.0/8/
40	96.8/6/	86.0/2/	93.7/6/	92.0/3/	100.5/15/	93.4/5/	94.9/7/	91.6/5/	94.4/8/	92.3/6/
45	139.2/6/	134.3/2/	136.1/7/	125.3/4/	135.6/16/	123.15/10/	137.7/4/	128.2/5/	132.2/9/	129.8/7/
48	72.6/9/	68.5/2/	70.6/7/	63.3/3/	69.0/16/	65.25/8/	68.5/6/	71.1/7/	72.6/9/	68.3/7/
72	86.5/6/	86.5/2/	85/5/	83/3/	91.3/15/	80.8/6/	86.7/4/	83.7/4/	85.6/7/	84.8/5/
77(HM)	136.8/7/	137.6/3/	140.6/7/	143.3/3/	140.7/21/	141.7/11/	137.4/4/	145.5/2/	137.7/8/	139.0/7/
ZM	126.5/7/	119.95/2/	130.9/7/	130.7/3/	125.6/16/	127.9/9/	127.0/4/	129.2/5/	129.4/8/	131.0/7/
48:45	50.9/6/	51.2/2/	51.8/7/	52.1/3/	50.9/14/	53.6/8/	52.4/4/	53.0/5/	52.1/9/	51.8/5/
52:51d	87.2/8/	90.2/2/	77.5/7/	87.1/3/	83.9/19/	85.5/10/	83.4/7/	87.9/6/	81.8/8/	82.4/7/
DS:DC	49.9/8/	55.45/2/	55.8/7/	54.5/3/	57.4/18/	56.0/8/	49.4/6/	25.9/3/	46.5/9/	45.9/7/
SS:SC	39.3/6/	39.1/2/	50.9/7/	44.4/3/	49.3/20/	43.4/8/	51.9/6/	45.3/2/	56.7/8/	55.5/7/
FC	4.3/8/	5.25/2/	4.5/6/	4.5/3/	3.1/23/	2.9/11/	4.4/16/	5.72/5/	5.2/7/	5.7/7/

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО - Археологические открытия.
 АП - Археологічні пам'ятки.
 БИАМ - Бахчисарайский историко-археологический музей.
 ИА РАН - Институт археологии Российской Академии наук.
 КСИА - Краткие сообщения Института археологии.
 МАИЭТ - Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
 МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.
 НЗХТ - Национальный заповедник "Херсонес Таврический".
 СА - Советская археология.
 САИ - Свод археологических источников.
 ХСб - Херсонесский сборник.
 ОАК - Отчеты Археологической комиссии.
 ВДИ - Вестник древней истории.
 ИКАМ - История и культура античного мира.
 СХМ - Сообщения Херсонесского музея.
 АА - Archaeologischer Anzeiger.
 IstMitt - Mitteilungen des deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Istanbul.
 Jdi - Jahrbuch des deutschen Archäologischen Instituts.
 Milet, I, 9 - Gerkan A.V., Krischen F. Thermen und Palaestren, 1928.
 АДСВ - Античная древность и средние века.
 ВВ - Византийский временник.
 ЗООИД - Записки Одесского общества истории и древностей.
 ИАК - Известия Археологической комиссии.
 ИРАИМК - Известия Российской академии истории материальной культуры.
 КСИИМК - Краткие сообщения института истории материальной культуры.
 НС - Нумизматика и сфрагистика.
 IOSPE, P² - Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini.
 Syll³ - Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. - Ed. 3. - Leipzig, 1915-1924. - Vol. I-IV.
 CMRS - Cahiers du monde Russe et Sovietique.
 АМА - Античный мир и археология.
 НЭ - Нумизматика и эпиграфика.
 В.МС - A Catalogue of the Greek coins in the British Museum.
 ИГАИМК - Известия Государственной академии истории материальной культуры.
 ИРАИК - Известия Русского археологического института в Константинополе.
 ИТУАК - Известия Таврической ученой архивной комиссии.
 ВНЈ - Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher.
 РГ - Migne. Patrologia Graeca.
 ГМИИ - Государственный Музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина.
 ИИМК РАН - Институт Истории материальной культуры Российской Академии наук.
 ИЮго-ОсетНИИ - Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института Академии наук ГССР.
 МАЭ - Музей антропологии и этнографии.
 НЗХаркДПІ - Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту.
 НЗХТ - Национальный заповедник "Херсонес Таврический".
 РВ - Русский вестник.

СОДЕРЖАНИЕ	
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
I. ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА	
<i>С.Н. Сенаторов</i> Поселение позднего этапа кизил-кобинской культуры Карань-2	8
<i>С.Г. Колтухов</i> Курган Кулаковского	17
II. ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕКО-РИМСКОЙ АРХЕОЛОГИИ	
<i>М.И. Золотарев</i>	
Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом	26
<i>Ю.Г. Виноградов, М.И. Золотарев</i>	
Год рождения Херсонеса Таврического	36
<i>А.В. Буйских</i>	
Ионический ордер в архитектуре Херсонеса IV - II вв. до н.э.	47
<i>С.Ю. Сапрокин</i>	
Афродита с двумя зретами из Херсонеса Таврического	59
<i>В.И. Павленков</i>	
Новый сюжет в изобразительном искусстве Херсонеса	72
<i>О.А. Махнева, А.Е. Пуздровский</i>	
Погребения IV в. до н.э. на участке раскопок античного театра в Херсонесе	74
<i>А.В. Марченко</i>	
Западный район Херсонеса в эллинистический период	80
<i>Г.М. Николаенко</i>	
Хора Херсонеса в римский период	83
<i>А.А. Ковалевская</i>	
Керамический комплекс конца II – первой половины III вв. н.э. из раскопок виллы 341	89
<i>В.Б. Уженцев, В.Ю. Юрочкин</i>	
Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья	100
<i>А.А. Филиппенко</i>	
Строительные керамические материалы с пунктов дислокации римских войск в Кадыковке и на высоте Казацкой	110
<i>В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан</i>	
О положении Херсона в конце V - VI вв.: политический и экономический аспекты	118
<i>Joseph Coleman Carter</i>	
The Chora of Chersonesos Site 151-The Finds (1994-1996)	133
III. ВАРВАРЫ И АНТИЧНЫЙ МИР	
<i>И.С. Пиоро</i>	
К вопросу об этнической атрибуции названия “тавры” в римское время	138
<i>А.А. Труфанов</i>	
Вырубной скаеп из позднекифского могильника у с.Брянское в юго-западном Крыму	141
<i>С.В. Ушаков</i>	
О лепной керамике из могильников Юго-Западного Крыма второй половины III - первой половины IV вв. как источнике по этнической истории региона (к постановке проблемы)	146

IV. ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ

<i>А. В. Джанов, В. В. Майко</i> Византия и кочевники в юго-восточной Таврике в XI-XII вв.	160
<i>М. И. Золотарев, Д. Ю. Коробков, С. В. Ушаков</i> Кладовая дома XIII века в Северо-восточном районе Херсонеса	182
<i>Е. А. Айбабина, С. Г. Бочаров</i> Керамические подсвечники и светильники XV-XVIII веков из Каффы	195

V. НУМИЗМАТИКА И СИГИЛЛОГРАФИЯ

<i>В. К. Голенко</i> Материалы Кабадинского клада в свете формирования денежного обращения в Кавказской Албании	210
<i>Е. Я. Туровский</i> Монеты из раскопок эллинистических усадеб Херсонеса на Гераклеийском полуострове	225
<i>С. Г. Демьянчук</i> О природе надчеканок на античных монетах	228
<i>Н. А. Алексеенко</i> Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века	230

VI. РЕЦЕНЗИИ

Luksan I. Diocletianus, der romische Kaiser aus Dalmatien. Wetteren, 1991, 343 с. илл. (<i>В. М. Брабич</i>)	237
В. А. Колотухин. Горный Крым в эпоху поздней бронзы - начале железного века. Киев, 1996. 157с. 57 табл. (<i>Сенаторов С. Н.</i>)	238

VII. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

<i>М. Ю. Николаенко</i> Возможности методов математической статистики для обработки археологического материала в Херсонесе	247
<i>А. В. Иванов</i> Антропологический материал из раскопок часовни в квартале X «Б» Херсонеса 1996 г.	253
Список сокращений	265

Научное издание
ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК
Выпуск IX
Сборник научных статей.

Издание подготовлено дизайн-студией «Каамо»

Технический редактор С. Золотарев
Макет, верстка А. Забусик
Корректор А. Коробков

Подписано к печати 8.09.98 г. Формат 70x100¹/₁₆
Объем 17 печ. л. Тираж 1000 экз.